АКАДЕМИЯ НАУК СССР

П. А. РАСТОРГУЕВ

ГОВОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНЩИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

П. А. РАСТОРГУЕВ

ГОВОРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНЩИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1960

Книга «Говоры на территории Смоленщины», являющаяся посмертным изданием рукописи известного диалектолога старшего поколения профессора Павла Андреевича Расторгуева, представляет собой результат многолетнего изучения автором говоров той части восточнославянской территории, где соприкасаются зоны русского и белорусского языков,

Автор освещает ряд актуальных проблем взаимоотношения диалектов и национального языка, предлагает свою интерпретацию понятия говоров] «переходных» и «смешанных».

Часть источников, материал которых публикуется в книге, погибла во время Великой Отечественной войны. Таким образом, труд П. А. Росторгуева приобретает большое значение и как полная сводка диалектологических данных, собранных за несколько десятилетий до начала массовых обследований говоров с целью составления «Атласа русских народных говоров на запад от Москвы».

Эта сводка позволяет поставить материалы современного «Атласа» в историческую перспективу, что необходимо для изучения русского языка и его диалектов.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С. С. ВЫСОТСКИЙ

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

«. . . „материя и форма родного языка“ становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»[1].

Предмет настоящего исследования — говоры на территории Смоленщины. Понятие «территория Смоленщины» требует разъяснения. В него прежде всего может входить современная Смоленская область, далее б. Смоленская губ., б. Смоленское княжество, или «Смоленская земля», достигшее наибольших пределов в XII—XIII вв., когда в состав его входили и территории, населенные не потомками летописных смоленских кривичей.

В настоящем исследовании под территорией Смоленщины разумеется территория, занимаемая смоленскими кривичами в период с XI до конца XII в., границы которой могут быть определены на основании археологических данных. Сравнительно с государственными и административными эти границы являются более точными при определении территории, говоры которой подлежат изучению. В пределах этих границ и за пределами их, поскольку изучаемые говоры объединяются в одну группу, будут изучаться памятники смоленской письменности, начиная с древнейших, и народные говоры.

С точки зрения современного состояния говоров эта территория не является однородной в диалектном отношении. Здесь мы имеем говоры, относимые в научных трудах XIX—XX вв. к белорусским[2], говоры средневеликорусские и переходные от белорусских к южновеликорусским.

Особый интерес представляет первая группа говоров, занимающая большую часть территории Смоленщины и требующая в настоящее время иного определения, а не того, какое давалось ей в научных трудах XIX—XX вв. Исследованию этой основной группы говоров посвящается предлагаемая работа. Средневеликорусским говорам и

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1957, стр. 303.

[2] См.: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков [сост.]. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. «Труды Московской диалектологической комиссии» вып. 5. М., 1915 (в дальнейшем: «Труды МДК»); Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. I. Варшава, 1903; его же. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917, и др.

говорам, переходным от белорусских к южновеликорусским, будут посвящены отдельные исследования, продолжающие данную работу.

В своем современном состоянии первая группа говоров занимает западную часть Смоленщины, местами простираясь далеко на запад за ее археологическую границу.

Проследить изменения в этих говорах, вызванные влиянием на них других говоров, под воздействием которых они складывались, изменялись и достигли современного состояния, определить причины изменений, сопоставить лингвистические выводы с факторами материальной культуры и т. д. — вот та задача, которая ставится в настоящем исследовании.

Задача эта весьма сложна: предстоит рассмотреть языковые явления на протяжении 700 лет, начиная с древнейших памятников письменности, привлечь к рассмотрению фольклорные и диалектные материалы, печатные и рукописные записи говоров и личные наблюдения автора над говорами, сделанные им в 1929, 1930 и 1931 гг. в западной Смоленщине. Диалектные материалы более позднего времени к исследованию не привлекались.

В русской лингвистической литературе нет работ, рассматривающих говоры на протяжении всей многовековой их истории по памятникам письменности, данным диалектологии, с учетом различных факторов, приведших говоры к изменению. Автору настоящего исследования приходится идти не изведанными еще путями, прокладывать их вновь. Здесь неизбежны ошибки и недосмотры. Автор вполне сознает стоящие перед ним трудности работы такого масштаба, но тем больший она вызывает у него интерес.

ВВЕДЕНИЕ

ТЕРРИТОРИЯ СМОЛЕНЩИНЫ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Древний летописный свод не дает точного определения территории, занимаемой смоленскими говорами — говорами смоленских кривичей. Он ограничивается лишь указанием на то, что кривичи обитали в верховьях рек Волги, Западной Двины и Днепра и что их город был Смоленск: «Кривичи, иже сѣдять на вьрхъ Вългы и на вьрхъ Двины и на вьрхъ Дънѣпра, ихъже градъ есть Смольньскъ; туда бо сѣдять Кривичи»[1]. Других более подробных указаний летопись не дает, и территорию этих поселений приходится определять по данным археологии.

Археологические раскопки на месте поселения кривичей начались уже давно, в середине XIX в., и продолжались вплоть до последнего времени. Эти раскопки устанавливают, что кривичи не коренные обитатели занимаемой ими территории, что им предшествовали здесь поселения литовских[2] и финских племен.

Заселение территории теперешней Смоленщины кривичами происходило неодновременно. Восточная часть б. Смоленской губ. и прилегающие к ней юго-западные уезды б. Тверской губ. — Ржевский и Зубцовский — и западные уезды б. Московской губ. заселились кривичами позднее, чем была занята ими западная ее часть. Здесь встречаем только позднейший вид могильников смоленских кривичей, с погребениями и височными кольцами кривичского типа, тогда как в курганах западной ее части имеется исключительно трупосожжение[3]. Так как последнее начинает уступать место погребению с XI в., а проследить его в курганах можно с IX в., то конечные стадии колонизационного процесса кривичей относятся археологами к этим датам: к IX в. колонизация западной части Смоленщины и к XI — восточной, исходный же момент колонизации начинается гораздо раньше[4].

«Одиннадцатый век есть время всеобщего распространения по русским областям курганов, которые, таким образом, служат наилучшим пособием при определении границ древнерусских племен»[5].

---

[1] А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, стр. 10.

[2] См.: Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 122—155, 192—193, 208; ср. П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1895, стр. 29—31; ср. Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. I. Варшава, 1903, стр. 75.

[3] См.: Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 209—210.

[4] См. там же, стр. 211.

[5] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, август, стр. 319.

Различие в инвентаре, извлекаемом из курганов кривичей и других славянских племен, с одной стороны, и их ближайших соседей — литовцев и финнов, с другой, а также особенности погребений у тех и других дают возможность отграничивать территорию, занимаемую в XI—XII вв. восточными славянами, в частности смоленскими кривичами.

К 90-м годам XIX столетия относится работа А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», где следующим образом определяется территория смоленских кривичей по курганам XI в.: она расположена «от Смоленска на север до верховьев Двины, отсюда на Ржев и Зубцов, далее на верховья р. Москвы, от них к верховьям Угры и Жиздры и, наконец, через Брянский уезд, Хотимск, между Десною и Сожем и снова на Смоленск. В верховьях Жиздры и Угры курганы кривичей смешиваются с курганами вятичей. Здесь мы находим самые поздние смоленские курганы, даже XII века»[6].

Определяя в этих пределах границы смоленских кривичей, А. А. Спицын замечает, что «очерченная линия не может быть принята за точные границы смоленских кривичей в XI веке; для определения ее нужны дополнительные раскопки вне этой линии»[7].

Остановлюсь несколько на этих границах. Проводя западную границу смоленских кривичей, А. А. Спицын слишком далеко относит ее на восток — она проходит у него на Смоленск, между тем как в этой же статье восточная граница полоцких кривичей, западных соседей смоленских кривичей, проходит у него за г. Велижем[8]. Далее, в более ранней своей работе «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении»[9] А. А. Спицын, останавливаясь на раскопках Борейши и замечаниях Бранденбурга о том, что найденные Борейшею вещи сходны с находками из курганов Смоленской губ.[10], отмечает курганы смоленских кривичей и в Мстиславском уезде б. Могилевской губ., на берегу р. Сожа.

Ниже, по р. Сожу, по его словам, кривичские курганы не встречались[11]. Здесь же (стр. 177—186) он отмечает значительное количество курганов в б. уездах Краснинском и Демидовском (б. Поречском).

Дальнейшие раскопки несколько расширяют и уточняют границу смоленских кривичей на востоке. Основываясь на раскопках С. А. Гатцука[12], к кривичам следует отнести, по крайней мере, восточную и южную часть Гжатского у. б. Смоленской губ., находящуюся за линиями, проводимыми А. А. Спицыным между Зубцовым и верховьями Москвы-реки и р. Угры. По раскопкам С. А. Гатцука, Гжатский у. был чисто кривичским. Раскопки Н. И. Булычова по р. Угре относят

---

[6] А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 328.

[7] Там же.

[8] См. там же. — Как это следует из авторского текста (см. стр. 328), полоцкие курганы по обряду погребения и находкам одинаковы со смоленскими, но они беднее их предметами — заключают в себе некоторые вещи соседней латышской культуры, особенно же головные венчики из спиралек; височные кольца имеют тип смоленских проволочных с завязанными концами, но они тоньше и размер их меньше.

[9] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей в археологическом отношении. «Записки Русского археол. о-ва», т. 8, вып. 2, 1896.

[10] См. там же, стр. 116.

[11] Там же.

[12] См.: А. А. Спицын. Отчет о раскопках С. А. Гатцука в 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях. «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. о-ва», т. 7, вып. I. СПб., 1905, стр. 107—120 и 132.

к кривичам и часть б. Юхновского у. по верхнему течению р. Угры[13], хотя здесь чередуются кривичские и вятичские погребения[14]. Далее, раскопки Н. И. Булычова относят к кривичам и небольшую западную часть б. Мосальского у. Калужской губ. — кривичские погребения имеются в селах Трашковичи и Шуи, к востоку от них — смешанные погребения[15]. Уточняют границу по линии, идущей с верховья Угры к верховью Жиздры, и раскопки В. К. Лабунского. Основываясь на них, А. В. Арциховский относит к кривичам и юго-западную часть б. Жиздринского у.[16], а раскопки Н. И. Булычова в том же уезде говорят о распространении кривичских курганов до р. Болвы — здесь имеются кривичские курганы в селах Колчине и Погосте[17].

С юго-запада смоленские кривичи граничат с радимичами и полоцкими кривичами. Граница с радимичами идет по территории б. Климовичского уезда, причем в б. Рославльском у. Смоленской губ. имеются не только кривичские, но и радимичские курганы, а с другой стороны, кривичские курганы заходят и в б. Мстиславский у. Могилевской губ. С юга смоленские кривичи граничат с северянами[18].

Определив территорию смоленских кривичей в XI—XII вв., говоры на которой подлежат рассмотрению в настоящем исследовании, необходимо отметить, что кривичские поселения были и по ту сторону восточной их границы, на территории соседних с ними вятичей. А. А. Спицын, как мы видели, говорит о смешении кривичских и вятичских курганов в верховьях рек Жиздры и Угры. А. В. Арциховский, останавливаясь на ряде раскопок, отмечает в своей работе «Курганы вятичей» кривичские поселения на территории вятичей в б. уездах Жиздринском, Мосальском, Юхновском, в западной части Рузского (предположительно), в Звенигородском (по р. Истре), Московском (по р. Уче, в северной ее части), относя Богородский у. к пограничным (смешение здесь вятичских и кривичских вещей, стр. 114—120).

Курганы кривичей, указывающие на движение их колонизации на восток, имеются и за пределами не только кривичских, но и вятичских поселений. Раскопки С. К. Богоявленского и Ю. В. Готье устанавливают, что Волоколамский у. характеризуется кривичскими курганами[19]. Раскопки В. А. Городцова и А. В. Арциховского в б. Егорьевском у. Рязанской губ. относят к кривичам этот уезд, за исключением юго-западной вятичской его части[20]. Кривичские курганы характеризуют и б. Касимовский у.[21]. Курганы в Ростово-

---

13 См.: Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры. «Записки Моск. археол. ин-та», т. 31. М., 1913.

14 Ср. границу у акад. Ю. В. Готье в книге «Железный век в Восточной Европе». Примерной границей кривичей он считает здесь р. Угру до резкого поворота ее к юго-востоку. Ср. весьма интересное толкование проф. А. В. Арциховским («Курганы вятичей». М., 1930, стр. 125) сообщения летописи под 6655 г. о походе вятичей на верховье Угры, указывающего на поселение кривичей (смолян) на верховьях ее, а вятичей на нижнем течении.

15 См.: Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водоразделов верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 47—66.

16 См.: А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 114.

17 См.: Н. И. Булычов. Раскопки по части водоразделов верхних притоков Днепра и Волги. М., 1930, стр. 3—8 и 13—14; ср.: А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 177.

18 См.: П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.

19 См.: С. К. Богоявленский и Ю. В. Готье. Отчет о раскопках Елизаровского Могильника Волоколамского уезда Московской губернии 1900 г. «Древности. Труды Моск. археол. о-ва», т. XIX, вып. 2. М., 1901.

20 См.: А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 120; В. А. Городцов. Древнейшее население Рязанской области. «Известия ОРЯС», т. XIII, вып. 4. СПб., 1909.

21 См.: В. А. Городцов. Указ. соч.

Суздальской земле указывают, что ядро ее населения составляли не только новгородцы, но и кривичи, причем А. А. Спицын, предположительно правда, полагает, что роль кривичей здесь в деле заселения края была значительнее роли новгородцев[22]. Курганы кривичского и новгородского типа он отмечает по рекам Сити и Медведице, далее граница идет на Переяславль, отсюда на верховья Клязьмы, потом по Клязьме выше Владимира, откуда к Иваново-Вознесенску по северным границам Костромского у., мимо древнего Ширенского леса на р. Сить[23]. Отдельный остров с курганами ростовского типа найден на р. Суде, притоке Шексны (деревни Зворыкино, Варнакушка)[24]. Наиболее интенсивно курганы с сожжением располагаются в окрестностях древнейших русских городов края — Ростова, Переяславля и Ярославля; немало их и около Суздаля[25]. На основании инвентаря курганов и свойственного им характера погребения А. А. Спицын полагает, что Ростовская область колонизовалась, главным образом, из страны кривичей[26]. Ту же мысль он развивает и несколько позднее в статье «Владимирские курганы»[27], решая вопрос о том, кому принадлежат эти курганы. Также акад. Ю. В. Готье в статье «Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края»[28] считает этот край кривичской колонией.

Далее, окрестности Костромы и Нерехты, по А. А. Спицыну, сплошь заняты группами курганов ростовского типа[29]. Также муромские курганы имеют одинаковое строение с ростовскими[30].

В более поздней статье «К истории заселения Поволжья русскими» А. А. Спицын отмечает, что первоначальное население Ростовской области состояло из днепровских кривичей[31]. Тождественны со смоленскими и зубцовские курганы[32]. Предположительно, по А. А. Спицыну, правый берег Волги от Зубцова населялся смоленскими кривичами, а левый до Тверцы — полоцкими[33]. В статье «Ржевские древности» он отмечает, что огромное большинство ржевских курганов, насколько можно судить по раскопкам, принадлежит к смоленскому типу[34]. В небольшом количестве курганы с вещами смоленского типа известны в б. Тверском и Корчевском уездах[35]. Вся северная половина б. Тверской губ. занята полоцкими кривичами; в Ржевский же уезд, по словам А. А. Спицына, они, по-видимому, проникли частично[36]. Принадлежность ржевских курганов кривичам (не указывая только каким) отмечает и П. Шульц в своей статье «Археологические раз-

---

22 См.: А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным, стр. 336.
23 См. там же.
24 См. там же.
25 См. там же, стр. 317.
26 См. там же, стр. 318.
27 См.: А. А. Спицын. Владимирские курганы. «Известия Архивной комиссии», вып. 15, 1915.
28 См.: Ю. В. Готье. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. «Труды Ин-та археол. и искусствознания», т. 4. М., 1929.
29 См.: А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным.
30 См. там же.
31 См.: А. А. Спицын. К истории заселения Поволжья русскими. «Труды Второго областного Тверского археол. съезда 1906 г.», стр. 2.
32 См. там же, стр. 3.
33 См. там же, стр. 5—6.
34 См.: А. А. Спицын. Ржевские древности. «Ржевский край» (Сб. Ржевского о-ва краеведения), № 1, 1926, стр. 166.
35 См. там же, стр. 167.
36 См. там же, стр. 167—168.

ведки в Ржевском у. за 1923—1925 гг.»[37]. Характерно, что акад. А. А. Шахматов в статье «К вопросу об образовании русских наречий» доказывает, что все верхнее Поволжье и Суздальская земля были заселены кривичами[38].

Такова, по данным археологии, территория, занимаемая кривичами. Кривичские поселения были на территории не только современных белорусских, но и русских говоров.

Археологические границы территории смоленских кривичей, как и следовало ожидать, не совпадают с политическими границами, определяемыми историками.

ДИАЛЕКТНЫЕ ГРАНИЦЫ ГОВОРОВ, ОТНОСИМЫХ В XIX—XX вв. К БЕЛОРУССКИМ, И ОТНОШЕНИЕ ИХ К ГРАНИЦАМ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

В лингвистических трудах XIX—XX вв. границы рассматриваемых говоров намечены только с севера и востока, поскольку здесь они соприкасаются со средневеликорусскими говорами и переходными от белорусских к южновеликорусским. На юге и западе эти говоры не отграничены от других говоров.

В отношении проведения границ этих говоров на севере и востоке имеются некоторые разногласия между авторами «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе»[39] и акад. Е. Ф. Карским.

Авторы «Опыта» относят на севере к белорусским говорам только самую юго-западную часть Ржевского у. б. Тверской губ. и далее проводят линию почти у самой границы б. Смоленской губ. с Осташковским у. б. Тверской губ. и Торопецким у. б. Псковской губ., немного отступая от нее к югу и юго-востоку.

Академик Е. Ф. Карский несколько отодвигает ее к северу. Он считает, что белорусские поселения, начиная недалеко от г. Зубцова, тянутся по правому берегу Волги (Молодой Туд), где живут тудовляне, заходят даже иногда на левый берег ее (по р. Итомле в Ржевском у. и р. Малой Коше в Осташковском у.); затем белорусская граница подходит к истокам Волги и Западной Двины[40].

Личные наблюдения акад. Е. Ф. Карского отмечают более чистую речь «лишь на западе, напр., в Бобровке, Холмеце, Васильевском. По речке Итомле встречаются лишь отдельные белорусские черты»[41].

Восточную границу составители карты проводят по р. Вазузе, начиная от границы Сычевского уезда б. Смоленской губ. с Зубцовским у. б. Тверской губ., далее через Вяземский, Дорогобужский уезды по границе последнего с Юхновским, через Ельнинский у. б. Смоленской губ. и Мосальский у. б. Калужской губ. на р. Болву, по р. Болве, приблизительно до пересечения ею границы Брянского у. с Жиздринским, и далее в юго-западном направлении к границе Брянского у.

---

[37] См.: П. Шульц. Археологические разведки в Ржевском уезде за 1923—1925 годы. «Ржевский край», № 1, 926, стр. 187.

[38] См.: А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий. ЖМНП, 1899, апрель.

[39] См.: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе.

[40] См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. I, стр. 16—17; его же. Этнографическая карта белорусского племени, стр. 22—23.

[41] Е. Ф. Карский. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917, стр. 23.

с Трубчевским, недалеко от границы их с Мглинским у. б. Черниговской губ.[42].

Е. Ф. Карский считает, что эта граница преувеличивает белорусскую территорию[43]. Границу здесь он проводит по меже между Дорогобужским и Бельским уездами, с одной стороны, и Юхновским, Вяземским и Сычевским — с другой, относя к русским говорам четыре восточных уезда Смоленской губ.: Юхновский, Вяземский, Сычевский и Гжатский[44]. В Калужской же губернии белорусские поселения он отмечает в самых западных частях Жиздринского и Мосальского уездов[45]. Несколько к западу отодвигает акад. Е. Ф. Карский и границу белорусских говоров в Брянском у., проводя ее «по правому берегу р. Десны, не доходя, однако, до г. Брянска»[46].

Таковы расхождения в проведении северной и восточной границ белорусских говоров между авторами «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» и акад. Е. Ф. Карским.

Чтобы установить, какая из этих границ отвечает действительности, летом 1931 г., т. е. через 28 лет после наблюдений акад. Е. Ф. Карского, я побывал в Ржевском у. и обследовал говор д. Свистунов Бахаревского сельсовета, одного из пунктов, лежащих к югу от границы, данной в «Опыте», и к северу от границы, проводимой акад. Е. Ф. Карским. Результаты моих наблюдений совпадают с выводами авторов «Опыта».

Данные авторов «Опыта» приходится принять и в отношении восточной границы в б. уездах Сычевском, Вяземском, Дорогобужском, Мосальском, Жиздринском. О правильности указанной в «Опыте» границы говорят и собранные мною сведения из мест, лежащих к западу от этой границы (Издешково, Митино) и к востоку от границы у акад. Е. Ф. Карского (Величево, Царево-Займище).

Также в Брянском у. границу белорусских говоров следует отнести западнее р. Десны, по правому берегу которой акад. Е. Ф. Карский проводит ее: говор с. Пятницкого и д. Давыдчичей, лежащих к западу от р. Десны, не имеет ярких белорусских черт[47], напротив, в с. Акуличах — белорусский говор[48].

Как далеко на юг и на запад простираются изучаемые говоры и совпадают ли границы их с археологическими границами смоленских кривичей, покажет исследование этих говоров.

Наметив на севере и востоке границы белорусских говоров, необходимо сказать, что местами они приблизительно совпадают с границами старых кривичских поселений, установленных на основании археологических данных, а местами уступают южнорусским говорам. Как археологические границы кривичских поселений, так и диалектные границы исследуемых говоров будут здесь намечены лишь в общих чертах.

Вопрос о проведении четких, детальных границ не ставится здесь — он может быть предметом специального исследования, имеющего другую цель. Для поставленной в настоящем исследовании задачи детальное проведение границ не имеет существенного значения.

42 См.: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, стр. 56 и 123.

43 См.: Е. Ф. Карский. Этнографическая карта белорусского племени, стр. 23 (сноска).

44 См. там же, стр. 21.

45 См. там же, стр. 20.

46 См. там же, стр. 19.

47 См.: И. Голанов. Заметка о говоре некоторых селений Брянского уезда Орловской губ. «Труды МДК», вып. 3. Варшава, 1914, стр. 154—162.

48 См.: Е. Ф. Карский. К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии. Новый сборник статей по славяноведению [в честь В. И. Ламанского]. СПб., 1905, стр. 314—320.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОВОРОВ

I. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ XIII—XVIII вв.

Эпоха родового быта кривичей не оставила по себе никаких источников, прямых или косвенных, которые давали бы возможность судить о говорах на территории смоленских кривичей. Сохранившиеся памятники, писанные на территории смоленских кривичей, относятся к более поздней поре, когда на территории смоленских кривичей было уже феодальное Смоленское княжество, достигшее наибольших размеров в XII — XIII вв.

Памятников письменности, возникших в эту эпоху на территории смоленских кривичей, немного. Из обследованных акад. А. И. Соболевским Смоленско-полоцких договоров и грамот XIII — XV вв.[1] Смоленску принадлежат два договора XIII — XIV вв. и четыре грамоты XIII в.: 1) Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом 1229 г., 2) Договор неизвестного смоленского князя с Ригою и Готским берегом около 1230 г., 3) Грамота смоленского князя Федора Ростиславича в Ригу в 1284 г., 4) Грамота смоленского князя Федора Ростиславича о колоколе 1284 г., 5) Грамота смоленского князя Александра Глебовича в Ригу около 1297 г., 6) Договор смоленского князя Ивана Александровича с Ригою около 1330 г.

Следующие памятники письменности относятся к более позднему времени — к XV, XVII и XVIII вв.

К XV в. относятся:

1) «Летописный сборник» XV в., именуемый «Летопись Авраамки», обследованный акад. Е. Ф. Карским («Варшавские университетские известия», кн. III. Варшава, 1899).

2) «Радзивиловский (Кенигсбергский) список летописи» конца XV в., обследованный В. М. Ганцовым («Известия ОРЯС АН СССР», т. XXXII, 1927).

Памятников XVI в. не имелось в моем распоряжении.

К XVII в. относятся:

1) «Житие Авраамия Смоленского и служба ему». Рукопись. По списку б. Смоленской духовной семинарии второй половины XVII в.[2]

2) Акты Смоленского воеводства середины XVII в., хранившиеся в Виленском центральном архиве, № 15548 и 15549; напечатаны

[1] См.: А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор XIII — XV вв. РФВ, т. 15, 1886.

[2] В 1931 г. рукопись находилась в библиотеке Смоленского государственного университета и была использована мною.

в отрывках в статье Д. И. Довгелло «Очерки бытовой жизни Смоленска в Польскую эпоху» (№ 15548, л. 41—42, 71, 88, 112; № 15549, л. 47 об., 80—81, 109, 141—142 и 281) в журнале «Смоленская старина», вып. 1, ч. 2. Смоленск, 1911, стр. 137—150.

К XVIII в. относятся:

1) «Мемориал достопамятных авторизаций...» середины XVIII в.[3]

2) «Дело о монастырях Смоленской епархии 1781—1783 гг.» Рукопись архива б. Смоленской духовной консистории № 10—17. В 1931 г. хранилась в Западном областном архивном бюро.

II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ (XIX—XX вв.)

В XIX в. появились в огромном числе как печатные, так и рукописные материалы, представляющие записи говоров, фольклорные материалы, статьи, характеризующие отдельные говоры, ответы на диалектологические программы и проч.

а) ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Статьи по фольклору и этнографии, содержащие материалы для характеристики говоров

1) Н. Синявский. Март месяц у бельских крестьян Смоленской губернии. «Смол. губ. вед.», 1862, № 15.

2) Н. Синявский. Апрель месяц у белорусских крестьян Смоленской губернии. Там же, № 24.

3) Вл. Костылев. Песни крестьян с. Краснозаборья, Рославльского уезда. РФВ, Варшава, 1884, № 3.

4) П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I, ч. 1, СПб., 1887; т. I, ч. 2, СПб., 1890; т. II, СПб., 1893; т. III, СПб., 1902.

5) В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник. Ч. I, «Записки Русск. геогр. о-ва по отделению этнографии», т. 20, СПб., 1891; ч. II, там же, т. 23, вып. 1, СПб., 1894; ч. IV, там же, т. 27, М., 1903.

Примечание. В «Трудах МДК», вып. 5, стр. 103, примеч. № 188, в числе пособий для проведения западной границы белорусских говоров названы статьи М. Караулова «Говор Палех Жиздринского уезда Калужской губернии» (РФВ. т. 43, 1900) и В. Н. Добровольского «Рассказы из жизни Палех Жиздринского Полесья» («Живая старина», т. 9, вып. 1—2. СПб., 1899). Последняя послужила источником статьи М. Караулова. Но они не могут быть использованы в настоящем исследовании: имеющиеся в них черты характерны для переходных говоров от белорусских к южновеликорусским.

При материалах же В. Н. Добровольского «Обряды и поверья, относящиеся к домашним и полевым работам крестьян Смоленской губернии»[4], нет указаний, где сделаны записи. В силу этого они не могут быть привлечены в настоящем исследовании.

---

[3] Пользуюсь изданием В. А. Арсеньева, напечатанным в журнале «Смоленская старина», вып. 1, ч. 2. Смоленск, 1911, стр. 105—130; подлинника на хранении в Западном областном архивном бюро в 1931 г. не оказалось.

[4] В. Н. Добровольский. Обряды и поверья, относящиеся к домашним и полевым работам крестьян Смоленской губернии. «Памятная книжка Смоленской губернии на 1909 год. Приложение 8», стр. 1—35.

Статьи, характеризующие отдельные говоры, и ответы на диалектологические программы

1) П. Д. Шестаков. Смоленский говор. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45 и 46.

2) П. Д. Шестаков. Духовщинское поднаречие. Там же, № 50.

3) К. Широков. Смоленский говор. Там же, 1854, № 2.

4) А. А. Шахматов. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров. РФВ, т. 36, 1896, и т. 38, 1897.

5) А. А. Никольский. Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губ. РФВ, т. 45, 1901; т. 46, 1902; т. 48, 1903.

6) Е. Ф. Карский. Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 года. «Известия РГО», т. 41, вып. 4.

7) Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. «Сб. ОРЯС АН», т. 76, № 3. СПб., 1904, стр. 84 и след.

8) Е. Ф. Карский. К вопросу в народном говоре Брянского уезда, Орловской губернии.

9) П. Ельчанинов. Краткий местный сборник местного крестьянского наречия в Бельском уезде. «Смол. губ. вед.», 1864, № 28.

10) Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии. IV. Говоры тудовлян Ржевского уезда. «Известия ОРЯС АН СССР», т. 31, 1926, стр. 303—326.

11) И. Г. Голанов. Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья. «Сб. ОРЯС АН СССР», т. 101, № 3, 1928, стр. 479—483.

12) И. Г. Голанов. Заметка о говоре некоторых селений Брянского уезда Орловской губ. «Труды МДК», вып. 3, 1914.

13) Д. Н. Ушаков и И. Г. Голанов [сост.] Краткий очерк деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 г.—январь 1926 г.). «Труды МДК», вып. 9. Л., 1927, стр. 9.

14) В. М. Архангельский. Из материалов летней экспедиции 1927 года по Дорогобужскому уезду бывш. Смоленской губернии, ч. I. Смоленск, изд-во Смоленского о-ва краеведения, 1930.

15) П. Бузук. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Менск, 1926. См. рец. И. О. Кузьмина в «Известиях ОРЯС АН СССР», т. II, кн. 2, 1929, стр. 718—730.

16) В. М. Попов. Замечания о северносмоленских и ржевских говорах. «Известия ОРЯС АН», т. 18, кн 3, 1913, стр. 225—275.

17) Обработка Н. Н. Дурново ответов из Смоленщины на «Краткую Академическую программу» с «Дополнительными замечаниями». «Труды МДК», вып. 2, 1910, стр. 72—92.

18) Обработка ответов на «Южновеликорусскую программу МДК», № 18а, б, в, г, д, из Жиздринского у. Калужской губ. «Труды МДК», вып. 3, 1914, стр. 80—84; вып. 8, № 25а, б, в, г, из того же уезда, стр. 7—13.

19) То же, № 36, из Мосальского у. Калужской губ. «Труды МДК», вып. 8, 1919, стр. 31—33; вып. 10. Л., 1928, № 72, стр. 37—40.

20) То же, № 33, из Ржевского у. Тверской губ., «Труды МДК», вып. 8, стр. 25—28.

21) То же, № 50, из Бельского у. Смоленской губ. «Труды МДК», вып. 10, стр. 5—6.

22) То же, № 85, из Ельнинского у. Смоленской губ. «Труды МДК», вып. 10, стр. 57—60.

б) РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Рукописные материалы Российской Академии наук

1) О говоре крестьян с. Хохлова Смоленского уезда. Обл. сл., № 156, 2 л. Автор записи Г. Соколов.

2) Собрание слов, употребляемых в просторечии в городе Рославле и в уезде оного. Собрал учитель Рославльского уездного училища Михаил Арбузов. Обл. сл., № 160, 8 л.[5]

Рукописные материалы Академии наук БССР

Рукописные материалы Академии наук БССР, хранившиеся в 1930 г. под № 427а, 427г, 427д, 427е, 432 и 433 в Институте языкознания Академии наук БССР.

Рукописные материалы Западного областного архивного бюро

Здесь имеем: рассказ со слов 87-летнего старика, четыре песни, сведения о говоре с. Бартенева и др. (см. ниже).

Рукописные материалы Ученого архива Русского географического общества

1) Этнографические сведения о Дорогобужском у. Смоленской губ. Автор записи Коншин, 1848 г. Рубрика XXXVIII. 2.

2) Этнографические сведения о жителях Сычевского у. Смоленской губ. Автор записи А. Извольский, 1849 г. Рубрика XXXVIII. 4.

3) Этнографические сведения о крестьянах Сычевского у. Смоленской губ. Автор записи Д. Муромцев, 1848 г. Рубрика XXXVIII. 5.

4) Этнографические сведения о жителях Сычевского у. Смоленской губ. Автор. записи П. Селезнев, 1849 г. Рубрика XXXVIII. 12.

5) Наружный вид и наречие жителей некоторых селений Рославльского у. Автор записи И. Соколов, 1855 г. Рубрика XXXVIII. 14.

6) Этнографические сведения о селе Хохлове Смоленского у. и губ. Автор записи Г. Соколов. Рубрика XXXVIII. 23.

7) К. Краснопёров. Песни и заговоры в Рославльском уезде Смоленской губ., 1894 г. Рубрика XXXVIII. 21.

8) А Кононов. О Рославльском уезде Смоленской губ. Рубрика XXXVIII. 25.

Примечание. Ряд рукописных материалов Русского географического общества из Смоленщины или вовсе не содержит сведений о языке, например материалы под № XXXVIII. 15, XXXVIII. 18, XXXVIII. 20, или заключает слова той или другой местности в орфографической записи, например материалы за № XXXVIII. 16, XXXVIII. 17.

Рукопись Русского географического общества под № XXXVIII. 24 (В. Добровольский. Поэтические воззрения на природу в Смоленской губ.), хотя и содержит песни в недурной в общем записи (поскольку мы имеем дело с записями не лингвиста, а этнографа 90-х годов прошлого столетия), но не имеет указаний о том, где, в каком уезде и селе они записаны; поэтому они не привлекаются здесь, тем более, что в «Смоленском этнографическом сборнике» мы имеем записи с указанием, где они сделаны (о чем ниже). Точно также не привлекается здесь и рукопись под № XXXVIII. 19: за исключением лишь немногих слов полуфонетической записи, песни в ней приводятся с соблюдением орфографии.

---

[5] Рукописные материалы Российской Академии наук из Смоленщины (Обл. сл., № 157, 158 и 159) не содержат данных для характеристики говоров и не привлекаются здесь.

Рукописные материалы частных лиц

1) В. В. Богданов. Этнографические материалы по Смоленской губ. Часть вторая. Песни, собранные в экспедиции 1891 г.

2) А. М. Иванов — записи говоров, сделанные в западной части Бельского у. в 1922 г.

3) И. Г. Голанов — записи из семи селений Рославльского у. и двух селений Бельского у. в 1923 г.

4. О. А. Державина — записи из 15 селений б. Духовщинского у. в 1929 г.

Рукописные ответы на полную программу Российской Академии наук

Ответ на полную «Академическую программу» из д. Филюкино б. Бельского у. Смоленской губ., 1904 г., № 280.

Рукописные ответы на программу Академии наук БССР

Ответы на «Програму для зьбіраньня асабливасьцяй беларускіх гаворак і гаворак пераходных да суседніх моваў» (Менск), № 31, 32, 34. В 1930 г. хранились в Институте языкознания Академии наук БССР.

Рукописные ответы на «Анкету по говорам Смоленщины» (Всего 65 ответов)

Личные наблюдения автора

Наблюдения над говорами 85 сел и деревень Смоленщины в 1929, 1930 и 1931 гг.

III. КРИТИКА ИСТОЧНИКОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Памятники XIII—XIV вв. писаны в княжеских канцеляриях. В них лишь случайно могли проникнуть и найти свое выражение черты живого народного языка (проникнуть в том лишь случае, если они были в языке их писцов).

Не все памятники XV, XVII, XVIII вв. и источники XIX—XX вв. представляют материалы, одинаково отражающие факты живого языка Смоленщины. В таком памятнике, как «Житие Авраамия Смоленского и служба ему», имеем дело с церковным языком, воспринявшим в себя некоторые местные диалектизмы; «Летописный сборник», именуемый «Летописью Авраамки» и «Радзивиловский список летописи», хотя по содержанию и светские памятники, но создавались за монастырскими стенами, в сфере церковного языка, и здесь мы также не найдем в большом количестве фактов живого языка. Кто были авторы этих рукописей, из каких мест Смоленщины они происходили и, следовательно, какой местный говор нашел свое отражение в рукописях – эти вопросы остаются открытыми.

Известен лишь автор памятника XVIII в. — «Мемориал достопамятных авторизаций» (10. III 1746 г.) Стефан Дмитриевич Нечуя-Коховский. Родился он в 1698 г. в с. Юрах б. Краснинского у. Судя по языку «Мемориала», Коховский владел, помимо русского языка, также латинским и польским языками: отдельные, довольно обширные места «Мемориала» писаны на латинском языке, в лексике же его

имеется значительное количество латинизмов, отчасти полонизированных, например: *Орфеуш* (л. 8 об.), *Овидиуш* (л. 8 об.), *Лактанциуш* (л. 12), *Веспуциуш* (л. 13 об.), *Сорбонус* (л. 7 об.). *Колюмбус* (л. 13 об.), *сукцессов* (л. 1 об.), *потенций* (л. 4), *потентата* (л. 12 об.), *инсулы* (л. 13 об.), *репаруются* (л. 15 об.), *водка цытрионалис* (л. 16 об.), *инвенциа* (л. 16 об.), и т. д. и ряд образований под польским влиянием: *политыческих* (л. 12 об.; польск. politycznych), *гымна* (л. 14; род. п. от польск. hymn), *Константынополь* (л. 14; польск. Konstantynopol), *передыстылюется* (л. 16; польск. dystylować), *Кардынал* (л. 15; (польск. kardynał) и т. д.

Отбросив эти и другие полонизмы, получим черты языка, характерные для б. Краснинского у. конца первой половины XVIII в.

Сходство с «Мемориалом» в области языка представляют и «Акты Смоленского воеводства». В них также немало полонизмов, главным образом в области словаря, например: *фундацыи* (№ 15549, л. 47; польск. fundacja), *трунком* (№ 15549, л. 47; польск. trunek), *церулик* (№ 15548, л. 71; польск. cyrulik), *опилым* (№ 15548, л. 71; польск. opiły), *альбо* (№ 15548, л. 71; польск. albo), *кгды* (№ 15548, л. 71; польск. gdy), и т. д. Имеются полонизмы и в произношении задненебного *г* взрывного вместо гортанного под влиянием польского языка, например: *строкгость* (№ 15548, л. 71; ср. польск. srogość), и т. д. Странно, однако (если только это не опечатка в изд. Д. Ив. Довгялло), что польский звук *h* в слове *галасом* (№ 15548, л. 71; польск. hałas) передается сочетанием *кг* (*кгаласам*), употребляемым в памятниках этой эпохи для передачи польского взрывного *г*.

«Дело о монастырях Смоленской епархии» писано русским языком XVIII в. с проникшими в него диалектизмами, но число их невелико.

Все названные рукописи писаны лицами разной социальной среды, людьми разной степени грамотности и разных школ письма. Факты живого языка некоторыми памятниками представлены весьма скудно. В некоторых случаях о них приходится судить на основании того или другого написания. Тем не менее в своей совокупности они дают неплохой материал для суждения о состоянии говоров в XV, XVII и XVIII вв.

Записи живых народных говоров Смоленщины и описания их начинаются сто с лишним лет спустя со времени датирования последней рукописи, привлеченной здесь («Мемориал» 10/III 1746 г.). Все это надо учитывать при изучении говоров в их историческом развитии.

При целом ряде положительных сторон записи живых говоров как источники для характеристики языка не лишены недостатков.

1) Печатные и рукописные источники, являясь материалом для характеристики говоров крестьянских масс, часто дают представление о говоре всего уезда или губернии (например, в рукописных материалах Русского географического общества № XXXVIII. 21, XXXVIII. 25 и XXXVIII. 19) или даже всего «белорусского племени» (В. А. Неверович), а не отдельных населенных пунктов.

2) В рукописных материалах Российской Академии наук под рубрикой «Обл. сл., 160» дается «собрание слов, употребляемых в городе Рославле и в уезде оного», т. е. здесь не отделен говор города от говора деревни.

3) Ряд рукописных источников представляет только словарные материалы, преимущественно в орфографической записи, и для характеристики прочих сторон языка дает мало.

4) Лишь немногие из материалов преследуют специально лингвистические цели, у большинства же источников цель другая — этнографическая, фольклорная; материал, как правило, приводится

в орфографической записи, и сведения о говорах даются лишь попутно; нередко их приходится извлекать из фольклорного материала, из случайно сказанных на местном говоре фраз, из слов, приводимых в небольших словариках.

5) Сообщаемые сведения о говорах носят случайный характер: в них сообщается только то, что привлекло внимание их автора, причем записи в фонетическом отношении оставляют желать много лучшего.

6) Большинство сведений в некоторых источниках чрезвычайно кратко, например в № XXXVIII. 2, и не отвечает на вопросы, возникшие при анализе их.

7) В описании говора нередко нет тех явлений, которые встречаются в приводимых текстах (статьи П. Д. Шестакова).

8) Сведения обнимают лишь б. уезды Дорогобужский, Духовщинский, Рославльский, Смоленский и Сычевский, т. е. не все уезды, говоры которых подлежат рассмотрению в настоящем исследовании.

9) В рукописных материалах Российской Академии наук и Русского географического общества отсутствуют сведения о лицах, со слов которых сделаны записи. Это обстоятельство не дает возможности судить о различиях в говоре в зависимости от возраста и социальных условий и в значительной степени уменьшает их значение как материалов для характеристики говоров.

Отметим здесь, что рукописный материал Российской Академии наук под рубрикой «Обл. сл., 156» и Русского географического общества под № XXXVIII. 23 сообщен одним и тем же лицом — Г. Соколовым, из одной и той же местности — из с. Хохлова б. Смоленского у. и что в рукописном материале Русского географического общества под № XXXVIII. 2. имеется интересное для этой эпохи сообщение, что молодежь стесняется говорить на языке стариков и язык, особенно после 1812 г., «очищается от своих особенностей».

Ряд недостатков в записях характеризует «Сборники» П. В. Шейна, но в них встречаются редкие фонетические явления, на основании чего привлечены и эти «Сборники».

После замечаний общего характера об источниках обращусь к рассмотрению некоторых из них. Из названных печатных источников остановлюсь на следующих.

Из материалов Н. Синявского «Март месяц у бельских крестьян» и «Апрель месяц у белорусских крестьян» не много можно извлечь для характеристики говора. В песнях («Март месяц») отмечено главным образом дзеканье и цеканье и рядом с ним отсутствие его; в материалах «Апрель месяц» имеются также и песни из б. Краснинского и Поречского уездов. Здесь имеем: переход в глагольных формах мужского рода единственного числа ***л*** в ***ў*** (передается через ***в***), переход после гласных ***в*** в ***ў*** (в закрытом слоге), твердость шипящих, твердость и мягкость ***р*** в соответствии со старым мягким и твердым ***р***.

В названных статьях Е. Ф. Карского («К вопросу о народных говорах. . .»), Е. Ф. Будде и И. Г. Голанова рассматриваемый говор (с. Акуличи) характеризуется неодинаковыми чертами. Записи Е. Ф. Карского и И. Г. Голанова (за немногими исключениями) сходны между собой. Записи же Е. Ф. Будде представляют полную противоположность им. Насколько устойчивы или неустойчивы указанные в статьях черты говора, в записях не имеется сведений.

Необходимо несколько остановиться на статье Н. П. Гринковой. Описываемый Н. П. Гринковой говор отнесен ею к переходным гово-

рам от белорусских к северновеликорусским[6]. Но свойственные говору белорусизмы находятся в нем в таком же состоянии, как и в говорах Смоленщины, т. е. представляют не стабильное явление, как бывает в переходных говорах, а характеризуются вытеснением их великорусизмами и смешением с ними.

Основываясь на этом, привлекаю статью Н. П. Гринковой в качестве одного из источников моего исследования.

Статья П. Ельчанинова содержит только небольшой словарный материал.

Обширный материал дает «Смоленский этнографический сборник» В. Н. Добровольского, ч. I, II и IV[7]. В нем имеем записи из следующих населенных пунктов: Бельский у.: Беликово Горки, Дудкино, Дунаево, м. Сибирь, Шоптово; Вяземский у.: Горки, Новоселье; Дорогобужский у.: Егорье; Духовщинский у.: Береснево, Никола Ядреич, Пречистое, Шиловичи; Ельнинский у.: Балтутино, Бердибяки, Боровское, Злотово, Крутиловка, Лукино, Мархоткино, Подгорное, Понизовка, Потапово, Проверженка, Радошково, Рудня, Сухой Починок; Краснинский у.: Герчиково, Долгие Нивы, Каблуково, Свалы, Холощево; Поречский у.: Бородинская вол., Иньково; Рославльский у.: Алферово, Васьковка, Каталино, Клечетово, Летошники, Луги, Митюли, Михайловка, Моцылевка, Полуево, Романовка, Черепово, Шимановка; Смоленский у.: Алексино, Буловцы, Даньково, Киселевка, Лобково, Медведовка, Неведомка, Плоское, Самотеевка, Самохотовка, Свалы, Скопшнино, Скотинино, Слобода, Хохловка, Хохлово, Чепищево, Шаталово; Сычевский у.: Бехтево, Тесово, Хотьково.

Большинство записей — народные песни. Их имеем почти во всей второй части «Сборника» и в четвертой части; лишь первая часть содержит сказки и рассказы. Это обстоятельство надо учитывать при пользовании материалами, содержащимися в «Сборнике». Записи полуфонетические, полуорфографические, о чем нельзя не пожалеть, тем не менее в них отражен ряд фонетических явлений; например, посильное отражение находят здесь неударяемые звуки *о*, *а* и *е*, а также неслоговое ***у*** (***ў***) на месте ***в*** и ***л*** и т. д., но, с другой стороны, звук, передаваемый в русском языке буквой ***щ***, так передается и в «Сборнике» В. Н. Добровольского, что не вполне соответствует действительности. То же надо сказать и о букве *г*: по записям невозможно установить, какой звук она обозначает — задненебный взрывной (*г*), как в русском литературном языке, фрикативный (γ) или гортанный (***h***) — гортанное придыхание; не введен также ***j***; звуки ***ӥ*** и ***j*** не различаются на письме: сочетания ***ja***, ***jo***, ***jy*** и т. д. передаются на письме буквами: ***я***, ***ё***, ***ю*** и т. д.

Предшествующая первой части «Сборника» (стр. 3—28) «Заметка к исследованию различия говоров Смоленского наречия», как отмечено В. В. Богдановым в рецензии на эту часть в «Этнографическом обозрении» (1891, кн. XI, стр. 210—215), «сделана без всякой системы, наглядности и последовательности» (стр. 211), не может быть признана удовлетворительной и использована в настоящем исследовании.

Не останавливаясь на ряде недочетов «Смоленского этнографического сборника» (они в достаточной степени отмечены в рецензиях В. В. Богданова)[8], отмечу, что к числу существенных его недостат-

---

[6] Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии. IV. Говоры тудовлян Ржевского уезда, стр. 320.

[7] Часть III содержит материалы, суммарно характеризующие целые уезды, и не используется здесь.

[8] См. его рецензию на часть II «Сборника» в журн. «Этногр. обозрение», кн. XXI, 1894, стр. 198—201.

ков следует отнести и отсутствие, за немногими исключениями, сведений о лицах, от которых делались записи.

Издан труд В. Н. Добровольского со значительным количеством недосмотров. В библиотеке акад. А. А. Шахматова был экземпляр, исправленный самим В. Н. Добровольским, и я имел возможность внести поправки в свой экземпляр и согласовать с ним нумерацию примеров из «Сборника» В. Н. Добровольского.

Как бы то ни было, «Сборник» В. Н. Добровольского дает материал, который может быть использован для характеристики говоров Смоленщины.

«Лингвист, знающий, как пользоваться «Этнографическим сборником», — говорится в рецензии В. В. Богданова на четвертую часть его, — оценит этот труд, тем более, что наиболее яркие и типичные явления языка в «Сборнике» отмечены вполне удовлетворительно»[9].

Первая часть работы В. М. Архангельского «Из материалов летней экспедиции 1927 года по Дорогобужскому уезду» представляет записи, сделанные в следующих населенных пунктах:

1) в с. Волочке записано два рассказа; один из них — со слов местного крестьянина А. С. Башкина, 52 лет, грамотного, человека бывалого, жившего 28 лет в Москве;

2) в д. Секареве, со слов полуграмотного парня, школьного сторожа И. Картавенкова;

3) в д. Подмошье, со слов 90-летней неграмотной старухи Е. П. Куликовой, уроженки с. Афонина;

4) в д. Подопхаи, со слов женщин — переселенок из б. Могилевской губ.

В записях отмечено аканье, переход в известных условиях звонких согласных в глухие (повсеместно), единичные случаи мягкого *р* на месте твердого (д. Секарево), *ў* на месте *в* (там же), цоканье (в д. Подмошье) и др. С другой стороны, совершенно неясно, какой звук обозначает в записях *щ*: передает ли он сочетание *шч* или долгое *ш* (твердое или мягкое). Неясно также, какое в записях *ч* — твердое, мягкое или полутвердое. Также неизвестно, какой звук обозначает *г* — задненебный взрывной, или задненёбный фрикативный, или гортанный звук.

Правда, во второй части «Материалов»[10] имеется замечание, что «буква *г* почти во всех словах звучит придыхательно, как в слове *богатый* (стр. 5), но в говорах Смоленщины имеется не только придыхательное *г* (гортанное придыхание), но и задненёбный фрикативный звук (о чем ниже); кроме того, в говоре бывалых людей, проведших много лет в крупных культурных центрах, имеется и задненёбный взрывной звук.

Обширный источник для характеристики говоров представляют рукописные материалы, собранные В. В. Богдановым, — «Сборник этнографических материалов Смоленской губ., часть вторая. Песни. Собраны в экспедиции 1891 г.»[11] Этот сборник содержит 1209 песен: 1036 из Смоленской губ., 140 — из Калужской и 33 из Тверской. При каждой песне даны сведения о лице, со слов которого сделана запись, что составляет одну из положительных сторон «Сборника» и выгодно отличает его от других однородных сборников. Записи по Смоленщине

---

[9] См.: «Этногр. обозрение», кн. 57, № 2. М., 1903, стр. 149.

[10] Словарный материал дается здесь без указания местности, где сделана запись, и поэтому он в данной работе не привлекается.

[11] Использовать здесь первую часть «Сборника» («Сборник этнографических материалов по Смоленской губ., часть первая. Сказки, легенды, рассказы и другие произведения»), язык которого также изучен мной, мне не удалось: обработанные материалы погибли во время Великой Отечественной войны.

сделаны главным образом в Бельском у. и лишь частично в Духовщинском и Ржевском. Транскрипция записей фонетическая; помимо букв русской азбуки, в нее введен *j*; звук *и* передается буквой *i*, а *и* неслоговое — буквой *ĭ*; особым знаком обозначается аффриката *дж*; мягкость согласного не обозначается перед буквами *е* и *и*.

Не видя необходимости вводить букву *i* взамен *и* и обозначать аффрикату особым знаком, я буду пользоваться буквами русской азбуки с добавлением *j*, *ŭ* и *h* в значении *γ* (по В. В. Богданову).

Слабее обстоит дело с передачей аканья: в предударных слогах, в том числе и в первом предударном слоге, в положении перед ударяемым *а*, а также в заударном конечном открытом слоге звуки на месте *о* и *а* передаются совершенно одинаково, одним и тем же знаком — буквой *а*, за исключением шипящих: после них на месте предударных *а* и *е* в ряде случаев находим *ы* и *и*; в заударных же неконечных открытых слогах редуцированные *а* и *о* передаются буквой *ы*, в конечном открытом слоге на месте звука *е* имеем *а* или *и*.

Таким образом, диссимилятивное аканье — черта, характерная для Смоленщины, — остается не отмеченным в «Сборнике» В. В. Богданова. Есть возможность говорить только о диссимилятивном и других типах яканья.

Сравнение между собой нескольких записей, часто из одного и того же села, говорит об отсутствии в записях шаблонности — записи индивидуальны, и каждая из них отражает говор того лица, со слов которого она сделана. Например, в говоре женщин, со слов которых записаны «Заговоры» (вторая часть «Сборника» В. В. Богданова), отсутствует иканье, отмечены в известных условиях *ф* на месте *в* и т. д.; говор же крестьянки Веры Григорьевой, 23 лет, из с. Кишлова Бельского у., характеризуется иканьем.

Однако при использовании записей В. В. Богданова для характеристики говоров б. Бельского у. надо иметь в виду, что они содержат произведения народного творчества, произведения песенного характера, язык которых отличается от живого разговорного языка. Например, в песнях довольно часты несвойственные живой разговорной речи инфинитивы на *-ти*: *сказати* (д. Алексенки), *думати* (д. Большово) и т. д.; некоторые формы вызваны рифмой, например: *малады́—вараты́* (д. Азарово) и т. д. Словом, здесь надо иметь в виду все те особенности, какие свойственны песенному языку, и пользоваться в этих случаях извлеченными из них фактами лишь после тщательного анализа и сопоставления их с фактами живых говоров.

«Сборник» В. В. Богданова (ч. I) использован мною далеко не полностью[12]. Факты языка извлечены из записей по следующим населенным пунктам:

Бельский у.: д. Азарово, пять записей от крестьянок разного возраста; д. Акулово, две записи от крестьянок разного возраста; д. Алексенки, две записи, одна от крестьянки 51 года; д. Антипино, от крестьянки 49 лет; д. Антипово, от крестьянина 45 лет; д. Бараново, от женского хора; д. Бартенево, пять записей от крестьянок разного возраста (12 и 19 лет); с. Батурино, от женского хора; д. Бейково, от крестьянки 22 лет; д. Белоусово, от крестьянки 30 лет; д. Богдашово, от крестьянки 47 лет; д. Бокапино, от женского хора; с. Большово, от старухи 74 лет; д. Большие Семики, три записи от крестьянок разного возраста; д. Борулянка, от крестьянки 17 лет; д. Будино, от крестьянки 24 лет; д. Бунино, от крестьянки 23 лет; д. Бунаково, от крестьянки 32 лет; д. Васильевка

[12] Часть извлеченных из него материалов погибла во время Отечественной войны.

б. Асуйской вол., девять записей, одна от крестьянина, семь от крестьянок и одна от 18-летнего парня, учащегося в г. Ржеве; д. Васильевка б. Мальнинской вол., две записи от крестьянок разного возраста; д. Волоково б. Березовской вол., от старухи 80 лет; д. Волково, б. Городокской вол., три записи от крестьянок разного возраста; с. Волыново, от крестьянки 40 лет; д. Высокое, от крестьянки 40 лет; д. Вышние Мастаки (Артеменки), две записи от крестьянок разного возраста; д. Гаврилово, от крестьянина 34 лет; д. Гвоздево, от девочки 15 лет; д. Глушаково, от крестьянки 25 лет; д. Голенищево, от крестьянки 21 года; д. Гордеевка, от солдата; д. Горки, восемь записей от крестьянок разного возраста; д. Гульнево, от крестьянки 15 лет; д. Дупильно, от старухи 60 лет; д. Дьяково, от старухи 70 лет; с. Егорье-на-Берёзе, от крестьянки 24 лет; д. Емельяновка, три записи от крестьянок разного возраста, причем одна из них от 15-летней девочки; д. Зайчиха, две записи от крестьянок разного возраста; д. Залазенки, от крестьянки 25 лет; д. Исаково, от крестьянки 30 лет; д. Казаково, от старухи 78 лет; с. Каменец, от крестьянки; д. Каптеловка, четыре записи: одна от солдата и три от крестьянок разного возраста, из них одна от 72-летней старухи; д. Кашилово, от крестьянки; с. Климово, от крестьянки 23 лет; с. Климятино, две записи, причем одна от крестьянки 50 лет; с. Клинково и д. Дворякино, от женского хора; с. Княжино, от женского хора; д. Ковалево, три записи от крестьянок разного возраста (24, 36 и 60 лет); д. Кострицы, от старухи 70 лет; д. Красная Долина, две записи от крестьянок 16 лет и 31 г.; д. Кудрищиха, от крестьянки; д. Кукуево, от крестьянки 26 лет; д. Малые Семики, две записи от крестьянок, одна в возрасте 25 лет; д. Марково, от крестьянки 27 лет; д. Масляково, от женского хора; д. Медведовка, от женского хора; д. Митюково, от женского хора; д. Мишнево, от крестьянки; с. Мольня, две записи: одна от крестьянки 17 лет, а другая от слепого крестьянина 23 лет; д. Мягково, от старухи 70 лет: д. Наумово, от крестьянки 34 лет; д. Некрасово, три записи от крестьянок разного возраста; д. Нестерово, две записи от крестьянок разного возраста; д. Никитино, пять записей от крестьянок разного возраста (12, 19, 25, 45 и 50 лет); д. Никулино, от крестьянки 31 г.; д. Новая Деревня, от крестьянки 19 лет; д. Новоселки, от крестьянки 17 лет; с. Павлово, от крестьянки 13 лет; д. Паршино, от крестьянки 38 лет; д. Пасино, две записи от крестьянок 38 и 42 лет; д. Плоское, две записи от крестьянок разного возраста; д. Погорельцы, от крестьянки 39 лет; д. Покусинки, две записи от крестьянок разного возраста, одна в возрасте 40 лет; д. Половцево, три записи от крестьянок разного возраста; д. Пустошки, от крестьянина 87 лет; д. Рахманово, от крестьянки 15 лет; д. Редькино, две записи от крестьянок 25 и 36 лет; д. Рудаково, от крестьянки 33 лет; д. Савино, от крестьянки 17 лет; д. Саново, две записи: от крестьянки и от хора молодух; д. Сидоры, три записи от крестьян в возрасте 58, 62 и 90 лет; д. Симоновка, четыре записи, из них две от крестьян 28 и 29 лет и две от крестьянок 23 и 24 лет; д. Сенюки, от крестьянки 17 лет; д. Смальники, две записи от крестьянок разного возраста; д. Сёлы, две записи от крестьянок, одна в возрасте 42 лет; д. Станиха, от крестьянки 57 лет; д. Степанково, от крестьянки 32 лет; д. Сумарково, три записи, из них две от крестьянок по 17 лет; д. Сухинино, от крестьянина 17 лет; д. Сущево, от крестьянки 21 г.; д. Сычево, две записи от крестьянок 44 и 27 лет; д. Тарасово, от крестьянки 25 лет; с. Тативо, две записи: от крестьянки и учительницы; с. Тарково и д. Тилибукино, две записи от крестьянок, одна из них в возрасте 29 лет; д. Тимошино, две записи от крестьянок; д. Холм б. Ахтырской (Пигулинской) вол., от женского хора, с. Холм (волость), от крестьянки; д. Харино, от

женского хора; д. Черново, от крестьянки; д. Черныши, от крестьянки 27 лет; д. Шабулино, от крестьянки; д. Шарапкино, две записи: от крестьянина 32 лет и от крестьянки 15 лет; д. Шейкино, четыре записи от крестьянок, из них от одной в возрасте 22 лет; д. Шелухино, две записи от крестьянок 48 и 55 лет; с. Шоптово, от крестьянки; д. Шушино, от крестьянки; д. Янцыферово, две записи от крестьянок, из них от одной в возрасте 22 лет; д. Ясенная, от крестьянки 41 г.

Духовщинский у.: д. Гремилово, от крестьянки 16 лет; д. Кубарево, от крестьянина; одна запись из с. Новое Коровье.

Ржевский у. Тверской губ.: с. Воронино, от крестьянина 20 лет. Всего привлечено здесь 189 записей из 114 сел и деревень.

Рукописные материалы И. Г. Голанова содержат записи, сделанные в 1923 г. со слов крестьян Рославльского и Бельского уездов. В Рославльском у. со слов: 1) нескольких крестьян Ворошиловской вол.; 2) трех крестьян разного возраста из с. Каталина, причем один из них был в плену в империалистическую войну 1914 г.; 3) крестьян из-под Крестов и Липовки; 4) 60-летнего крестьянина из д. Луговой; 5) крестьянина из д. Павлово; 6) 55-летней крестьянки из с. Рязанова; 7) 50-летнего крестьянина из д. Хотеевки и его 23-летнего сына.

В Бельском у.: 1) со слов 60-летней старухи из с. Власова и 2) со слов женщины средних лет из д. Хохловки.

Все эти записи передают в фонетической транскрипции только звуковую сторону говоров. К сожалению, они весьма невелики по объему, чисто случайного характера и далеко не исчерпывают всех явлений в говоре; некоторые из них, например записи из д. Павлова и из Крестов, содержат лишь несколько транскрибированных слов.

Рукописные материалы О. А. Державиной (1929 г.) содержат записи говоров, сделанные в следующих 15 населенных пунктах в б. Духовщинском у.: Балыкине, Боровцах, Бородулине, Брехачах, Василисине, Дубровке, Копыревщине, Кузьмине, Приселье, Рядыне, Суйтове, Сырокоренье, Харькове, Харине и станции Свищево Белорусско-Балтийской ж. д. Охватывают они вкратце фонетику, морфологию и частично синтаксис. Сведения о говоре суммарные — без указания на лиц, от которых они записаны.

Рукописные материалы А. М. Иванова (1922 и следующих годов) собраны в западной части б. Бельского у. В центре наблюдений было с. Гвоздово (к югу от ст. Нелидово Московско-Белорусско-Балтийской ж. д., на большом тракте); южный пункт обследованного района — с. Спас (в 10 км южнее г. Белого), северный — в 30 км от с. Гвоздова по Торопецкому большаку; западный — деревни по р. Мсте и восточный — тракт (большак) Оленино—Белый. Записи фонетические, но касаются только звуковых явлений. Указаний, со слов кого они сделаны, при них не имеется.

Материалы Западного областного архивного бюро представляют: 1) рассказ «За што Парулиньський Пархвен пăлучыў волю»[13], записанный в с. Надве Смоленского у. со слов 87-летнего старика Ф. Н. Палашенкова его сыном А. Ф. Палашенковым; 2) три песни, записанные в д. Юрошки Хохловской вол. б. Краснинского у. (в 35 км. от Смоленска) со слов 62-летней старухи Х. С. Лейкиной, 35-летней женщины М. Н. Шквыриной и 30-летнего крестьянина А. Ершакова; 3) одна песня записана в д. Клюшки Ельнинского у. (в 3 км от ст. Глинка), с чьих слов — нет указаний; 4) рукописная статья А. Ф. Палашенкова «Детская ругань»; 5) кое-какие сведения о говоре д. Бартенево Бельского у. (в 12 км от ст. Игоревской Дуровской ветки).

---

[13] Знак над *а* означает в записях редуцированный звук — «произносится *ă* как короткое *ы*: можно написать *пылучиў*».

Рукописные материалы Российской Академии наук представляют собой ответ на полную «Академическую программу» из д. Филюкино Бельского уезда за № 280. Он имеет положительные и отрицательные стороны, свойственные материалам этого рода. Ответ на эту программу использован Московской диалектологической комиссией в обработке ответов на «Краткую Академическую программу» («Труды МДК», вып. 2, стр. 72—86), но там извлечены только ответы на вопросы «Краткой Академической программы», поэтому здесь использую ее целиком.

Рукописные материалы АН БССР хранились в 1930 г. в Институте языкознания Академии наук в Минске под № 427е и содержат комедию в четырех действиях «Народная свадьба». Записана комедия со слов крестьян Даниловского р-на (б. Рославльского у. Смоленской губ.) учащимися Даниловской школы I ступени в 1919—1920 гг. под редакцией Н. Антошина, ученика той же школы, и под общим руководством преподавателя литературы П. А. Усенко. Язык рукописи — образец языка молодого, грамотного поколения деревни.

Примечание. Рукописей АН БССР из Смоленщины за № 427а, 427г, 427д, 432 и 433 не привлекаю: некоторые из них имеют только этнографический интерес (№ 427г, 427д, 433), другие представляя обширные записи говоров из ряда сел и деревень (№ 427а), сделанные летом 1927 г., содержат черты, или вовсе не свойственные Смоленщине (*гэта, гэтага, гэтых, гэту, гэтаму*), или отмечаемые только в говоре недавних переселенцев из БССР (например: твердое *р* на месте мягкого во всяком положении, последовательное проведение твердого *ч* и т. д.). Имеются и другие недочеты. В значительной степени эти недочеты имеют место и в рукописи № 432.

Ответы на «Програму для зьбіраньня асабливасьцяй беларускіх гаворак і пераходных да суседніх моваў» (Менск, 1927) даны из следующих населенных пунктов: из с. Шаляговки б. Смоленского у. (№ 31), из Тихильской школы I ступени Рославльского у. (№ 32) и из с. Заполья б. Велижского у. Казановской вол. (№ 34).

Наличие недочетов в передаче ряда явлений снижает ценность ответов на «Программу».

В обработке ответов из Смоленской губ. на «Краткую Академическую программу» («Труды МДК», вып. 2, 1910) имеем сведения из 79 населенных пунктов и ряда других, приведенных в «Дополнительных замечаниях». Они распределяются следующим образом:

б. Бельский у.: б. Городская вол.: Авдеево, Анисимово, Беганщина, Вышегоры, Краснополье, Нестерово, Паново, Петрушино, Поповка, Пушкари, Турлупово, Филюкино, Яровицы; б. Козулинская вол.: с. Крюково; б. Селецкая вол.: с. Дрогачево, д. Костино, д. Мешки; без указания волости: села Дунаево, Покров-Жирковский, Холм-Жирковский.

Сюда же надо отнести деревни, входящие в б. приход с. Дунаева: Азарово, Антипино, Антислово, Антоново, Гаврилово, Гредякино, Гренково, Иваньково, Кокорево, Лаптево, Леоново, Полнобоково, Поярково, Марфинка, Миловидово, Минино, Моняково, Мягкое, Сапрыкино, Сеники, Сухинино, Чельцово и Ямщина.

б. Вяземский у.: Леонтьевская вол.; с. Горки Писковской вол.; д. Семеновская Хмелинской вол.

б. Дорогобужский у.: с. Алексино и приход б. Волочковской вол.: Еловка, Жашково, Заборье, д. Подмошье, Секарево.

б. Духовщинский у.: с. Колковичи и приход; Надвинская вол.: д. Пнево, Слобода и др.; с. Пречистое и приход; с. Скачково и приход; д. Скрышово и др.; Спасо-Угловский приход, с. Стариново; Сущевская вол.: д. Иваники и др.; с. Шиловичи и вся волость.

б. Ельнинский у.: с. Балтутино; б. Волково-Егорьевская вол.: с. Щербино; б. Докудовская вол.: Щербинский приход; с. Мархоткино

и вся волость; без указания волости: с. Бывалки и приход д. Березня, с. Кучерово.

б. Краснинский у.: с. Герчиково и приход; б. Добрянская вол. (вся); б. Зверовичская вол. (вся); б. Каблуковская вол.; б. Княжинская вол.: с. Княжье и округа.

б. Поречский у.: б. Бородинская вол. (вся), с. Мамошки; б. Слободская вол.: Аносенки, Боровики, Горы, Дубиново, Конопляники, Мышаково, Никитинки, Петроково, Поголка, Приставка, Рудня, Слобода, Старый Двор.

б. Рославльский у.: б. Каталинская вол.: с. Каталино и округа; б. Кузьмичевская вол.: д. Моцылевка; б. Луговская вол.: с. Луги; б. Прыщанская вол.: с. Сукромля; б. Тюнинская вол.: Алферово, Бабинки, Литвиново, Стреченово, Тюнино, Щепет; б. Хорошовская вол.: с. Жабино.

б. Смоленский у.: б. Цуриковская вол. (вся).

К сожалению, в «Ответах на программу», за исключением б. прихода с. Дунаева, не названы деревни, входившие в состав того или иного прихода, и нет указаний на села и деревни той волости, при которой имеется указание: «вся волость»; неясен также объем территории, объединяемой понятием «округа».

Ответы на «Южновеликорусскую программу» МДК из Жиздринского у. Калужской губ. содержат сведения о говорах из следующих населенных пунктов: из с. Зимницы-Драгошань (№ 18а), из деревень Славенки и Дмитровки (или Ольховки) (№ 18б), из сел Которец (№ 18в), Людинова (Мальцевский завод) (№ 18г), из д. Ермолаевки (или Широковки) (№ 18д), с. Бутчина (№ 25а), из деревень Ивашковичей (№ 25б), Гуличей (№ 25в) и Бетлицы (№ 25г). Из них № 18б, 18в, 18г, 25б, 25в, 25г очень кратки, и сообщаемые в них сведения (ответы на 1—3 вопроса «Программы») не дают возможности судить о говорах; относительно № 18д имеется в ответе указание, что говор его такой же, как в Зимницах (№ 18а).

В ответах из Мосальского у. имеем сведения о говоре деревень Козловки (№ 36) и Утрикова (№ 72); из Ржевского у. б. Тверской губ. — о говоре с. Селишны (№ 33); из Бельского у. б. Смоленской губ. — о говоре с. Урова (№ 50); из Ельнинского у. — о говоре с. Нежоды и деревень Кузина, Прасолова, Нерыбина, Гудкова, Митина, Вязовки, Батаева и Гурьева (№ 85).

«Анкета по говорам Смоленщины» составлена в 1931 г. автором настоящего исследования и издана Научно-исследовательским институтом языкознания в Москве. Разослана она была по школам Смоленщины в количестве 510 экземпляров. Ответов получено 65, т. е. около 13%. Материалы хранились у меня и погибли во время Великой Отечественной войны. Указанные в скобках номера соответствуют порядку поступления материалов; сохранены они в настоящем исследовании для удобства ссылок. Имеем ответы из следующих населенных пунктов:

Бельский р-н: села Матренино того же с/с (№ 1), Поженки, Семеновского с/с (№ 2); Глинский р-н: д. Аблешово Менжинского с/с (№ 3), с. Ново-Ханино Хотеевского с/с (№ 4); Демидовский р-н: д. Акатово Рубковского с/с (№ 5), Александровская дача Высоцкого с/с (№ 6), с. Борисенки того же с/с (№ 7), д. Манихи Холмского с/с (№ 8), Ниж. Боярщина Кошевичского с/с (№ 9), Старина Фотоянского с/с (№ 10); Дорогобужский р-н: д. Ивашутино Кузьминского с/с (№ 11); Духовщинский р-н: деревни Бол. Дубровка Дубровского с/с (№ 12), Красадино Петрищевского с/с (№ 13); Екимовичский р-н: д. Александровка Александровского с/с (№ 13 а); Ельнинский р-н: д. Передельники Поповского с/с (№ 14), с. Чалово того же с/с (№ 15), Щербина Орлов-

ского с/с (№ 15); Знаменский р-н: села Бородино Бородинского с/с (№ 17), Городище того же с/с (№ 18), д. Греково Шумихинского с/с (№ 19), Лужки Слободского с/с (№ 20), с. Шумихино того же с/с (№ 21); Издешковский р-н: села Митино Хмельниковского с/с (№ 22), Сержаны того же с/с (№ 23); Касплянский р-н: Толкуново того же с/с (№ 24); Клетнянский р-н: деревни Гребеньки Язовского с/с (№ 25), Еловка Харитоновского с/с (№ 25а), Сметковщина Надвинского с/с (№ 25б); Краснинский р-н: с. Крюково того же с/с (№ 26), деревни Михайловка Сырокоренского с/с (№ 27), Толстики Толстиковского с/с (№ 27а), Устинова Слобода Недвижского с/с (№ 28); Монастырщинский р-н: деревни Баньковщина Карховского с/с (№ 28а), Свекровщина Шишковского с/с (№ 28б), с. Чачуры Войнинского с/с (№ 28в); Ново-Дугинский р-н: д. Бурцево того же с/с (№ 29), с. Княжина Ново-Дугинского с/с (№ 30), деревни Осташево Починковского с/с (№ 31), Солодово Печениченского с/с (№ 31а); Песочинский р-н: д. Шиловка Мокровского с/с (№ 31б); Пречистенский р-н: с. Щучье того же с/с (№ 32), д. Яковцево Тюховицкого с/с (№ 33); Рогнединский р-н: д. Бологча того же с/с (№ 34); Рославльский р-н: д. Азобичи того же с/с (№ 35), с. Бутырки Пригорьевского с/с (№ 36), д. Мозолево Липовского с/с (№ 37), с. Ржавец Беседовского с/с (№ 38), д. Сурновка Волконщинского с/с (№ 39); Руднянский р-н (б. Касплянский): д. Могильня Деляховского с/с (№ 39), с. Семеново Горе-Лышенского с/с (№ 40), Смолино Иньковского с/с (№ 41); Смоленский р-н: д. Новосильцево Лодыженского с/с (№ 42); Стодолищенский р-н: села Белик Беликовского с/с (№ 43), Ворошилово Ворошиловского с/с (№ 44), Горьковка Комаровского с/с (№ 45), Михайловка Михайловского с/с (№ 46); Сычевский р-н: д. Сенчуки Сенчуковского с/с (№ 47); Хиславичский р-н: д. Переседенье Колесниковского с/с (№ 47а); Холм-Жирковский р-н: д. Тимошино Тимошинского с/с (№ 47б); Шумячский р-н: деревни Вигуро-Поляна Осетищенского с/с (№ 47в), Ожога (№ 47), Пустосёл (№ 48), Серковка Дубовицкого с/с (№ 48а); Ярцевский р-н: с. Самсоново Шаловского с/с (№ 49), д. Харьково того же с/с (№ 50).

Анкета составлена на основании изученных материалов, представляемых печатными и рукописными источниками, и на основании непосредственного наблюдения автора над говорами летом 1929, 1930 и 1931 гг.

Большинство лиц, давших ответы, уроженцы Западной (ныне Смоленской) области, и даже более того — того же района, где в настоящее время работают, причем в 11 случаях все время работают в родном селе. Лишь в пяти случаях (анкеты № 6, 28б, 32, 36, 47в) они уроженцы других мест — б. Виленской и Псковской губ., г. Бугуруслана (Средневолжский край) и БССР.

Значительное число опрашиваемых лиц (21) работает в той местности, откуда дается ответ, менее года: 2 месяца (№ 35), 4 (№ 2, 34, 33), 5 (№ 10), 6 (№ 11, 15, 19, 22), 7 (№ 3), 8 месяцев (№ 5), 1 год (№ 2, 9, 14, 22, 25а, 27а, 31а, 47б) и даже меньше месяца (№ 36); свыше 10 лет работает только девять человек. Все эти обстоятельства отражаются на качестве ответов.

Ряд ответов на поставленные в анкете вопросы дает сведения о расстоянии села или деревни, откуда дается ответ, от ближайшего города, железнодорожной станции и проч., о культурно-бытовом состоянии деревни, распространении среди населения газет и журналов, об отходе в дореволюционное время населения на заработки, о переселенцах (главным образом из БССР) и других факторах, влияющих на говор.

Не все полученные ответы представляют ценный материал и одинаково полно отвечают на поставленные вопросы: 1) в ряде ответов

(№ 29а, 36 и др.) весьма слабо обстоит дело с редуцированными гласными; 2) в некоторых анкетах (№ 17, 21 и др.) по вопросу об аканье даются сведения, противоречащие как другим анкетам, так и живым говорам (№ 31); 3) кое-где в ответах даются примеры в орфографическом написании; 4) в некоторых из анкет (№ 3, 13 а, 36 и отчасти № 2) нет ответов на синтаксические вопросы; 5) в анкетах № 5 и 42 вовсе оставлены без ответа вопросы по фонетике, морфологии и синтаксису; 6) некоторые ответы лишены точности в своих сообщениях, например в ответах о распространении причастий на ***-мшы*** и ***-вшы***, и т. д. Но наряду с этим имеются и ответы, не оставляющие без внимания ни одного вопроса анкеты и дающие на них более или менее удовлетворительные ответы. Таковы, например, № 4, 7, 11, 13, 25а, 27а, 28б, 31б, 33, 35, 44, 50, а также № 8, 12, 14, 21, 24, 28 а, 29, 31, 34, 45, 47в, 47г, 47д, 49.

Личные наблюдения автора были произведены над говорами отдельных лиц и ряда селений.

Всходский р-н: Алфёрово (или, как говорят местные крестьяне, Лафёрово), Арнишицы, Аршины; Вяземский р-н: Величево, Царево-Займище; Гриневский р-н: Авдотьино, Арефино, Бабыново, Белоручье (или, как говорят местные крестьяне, Бералучье), Брылево, Ворошилово, Глистаи, Долгомостье, Заборье, Засигово, Зимницы, Каленово, Кучино, Рябцово, Яново, Яцково; Дорогобужский р-н: Афонино, Бражино, Волочек, Еловка, Кряжево, Михайловское, Подмошье, Пушкино, Яковлево, Ямская Слобода; Дубровский р-н: Гатьково, Дубровка, Сердечкино, Яблонь; Ершицкий р-н: Гребневка; Кардымовский р-н: Буховка, Лентево, Печерское, Спас-Липки, Юшино; Касплянский р-н: Возьмище, Волоковая, Зарубенки, Каспля, Мячино, Ополье, Сырокоренские Липки (Сыр-Липки), Хохловка; Катынский р-н: Гусино, Лелеквинское, Пожевское; Краснинский р-н. Бол. Добрая, Борки, Варечки, Зверовичи, Катково, Нейково, Нетяжи, Платоново, Синяки; Павлиновский р-н: Берёзово, Коханы, Нестеры, Павлиново, Потапово, Сычево; Починковский р-н: Лучёсы, Мошевая; Рогнединский р-н: Рогнедино (или как говорят местные крестьяне, Лагредино); Рославльский р-н: Любовка; Ржевский р-н: Свистуны; Стодолищенский р-н: Березовка, Петрополье; Сычевский р-н: Караваево-Подгородное, Никитье, Филиппово; Хиславичский р-н: Хиславичи; Холм-Жирковский р-н: Данильево, Игорево, Квасово; Ярцевский р-н: Скачково, Суйтово, Ярцево.

Примечание. Районы названы здесь применительно к административному делению Западной области в 1930—1931 гг. При предшествовавшем административном делении б. Смоленской губ. перечисленные здесь селения входили в состав следующих уездов: Бельского: Данильево, Игорево, Квасово; Вяземского: Царево-Займище, Величево; Дорогобужского: Афонино, Бражино, Волочёк, Еловка, Кряжево, Михайловское, Подмошье, Пушкино, Яковлево, Ямская Слобода; Духовщинского (позднее Ярцевского): Ополье, Скачково, Спас-Липки, Суйтово, Сырокоренские Липки, Хохлово, Юшино, Ярцево; Ельнинского: Алфёрово, Арнишицы, Березово, Коханы, Нестеры, Павлиново, Потапово, Сычево; Краснинского: Бол. Добрая, Борки, Варечки, Гусино, Зверовичи, Катково, Мошевая, Нейково, Нетяжи, Платоново, Синяки; Поречского (позднее Демидовского): Возьмище, Волоковая, Зарубенки, Каспля, Мячино, Пожевское; Рославльского: Березово, Гребневка, Лучёсы. Петрополье, Рогнедино, Сердечкино; Смоленского: Авдотьино, Арефино, Аршины, Белоручье, Бабыново, Брылево, Буховка, Ворошилово, Глистаи, Долгомостье, Заборье, Засигово, Зимницы, Каленово, Кучино, Лелеквинское, Лентево, Печерское, Рябцево, Яново, Яцково; Сычевского: Караваево-Подгородное, Никитье, Филиппово; Брянского: (б. Орловской губ.): Гатьково, Дубровка, Яблонь; Климовичского (б. Могилевской губ.): Хиславичи; Ржевского (б. Тверской губ.): Свистуны.

Распределение селений по уездам указываю на том основании, что привлеченные в исследовании материалы на две трети даются по старому административному делению на уезды.

На все сделанные в этих селениях записи говоров одинаковы по своему объему. Величина записей находится в зависимости от того, производились ли наблюдения планомерно во время моего пребывания в данном населенном пункте, или они были сделаны при случайных встречах — по дороге в село, на вокзале, в вагоне, на базаре, в столовой и т. д. В последнем случае записи, за немногими исключениями, невелики. Таковы записи, сделанные из следующих мест: 1) из с. Данильева со слов возчика М. Д. Денисова, 29 лет; грамотного, бывалого человека; 2) из д. Еловки со слов крестьян по дороге из Бражина в Волочек; 3) на ст. Дорогобуж — запись разговора молодой крестьянки из с. Кряжева с матерью и парнями и разговора двух крестьянок средних лет из с. Пушкина; 4) запись разговора с возчиком из Ямской Слободы (предместье г. Дорогобужа) П. П. Сычевым, 41 года, бывал в больших городах, работал, между прочим, на Ижорском металлическом заводе, был на фронте в 1914—1917 гг.; в последнее время занимался извозом; 5) запись в вагоне со слов небольшой группы (четыре человека) крестьян из с. Суйтова. Один из собеседников — человек бывалый, много лет провел на заработках, был на фронте; другой — три года до империалистической войны был извозчиком в Москве, а потом был взят на фронт, участвовал в гражданской войне; остальные два — на заработках и на фронте не были; все они, кроме одного, грамотные, средних лет; 6) разговор на ст. Павлиново с парнем 18 лет из с. Берёзова, окончил школу первой ступени; 7) разговор с пожилым неграмотным крестьянином из с. Нестеры; 8) запись (на ст. Гусино) рассказа старухи из с. Бол. Добрая о болезни сына; 9) разговор крестьян из с. Гусина при переезде на пароме через Днепр; 10) разговор по пути в с. Зверовичи со встречными крестьянами из сел Каткова, Нейкова, Нетяжей и Синяков; 11) разговор с парнем из с. Мячина; грамотный; 12) разговор с крестьянами из с. Харькова; 13) разговор в вагоне с крестьянином 40 лет из с. Березовки, малограмотный, был на фронте, участвовал в гражданской войне; 14) разговор в столовой в г. Смоленске с крестьянкой 35 лет из с. Гребнёвки, приехавшей в Смоленск на 2-месячные курсы; 15) разговор с возчиком из с. Лучёсы М. К. Степанченковым, 55 лет; 16) разговор в столовой г. Рославля и затем в вагоне до ст. Дубровка с двумя крестьянами 53 и 47 лет; оба малограмотные, были на фронте, участвовали в гражданской войне; 17) запись в поселке при железнодорожной станции Дубровка со слов неграмотной крестьянки А. М. Журавлевой 25 лет из с. Сердечкина, заведующей домом для приезжающих в поселке Дубровка; 18) запись в том же Дубровском доме для приезжающих со слов крестьян средних лет из с. Дубровки; малограмотные, оба инвалиды, были на фронте; 19) разговор в г. Смоленске, на рынке, с крестьянками из сел. Брылева и Лелеквина, обе — колхозницы лет 30; 20) разговор в вагоне с парнем 19 лет из с. Яцкова, грамотный, две недели назад поступил на работу в железнодорожные мастерские; 21) разговор на вокзале в г. Смоленске с учениками из Мощинской школы — Нилом Павленко из с. Лентева, Спиридоном Кадаевым из с. Буховки, Дмитрием Плещеевым из с. Зосигова и Михаилом Аггеевым из д. Аршин; 22) запись разговора в с. Печерском с крестьянкой Рыжиковой; 23) разговор с возчиком от ст. Сычевка до с. Филиппова А. М. Щербаковым, малограмотным, средних лет, и от с. Филиппова до ст. Сычевка с 20-летним неграмотным парнем; 24) разговор с возчиком 18-летним парнем И. Г. Степанковым из с. Яблонь; малограмотный; 25) разговор с возчиком из с. Гатькова по пути от ст. Дубровка до с. Рогнедина; 26) разговор с заведующим детским домом в с. Яковлеве и др.

Записей говора во всех тех случаях, когда нельзя было установить, откуда говорящий, я не делал; они не имеют цены для настоящего исследования, равно как не полагался я и на характеристику говора со слов других лиц, исключая те случаи, когда эти характеристики удавалось проверить. Так, например, сообщения заведующей школой Н. Г. Лыкошевой (учительствует 11 лет, раньше жила на хуторе Марьино Бывальского с/с Павлиновского р-на) о говоре с. Алфёрова непосредственно проверены мной в этом селе; сообщений же ее о говоре сел Морозова, Булачевки и Лядец (Лядцы) не пришлось проверить, и они не привлекаются в настоящей работе. То же надо сказать и о сообщениях заведующего школой в д. Борки б. Краснинского у. М. А. Гонтова о говорах сел Глубокого, Перхова, Винных Луг, Мал. Доброй и Платонова — из них мною проверены только сообщения о говоре крестьян с. Платонова при наблюдениях над говором этого села.

В большинстве же сел записи велись мною планомерно. Для наблюдения избиралась деревня или село, где была школа. Школьный учитель был главным помощником в выявлении особенностей местного говора, и лишь во время его отсутствия (например, в селах Бражине, Волоковой, Кучине, Скачкове и Яковлеве) его заменял кто-нибудь из членов сельсовета — чаще всего секретарь.

Наблюдению над говорами обыкновенно предшествовала беседа с местным учителем об особенностях говора. Эта беседа, однако, в большинстве случаев была неудовлетворительной: ряд фактов в сообщении учителя, хотя бы он был и местным уроженцем, требовал проверки. Так, решительно нельзя было говорить об отсутствии тех или других черт в говоре деревни, если их не было в речи учителя — местного уроженца и он отрицал наличие их в говоре. Например, в говоре заведующей школой в с. Бол. Зарубенки Е. С. Горанской, местной уроженки, получившей среднее образование в г. Смоленске, и ее матери отсутствовало дзекание и цеканье, и они отрицали наличие его в говоре старшего, малограмотного поколения, даже в говоре женщин. Однако организованная Е. С. Горанской беседа с местными крестьянами ясно показала, что это явление весьма распространено в Зарубенках, преимущественно среди пожилых женщин. Точно так же путем наблюдения речи учителя и беседы с ним нельзя было получить надежных сведений о твердом или мягком *ч*[14], о звуке *сᵘ*, о произношении *щ* как *шч* или как долгое мягкое *ш*, или долгое твердое *ш* и т. д. Бывали такие случаи, когда мои собеседники учителя, например в селах Коханы и Каспля, не отдавали себе отчета в том, какой звук слышится на месте неударяемых *о, а, е* в первом предударном слоге, и отождествляли его с *а* после твердых и мягких согласных, хотя наличие в говорах Смоленщины ярко выраженных редуцированных гласных или их заместителей настолько очевидно, что их легко отличает в произношении даже малограмотный крестьянин (о чем ниже). Без предварительной беседы со школьными учителями произведены были наблюдения говора во время полевых работ в следующих селениях: Авдотьине, Арефине, Бабынове, Ворошилове, Глистаях, Долгомостье, Каленове, Кучине, Рябцове, Янове и др.

Наблюдения говоров производились мною главным образом на полевых работах или, что было реже, на собраниях сельсовета или колхоза. В качестве материала по говорам были привлечены (там, где представлялась возможность) письменные документы: а) дела с заявлениями о вступлении в колхоз, б) дела с оценочными актами

---

[14] В говоре крестьян.

имущества членов колхоза, в) протоколы заседаний правления колхоза и общих собраний его членов и проч.

Наряду с этим были использованы и случаи, в которых предоставлялась возможность произвести индивидуальные записи говоров. Например, в с. Белоручье были сделаны такие записи со слов учительницы У. К. Рожинской, технической служащей в школе М. М. Медведевой (20 лет), секретаря сельсовета П. Ф. Колбасова, человека бывалого, и служащего в местном кооперативе И. И. Провицкого (33 лет); в с. Потапове — со слов А. Д. Лазаревой (59 лет); в с. Платонове — со слов заведующего школой П. С. Жигулева, учительницы Е. П. Жигулевой, двух сестер Володиных, малограмотных (20 и 22 лет), крестьянина С. А. Володина (51 г.) и А. Ф. Радомова (последние два — люди бывалые); в с. Ополье — со слов В. Ф. Шалыгина, человека развитого, подолгу жившего в больших городах, относительно начитанного, его дочери Е. В. Шалыгиной (30 лет), малограмотной, безвыездно живущей в Ополье, его сына (18 лет), его снохи (18 лет) из с. Хохловки и его матери (70 лет) и т. д.

Сделаны были также записи говора со слов лиц преклонного возраста: в с. Потапове со слов А. А. Гороженковой (95 лет), в с. Зверовичах со слов Ф. С. Воробьева (90 лет), в с. Каспле со слов Мариенковой (80 лет), в с. Рогнедине со слов местной уроженки 70-летней старухи и 72-летней матери заведующего школой, местного уроженца И. К. Фотиева, в с. Свистунах со слов И. О. Лебедевой (89 лет), в с. Афонине со слов 90-летней старухи.

В некоторых селениях сделаны были индивидуальные записи со слов крестьян из других деревень. Таковы записи: а) в с. Подмошье со слов неграмотной крестьянки Е. М. Казаченковой (39 лет) из с. Афонина, вышедшей замуж в с. Подмошье; б) в с. Спас-Липках со слов неграмотной крестьянки А. А. Муравьевой (20 лет) из д. Юшина; в) в с. Коханах со слов местного учителя А. М. Соборонова (22 лет), уроженца с. Арнишиц; г) там же со слов заведующей школой А. Я. Моисеенко, уроженки с. Хиславичей; д) в с. Волоковая со слов 65-летнего старика из с. Большое Возмище; е) в с. Белоручье со слов малограмотной крестьянки В. Я. Медведевой (20 лет) из д. Глистаи и со слов ее невестки, технической служащей в школе М. М. Медведевой. О записях в с. Ополье со слов 18-летней малограмотной крестьянки из с. Хохловки (сноха В. Ф. Шалыгина) сказано выше.

Наблюдалась также и речь переселенцев из БССР, поселившихся в Смоленщине в XX в.

Наряду с этим сделаны наблюдения над говорами в избе-читальне лесозаготовительного участка при железнодорожной станции Игорево и на заседании бюро «красных уголков» на текстильной фабрике в г. Ярцеве. Собранные материалы дают возможность не только охарактеризовать местные говоры, но и наметить границы их там, где они пока не определены мною.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ

I. ФОНЕТИКА

Древнейший облик изучаемых говоров на указанной территории определяется письменными памятниками Смоленщины XIII—XIV вв.

Черт живых говоров, попавших в литературный язык Смоленщины XIII—XIV вв., как увидим далее, немного. Несколько более их в памятниках XV—XVIII вв. Значительное число этих черт находит свое отражение в фольклорных и диалектных записях первой половины XIX в., и особенно много их в записях второй половины XIX и XX вв.

Оставляя в стороне черты псковского, новгородского, юго-западного (украинского) и прочих говоров, встречающихся в некоторых из названных выше памятников, обратимся к особенностям живого языка смоленщины, используя указанные источники.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Гласные о и е на месте а под ударением

Гласные звуки под ударением не подвергаются изменениям. Лишь в отдельных случаях на месте ударяемого *а* (и *'а*) имеем возникшие нефонетически[1] *о* и *е* (последнее на месте *'а*). В «Смол. этн. сб.»[2] имеем: *дорють* (II, 207), *дренный* (I, 545), *дрень* (I, 598) и *дрянь* (1, 685)[3]. То же у В. М. Попова (стр. 267) и у А. А. Никольского (стр. 246, т. 46).

Случаи эти встречаются и в материалах В. В. Богданова; имеются они в его записях со слов преимущественно женщин, например: *дренны* (с. Белоусово), *брон'ут'* (д. Малые Семики), *плотит'* (д. Марково). Встречаются единичные примеры и в рукописных материалах РГО (Русское географическое общество) № XXXVIII. 25: *дорит*, а также в ответе на «Южновеликорусскую программу»[4] № 18а: *брóнются* и т. д.

Немногочисленны подобные явления и в моих наблюдениях. Во всяком случае, они менее распространены, чем в соседних бело-

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, т. II, вып. 1. М., 1955, стр. 98.

[2] «Смоленский этнографический сборник».

[3] Римские цифры обозначают том, арабские — страницы.

[4] В дальнейшем: «Ю-вр. пр.» с указанием номера ответа.

русских говорах, и отмечаются в речи главным образом женщин и детей дошкольного возраста, реже у лиц, связанных с отходом, а иногда и у бывалых стариков. Но вообще бывалые и грамотные люди сохраняют почти во всех случаях *а*, иногда, правда, рядом с *о*.

В «Анкетах»[5] имеем: *мбним* (маним; в № 25, 28б, 28в, 31б, 33, 38, 46, 47а, 47б, 47в, 47д, 48); *дрéнны(ц)* — в селах Мошевой, Павлинове, Платонове, Скачкове, Спас-Липках; в № «Анкет»: 1, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 25, 25а, 28б, 28в, 29, 32, 33, 38, 40, 41, 45, 46, 47а, 47д, 48, 49, 50; в «Бел. пр.»[6] *дрен'*, *абдбрыт'* (рук. мат-лы АН БССР).

Примечание. Отмеченные местами, преимущественно в говоре старых людей, *розум* (Борки, Зарубенки, Зверовичи, Кучино, Ополье, Платоново, Спас-Липки, Сырокоренские Липки; в «Анкетах» № 9, 10, 12, 24, 25, 28а, 28б, 29, 33, 40, 46, 47а, 47в, 47д, 48 и в «Бел. пр».), *кожны* (села Зверовичи, Каспля, Мошевая и в «Бел. пр.») и *ровны* (равный; с. Лучёсы) имеют *ó*, восходящее к старому *о* (*розум*, *ровный*) или к *ъ* (*кожный — къждо*).

В д. Волоковой, по сообщению тамошних крестьян, говорили раньше *розум*, сейчас же говорят *разум*.

Гласный О на месте е под ударением

«Смол. Этн. сб.», «Ю-вр. пр.» № 50, полная «Академическая программа» № 280, рук. мат-лы РГО, И. Г. Голанова, АН БССР, «Бел. пр.», ответы на «Анкету» и наблюдения автора представляют, правда не все с одинаковой полнотой, на месте ударяемого *е* звук *о* в положении его перед следующим твердым согласным, в том числе и отвердевшим позднее, и на конце слова, как результат бывшего в этих условиях перехода звука *е* в *о*. Однако здесь имеем ряд следующих отступлений.

1) Наличие звука *е* вместо *о* (наряду с *о*) перед твердым согласным и на конце слова.

Примеры из «Смол. Этн. сб.» *Ише* (с. Беликово Бельского у., I, 68) и *яшо* (села: Шоптово того же уезда, I, 332; Новоселье Вяземского у., IV, 470; Егорье Дорогобужского у., IV, 60; Пречистое Духовщинского у., I, 317; Проверженка Ельнинского у., I, 558; Свалы Краснинского у., IV, 303; Холощево того же уезда, II, 181; Даньково Смоленского у., IV, 19), *пад елкый* (*ёлкой* — с. Беликово Бельского у., I, 69) и *ёлки* (с. Шоптово того же уезда, I, 708), *ёлка* (села: Бердибяки Ельнинского у., I, 283; Радошково того же уезда, II, 207), *пайдем* (села: Шоптово Бельского у., I, 355; Бердибяки Ельнинского у., II, 142; Киселевка Смоленского у., I, 411), *взвязеш* (с. Радошково Ельнинского у., II, 208), *пайдем* (села: Дунаево Бельского у., IV, 174; Шоптово того же уезда, I, 348, 713; IV, 187; Никола Ядреич Духовщинского у., IV. 186; Крутиловка того же уезда, IV, 397; Даньково Смоленского у., IV, 174), *идём* (с. Даньково Смоленского у., IV, 174) и *пайдемтя* (там же, 182) и т. д.

2) Наличие звука *о* на месте *е* перед мягким или бывшим когда-то мягким согласным:

Бельский у., с. Шоптово: *паёть* (I, 361), *адёжу* (I, 364, 711), *тёщу* (IV, 44); Вяземский у., с. Новоселки: *идёш* (II, 380), *вьётца* (II, 284), *пьёш* (II, 285), *плывёть*, *несёть* (IV, 469); Дорогобужский у., с. Егорье: *прапьёть* (IV, 45); Духовщинский у., с. Пречистое: *прибярёть* (II, 220), *растёть* (IV, 156), *бьёть* (IV, 213), *идёть* (IV, 381, 492); с. Шиловичи: *гудёть* (IV, 392), *идёть* (там же), *живёть* (IV, 393), *мятёть* (IV, 403); Ельнинский у., с. Боровское: *ни пякёть* (IV, 574), *бьёть* (там же), *ни*

[5] «Анкета по говорам Смоленщины»; в дальнейшем: «Анкеты» с указанием номера.

[6] «Белорусская программа».

пьёть (IV, 577); с. Крутиловка: *паёть* (IV, 361) *падаёть* (там же), с. Проверженка: *льлёш* (IV, 453); с. Радошково: *ёль* (II, 207), *ни пьёш* (IV, 287), *идёть* (IV, 352), *пупадёть* (IV, 611); с. Сухой Починок: *живёш* (IV, 401), *встаёть* (IV, 520), *даждётца* (IV, 554), *забярётца* (там же), *даётца* (там же); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *дмёть* (IV, 491), *мятёть* (там же); с. Каблуково: *ни живёть* (I, 306), *Надёжычка* (IV, 310, 360), *вязёть* (IV, 311), *пяёть* (IV, 347), *стёжичка* (IV, 388); с. Свалы: *ня пьёть* (IV, 317); Рославльский у., с. Летошники: *пайдёт* (IV, 207), *идёть* (IV, 355); Смоленский у., с. Буловцы: *гнётца* (IV, 398), *льётца* (там же), *смяётца* (там же); с. Даньково: *Христёни* (IV, 16), *гнётца* (IV, 199), *на идёть* (IV, 246), *ёсть* (IV, 278), *даёть* (IV, 501), *пьёть* (IV, 509), *кладёть* (там же), *адёжинку* (IV, 588).

Наряду с этими случаями нередко в таких условиях имеем ***е***, а не ***о***.

Примеры из «Смол. этн. сб.»: Бельский у., с. Беликово: *н'итдаетя* (I, 70), *кладете* (там же), *даеть* (I, 71); с. Дунаево: *идеть* (II, 246); с. Шоптово: *пайдем* (I, 355); Ельнинский у., с. Бердибяки: *памрѐте* (I, 167); с. Сухой Починок: *идеш* (I, 193); Краснинский у., с. Свалы: *льеть* (IV, 583); Рославльский у., с. Митюли: *забьеть* (I, 179); Смоленский у., с. Даньково: *паўзеть* (IV, 50), *памреть* (IV, 244), *зарастеть* (там же); с. Киселевка: *идеть* (I, 410), *пайдем* (I, 411).

3) Наличие звука ***о*** в словах с перемещенным ударением.

а) Перед твердым согласным:

Бельский у., с. Беликово: *подстрялёная* (I, 70), *апущоныя* (там же): с. Шоптово: *писём* (I, 362), *балён* (I, 706), *нигадён* (IV, 332), *вясёл* (IV, 395); Ельнинский у., с. Злотово: *карнём* (I, 211); с. Крутиловка: *свадёбный* (II, 195); с. Проверженка: *балён* (I, 587), *свадёбный* (II, 69); с. Сухой Починок: *атдадёна* (IV, 243, 374); Краснинский у., Холощево: *грязён* (II, 179); Рославльский у., с. Лотошники: *буён* (II, 192), *ясён* (IV, 73); с. Шимановка: *зярён* (IV, 515) Смоленский у., с. Даньково: *тярём* (II, 32), *нивясёла* (там же), *заручена* (IV, 47), *далёка* (IV, 124, 358), *синёй* (IV, 581).

б) На конце слова:

Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *на синё* (IV, 17); Ельнинский у., с. Бердибяки: *рабитё* (I, 284), *паястё* (I, 442); с. Злотово: *на синё* (IV, 365); Краснинский у., с. Каблуково: *синё* (IV, 430); Смоленский у., с. Даньково: *синё* (IV, 223), *сидитё* (IV, 278), *идитё* (IV, 174, 278), *ни ястё* (там же).

4) Наличие звука ***о*** в словах книжного происхождения:

Бельский у., с. Беликово: *васкрёс* (II, 173); Поречский у., с. Иньково: *хрёст* (IV, 124); Смоленский у., с. Даньково: *васкрёс* (IV, 176).

В «Ю-вр. пр.» сведения имеются только относительно глагольных форм настоящего времени. В № 50 в формах 2-го и 3-го лица единственного числа и в формах множественного числа имеется ***е***: *даёшь, даёть, даём, даётя; ведёшь ведёть, ведём, ведётя*; то же отмечено и в № 18а, 72 и 33; в № 85, 25а, 33 также имеем ***е***, кроме 1-го лица множественного числа, где ё: *даём, ведём*; в № 280, имеем *дёшива* и *дёшива*, *адёжа* и *адёжа*, *тёща* и *тёща*, *хрест* и *хрёст*, *нёбо* (небо), но — *поёшь* (поёшь), *нясём*.

В рук. мат-лах РГО имеем: в № XXXVIII. 21 *поёть* (поёт), *идёшь*, *бьёть*, но — *секёть*; в № XXXVIII. 25 — *идёць*.

Таким образом источники не представляют здесь однородной картины. Достаточно сравнить примеры, приведенные во втором пункте, чтобы ясно видеть разные влияния, под которыми находились говоры. Но, к сожалению, приходится отметить, что источники не дают никаких указаний на отношение этих различий к разным слоям населения деревни.

В рук. мат-лах И. Г. Голанова отмечено: 1) отсутствие звука **о** на месте ударяемого *е* перед согласными, отвердевшими позднее: *н'ас'е́ш* (б. Ельнинский у.), *ад'е́жъ* (с. Каталино), *л'ап'е́шкъ* (с. Липовка), но также и *пам'о́рлъ* (б. Бельский у.). 2) *е* и наряду с ним **о** перед мягкими согласными: *пр'ид'е́т'* (д. Павлово), *пайд'е́т'* и *пайд'о́т'* (д. Луговая) и в словах книжного происхождения: *хр'о́ст* и *хр'е́ст* (б. Бельский у.).

В рук. мат-лах АН БССР наблюдается отсутствие звука **о** на месте ударяемого *е* перед согласными, отвердевшими позднее, и перед следующим мягким согласным: *зам'е́рзнут'*, *т'е́т̄у*, *жд'е́т'*, *уб'ар'е́т'*, но, с другой стороны, в конечном ударяемом слоге имеем и **о** вместо *е*: *ц̑ат̄о* и *шт̄о*.

Аналогичные явления представляют и «Бел. пр.» за №. 31, 32 и 34.

В ответах на «Анкету» имеем **о** вместо ударяемого *е* и перед согласными, отвердевшими позднее (№ 2, 8, 10, 24, 27, 33, 35, 38, 39, 44, 46, 47), и отсутствие его в этих условиях (№ 3, 6, 7, 13, 15, 24, 25, 29, 31, 32, 37, 48 и 50), а также чередование **е** и **о** (№ 1, 9, 11, 12, 14, 16, 23, 26, 28, 30, 34, 36, 40, 41, 43, 46, 49); в № 7, 29, 31 и 49 имеем: *ясён*, *болён*.

Судя по замечанию, сделанному в «Анкетах» № 11 и 17, произношение с **о** перед отвердевшими позднее согласными свойственно грамотным и бывалым людям.

Примечание. В печатной статье В. М. Архангельского имеем: *придецца*, *прайдеццы*, *прайдеть* и т. д., но неясно, что здесь обозначает ***е* : *'о* (*ё*)** или ***е***? В записях, приведенных в этой статье, звуки **о** и **е** после мягких согласных обозначаются только буквой **е**, произношение которой остается неизвестным.

По наблюдению автора, в употреблении **о** вместо ударяемого *е* перед согласными, отвердевшими позднее — шипящими, **ц** и **р**, живые говоры не представляют единства: здесь, с одной стороны, имеем: *ад'е́жъ*, *зам'е́рс*, *л'ап'е́шкъ*, *м'е́рзнут'*, *нъзав'е́ш*, *нац̑'д'е́ш*, *т'е́т̄ъ* и т. д., а с другой — *ад'о́жъ*, *зам'о́рс*, *л'ап'о́шкъ*, *м'о́рзнут'*, *нъзав'о́ш*, *пайд'о́ш*, *т'о́т̄ъ* и т. д. или чередование случаев с **е** и **о**: *т'е́т̄ъ* и *т'о́т̄ъ*, *см'е́рс*, но *м'о́рзнут'*, *ад'е́жъ* и *ад'о́жъ*, *куц̑е́ш*, но *н'ис'о́ш*, *в'ид'о́ш* и т. д.

В говоре грамотных и бывалых людей *е* в этих условиях встречается редко; часто оно в говоре женщин. Например, весьма редки случаи с *е* в таких условиях в говоре крестьянина В. Ф. Шалыгина (Ополье), тогда как у его матери и дочери они весьма часты. Редки они и в говоре И. И. Прозвицкого (с. Белоручье), П. П. Сычева (Ямская Слобода), когда последний следит за своей речью (о нем ниже); наоборот, в говоре крестьянок из сел Кряжева и Пушкина или у крестьянки Ф. А. Мариенковой (с. Каспля) они довольно часты.

Звук **о** вместо ударяемого *е* в живых говорах приходилось наблюдать в мягких и конечных открытых ударяемых слогах: *н'и даjо́т'*, *jо́ст'* и *jо́с'*, *ид'о́т'* (села Белоручье, Рогнедино и др.), *н'ис'ит'о́*, *ид'ит'о́* (с. Борки), *таjо́* (ст. Павлиново) и т. д. и *пр'ин'ис'е́т'*, *пайд'е́т'*, *н'и дац̑е́т'* (с. Кряжево), *ц̑аjе* (села Гусино, Сыр-Липки), *ит̄'е́*, *уже́*, но и *ужо́* (с. Пушкино) и т. д., а также *ид'е́т'ь* (села Мошевая, Зверовичи, Скачково, Сычево), *п'ак'е́м*, *ид'е́т'ь*, *н'ас'е́т'ь* (с. Хиславичи), *дъб'ир'е́т'ис'ъ*, *пац̑детъ* (с. Рогнедино) и т. д. при *ид'о́т'ь*, *б'ер'о́т'ь* и т. д.

Гласные неверхнего подъема в безударных слогах

а) Первый предударный слог

1) Памятники письменности XIII—XIV вв. не представляют примеров аканья. Древнейшие случаи аканья впервые встречаются в памятниках XV в., например: *горажане* («Радз. сп. летописи», 146), *про-*

капавше (там же, 131), *анамо* (там же, 60) и т. д. В памятниках XVII в. имеем: *отрача* («Житие Авраамия», л. 14), *златаустаго* (там же, л. 15).

Примечание. Оставляю в стороне случаи: *помигающу* (там же, л. 22), *помагая* (там же, л. 34), где звук *а* в корне *маг-* может быть объяснен древним морфологическим чередованием.

Примеры аканья представляют и памятники XVIII в., но и здесь их также немного. В «Деле о монастырях» имеем: *кораля̂м* (л. 37), *колакольня* (там же), *фарштата* (л. 39 об.) и в ряде собственных имен и фамилий: *Ипалит* (Ипполит; л. 35), *Макавецкий* (л. 37 об.), *Ануфрий* (л. 40 об., 41), *Парфирий* (л. 40 об.) и др.

В приведенных примерах на месте неударенного *о* имеем *а* во всяком положении, независимо от качества гласного в ударяемом слоге.

Наряду со случаями написания *а* вместо *о* в «Радз. сп. летописи» и в «Деле о монастырях» встречается и обратное явление — *о* вместо *а*: *спрятовше* («Радз. сп. летописи», 244 об.), *у Переясловля* (там же, л. 133), *заподными* («Дело о монастырях», л. 29 об.), *Афонасий* (там же, л. 40 об.).

Эти случаи также, может быть, говорят о том, что в говоре писцов этих памятников было аканье: они могут указывать на стремление писца, не различавшего неударяемых *а* и *о*, писать грамотно.

Рукописные материалы фольклорного содержания 50-х годов XIX в. представляют примеры ярко выраженного диссимилятивного аканья: *рыдня, тывар, сыжалось* (Смоленский у., с. Хохлово, Обл. сл. 156) и *пыжалуста* (П. Д. Шестаков. Смоленский говор. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45) [7] и т. д.

То же дают и другие печатные источники второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в., где редуцированный звук из предударных *о* и *а* после твердых согласных пред ударяемым *а* (и *'а*) передается буквой ***ъ***.

Примеры такой передачи представляет прежде всего «Смол. этн. сб.» В. Н. Добровольского. Отмечены они в следующих селах:

Бельский у., с. Дунаево: *стыяли* (II, 244), *стыяла* (там же); с. Шоптово: *настыятилю* (I, 334), *сыгласна* (I, 360), *паныравилась* (I, 361), *твыя* (I, 598), *стыяла* (I, 671), *стыяў* (там же), *кыня* (IV, 414), *двыра* (там же), *дысталась* (IV, 416); Вяземский у., с. Новоселье: *стыяла* (II, 284), *стыять* (II, 288), *твыя* (IV, 214); Дорогобужский у., с. Егорье: *быяры* (II, 211), *пышла* (IV, 330), *мыя* (там же), *пирыгами* (IV, 409); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *настыяща* (I, 236), *выгыняла* (IV, 21), *стыяла* (IV, 104), *рыса* (IV, 122), *мыя* (IV, 143), *пастыять* (IV, 285), *скызала* (IV, 474); с. Пречистое: *стыять* (I, 315), *у ныгах* (I, 315), *скызала* (I, 318), *кыда* (там же), *такыва* (IV, 282), *кыпаю* (IV, 494), *пычаў* (IV, 497); с. Шиловичи: *тыкая* (IV, 282), *мыя* (IV, 392); Ельнинский у., с. Боровское: *пыхвалють* (II, 142), *стыять* (IV, 503, 575); с. Крутиловка: *мыя* (II, 142), *быяри* (IV, 115), *выда* (IV, 131), *пыдгыняли* (IV, 623), *пышла* (IV, 387); с. Злотово: *мыя* (II, 122), *быгаты* (там же), *кыня* (IV, 300), *рыса* (IV, 364), *двыра* (IV, 379); с. Проверженка: *сыбака* (I, 656), *сыбакый* (там же), *пырысят* (I, 658), *выхвылялся* (II, 70), *выхвыляйся* (там же); с. Радошково: *пыстаў* (II, 100), *быяри* (IV, 14), *барывая* (IV, 147), *двыра* (IV, 279), *сыма* (IV, 341), *твыя* (там же); с. Сухой Починок: *стыяўвши* (I, 168), *выгынять* (I, 190), *пирыга* (IV, 180), *твыя* (IV, 301); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *стыять* (IV, 337); с. Каблуково: *стыкан* (IV, 310), *мыя* (там же), *твыя* (IV, 311), *ныгах* (IV, 317), *стыять* (IV, 564); с. Свалы: *ап-*

[7] В дальнейшем: П. Д. Ш.

рыстай (IV, 313), *рydня* (там же); Холощево: *стыяла* (II, 182), *брысаиш* (там же), *пышла* (IV, 353), *мыя* (там же); Поречский у., с. Иньково: *дыстануся* (IV, 108); Рославльский у., с. Васьковка: *нипырядычик* (IV, 362); с. Летошники: *стыять* (IV, 76), *стыяння* (IV, 206), *пышла* (IV, 355), Михайловка: *стыяў* (I, 177), *выгынять* (там же); Полуево: *мыя* (II, 362), *кыса́* (там же), *сырвали* (IV, 238), *сылдаты* (IV, 557), Шимановка: *скызав* (IV, 515), *пысады* (там же); Смоленский у., с. Алексино: *мыя* (IV, 522), *сылдатчину* (IV, 550); Даньково: *Рымана* (II, 32), *пыра* (там же), *мыя* (II, 33), *пырядычку* (II, 48), *пастыять* (II, 62), *памыхать* (там же), *на пыля́* (IV, 10), *кыляд* (IV, 23), *былять* IV, 31), *скыкать* (IV, 103), *кыпали* (IV, 115), *хызяин* (IV, 512), *твыя* (IV, 658).

То же имеем и у Вл. Костылева [8]: *ни пыха́ть* (55), *сылда́тушки* (55), *брыня́ть* (браня́т; 56), *мыя́* (60) и др.

У А. А. Никольского: *двыра́, пыря́тки, тыва́ру* (т. 45, стр. 274).

У А. А. Шахматова здесь не только *ы* (*сыма́, глыза́*), но и *ǎ* — *дǎма́* (т. 38, 173).

В ответах на «Краткую Академическую программу» [9] в названных выше селах и деревнях, за исключением сел Алексина, Мархоткина, Княжого, Гор и д. Моцылевки, редуцированный гласный также передается буквой *ы*: *выда́, ныга́, скыза́ть, гылыва́, кыза́ли, кыза́в, вдыва́* и т. д. В селах же Алексино, Мархоткино, Княжое, Горы и д. Моцылевке, где этот звук определяется как звук менее ясный, чем в положении его перед другими гласными, автор обработки Н. Н. Дурново передает его через *ǎ* (редуцированный, неполного образования, близкий к звукам среднего ряда).

Тут же в наблюдениях над говором с. Жабина Хорошовской вол. Рославльского у.[10] автор обработки ответов на «Кр. Ак. пр.» обозначает редуцированный звук в этом положении или буквой *а* с точкой над ней, или буквой *ъ* (сильно редуцированный и очень краткий звук среднего ряда): *сла̇ва́, ка̇ня́, на̇шла́, съба́ка.*

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 50 из д. Урова Бельского у. имеем *ы* или *а* с замечанием «гласные походят больше на *а* или *ы*».

Точно так же в № 85 из с. Нежоды Ельнинского у. и деревень Кузино, Прасолово, Нерыбино, Гудково, Митино, Вязовка, Батаево, Гурьево на редуцированный гласный указывает замечание о «неотчетливом» произношении звука *а* — звук «больше походит на *а*».

В ответах из Жиздринского у., из с. Зимницы-Драгошань, № 18а, о характере аканья вследствие неясности ответа трудно судить, но № 25а определенно указывает на диссимилятивное аканье: *выда́, сыма́, трыва́, дыва́ть, дыва́й.*

То же дают и ответы из Мосальского у., из д. Козловка, № 36 (звук определяется «как будто *ы*»), и из д. Утриково, № 72.

Ответ № 33 из с. Селишны Ржевского у. также указывает на диссимилятивное аканье: приведя примеры *выда́, сыма́, дыва́ть,* но *дари́ть, кладу́* и т. д., автор ответа определяет первый предударный звук в этом положении как «нечто среднее между *а* и *ы*».

То же и у И. Г. Голанова в названной его статье «Несколько новых данных . . .»:

Почти везде отмечен редуцированный звук: *скъта́, пъпра́ўд'и, пъста́в'ит', пън'а́тнъ, нъ бъза́р, къка́jа, пъжа́л'и, труднъва́тъ* и т. д., но также и *сабáка* (с. Каталино).

---

[8] Вл. Костылев. Песни крестьян с. Краснозаборья, Рославльского уезда.
[9] В дальнейшем: «Кр. Ак. пр.».
[10] Наблюдений над говором из Вяземского у. непривлекаю, так как местность в этих случаях определена весьма неточно: «где-то около Вязьмы». Точно так же не могу использовать и наблюдений над говорами Бельского у. за отсутствием указания местности («местность неизвестна», говорится здесь).

В рук. мат-лах О. А. Державиной аканье в районе наблюдений охарактеризовано как «повсеместное ярко выраженное» (за редкими исключениями) диссимилятивное: *въдá, тръвá*, но *вады́, травóй*.

В рук. мат-лах А. М. Иванова в большинстве примеров имеем **ы**: *двырá, хылстá, пышлá* и т. д. и лишь в незначительном числе редуцированный звук **ъ**: *бъзáрный, пъшлá, дъчкá* и т. д.

В рук. мат-лах ЗОАБ [11] всюду имеем редуцированный звук **ă**: *зăдрáў, кăня́, хăрóшая, скăзáў, пăспрóбаю, мăлăдáя, сăмá* (д. Юрошки), но также отмечаются случаи с заместителями редуцированного звука: *вытвылáк'ивать* (отволакивать; с. Надва).

В рук. мат-лах АН БССР имеем: *кыня́, пыстáвим, скызáть* [12] и т. д., где **ы** обозначает редуцированный гласный на месте неударяемых **а** и **о**.

Из рукописных источников на диссимилятивное аканье указывает и полная «Академическая программа» для собирания говоров южновеликорусского наречия из д. Филюкино Городской вол. Бельского у., № 280 [13]. Здесь имеем: *трывá, гырá, глызá, сыбáка*.

«Сборник» же В. В. Богданова, как уже сказано, во всех условиях сохраняет **а**, а в рук. мат-лах РГО преобладает орфографическое написание.

Большинство источников не отмечает изменения звуков **а** и **о** в начале слова. Отмечено оно, например, в «Смол. этн. сб.». Здесь на месте звуков **а** и **о** имеем звук, передаваемый на письме через **и**.

Бельский у., с. Шоптово: *ина* (I, 342), *иўляютца* (I, 349), *идин* (I, 356), *ипять* (I, 363); Дорогобужский у., с. Егорье: *ина* (IV, 330); Ельнинский у., с. Бердибяки: *игни* (I, 172), *иўса* (I, 192), *ибсеить* (I, 193), *ит пяти* (I, 199); с. Проверженка: *ипять* (I, 587, 677); с. Лукино: *об ивцах* (I, 215); Смоленский у., с. Даньково: *иўцы* (I, 658); с. Киселевка: *иб* (=об; I, 410).

У А. А. Никольского: *инá, ины́, ипя́ть* (т. 45, стр. 273).

Как видно из примеров, **и** в таких условиях отмечено не только перед ударяемым **а**, но и перед другими гласными.

2) На месте тех же предударных звуков (**а** и **о**) после т в е р д ы х согласных в положении их перед другими ударяемыми гласными (**о**, **у**, **е**, **и**, **ы**) в источниках имеем *а*; например, у Вл. Костылева в фольклорных материалах: *салóвушки* (55), *паю́ть* (55), *лажи́мся* (56); у А. А. Шахматова: *паклóны, скату́, вазьмéш* (т. 38, стр. 174) и т. д.

3) После м я г к и х согласных перед следующими ударяемыми **а** на месте звуков **а** (**'а**) и **е** имеем главным образом **и**. Примеры с **и** представляет «Смол. этн. сб.»:

Бельский у., с. Беликово: *устричаитесь* (I, 70); с. Дунаево: *присигать* (I, 334), *пиўцам* (IV, 174); с. Шоптово: *визанку* (I, 336); Вяземский у., с. Новоселки: *дивятый* (II, 281); Дорогобужский у., с. Егорье: *узила* (IV, 214); Духовщинский у., с. Береснево: *дримала* (IV, 132); Пречистое: *питнацыть* (I, 315), Шиловичи: *чудиса* (I, 391); Рославльский у., с., Летошники: *литала* (IV, 207), *тиряла* (там же), *пчила* (IV, 211), *бида* (14, 270); с. Михайловка: *дилам* (I, 177); с. Шимановка: *рибяты* (IV, 515); Смоленский у., с. Даньково: *висна* (II, 32) и т. д.

---

[11] Западное областное архивное бюро.

[12] Транскрипция источника.

[13] В дальнейшем буду называть только номер ответа — 280.

То же и у А. А. Шахматова: *висна́*, *лиса́*, *бида́* (т. 38, стр. 175); у А. А. Никольского: *лижа́ла*, *дивя́тый*, *лиса́ми*, *дила́ми* (т. 45, стр. 276).

В ответах на «Кр. Ак. пр.» в с. Дрогачево и приходе, Бельского у., имеем *а* и *и*: *сямна́дцать*, *ня та́к*; *ня зна́ю* и *миша́л*, *сича́с*; в с. Княжом и округе, Краснинского у., отмечено *а* и *е*: *вясна́* и *нема́*; в Цуриковской вол. Смоленского у. отмечено *и* и *я* в «некоторых деревнях», но не ясно — встречаются ли *и* и *я* перед ударяемым *а* или перед другими ударяемыми гласными; в остальных же селах и деревнях имеем *и*, насколько можно судить об этом на основании сводной таблицы ответов и «Дополнительных замечаний» к ним (см. «Труды МДК», вып. 2, стр. 72—86).

В наблюдениях Н. Н. Дурново над говором Жабино отмечено *а* (*'а*) перед твердыми, *и* перед мягкими: *бяда́*, *расцвята́ють* и *тибя́*.

В ответах из Бельского у. № 50 и Ельнинского у. № 85 перед ударяемым *а* имеем *и*: *вила́*, *нисла́*, *рика́*, *твита́ми*, *пита́к*, *плиса́ла*, *тимна́*, *зализа́ть*, *принисла́*, *высива́ть*, *выгриба́ть*, *виля́ть*, *миня́ть*, *потиря́ть*, *смия́ться*, *disя́тый*, *зимля́*, а перед другими ударяемыми гласными *'а*.

То же дает и № 25а из Жиздринского у.: на *и* перед ударяемым *а* указывает и № 18а из того же уезда, отмечая отступления лишь в отдельных словах.

4) На месте тех же звуков перед другими ударяемыми гласными (*о*, *у*, *е*, *и*, *ы*) после мягких согласных имеем *а* (*'а*) или *и*, или чередование того и другого звука, например «Смол. этн. сб.»:

Бельский у., с. Беликово: *мяшок* (I, 69), *сирябро* (там же), но тут же *вирсту*; с. Городок: *сярпы* (IV, 254), *мяжой* (там же), но *узвисилили* (IV, 254); с. Дунаево: *сядели* (II, 245), *бярёза* (II, 247; но несколько выше *бирёза*), *рябро* (IV, 173), *лянок* (IV, 464), *даляко* (там же), но и *виръхушички* (II, 244), *бирёзушка* (II, 245), но тут же и *сядели*; *либёдку* (II, 247), *застилю* (IV, 43), *набилюсь* (IV, 64), *тисовыми* (IV, 173), *сижу* (IV, 174; тут же и *сяжу*), *лити-ка* (IV, 342), *мижою* (IV, 467); с. Шоптово: *ящо* (I, 332), *яўрей* (I, 333), *мудряней* (I, 672), *справядлива* (I, 675), *вялела* (IV, 414), но тут же и *глидеть* (I, 349), *упирёд* (I, 350), *тирибить* (I, 604; но тут же и *тирябить*, I, 605), *динёчкыў* (IV, 79), *висёлыму* (IV, 416), *визли* (IV, 464); Вяземский у., с. Новоселье: *цвяток* (II, 281), *ня сохнуть* (там же), *лянок* (IV, 471) но *либёдушку* (II, 287); Дорогобужский у., с. Егорье: *расплями* (II, 210), *сядели* (IV, 136); Духовщинский у., с. Береснево: *палятели* (IV, 126), *сяло* (там же), *мяжу* (IV, 254); с. Никола Ядреич: *лятели* (II, 216); с. Пречистое: *пяють* (II, 221), *пяеть* (IV, 148), но *сирдечка* (IV, 59), с. Шиловичи: *па сялу* (IV, 403); Ельнинский у., с. Бердибяки: *тваяму* (II, 181), но *систёр* (I, 167, 168); с. Боровское: *тяперь* (IV, 508), *тябе* (там же), *сядеў* (IV, 546), *свыяго* (IV, 575); с. Крутиловка: *ни лялей* (IV, 131), *пылятим* (IV, 297), но *тисовая* (IV, 298), *тисовыя* (IV, 355); с. Злотово: *вянки* (IV, 286), *дяржить* (IV, 299), *сямеюшка* (IV, 300), *бярёза* (IV, 318), но *тисовая* (IV, 556), Проверженка: *пятёрычку* (I, 588); с. Радошково: *пятух* (IV, 72), *слязу* (IV, 131), *пабярёх* (IV, 226), *дятей* (IV, 229); с. Рудня: *лябёдушки* (IV, 20), *нясуть* (IV, 21), *нясеть* (там же), *лятела* (IV, 221), *у ряхи* (IV, 482), *стряльцов* (там же), *злятела* (IV, 597); с. Сухой Починок: *зямли* (I, 184), но *жизлом* (I, 183), *сириди* (IV, 544), *лисочку* (IV, 617), *виселыму* (там же); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *сядели* (IV, 136), *снягоў* (IV, 491); с. Каблуково: *сваяму* (IV, 56), *ня бьеть* (там же), *дявицами* (IV, 56), *бяреза* (IV, 197), *пятух* (IV, 305), *вянцу* (IV, 389); с. Свалы: *сяребреная* (II, 1), *лятеў* (IV, 253), *либяды* (IV, 302), *сваяму* (IV, 312), но *ни буду* (IV, 443); с. Холощево: *тя-*

теря (II, 177), *палятела* (там же), *ялина* (II, 182), *тисовый* (II, 181); б. Поречский уезд, с. Иньково: *ни вяли* (IV, 57); *бяреза* (там же); Рославльский у., с. Летошники: *правяди* (IV, 150), *заплятися* (там же), *тяпло* (там же), *тясемки* (IV, 266), *ряку* (IV, 273), но *тимну* (II, 192), *в дивитёх* (IV, 76), *тисовенькая* (IV, 281), *либёдка* (IV, 378); с. Романовка: *мядведя* (II, 190), *ляжить* (IV, 179; но тут же *тисовая*); с. Черепово: *дявицу* (IV, 293); Смоленский у., с. Буловцы: *лясок* (IV, 391), *вядро* (IV, 550), но *стипям* (IV, 637), *в диревне* (IV, 398; однако тут же *вясельля*), *видерцы* (там же; но тут же *кляновы*), *визуть* (IV, 550); с. Даньково: *пярчист*, (I, 659), *вясельлику* (II, 48) *вясельля* (там же), *каляда* (IV, 15), *аряшок* (IV, 63), *дитё* (IV, 105), *лянюся* (IV, 134), *пятух* (там же), *лятитя* (IV, 135), *тваяму* (IV, 145), *вялела* (IV, 507), *либяда* (IV, 608), но *висила* (IV, 277), *тисовыя* (IV, 182), *вилю* (IV, 596).

У Вл. Костылева исключительно *а* (*'а*): *бяз до́ли* (59), *ня до́лга* (60).

У А. А. Шахматова: *вядро́*, *бядо́вай*, *зямли́* и *тиле́уа*, *унисе́ть* (т. 38, стр. 176).

Анализ этих примеров приводит к выводу, что яканье в Смоленщине в основном диссимилятивное, но наряду с ним встречаются и другие разновидности типов яканья, о чем ниже. То же представляют и другие источники.

Так, в рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем *а* перед твердым согласным и *и* перед мягким, т. е. умеренное яканье, но оно не является здесь исключительно, так как здесь же имеем примеры типа *залятела*, *к зямли*, *бяр'озу* и *види́*, *на силе́*, *на рике́*; но *р'ака́*, о чём говорят следующие записи А. А. Богданова:

Бельский у., д. Антипово: *н'асут'*; д. Батурино: *з'ал'онин'кай*, *в'аноч'ки*; с. Большево: *мяшочки*; с. Будино: *зал'атела*, *за р'акой;* д. Бунаково: *у з'ал'оным*; д. Василевка Асуйской вол.: *к з'амли*, *бир'ажок*, *л'асок*, *л'асу*, *д'аўчонки*, но *стили*, *у д'вирей*; то же чередование отмечено и у 18-летнего парня, учащегося в г. Ржеве: *н'аможичка*, но *ни шол*, *дифчонка*, *дитина*; д. Высокое: *с'ладочкыў*, *л'ажит'*, *б'ар'озу*, но *дивицы*; д. Горки: *н'а вижу*, *на р'аке*, *пајасок*, *пајаса*, *с'ардеч'ка*, *за р'акой* и *у с'витлицу*, *Питра*, *к Питрову*, а также и *к Пятрову д'н'у* (от крестьянок разного возраста); д. Капteловка: *с'ажу*, но *бижала*, *ф тимницу*, *ф тимницы*; д. Ковалево: *в'анок*, но *бир'оза*; д. Красные Долины: *ни б'арет'*, но *зил'оны*; д. Малые Семики: *с'астрицы*, но *нидел'ушку*; д. Никитино: *ц'в'ала*, но *дитина*, *биреза*, *биседа*; д. Новоселки: *л'асы*; д. Пасино: *уз'алок*, *с'л'азам*, но *видели*; д. Плоское: *бир'ажок*, *сн'ажок*, *вит'арком*, но *ни сохнит'*, *т'витом*, *бир'ёзу*, *ни ўмеју*; д. Рахманово: *н'а видил*, но *дитей*, *бир'озый*, *тибе*; д. Рудаково: *дал'ако*, но *нивирна*, *к винцу*; д. Саново: *л'ажит*, *пал'ажу*, но *з'висилил*, *надилил*; д. Сенюки: *ц'в'аты*, *н'а пой*; д. Сидоры: *ц'в'аточки*, но *на рике*, *пасичом*, *забир'ом*, *нис'от*; д. Симановка: *в'анки*, *п'аски*, но *зил'онин'ка*, *залитела*, *бириги* (берега); д. Сухинино: *н'а шол*, *в'ас'олаја*; д. Тилибукино: *в'аночки*, *ц' в'аточки*, но *бир'оза*, *сидел*, *книз'јо*; д. Тимошино: *б'ар'озу*, но *падир'омс'а*; д. Шабулино: *в'аноцки*, *в'анки*, *н'авол'а*, но *нисцаснују*, *надилила*, *вилика*, *Катиринушка*; д. Шейкино: *на р'аке*, но *сиребриныји*; с. Шоптово: *с'л'адочками*, но *нибир'от'*, д. Янцыферово: *б'ажит'*.

С другой стороны, примеры только с *и* имеются в записях В. В. Богданова по следующим населенным пунктам:

д. Азарово: *вис'олы*; д. Акулово: *лижит'*, д. Алексенки: *павизу*; д. Бартенево: *сирдечушка*; д. Бейково: *мит'от'*, *у биседи*; д. Бунино: *бир'озу*, *р'ику*; с. Волыново: *с'мијоцца*, *шилкову*, *питл'у*, *литела*, *биде*; д. Вышние Мастаки: *винец*; д. Гаврилово: *биседу*; д. Глушаково: *сидела*, *дитей*; д. Гульнево: *бир'озы*; д. Дупильня: *бир'оза*, *дин'очки*,

зил'он; д. Дьяково: *бир'озы*; с. Егорье-на-Березе: *бирижок, Сир'ожа*; д. Казаково: *сидит'*; д. Кашилово: *сирдечушка*; д. Климово: *за ришотку*; д. Климятино: *диревни*; д. Кудришиха: *пирины, шилковаја*; д. Масляково: *бир'оза*; д. Мольня: *диреўни, парин'ок, линок, ни буду*; д. Некрасово: *к винцу*; д. Новое Коровье: *ни косит', ни жн'от', ни л'убит', ни бир'от', Сир'ожа, сижу*; д. Паршино: *сирдечушко*; д. Половцево: *в лису, бир'оза*; д. Редькино: *пирс'тин'ок*; д. Сумароково: *лител*; д. Сущево: *улитела*; д. Сычёво: *с'пики*; с. Татива: *лижу, тижол, лижит'*; с. Холм (волость): *цвиточки, виноцки, на рике, писки, биришки*; д. Шелухино: *ни буду*; д. Ясинная: *бижит'*.

Сопоставление этих примеров с приведенными выше с ***а*** и ***и***, а также и с показаниями других источников приводит к выводу, что ***и*** здесь характеризует преимущественно песенный язык, а в живых говорах оно находится в чередовании с ***а***.

Единичные примеры представляют рукописные материалы РГО — в № XXXVIII. 21 имеем: *бида, типерь, сижу* и т. д.

В ответах на «Кр. Ак. пр.», в «Дополнительных замечаниях», за исключением единичных случаев, имеем ***а***; в единичных случаях ***и*** или ***а***, или ***а*** в чередовании с ***и*** [14].

Примеры: Бельский у., с. Дрогачево и приход, Селецкой вол.: *с'амна́дцать, опряглась*; деревни Костино и Мешки: *сяло́, тяпло́*; Вяземский у., с. Горки: *вясу́, вясло́, сяло́, бяри́*, но также и *зилёный, ниде́ля*; Дорогобужский у., деревни Подмошье, Секарево, Жашково, Загорье, Еловка Волочковской вол.: *Сямён, Сярге́й, вярёвка*; Ельнинский у., с. Балтутино: *сяло́, Яхи́м, сляпо́й, мяне́, нясе́ть*; с. Мархоткино и Мархоткинская вол.: *сяло, тяпло́, ня ру́ш*; с. Бывалки: *яны́, няру́ш*; Краснинский у., с. Герчиково: *сяло́*; Поречский у., Бородинская вол.: *сяло́*; Рославльский у., д. Алферово: *пяю́ть*, но также и *мидве́дь, бирёза, дирюга, силёдка*; с. Каталино: *сяло́, тяпло́, кряпче́й тяплей*; с. Луги: *сяло́, тяпло́, яго́, бярёза, тяпе́рь*; д. Моцылевка: *вярёвка*; с. Сукромля: *вирёвка*.

В с. Жабине имеем: 1) ***а*** — *тяжо́лъя, сямсо́т, яуо́, яму́*; 2) ***и***: *тибя́, виве́стку* и 3) ***е***ⁱ: *пъдеⁱри́*.

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 50 из Бельского у. и № 85 из Ельнинского у. имеем ***а***: *вяду́, в пяску́, пряду́, ляго́ушка, бяды́, сяло́, пясо́к, пanясу́, напряду́ть, завярну́ть, помяло́; пяти́, сястре́, тямне́ть, вядёрный*.

В ответах из Жиздринского у. № 18а также имеем ***а*** — приведены те же примеры, что и в предыдущих ответах, а также ***и*** — *писо́к* (рядом с *пясок*), при этом имеется весьма интересное замечание, что «мещане и вообще люди с более чистым выговором» говорят: *виду́, в писку́, лисо́к, понису́, помило́, пити́, ниси́, мине́*; в № 25а отмечено ***а***.

Ответы из Мосальского у. № 36 представляют в этих условиях ***а*** (те же примеры, что и в предыдущих ответах), но также и ***и*** — *виде́ть* рядом с *вяде́ть*; в № 72 находим только ***и***.

В ответе из Ржевского у. № 33 имеем умеренное яканье: *вяду́, в пяску́, пряду́, лягу́шка, бяда́, сяло́, пясо́к, понясу́, напряду́ть, завярну́ть, памяло́* и — *пити́, ниси́, дисити́, виде́ть, глиде́ть, в гнизде́, систре́, тимне́ть, виде́рный, смию́тся, тижыле́й*.

В мат-лах А. М. Иванова даются примеры со звуком ***и*** на месте ***е*** и ***а*** после мягких согласных перед ударяемыми ***о***, ***у***, ***е***, ***и*** и ***ы***, но оно́ (***и***) не является исключительно, здесь отмечается и ***а***.

---

[14] Сведения в таблице неясны: в п. 2 указано ***я*** и кое-где ***я*** и ***и*** или одно ***и***, но где слышатся эти звуки — перед ударяемым ***а*** или перед другими ударяемыми гласными?

В работе В. М. Архангельского, в первом рассказе, записанном в Волочке со слов грамотного, весьма бывалого человека, 28 лет, жившего в Москве, также имеем *а*: *дьячкова*, *пяском*, *явления*, *сягодня*, но преобладают в этих условиях случаи с *и*: *дьичок*, *дьичкова*, *дьичиха*, *зимли*, *йивился*, *павирнусь*, *рибенок*, *виревачка*, *нидолга*, *с симьей*, *ниси*, *паситителими* и т. д., причем тут же на месте неударяемого *а* или *о* встречаем *ъ*, а в статье Н. П. Гринковой и в статье И. Г. Голанова («Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья») — *ъ*.

В «Бел. пр.» № 31 и 32 имеем только *а*; в «Бел. пр.» № 34 звук *а* отмечен только перед ударяемыми *о*, *у*, *е*, *и* и *ы*; перед ударяемым *а* имеем *и*.

В ответах на «Анкету» на месте *а* перед ударяемыми *о*, *у*, *е*, *и* и *ы* имеем *а* в № 1—3, 6, 9, 11, 13а, 15, 19, 20, 22, 23, 25а, 25б, 26, 27, 27а, 28а, 28б, 28в, 30, 31а, 35, 37, 39, 39а, 40, 41, 42—45, 47, 47а, 47б, 47г, 47д, 48; в №: 24, 29, 33, 46 — *и*.

В «Анкетах» № 16, 28, 36 и 39а на месте *'а* (*я*) отмечено *е* (*кипетóк*, *преду*). Если судить по наблюдениям, сделанным мною в селах Белоручье, Рогнедине, Скачкове и над говором возчика из с. Данильева, то в этих ответах буква *е* передает звук e^i.

В остальных анкетах чередуются примеры с *а*, *и* и *е*. На месте *е* в «Анкетах» № 6, 10, 11, 13—15, 20, 25, 26, 27, 28а, 29, 37, 38, 40, 41, 43, 47в, 47г, 48, 50 имеем *а*; в № 24 и 23 — *и*; в № 2, 28 и 47 — *е* (о звуковом значении его см. выше, хотя *е* может быть и орфографическое); в остальных «Анкетах» то же чередование, что и на месте *а*.

В некоторых «Анкетах» имеется попытка указать, каким возрастным группам населения свойственно отмеченное здесь произношение, но, за немногими исключениями (например, в № 31), они не дают чего-нибудь определенного.

В «Анкете» № 31 на месте *'ӑ* отмечен редуцированный звук (передается через *е*) как черта, характеризующая людей, не имеющих отношения к отходу, постоянно живущих в селе.

Примечание. Отмечаемое в «Анкетах» *'а* на месте *е* перед ударяемым *а* (№ 15, 28, 34, 36, 39, 40, 47, 49) может быть нефонетического происхождения: вызвано оно влиянием других слов главным образом того же корня, например: *змяя́*, *взялá*, *вялá*, *ня́слá* возникли под влиянием слов: *змяй*, *взять*, *нясý* и т. д. или, может быть, здесь имеем дело с чертами ассимилятивного яканья.

Перед другими ударяемыми гласными в мат-лах И. Г. Голанова отмечено в этих условиях *а*: *с'арпóчик*, *т'апло́*, *п'асóк*, *з'амл'и*, и т. д., но у лиц младшего поколения и в этих условиях имеем *и*: *з'имл'и* в говоре 23-летнего парня из с. Хотеевки, тогда как у его отца, крестьянина 50 лет — *з'амл'и*.

После шипящих и *ц* в первом предударном слоге источники имеют, с одной стороны, *и* (*ы*), а с другой — *а*.

В «Смол. этн. сб.» имеем: Бельский у., с. Беликово: *чатыри* (I, 69), *вичаром* (I, 71), *цалковых* (I, 70); с. Дунаево: *жалезный* (IV, 173), *чатыри* (II, 246), *часнок* (IV, 64), *шасти* (IV, 174); с. Шоптово: *жина* (I, 348; II, 227), *жанить* (I, 348), *чатыри* (I, 333); Вяземский у., с. Новоселье: *цалуить* (II, 284), *пыцалую* (IV, 410); Дорогобужский у., с. Егорье: *жина* (IV, 330); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *жану* (I, 235), *чарвоные* (I, 217), *чарвонцы* (IV, 37); с. Шиловичи: *качарьгою* (IV, 517); Ельнинский у., с. Бердибяки: *на чирдак* (I, 474), *шарстей* (I, 188), *ни шаволицца* (I, 208); с. Крутиловка: *чатыри* (IV, 26, 286), *шилкавыя* (IV, 297); с. Лукино: *чарвей* (I, 211); с. Понизовка: *чарвей* (I, 210), *чартей* (там же); с. Радошково: *чарнушичка*

(II, 209), *чатыри* (IV, 286), *шаволить* (IV, 351); Краснинский у., с. Каблуково: *жина* (IV, 306), *чарнила* (IV, 128); с. Свалы: *шарстиначки* (IV, 583); Поречский у., с. Иньково: *пчала* (IV, 113); Рославльский у., с. Летошники: *чатьвертый* (IV, 208), *чачоточка* (IV, 211), *чатыри* (IV, 309), *тижилёшинька* (IV, 309); с. Митюли: *жина* (IV, 268), *пчила* (IV, 211); с. Полуево: *чатьвертая* (II, 189), Смоленский у., с. Буловцы: *пацалую* (IV, 391); с. Даньково: *мужанек* (IV, 283).

У А. А. Шахматова перед ударяемым *а* имеем *ы*: *жына́*, *цына́* (т. 38, стр. 175); перед прочими ударяемыми гласными *а*: *жале́за*, *чижало́*, *шасто́м* (там же).

То же представляют и приведенные примеры из «Смол. этн. сб.»: *ы*, *и* чаще встречаются перед ударяемым *а*, а *а* перед другими ударяемыми гласными.

В «Кр. Ак. пр.» нет вопроса о судьбе этих звуков в положении их после шипящих. Лишь в некоторых ответах случайно встречаются слова с гласными в первом предударном слоге в положении их (гласных *а*, *о*, *е*) после шипящих. Во всех этих случаях имеем *а*: из с. Дрогачева Бельского у. (*т'ижало́*, *чаты́р'и*), из с. Балтутина Ельнинского у. (*чаты́р'и*), из с. Мамошек Поречского у. (*чаты́ри*), из с. Каталина Рославльского у. (*чаво́*).

В с. Жабине автор обработки ответов на «Кр. Ак. пр.» также отмечает *а*: *ничауо́*.

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 50 из Бельского у. имеем почти исключительно *а*: *цалу́ю*, *цалко́вый*, *цапо́чка*, *в цапя́х*, *процади́л*, *цале́й*, *жалу́док*, *жару́*, *шасто́й*, *почарпну́ть*, *жале́ть*, *шали́ть*, но также и *и* (*ы*): *жыла́нный*, *жыру́*, *шыга́ть*, *вчира́сь*.

В ответе № 85 из Ельнинского у. также преобладает *а*; *и* (*ы*) отмечено в следующих словах: *цыпа́ми*, *в цыпя́х*, *цыле́й*, *жила́нный*, *шыга́ть*, *вчира́сь*.

Те же приблизительно примеры с *а* представляет и ответ из Жиздринского у. № 18а; *и* (*ы*) отмечено в следующих словах: *жилеть*, *щисливый*, *жыланный* (и *– жаланный*) и т. д. Ответ № 25а из того же уезда дает то же самое — *а* в ряде примеров и *и* (*ы*) в следующих словах: *жыланный*, *шыга́ть*, *вчира́сь*, *жыла́ть*.

В ответах из Мосальского у. (№ 36 и 72) имеем только *и* во всех вышеприведенных словах.

Ответ № 33 из Ржевского у. представляет случаи с *а* и *и*. Ответ на № 280 представляет: *жира́* и *жара́*, *цына́*, *жына́*.

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем в этих случаях (после шипящих) *а* и *и* (*ы*) — Бельский у., д. Бартенево: *жаницца*; д. Богдашево: *па жане*; д. Волково, Березовской вол.: *жиной;* с. Волыново: *шилкову*; д. Высокое: *жанил*; д. Вышние Мастаки: *жина*; д. Гвоздево: *ни жанис'а*; д. Глушаково: *жина*; д, Голенищево: *ни жинат*, д. Дупильна: *жина*; с. Каменец: *жаних*; д. Ковалево: *жина*; д. Кострицы: *жана*, *ажанила*; д. Красная Долина: *жина*; д. Кудришиха: *шилковай*; д. Марково: *тижила*, но *жана*; с. Мольня: *жинатый*; д. Смальники: *жина*; с. Татива: *жиной*; Духовщинский у., д. Кубарово: *жаних*.

Ряд аналогичных примеров дают материалы И. Г. Голанова, «Бел. пр.» и статья Н. П. Гринковой. Остальные же источники не представляют последовательно приведенных здесь примеров.

В ответах на «Анкету» имеем приблизительно то же, что дают наблюдения над говорами, без указания, однако, каким слоям населения свойственно отмеченное в них произношение.

В моих наблюдениях на месте тех же предударных звуков (*а* и *о*) после твердых согласных перед ударным *а* с предшествующим ему твердым или мягким согласным у пожилых людей, главным образом

женщин, а иногда и у бывалых стариков имеем здесь редуцированный звук, акустически и артикуляционно весьма близкий к *ъ*; иногда же слышится более или менее ясное краткое *ы* (заместитель редуцированного звука), а также и *а*, нередко рядом с редуцированным звуком или его заместителем.

Наиболее частые случаи чередования редуцированного звука или его заместителя и гласного (*а*) полного образования (например: *вдыва́*, *дычка́* и *сама́*, *вада́*, *трава́* и т. д.) отмечены: а) в говоре активистки из с. Гребнёвки; б) у 90-летнего старика Ф. С. Воробьёва в с. Зверовичах, ветерана русско-турецкой войны 1877—1879 гг., б. крепостного; в) в с. Алфёрове, в крестьянской семье, имеющей отношение к отходу — отец и сын работали на фабрике в Москве; г) в разговоре на ст. Дорогобуж молодой крестьянки из с. Кряжева с матерью и двумя парнями; д) у 75-летней старухи, крестьянки с. Ополья, матери крестьянина В. Ф. Шалыгина; е) у 95-летней старухи из с. Потапова А. А. Гороженковой; ж) у крестьянки из с. Сердечкина А. М. Журавлевой, заведующей домом для приезжающих в пос. Дубровка; з) в говоре плотников с. Спас-Липки; и) в говоре второго собеседника из с. Суйтова (см. выше), три года до мировой войны работавшего в Москве извозчиком. (О говоре парня из с. Березова см. ниже).

Более последовательное употребление редуцированного гласного или его заместителя отмечено мною в говоре: а) у крестьянки с. Бол. Добрая (разговор на ст. Гусино); б) у матери заведующего школы в с. Рогнедине И. К. Фотиева, 69-летней старухи, и у 70-летней крестьянки, местной уроженки; в) у учительницы А. Я. Моисеенко в с. Коханах, родившейся и выросшей в Хиславичах; г) у снохи В. Ф. Шалыгина, 18-летней малограмотной крестьянки, уроженки с. Хохловки, и дочери его Е. В. Шалыгиной, 30 лет; д) у неграмотной крестьянки с. Спас-Липок А. А. Муравьевой, уроженки д. Юшино, 20 лет; е) у неграмотной крестьянки с. Потапова 59-летней вдовы А. Д. Лазаревой. В их говоре почти исключительно слышится редуцированный звук или его заместитель: *въда́*, *зъбра́л'и*, *дъва́й*, *тръва́*, *съма́*, *дъва́л'и*, *пъдр'а́тч'икъм*, *хъз'а́ӣствъм*, *дръжа́т'*, *пън'а́л'и*, *хъз'а́ин*, *удъва́*, *апъзда́л'и* и *рыдн'а́*, *мыја́*, *кын'а́*, *гыст'а́м*, *у гыст'я́х*, *хыз'а́ин*, *сыба́чка*, *дыва́й*, *дычка́*, *пыда́л'и*, *трыва́* (но *тра́вы*) и т. д.

То же наблюдалось и в говоре возчика от ст. Починок до с. Мошевой М. К. Степанченкова, 55 лет, малограмотного из с. Лучёсы, причем редуцированный звук он ясно отличал от гласного полного образования (*а*)[15].

В моих наблюдениях на месте звуков *а* и *е* после мягких согласных перед ударяемым *а* имеем *и*: *вз'ила́*, *п'ин'ка́*, *в'иза́т'*, *с'имја́*, *з'имл'а́*, *в'идра́*, *р'ика́*, *р'иб'а́ты*, *с'истра́*, *цв'ила́*, *ни зна́ӯ* и др. Аналогичные примеры отмечены мною в селах, где велось планомерное наблюдение говора.

В единичных лишь случаях здесь слышится редуцированный звук или звук переднего ряда средне-верхнего подъема. Такое произношение отмечено в говоре крестьян: Ф. С. Воробьева из с. Зверовичи, М. К. Степанченкова из с. Лучёсы, крестьянина из с. Нестеры, крестьянки из с. Пушкина и неграмотного крестьянина из с. Суйтова.

[15] Когда, договариваясь с ним, я назвал с. *Мошевое*, то он, с недоумением посмотрев на меня, сказал, что такого села он не знает и что у них в Починковском р-не такого села нет. Когда же я произнес: *Ма-ша-ва-я*, т. е. с аканьем, разделяя слова по слогам, и с паузой после второго слога, то он после некоторого раздумья, спохватившись, переспросил меня, — может быть, мне нужно с. *Мъшыва́цъ*, то это другое дело: «в слове *Мъшыва́иъ* никакой *Ма́шы*, *Ма́ша* [как я произне⁻] нет». И долго потом в дороге он не мог успокоиться, как это я, вместо *Мъшыва́цъ*, сказал *Маша-ва́я*.

Однако и у них этот звук не является преобладающим: рядом с ним, и пожалуй чаще, слышится здесь ***и***.

Судя по наблюдениям говора крестьян Ф. С. Воробьева, М. К. Степанченкова, крестьянина из с. Суйтова и крестьянки из с. Пушкина, в говоре которых отмечен редуцированный звук или звук переднего ряда средне-верхнего подъема, допускаю, что и *е*, чередующееся в печатных источниках с ***и***, означает такой же звук.

Особенно это представляется вероятным относительно *е*, чередующегося с ***и*** на месте ***'а***.

В говоре с. Свистуны Ржевского р-на в этих условиях слышится, главным образом в говоре пожилых женщин, ***'а***: *л'ажáт', св'ар'áт', н'а знáц̯у, н'ал'з'á, изд'явáт'ел'ства, п'ан'кá, пр'ивл'акáц̯, над'авáт', хл'абáт', ад'явáт', вс'ягдá, см'аjáцца, н'а плáкал, т'ажалá;* но у крестьянок из с. Пушкина: *чи'шо, т'ик'éт', д'ит'éц̯, саб'ир'óтс'а* и т. д. при более частых случаях с ***а***. Такое же чередование примеров с ***и*** и ***а*** отмечено в говоре возчиков из с. Филиппова.

Более устойчиво произношение с ***и*** в говоре молодого поколения. Преобладает оно у крестьянки-молодухи из с. Кряжева: *н'и нужнá, н'ив'éска, пач'имý, б'игý* и т. д., но также и *с'астр'óнка, б'арý* и т. д.; у крестьянки А. М. Журавлевой из с. Сердечкина: *н'ис'óтс'а из д'ир'éв'н'и*, но также и *в'аз'óм, з'амл'ý* и т. д.

Таким образом произношение с ***и*** имеется в говоре разных возрастных групп, и нигде оно не является устойчивым. Едва ли оно всецело имеет свой источник во влиянии со стороны — во влиянии говора бывалых людей, как на это указывала в с. Капле крестьянка Ф. А. Мариенкова; отмечено оно и в говоре пожилых людей, трудно поддающихся влиянию. Скорее всего оно, по крайней мере частично, обязано говору переселенцев из русских губерний.

Менее часты случаи со звуком *е*^{и} переднего ряда средне-верхнего подъема. Отмечены они в говоре крестьянина И. И. Прозвицкого, служащего в Белоручьевском кооперативе: *н'е*^{и}*вó, т'е*^{и}*лéɣа, з'е*^{и}*л'óныц̯, д'е*^{и}*рý* и т. д., при довольно частых случаях ***а***; в говоре возчика Д. М. Денисова из с. Данильева: *в'е*^{и}*снóц̯, с'е*^{и}*стр'е, м'е*^{и}*шкóм, л'е*^{и}*жý* и т. д., при менее многочисленных случаях с ***а***; у матери заведующего Рогнединской школой И. К. Фотиева: *ч'е*^{и}*вó, даб'е*^{и}*р'óтс'ъ, к н'е*^{и}*мý, с'е*^{и}*лó, б'е*^{и}*рý*, но также и *н'ис'óм, в'ид'óм, в'ид'óт'*; в говоре председателя сельсовета в с. Скачкове М. М. Михеевича: *н'е*^{и}*с'от, ч'е*^{и}*вó, к н'е*^{и}*мý, в л'е*^{и}*сý* и т. д. при преобладании ***а*** в говоре местного населения.

В разговоре с полуграмотным парнем, школьным сторожем в с. Секареве, отмечены почти исключительно случаи с ***á***: *ня время, рямонт, придялить, замяститиль* и др.

В разговоре же с 90-летней старухой из с. Афонина, уроженкой с. Подмошья, неграмотной, в говоре которой имеется дзеканье, частица ***т'и*** в значении 'ли', наблюдается и колебание в произношении ***а*** и ***и*** в этих условиях: *н'ав'éска*, но и *тр'ис'éт', пр'ин'ис'éт'*.

Гласный полного образования преобладает в речи: а) секретаря сельсовета в с. Белоручье П. Ф. Колбасова; б) служащего в кооперативе И. И. Прозвицкого; в) возчика из с. Данильева М. Д. Денисова, человека бывалого; г) крестьянина с. Ополья В. Ф. Шалыгина, подолгу, как сказано уже, жившего в больших городах, относительно начитанного; д) одного из собеседников из с. Суйтова, много лет проведшего в отходе, и е) возчика из Ямской Слободы П. П. Сычева, работавшего на Ижорском заводе и в ряде больших городов.

В говоре учеников Мощинской школы незаметно было замены редуцированного гласного или его заместителя гласным полного образования.

В речи 18-летнего парня из с. Березова, окончившего школу I ступени, имелись случаи такой замены.

Совпадение в живых говорах в первом предударном слоге звуков *а* и *о* в одном редуцированном звуке не вполне проведено в положении их в начале слова. С одной стороны, имеем: *ина́*, *ип'а́т'*, *илта́р'*, (*олтарь* — у крестьянок из с. Пушкина), *аб иӳца́х* (об овцах), *иӳца́*, *ина́*, *имба́р* (у крестьянки из с. Кряжева), *ип'а́т'*, *идна́* (с. Волочек), а с другой — *адна́*, *адда́л'и*, *агн'а́* (у крестьянки из с. Пушкина), *авча́р*, *ага́рак* (с. Кряжево), *агл'а́тка*, *агн'а́*, *апа́ра*, *апаха́т'*, *алта́р'* (с. Волочек) с кратким *а* и т. д. Звук *и* в таких условиях имеется не только перед ударяемым *а*, но и перед другими ударяемыми гласными: *игн'е́й* (Пушкино), *ины́*, *идну́* (Кряжево) и т. д. при более многочисленных случаях сохранения в этих условиях *а*.

В других источниках нет примеров на это явление; лишь в работе В. М. Архангельского в говоре полуграмотного сторожа Секаревской школы отмечено *ипять*.

После шипящих и *ц* в говоре лиц, не связанных с отходом, главным образом пожилых женщин, почти везде имеем *а* перед всеми ударяемыми гласными: *жана́*, *жан'и́х*, *жал'е́зац* (= *железом*), *жал'е́зны*, *ч'аγо́*, *ч'ажо́л*, *т'ижало́*, *на жал'е́знъц*, *жан'и́т*, *жалу́дък*, *шасты́м*, *ацан'и́ла*, *пъ цан'е́*, *цапо́ӳ* и т. д.; в говоре же бывалых и грамотных людей наблюдается колебание между *а* и *и*: *жыла́л'и*, *пч'ила́*, *цылу́ӳу*, *за щику́*, но и *ни жала́ц*, *цана́*, *кач'ар'га* и т. д.

В «Бел. пр.» № 34 отмечено: *а* во всяком положении; в № 31 перед ударяемым *а* имеем *ы*, перед другими ударяемыми гласными отмечено *а*.

Мы рассмотрели те изменения, которые происходят в гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге. Рассмотрели мы их в следующих положениях:

1) Звуки *а* и *о* после твердых согласных перед ударяемым *а* и (*'а*).

2) Звуки *а* и *о* после твердых согласных перед другими ударяемыми гласными (*о*, *у*, *е*, *и*, *ы*).

3) Звуки *а* (*'а*) и *е* после мягких согласных перед ударяемым *а*.

4) Звуки *а* (*'а*) и *е* после мягких согласных перед другими ударяемыми гласными (*о*, *у*, *е*, *и*, *ы*).

Сопоставление между собой примеров, представляемых источниками, приводит к выводу, что говорам Смоленщины свойствен не один тип яканья, а разные типы предударного вокализма. Помимо наличия в основном (как уже сказано) диссимилятивного яканья, в говорах имеется также умеренное яканье, иканье и, может быть, следы ассимилятивного принципа яканья. При этом следует отметить, что черты разных типов яканья встречаются рядом, часто в одних и тех же населенных пунктах.

Что же касается аканья, то в памятниках XIII—XIV вв. мы вовсе не встречаем его, в памятниках же XV, XVII и XVIII вв. встречаются в небольшом числе примеры с недиссимилятивным аканьем; в XIX же и XX в. в лингвистических, фольклорных и этнографических записях имеем ярко выраженное диссимилятивное аканье. Но число примеров на недиссимилятивное аканье весьма невелико, и едва ли не будет поспешным решать вопрос о типах аканья в Смоленщине в XV, XVII и XVIII вв., располагая тем числом примеров, какие представляют памятники этой эпохи.

б) Второй и прочие предударные слоги

Во втором и прочих предударных слогах на месте этимологических звуков *а* и *о* после твердых согласных в большинстве источников находим букву *ы* (что указывает на редукцию здесь звуков *а* и *о*).

В памятниках письменности имеем: *начевать* («Летопись Авраамки», 373), *поваевав* (там же, 187), *с навгородци* (там же, 306), *кансистория* («Дело о монастырях», л. 12).

В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Шоптово: *тыпаром* (I, 335), *публыгыдарила* (I, 364), *пыд акном* (IV, 395), *мыладу* (там же), *хыластой* (IV, 402), *пызатерты* (IV, 411), *мыладешенька* (IV, 415), *мыяму* (IV, 416); Дорогобужский у., с. Егорье: *пыд вакошечкым* (IV, 330); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *пыясок* (IV, 474), *кылатушык* (там же); с. Пречистое: *гырадиў* (IV, 494), *зымариўся* (там же); с. Шиловичи: *вырачу* (IV, 391); Ельнинский у., с. Бердибяки: *сыблюди* (I, 168): *гывари* (I, 181, 347); с. Боровское: *пыкланись* (II, 142); с. Крутиловка: *сылаўя* (IV, 195), *пылятим* (IV, 297), *дыгіняить* (IV, 356); с. Проверженка: *дыганяить* (I, 655), *дыганяли* (I, 657); с. Радошково: *кыряни* (II, 100), *гырнастаи* (там же), *пыгаваривають* (II, 101), *сылыўя* (IV, 287); с. Рудня: *кыряшок* (II, 75), *сыкалоў* (IV, 229); с. Сухой Починок: *выдяных* (I, 183); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *сылавейка* (IV, 102); с. Каблуково: *мыладеньки* (IV, 205), *пыдавала* (IV, 436), *гылаву* (IV, 565); с. Свалы: *сыкалок* (IV, 302), *зызаву* (IV, 304), *гывырять* (IV, 447); с. Холощево: *пырядила* (IV, 353), *пы ныгайки* (IV, 507), *стырану* (IV, 534); Рославльский у., с. Шимановка: *мылатили* (IV, 515), *пы дарожки* (IV, 516), *пы шурокий* (там же), *вылачили* (там же), *стыраною* (IV, 517), *кычарьгою* (там же); Смоленский у., с. Даньково: *пыд бачок* (II, 32), *мыладая* (II, 63), *дылятеў* (II, 74), *кыряшок* (там же), *пыдманяли* (II, 135), *кымарова* (IV, 29), *вылысянэй* (IV, 114).

То же представляют и ответы на «Ю-вр. пр.». В № 50 из Бельского у. и № 25а из Жиздринского у. приведены примеры: *бырыда́*, *пылажи́ть*, *пыскаре́й* и т. д., причем в № 50 отмечено, что гласные «походят больше на *а* или на *ы*». В № же 18а, 33, 36, 72 и 85 указывается лишь, что звук произносится неотчетливо (№ 85), «менее отчетливо» (№ 18а), «менее отчетливо, всегда *ы*» (№ 36), «менее отчетливо» (№ 72), «очень неясно, более на *а*, иногда *ы*» (№ 33).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова в этих случаях отмечено *а* (ср. сказанное о первом предударном слоге).

В записях Вл. Костылева имеем: *рыбыта́ть* (55), *гывыря́ть* (55), *рысцвита́ють* (55), *мыяво́* (55) и т. д.

В ответе на № 280 имеем: *лышаде́й*, *пыгади́*, *выласы́*, *бырыши́*.

На месте звуков *е* и *а* (*'а*) после мягких согласных имеем в источниках *и*.

Примеры с *и* даёт «Смол. этн. сб.» — Бельский у., с. Беликово: *сирябро* (I, 69); с. Дунаево: *питянбурец* (IV, 464); с. Шоптово: *жирябцом* (I, 352), *нивиличак* (IV, 185), *либидиная* (IV, 410); Вяземский у., с. Новоселье: *нивиличка* (IV, 214); Ельнинский у., с. Крутиловка: *висила* (IV, 505); с. Рудня: *тисавые* (I, 182), *мижавых* (I, 183); Рославльский у., с. Летошники: *силизня* (IV, 272), *питушочки* (IV, 274), *грибушочки* (там же), *питушка* (там же), *сиканеть* (IV, 308), *тижилёшинька* (IV, 309), *пирстянек* (IV, 463); с. Митюли: *дитинятык* (I, 210); с. Романовка: *сбиригала* (IV, 179); с. Черепово: *питухи* (IV, 16); Смоленский у., с. Даньково: *тирямок* (II, 75).

В ответах на «Ю-вр. пр.» во всех номерах, за исключением 85 и 36, тоже имеем *и*: *виставо́й*, *ираво́й*, *тисната́*, *питачо́к*, *типлата́*, *питуха́*, *плисуны́*, *вилика́;* в № 85 в этих же примерах отмечено неот-

четливое произношение в таком положении звуков *е* и *'а*; в № же 36 даны примеры с *и* и *а*: *дирявýшка, висялó, бирягý, зилянóй, симяры́х* и *вяставóй, яравóй, тяснотá, плясуны́, вяликá, прямикóм, рятúвая*.

Примечание. Примеры с *я* не характерны: *я* могло быть перенесено из таких образований, как *тяснó, тяплó, пятýх* и т. д.; лишь слово *вяставóй* в этом отношении может вызвать сомнение, но и то его можно сопоставить со словом *вястúмо*, более употребительным тогда в крестьянском быту, чем *вяставóй*.

В «Сборнике» В. В. Богданова также имеем *и* — Бельский у., д. Богданово: *бириуу*; д. Васильевка Асуйской вол.: *диситина*; д. Вышние Мастаки: *бириуах*; д. Гаврилово: *ридавой*; с. Егорье: *бирижок*; д. Красная Долина: *ни бирет'*; д. Марково: *нивирна*; д. Никитино: *нивилицка*; д. Редькино: *пирстин'ок*; д. Рудаково: *нивирна*; д. Саново: *извисилил*; д. Селы: *висилилас'*, *ни бирит'а*; д. Тилибукино: *жир'апцы, ничиво*; с. Шоптово Холмской вол.: *нибир'от'*.

Единичные примеры на изменение начальных гласных *а* и *о* во втором и прочих предударных слогах дает «Смол. этн. сб.» — Бельский у., с. Шоптово: *иднаму* (I, 336); Ельнинский у., с. Бердибяки: *ит пяти* (I, 199), *ибсиваить* (там же); с. Проверженка: *итчаво*.

Гораздо чаще, однако, в подобных условиях встречается в источниках *а* (по-видимому, слегка редуцированное).

Слегка редуцированный звук в этих условиях отмечает автор обработки ответов на «Кр. Ак. пр.»: *атмыкáить, абижáли*.

После шипящих и *ц* во втором и прочих предударных слогах источники отмечают преимущественно *и* и реже *а*; например, в «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Беликово: *чилавеку* (I, 70); с. Дунаево: *чилавеку* (IV, 342), *чилабитная* (там же); с. Шоптово: *шастириком* (I, 666); Ельнинский у., с. Радошково: *шастярней* (IV, 617); Смоленский у., с. Даньково: *чарняцу* (IV, 64).

Во всех ответах на «Ю-вр. пр.», за исключением № 18а, имеем в этих условиях *и* (*ы*): *читырёх, жынихú*; в № 18а: *чатырёх, жанихú*.

Из рукописных материалов «Сборник» В. В. Богданова имеет, по-видимому, в этих условиях *и*. В использованных из него материалах встретилось: *чилабит'т'а* (д. Ясинная), *цилувал* (д. Тилибукино).

В мат-лах И. Г. Голанова только редуцированный звук *ъ*; в мат-лах А. М. Иванова имеем на месте *а* и *о* редуцированный звук *ъ* или его заместитель *ы*. В «Бел. пр.» № 31 — только *ы*. В статье П. А. Бузука отмечено *ы*.

В ответах на «Анкету» чаще, чем в моих наблюдениях, во втором предударном слоге имеем *а*: 1) в чередовании с *ы*, в № 4, 31, 35, 40, 44; 2) в чередовании с *ъ* (редуцированным звуком) в № 27 и 3) без всякого чередования в № 2, 3, 7, 10, 11, 13а, 15, 17, 19, 28, 29, 32—34, 36, 37—39, 47, 47а, 47б, 47г, 48—50.

По личным наблюдениям автора, звуки *а* и *о* после твердых согласных во втором и прочих предударных слогах совпали в одном редуцированном звуке или его заместителе *ы*, например: *съпауú, зъм'ас'úла, пръл'итáр'ии, пълтърá, пъл'аут'úнъ* (полевщина), *пъд'ашóвъц, пъ вадý, мъладúк, нъ вадý, стърънá, нъзывáцут', нъ какóц, пъ жълáн'ицу, дъражý, пъч'амý, Мъшывáца, пъс'ид'éлк'и, пъс'алкóваца* и т. д. и *хылады́, зым'ал'ú, пыд м'ажóц* и т. д.

Встречались также случаи с *а*, перенесенным, может быть, из другого положения: *прагр'ашы́л'и, пазаб'ирáл'и, даган'áл'и*.

На месте начальных *а* и *о* во втором предударном слоге наблюдается *и*: *иднáму, итчавó, ит п'ат'ú гадóу* (с. Кряжево) и т. д.

На месте звуков *е* и *а* после мягких согласных в живых говорах имеем редуцированный звук или его заместителя *и*: *н'ъ гул'áл'и,*

н'ь пакупа́л'и, *н'ь хачу́*, *н'ьч'аво́*, *т'ьжало́*, *н'ь начыва́ли*, *н'ь была́* и т. д. и *пъдир'ав'е́н'с'к'и*, *у д'ир'иўн'а́х*, *н'и хад'и́ла*, *п'ир'аи̯д'о́м*, *т'имната́*, *п'ир'иса́тка* и т. д. нередко в устах одного и того же говорящего.

В ряде ответов на «Анкету» (№ 2, 9, 10, 13, 14, 18—20, 22—25, 25а, 25б, 26, 27, 28б, 28в, 33, 38, 40, 41, 45, 46, 48) имеем ***и*** и лишь в № 8, 21, 31б, 39, 39а, 47, 47а, 47б, 47г отмечено ***е*** (о звуковом его значении см. выше). В остальных ответах — чередование ***и***, ***е*** и ***а*** (последнее в слове *п'атуха*, о чем см. выше).

После шипящих и ***ц*** в говорах приходилось наблюдать, с одной стороны, ***а*** (слегка редуцированное, несколько краткое), а с другой — колебание между ***а*** и ***и***: *ч'алав'е́ч̄и*, *ч'арнъгла́зыц*, *ч'алнаки́*, *цар'амо́н'иц̄а* и т. д. и *ч'илав'е́ку*, *ч'ит'в'ирта́к*, *т̄'иб'ита́ла*, *н'и цыр'амо́н'с'а* и т. д.

в) Заударные слоги

В заударных слогах, кроме конечного открытого, после твердых согласных на месте этимологических ***а*** и ***о*** в источниках находим ***ы***, а на месте ***а*** и ***е*** после мягких — ***и***, что, судя по фактам живых говоров, указывает на редуцированные звуки.

В памятниках смоленской письменности таких примеров не встречаем. Здесь, например в памятниках XV в., имеем ***а***: *с братамъ* («Летопись Авраамки», л. 68), *грамату* (там же, л. 165) при *грамоту* (там же) и т. д.

Обширные материалы дают фольклорные и этнографические записи. В «Смол. этн. сб.» имеем следующие примеры после твердых согласных: Бельский у., с. Беликово: *ладныму* (I, 69), *путныму* (там же); *рубликыў* (там же), *сажонкый* (там же); с. Дунаево: *месиц* (II, 244), *ветрым* (там же), *кала самый* (там же), *сонцым* (II, 245), *дождим* (там же), *закрым* (IV, 467; тут же и *закрам*); с. Шоптово: *з дагаворым* (I, 331), *па нашиму* (там же), *сумашедшига* (I, 333), *хитрыстями* (там же), *с жонкыю* (I, 334), *утрым* (I,335), *ворын* (I, 351; тут же и *воран*), *барык* (I, 542), *с сыным* (там же), *двинацыть* (там же), *за старухый* (I, 673), *знахаркый* (там же), *пагода харошия* (II, 230); Вяземский у., с. Новоселье: *у колыкыл* (II, 282), *золытым* (II, 285), *девык* (IV, 214); Дорогобужский у., с. Егорье: *лавычки* (IV, 60), *шапычку* (там же), *рюмычка* (IV, 60), *нявестык* (IV, 136), *с каторыга* (IV, 153), *за речкыю* (IV, 163), *быстрыю* (там же), *биряжистыю* (там же); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *ногыть* (I, 236), *сторыны* (II, 47), *яблачкым* (II, 216), *вербыю* (IV, 104), *у золыти* (там же), *папырыть* (IV, 156); с. Пречистое: *садым* (I, 313), *кумым* (I, 317), *кумычка* (там же), *батик* (II, 218); с. Шиловичи: *вырысли*, (IV, 391), *пасярёдычки* (IV, 392), *окыла* (IV, 428); Ельнинский у., с. Бердибяки: *лихарадык* (I, 167), *с суставыў* (I, 168), *кротысть* (I, 178), *на мыри* (I, 180), *хлебыў* (I, 199), *по́ гылыви* (I, 367), *пашаница харошыя* (I, 471); с. Боровское: *пивым* (IV, 502), *турык* (там же), *плакыла* (IV, 546), *с жалыстью* (IV, 547), *акошечкым* (там же); с. Крутиловка: *шапычка* (IV, 69), *лапычки* (там же); с. Золотово: *за етыт* (II, 122), *кликыть* (IV, 98), *галычка* (там же), *теплыя летичка* (там же), *колыс* (IV, 199), *Иваным* (IV, 227); с. Лукино: *порыха* (I, 206), *заговорым* (там же), *уродыў* (I, 211); с. Подгорное: *с асинкый* (IV, 192); с. Потапово: *девык* (IV, 408); с. Проверженка: *у ракитывым* (I, 186), *змяиныя гняздо* (I, 186), *гадыў* (там же), *з рыжий шерсти* (I, 192), *из буйный* (там же), *торбыю* (I, 589), *здрастый* (I, 655), *ветычки* (I, 657), *зарянычку* (II, 70), *девушик* (там же); с. Радошково: *под калиныю* (II 100), *явырым* (там же), *скупысти* (II, 207), *радысти* (там же), *ягыдка* (IV,

147), *девычка* (там же), *вызвалялысь* (там же); с. Рудня: *пчолычка* (IV, 96), *за мыря* (там же), *голысым* (IV, 140); с. Сухой Починок: *под листым* (I, 190), *загадык* (IV, 153), *золыта* (IV, 179); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *летым* (IV, 102), *ягыду* (IV, 222), *свекрым* (там же); с. Каблуково: *старыга* (IV, 52), *старыму* (там же), *шубычка* (IV, 56); *свекыр* (там же), *плакыть* (IV, 311); с. Свалы: *Патапычки* (II, 1), *па калиныныму* (там же), *с абротычкый* (IV, 317); с. Холощево: *шапычка* (II, 174), *на достычки* (там же), *летым* (II, 175), *большиму* (II, 179), *з маткыю* (II, 180); Поречский у., с. Иньково: *Пауликыў* (IV, 219), *шутычка* (IV, 385), *шкурычка* (там же), *начиў* (IV, 405); Рославльский у., с. Летошники: *с пад сырыга* (II, 192), *вырысла* (IV, 268), *выкырмлю* (IV, 271); с. Митюли: *юнысти* (I, 179), *ярысти* (там же), *гадысти* (там же); с. Михайловка: *сукым* (I, 177), *тряпычку* (там же), *рыбыю* (I, 178); с. Полуево: *волыса* (II, 362), *самыга* (там же), *волыс* (там же); с. Романовка: *урезыть* (IV, 38), *пачопычка* (IV, 38); с. Черепово: *Китай-горыд* (IV, 58); с. Шимановка: *памить* (IV, 516); Смоленский у., с. Алексино: *асинкыю* (IV, 192), *гарелычку* (там же), *за дурацкыга* (IV, 242); с. Буловцы: *ашибычку* (IV, 232), *молыдысть* (IV, 391); с. Даньково: *девычка* (I, 658), *жирябеньк* (там же), *некыму* (II, 48), *гарелычку* (II, 135), *родым* (IV, 8), *матычка* (IV, 17), *каторыга* (IV, 22); с. Киселевка: *на лавычку* (I, 411), *у дудычки* (там же), *сокыл* (там же), *вышиў* (там же), *на двинадцыть* (I, 412), *ветычки* (там же).

То же имеем и у Вл. Костылёва: *пыда́рык* (58), *заку́сычку* (58), *прия́тныва* (56) и т. д.

У А. А. Шахматова: *горат*, *у́галь*, *е́хал* и чаще с *а̇* (т. 38, стр. 186).

В ответах на «Ю-вр. пр.» во всех номерах имеем здесь *ъ*: *бо́рыды*, *из го́рыда*, *в го́рыди*, *е́тыва*, *ду́рычка*, *палычка*, причем в № 85 этот звук определяется как «неясный», а в № 33 — как «средний» между ***а*** и ***ъ***; в № 50, 85 и 33 здесь также ***ъ***: *е́тыт*, *го́рыт*, *го́лыс*, *игблык*, *ко́рып*, *ду́мыть*, *во́лысть*, а в № 25а, 72 и 36 имеем ***а***: *е́тат*, *го́рат*, *игблак*, *ду́мать*, *воласть*. В № 18а во всех этих условиях, т. е. не в конечном заударном слоге и в конечном заударном закрытом слоге, имеем ***а***.

После мягких согласных в № 50, 85, 25а, 72 и 33 не в конечных заударных слогах имеем ***и***: *о́зира*, *ве́сила*, *по́гриба*, *ма́минька*, *ви́дила*, *се́ила*, *пре́жниму*, *вы́нису*, *де́нижки*, *ма́тири*, *вы́види*, *по́мирли*, *о́синью*, *се́лизень*, причем в № 85 слышимый здесь звук определяется как неясный, близкий к ***и***; в № же 18а и 36 в этих условиях отмечено ***и*** и ***а*** (***я***): *во́зира*, *ве́сила*, *по́гриба*, *ма́минька*, *ви́дила* и *ви́дяла*, *се́яла*, *пре́жняму*, *де́няжки*, *ма́тяри*, *вы́вяди*, *ка́мянем*, *свяде́тяли*, *во́сяньо*, *по во́сяни* и т. д.

В конечном закрытом слоге в № 50, 85, 72, 33 имеется ***и***: *по́мир*, *де́них*, *ве́тир*, *гри́вин*, *капе́ик*, *я́стриб*, *ви́дил*, *вы́лиз*, *па́лиц*, *за́иц*, *о́синь*, *ко́ринь*, *бу́дить*, *де́вирь*; в № же 25а и 36 здесь имеем ***а***: *де́няг*, *ве́тяр*, *гри́вян* и т. д.; в № 18а преимущественно ***а*** и кое-где ***а*** и ***и***: *во́сянь* и *во́синь*, *ко́рянь* и *ко́ринь*.

В конечном закрытом слоге перед ***й*** в № 50, 85, 72 и 33 имеем ***и***: *вы́пий*, *ко́ний*, *з Ду́ний*, *ми́линький*, а в № 18а, 36 — ***а*** (***я***): *вы́пяй*, *ко́няй*, *з Ду́няй* и т. д.

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова в заударных слогах (кроме конечного открытого) на месте тех же звуков после твердых согласных находим ***ъ***. — Бельский у., с. Батурино: *с'в'о́кыр*, *белыму*; с. Большие Семики: *ягыт*; д. Бунаково: *л'етым*; с. Волынов: *костычки*; д. Высокое: *вестычки*; д. Зайчиха: *һолыт*; д. Климятино: *праjехыл*; д. Ковалево: *бир'ажочкым*; д. Красная Долина: *һорыт*, *паjехыл*; д. Пасино: *тач'онывa*; д. Рудаково: *һрамыты*;

д. Савино: *с'ерыца* (= серая), *молыдец*; д. Шоптово: *јехыл*; д. Ясенная: *черныва*; Духовщинский у., д. Гремилово: *ујехыў*.

У А. А. Никольского имеем: *е́тыт, тётык, залóвычка, стáрыга* (т. 45, стр. 275).

В конечном закрытом слоге перед *и̯* имеем здесь также *ы* и *у*. Примеры из «Сборника» В. В. Богданова—Бельский у., д. Акулово: *от нóвыц*; с. Климово: *за ришоткуц*; д. Никулино: *на б'елыц*; д. Рахманово: *пад'белыц*; д. Савино: *па широкуц*[16].

В ответе № 280 имеем *ы* и *и*: *е́тыва, вы́гныли, парядык, е́тыму, е́хыл, гóрыд, вéтир, пáлиц*; в конечном закрытом слоге перед *и̯* отмечены *ы* и *у*: *с бярёзый* и *с бярёзуй, с нявéстуй, пáлкуй*.

В конечном открытом слоге на месте звуков *а, о* и *е* в «Смол. этн. сб.» имеем *ӑ*. Представляет *а* и «Радз. сп. летописи» (XV в.) — множества (175).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем после твердых согласных *а*, а после мягких также и *и* — д. Вышние Мастаки: *скажыти, извинити*; д. Дьяково: *тёплыва, синакосныва*; д. Зайчиха: *устанити*; д. Накрасово: *извинити*; д. Тативо: *ни узнаити*; д. Тимошино: *стаити*; д. Шейково: *привидити*.

В записях из с. Жабина здесь *а*, звук, по определению Н. Н. Дурново, автора записи, неполного образования (редуцированный), близкий к звукам среднего ряда: *хадúлӑ, чúстӑ, пóлюшкӑ*.

У А. А. Шахматова имеем *а* и *ӑ*: *тáма, тутӑ* (т. 38, стр. 186).

В ответах на «Ю-вр. пр.» после твердых согласных во всех номерах отмечено *а*; после же мягких на месте *а* (*я*), старого *е* и *е* из *ѣ* имеем *а* (*я*) или *и*: *дáйтя, идúтя, вúдитя, знáетя, тапéря, двóя, трóя, в гóроди, в хáти* (№ 50); приблизительно те же примеры и в № 36 и сверх того: *четы́ря, крестья́ня, тапéря, уйти в пóля, в мóря, дáйтя, идúтя, знáитя, двóя, трóя, он хóдя*, но *чаты́ри, аббu, ночевáть в пóли, на дорóги, на дýби, в лéси, в рабóти, у хáти, в гóроди, вмéсти, на базáри* (№ 85); *у вóзиря, в пóгрибя, уйдúть в пóля, у мóря, ночевáть у пóля, у лéся, у хáтя, по хрáпя* (= по горлу), *в рабóтя, вмéстя, на базáря, в гóродя*, но *мещáне, в гóроди* и т. д.; *дáйтя, идúтя, вúдитя, знáитя, тапéря*, или *тяпéря, чаты́ря* и *чаты́ри, хрестья́ня, двóя, трóя*, но *бýдя, он хóдя* (№ 18а); приблизительно те же примеры дают и № 25а и 72; в № 33 имеем: *уйтú в пóля и в пóле; дáйти, идúтя и идúти* (по словам автора ответа — неясный звук), *тапéря, крестья́ня, двóя, трóя, хóдя, ночевáть в пóли, на дорóги, в лéси, в рабóти, у хáти, в гóроди, вмéсти, на ры́нки*.

Приведенные примеры, за исключением записей из с. Жабина, не дают точного указания на звук, обозначенный в том или другом слоге, — черта, общая всем записям и ответам на программы, даваемые неспециалистами. Одно и то же обозначение звука (буквами *а* и *и*) имеем в ударных, предударных и заударных слогах, а между тем там и здесь они обозначают разные звуки. То же надо сказать и о звуках, обозначаемых одной и той же буквой *ы* под ударением, в предударных и заударных слогах. Лишь сопоставление этих обозначений с фактами живого говора дает возможность установить их произношение.

По моим наблюдениям, в заударных слогах, кроме конечного открытого, звуки *а* и *о* после твердых согласных совпали в одном редуцированном звуке (ъ), артикуляционно и акустически близком к *ы*. Иногда в произношении, главным образом женщин, подростков и лиц, не имевших отношения к отходу, можно услышать здесь и

---

[16] Данные примеры рассматриваются здесь, но допустимо и морфологическое объяснение.

заместитель редуцированного звука — краткий звук *ы*: *атóбрꙑны*, *стýкъў*, *пáлъчк'и*, *падýмъл'и*, *къманд'úръм*, *с бýлкъц*, *пр'ицéхъл'и*, *с унýкъм'и*, *акт'úвнъст'*, *тpáктър*, *пъжáлъсть*, *уб'úлъс'* и т. д. и *éхыл'и*, *д'éлыт*, *дýмыт'*, *пóмыти*, *грáждын*, *п'итнáцыт'*, *п'áтыгъ*, *двáтцыт'*, *у лáпычкъх*, *тpáктыр* и *трáхтыр* и т. д.

Звуки *е* и *а* после мягких согласных совпали в этом положении в одном редуцированном звуке переднего ряда средне-верхнего подъема, акустически среднем между *е* и *и*. Иногда, чаще в индивидуальном произношении, здесь слышится и звук *и*: *д'éв'ьт'*, *вóз'ьръ*, *у мáт'ьр'и*, *хáтъ н'атóпл'ьнъ*, *вóс'ьм*, *мал'ýс'ьн'къць* и т. д. и *бýд'иш*, *вы́л'из-л'и*, *дóбр'ин'к'и*, *д'éр'ивъ*, *óс'ин'и* и т. д.

В мат-лах И. Г. Голанова имеем здесь редуцированный (*ь*); в мат-лах А. М. Иванова только *и*; в «Бел. пр.» № 31 и 34 также *и*.

В статье Н. П. Гринковой чаще *е*, реже *и*; в статье В. М. Архангельского — только *и*.

В ответах на «Анкету» имеем *и* в № 1, 4, 12—14, 16, 18—20, 22, 24, 25а, 25б, 26, 27, 28б, 28в, 31, 31а, 33, 38, 40, 41, 43, 46 и, по-видимому, редуцированный гласный, передаваемый буквой *е* в № 3, 10, 17, 25, 28, 31б, 32, 34, 35, 39, 47, 47а, 47г, 47д и 48. В остальных ответах — чередование *е* и *и* или вовсе не дано ответа на вопрос.

В конечном открытом слоге звуки *а* и *о* после твердых согласных совпали в одном редуцированном звуке (*ъ*) или кратком *а* (*ă*): *уhóднъ*, *в'éрнъ*, *гъвар'úлъ*, *мóжнъ* и т. д. и *пал'éнă*, *н'аскóрă*, *сървáлă*, *jéтă*, *прал'итáркă* и т. д.

В мат-лах И. Г. Голанова редуцированный гласный и краткое *а*; в «Бел. пр.», в № 31 и 32 отмечено *ă*.

В работах Н. П. Гринковой и В. М. Архангельского отмечается *а*.

В ответах на «Анкету» имеем *ъ* в № 12, 13, 20, 27, 28б и *а* в остальных ответах.

О звуке в конечных открытых слогах в падежных формах на месте старого *ѣ* см. ниже.

Гласные верхнего подъема в безударных слогах

Редукция звука *у*

Редукция неударяемого звука *у*, т. е. утрата им лабиализации и переход через посредство редуцированного звука в *а* и *ы*, представлена в источниках небольшим числом примеров и отмечена в моих личных наблюдениях. Имеются они, главным образом, в «Сборнике» В. Н. Добровольского. Ельнинский у., Бердибяки: *папробаю* (I, 512), *испробаю* (I, 223), *пасаветай-ка* (I, 296), *радаицца* (I, 303), *высунала* (I, 440); с. Рудня: *у пазаху* (I, 203) и т. д. — примеры с *а*. Там же и примеры с *ы*: *здрастый* (I, 128, 401), *пажалый* (I, 128, 629), *голыба* (I, 119, 120), *пролыбку* (I, 690) и т. д.

Редукция неударяемого звука *у* отмечена мною преимущественно у женщин. Она имеет спорадический характер и отмечена в говорах лиц из следующих селений: Афонина, Бабынова, В. Возмища, Волоковой, Глистаев, Долгомостья, Каткова, Кряжева, Алфёрова, Любавки, Нестерóв, Нетяжей, Платонова, Пушкина, Рогнедина, Сердечкина, Скачкова, Суйтова, Сырокоренских Липок, Сычева, Филиппова, Хохловки и Яковлева. Примеры: *баржýи*, *вы́санылас'*, *за пáзаху*, *зáсаха*, *óтпаск*, *зáмыж*, *папрóбацт'ъ*, *кóршан*, *посавéтацт'ъ*, *ск'úнаў* и т. д. и — *вóздых*, *гълыбóч'к'и*, *дрáстыць*, *кóршын* и т. д., далее (бо-

лее часто) в формах винительного падежа единственного числа имен прилагательных женского рода: *т'ó̆плацу, в'алúкацу, рóднацу, шаўкó̆вацу, усякацу, б'азубацу старушку, в'ас'óлацу п'éс'н'у, в крáснацу áрм'ицу* и проч.

Частично редукция *у* отмечена в «Бел. пр.» № 34.

В работе В. М. Архангельского имеем *а* в форме винительного падежа единственного числа имен прилагательных женского рода (*карову твaю мертваю*).

В статье В. Костылёва имеем: *малóдинькыю кухарычку* (56), *вячерюшку сласныю* (56) и т. д.

В ответах на «Анкету» имеем: 1) переход *у* в *а* или в *ы* в № 1, 4, 6, 9, 11—14, 16—19, 21—24, 25а, 26, 27, 28б, 29—32, 34, 35, 40, 41, 47г, 47д, 48, 50; в формах винительного падежа единственного числа имен прилагательных женского рода отмечен редуцированный звук в № 9, 14, 18, 24, 25а, 28б, 30, 34, 41; 2) переход *у* в *а* в предударных слогах и в конечных открытых в № 1, 6, 7, 14, 19, 22—27, 29, 31, 31а, 41, причем в № 11, 18, 20, 26, 47д, 49 *у* чередуется с *а*. В «Анкетах» № 4, 17, 21, 35 и 50 отмечено, что произношение с редуцированным гласным свойственно людям пожилым, неграмотным, не связанным с отходом.

Редукция звука *ы*

Редукция неударяемого звука *ы*, т. е. переход его в *а* (через посредство редуцированного звука), отмечается лишь в немногих источниках — в «Смол. этн. сб.» и в рукописном «Сборнике» В. В. Богданова, и притом почти исключительно в конечных открытых слогах.

Примеры из «Смол. этн. сб.» — Бельский у., с. Беликово: *штоба* (I, 71); с. Дунаево: *штоба* (II, 244; IV, 514); с. Шоптово: *нада ба* (I, 336), *штоба* (I, 363), *ка бы нам ба* (II, 230—231), *вот ба я* (II, 231); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *штоба* (I, 212); с. Пречистое: *штоба* (I, 310), *опатный* (I, 662); Ельнинский у., с. Бердибяки: *штоба* (I, 208) и *штобы* (там же); с. Крутиловка: *стаў ба* (II, 195); с. Проверженка: *хоть бы ж ты схадиў* (I, 585), *штоба* (I, 681); с. Сухой Починок: *штоба* (I, 184) и *штобы* (I, 183); Краснинский у., с. Каблуково: *штоба* (IV, 56) и *штоб* (там же) — с утратой конечного краткого звука; Поречский у., с. Иньково: *ни пашоў ба* (IV, 54), *яж ба* (IV, 421); Рославльский у., с. Михайловское: *штоба* (I, 178); Смоленский у., с. Даньково: *быў ба* (I, 204); с. Киселевка: *штоба* (I, 410), *как ба* (там же).

Из рукописного «Сборника» В. В. Богданова — Бельский у., д. Будино: *гдеж ба*; д. Высокое: *знаў ба*; д. Климятино: *каба*.

По моим наблюдениям, *ы*, редуцируясь, переходит в *а* (через посредство *ъ*) не только в конечных открытых слогах (*сказаў ба, штоба* и т. д.), но и в предударных и заударных слогах перед слогом с ударяемым *а*: *дашáт', папатáц, патáциш, пъсалáл'и, падамáцу, рачáт'* (= рычать), *н'и балá, вахадúла, ванасúла, рáзнам'и, óпатный, вымата* и т. д.

Ср. у П. В. Шейна; *родáла* (не описка: = рыдала) (II, 533).

Редукция звука *и*

Редукция звука *и* в конечном открытом слоге отмечена мною в говоре возчика на ст. Гатьково И. Г. Семенова, малограмотного парня; в говоре крестьян из с. Филиппова, в частности В. Н. Назарова, А. М. Щербакова и возчика из того же села, неграмотного парня, в говоре возчика из поселка при ст. Туманово и у крестьян

с. Царево-Займище. Мною записаны следующие слова с редуцированным звуком на месте *и*: а) в глагольных формах: *зна́л'ъ* (= знали), *сн'а́л'ъ*, *да́л'ъ*, *вози́л'ъ* и т. д.; б) в именах существительных: *сjест jайчк'ъ* (= яички), *д'в'е кап'е́цк'ъ* (но *кап'е́цка*), *пър'емо́нту даро́г'ъ*, *уб'и́л'ъ ў уе́зд'ъ*, *штрахо́вк'ъ* (штраховки), *у д'ар'е́в'н'ъ*, *у школ'ъ* и т. д.; в) в неизменяемых словах: *н'е́тут'ъ* (= нетути), *ъдна́жд'ъ* (= однажды), *едвал'ъ*, *ес'л'ъ*.

Редуцированный звук на месте *и* в конечном открытом слоге отмечен в немногих «Анкетах»: в № 26 (с. Крюково Краснинского р-на: *е́с'л'ъ*), № 29 (д. Бурцево Ново-Дугинского р-на: *е́с'л'ъ*) и в № 34 (д. Бологча Рогнединского р-на: *да́л'ъ, взя́л'ъ две копе́йк'ъ*)

Лабиализация неударяемого О

На месте неударяемого звука *о* в соседстве с губными (после губных и реже перед губными) в источниках находим *у*, т. е. имеем дело с лабиализацией неударяемого *о*.

В «Смол. этн. сб.» имеем следующие примеры — Бельский у., с. Беликово: *пуплачимся* (I, 68), *пу биднате* (I, 70), *пумагаить* (I, 71); с. Дунаево: *цалувала* (IV, 42); с. Шоптово: *пу палу* (I, 331), *пупикать* (I, 334), *пуцулувать* (там же), *пумахаиш* (I, 335), *пухудеиш* (там же), *публагадариў* (I, 336), *пупярек* (там же), *пупала* (там же), *к пупаши* (I, 352), *пуўтарыл* (I, 353), *пумяну* (I, 355), *пупрасив* (I, 358), *ни пупала* (там же), *пупячение* (I, 359), *пулюбуимся* (I, 360), *пуспиваить* (там же), *пумалилась* (I, 363) *пувясти* (там же), *пу вутру* (там же), *пупадеть* (там же), *пу мужицки* (I, 364), *пуступив* (I, 365), *пу пъяней* (там же), *пу пяти* (I, 540), *винуват* (I, 542), *ни винуват* (1, 605), *варувать* (1, 675), *пупа* (I, 676), *вурувать* (там же), *ву куте* (I, 712), *пувидатца* (II, 226), *целуватца* (II, 284); Вяземский у., с. Новоселье: *дивувались* (II, 286), *пу палтини* (там же); Дорогобужский у., с. Егорье: *пувела* (IV, 330); Духовщинский у., с. Береснево: *пу пяти* (IV, 264); с. Никола Ядреич: *пувадиў* (I, 235), *пуминають* (II, 335), *пубажиўся* (IV, 217), *пу батюшки* (IV, 227); с. Пречистое: *любувался* (I, 313), *пуправиў* (I, 315), *пуматычили* (I, 320), *пубыла* (I, 332), *в пумящении* (I, 662), *пу батюшки* (IV, 368), *пу матушки* (IV, 368), *пупярёк* (IV, 481), *пулумаиш* (IV, 494); Ельнинский у., с. Бердибяки: *пуминать* (I, 167), *пугубила* (I, 172), *пу вичирам* (I, 176), *пу вутрам* (там же), *пубядить* (I, 205), *пузурька* (I, 343); с. Боровское: *ни пу вашиму* (IV, 508), *пувяли* (там же); с. Крутиловка: *пумишалися* (IV, 131); с. Злотово: *пумаленьку* (IV, 300), *пу мядок* (там же); с. Злотово: *пупахана* (IV, 379); с. Лукино: *пубядителя* (I, 209); с. Потапово: *пу правый* (но тут же дважды *по правой*, IV, 408); с. Проверженка: *пурубить* (I, 187), *пупалить* (там же), *пувязу* (I, 236), *булувались* (но тут же и *балуитесь*, I, 586), *пумяну* (I, 658), *вун* (= вон, I, 693); с. Радошково: *пубужайтя* (II, 207); с. Рудня: *пупрядин* (IV, 134); *пулумай* (IV, 196), *пуспеу* (IV, 417); с. Сухой Починок: *су всяго* (I, 190), *пу путях* (I, 193), *пумирать* (I, 241); Краснинский у., с. Каблуково: *пупа* (IV, 149), *пупадьдя* (там же), *пуплач* (IV, 311), *пувяли* (IV, 572); с. Холощево: *пупряничкам* (IV, 503); Поречский у., с. Иньково: *пумяни* (I, 200), *пумялом* (IV, 120), *самувары* (IV, 384); Рославльский у., с. Васьковка: *пу писках* (IV, 362); с. Летошники: *пивувар* (IV, 209), *пубраў* (IV, 273); с. Митюли: *пумаги* (I, 177), *пупярешные* (I, 178): Смоленский у., с. Буловцы: *пувязали* (IV, 550), *пувяли* (там же); с. Даньково: *пувадились* (I, 659), *пу батюшку* (II, 7), *ни пупаў* (II, 131), *пубудиў* (там же), *пуд палицу* (IV, 8), *пулумай* (IV, 55), *пуспраўляў* (там же),

пумиритца (IV, 248), *пупырваў* (IV, 515), *пуставили* (там же); с. Киселевка: *пубиждаить* (I, 410).

Реже отмечены здесь (в «Смол. этн. сб.») случаи лабиализации ***о*** в соседстве с задненебными и сонорными согласными. Имеются они в следующих населенных пунктах.

Бельский у., с. Беликово: *хуть* (I, 68); с. Шоптово: *благуродия* (I, 365); Вяземский у., с. Новоселье: *кулубелюшки* (II, 287); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *хуть* (II, 335), *хуч* (IV, 37); Ельнинский у., с. Злотово: *хуть* (IV, 335), *хуч* (IV, 336); с. Радошково: *тулкувать* (IV, 488), *сукрушила* (IV, 616), *хуш* (IV, 634); Краснинский у., с. Каблуково: *хуть* (IV, 306); с. Холощево: *хуть* (II, 177, 184); Поречский у., с. Иньково: *багатуга* (IV, 115), *хуть* (IV, 399); Рославльский у., с. Летошники: *хуть* (IV, 267); с. Черепово: *хуть* (IV, 57); Смоленский у., с. Даньково: *хуч* (IV, 35, 175), *хуть* (IV, 175).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем — д. Антипово: *пу валасам*; д. Бол. Семики: *пувизал*; д. Будино: *пуплач*; д. Васильевка Асуйск. вол.: *пу румяный*; с. Волково: *пу двару*; д. Кукуево: *пувяла*; д. Никитино: *залумаў*; д. Половцево: *һур'риват'*; д. Плоское: *пувидат'*; д. Рахманово: пу*һул'аці̯*; д. Рудаково: *пувили*; д. Симановка: *схувал, пув'азал, тулкуват'*; д. Смальники: *пуһул'ат'*; д. Станиха: *пу шшаке, пу сир˙һ'е*; д. Тарасово: *лумат'*; д. Тимошино: *пугул'аjим*.

У А. А. Никольского имеем: *пупа́рна, самува́р, минува́ла* (т. 45, стр. 274).

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 50 также отмечены случаи лабиализации в соседстве с губными: *у пупа́, пупа́л, лупа́ту, пупра́вили, пумага́й, пулюби́ть, пугуби́ть* и в конечном закрытом слоге перед ***и***: *тёткуй, па́лкуй, неве́стуй, доро́гуй, бе́луй* и т. д. В № 85 находим те же примеры — лабиализацию ***о*** перед теми же согласными. В № 18а и 72 отсутствуют указания на лабиализацию ***о***. В № 25а имеем примеры с ***у*** в соседстве с губными; то же и в № 33. В № 280 имеем: *гусука, дурука, мужука, пузурёк*, но ***у*** на месте ***а, ы*** может быть объяснено здесь влиянием предыдущего слога.

В мат-лах И. Г. Голанова отмечено: *муту́зка* (Липовка); в мат-лах АН БССР № 427а: *булува́ться, сумува́р*; то же и в «Бел. пр.» № 31, 34.

В статье Н. П. Гринковой имеем: *сумъва́р, пувал'и́л'и, пупрас'ил* (306).

В ответах на «Анкету» № 1, 4, 6, 10—13, 15—23, 25—27, 29, 31, 33, 34, 37, 38, 41, 43, 46, 48, 50 отмечено ***у*** на месте редуцированного звука в соседстве его с губными, причем в № 17 указано, что произношение с ***у*** на месте редуцированных встречается у лиц, не связанных с отходом, и у неграмотных.

По моим наблюдениям, редуцированный гласный на месте неударяемых ***о*** и ***а*** в соседстве с губными переходит в ***у***. Примеры: *пуб'ижа́л'и, публъгъда́р'и, пубра́л, пу ва́шъму, пуўно́ч', вуръва́т, вуц̯ева́л'и, пув'а́л'и, пулума́л'и, пума́льн'ку, пум'ира́ла, пумуһа́т', пу палў́, пупа́л'и, пупата́ц̯, пупрасо́хл'и, пупрас'и, пуп'ар'о́т, пуп'ар'о́к, пу п'ати́, пустухи́, пувучи́нац̯ь* (прилагательное от слова *паук*), *пухуд'е́л'и, пушла́, самува́р, туўкач'о́м, тру́буч'къми* и т. д.

Реже наблюдается лабиализация в закрытом слоге перед следующим ***ц̯*** или ***ў***: *б'е́луц̯ бума́һуц̯, ря́буц̯ каро́вы, на лы́суц̯ галаве́, к б'е́днўц̯ стару́х'е, пад ла́ўкуц̯, сав'е́цкуц̯ страноц̯, игбо́лкуц̯, т'и́хуц̯* и т. д. и *д'е́дуў, заjе́хуў, падма́зуў, пр'ир'е́зуў* и т. д., а также в слове энклитического значения *хут'* и в слогах, соседних с ***у*** (предшествующих ему или следующих за ним, хотя бы ***у*** было и вторичного происхождения): *тургува́л'и, лугува́ц̯ь, хутура́* и т. д.

Лабиализованный звук на месте редуцированного имеет место в говоре лиц, не связанных с отходом, преимущественно неграмотных, пожилых людей, хотя надо сказать, что и говор людей более молодых несвободен от лабиализации в указанных условиях. Так, его, правда не так часто, приходилось отмечать и в говоре крестьян: возчика из с. Квасова М. Д. Денисова, В. Ф. Шалыгина (с. Ополье) и возчика из Ямской Слободы П. П. Сычева.

Не встретился лабиализованный звук в этих условиях в селах Кучине, Рогнедине и Янове.

Переход У и И в редуцированные и неслоговые звуки

Источники почти не дают указаний на переход неударяемых звуков ***у*** и ***и*** в редуцированные в начале слова или в неслоговые после предшествующего гласного, но не потому, чтобы это явление не имело места в говорах (наблюдение над живыми говорами показывает как раз обратное), а в силу того, что в огромном большинстве записи делались или нелингвистами, или, если имеем запись лингвиста, то она напечатана применительно к вопросам «Кр. Ак. пр.» и «Ю-вр. пр.», где нет соответствующего вопроса.

Кое-какие указания на редуцированное ***у*** в этих условиях находим в ответах на «Ю-вр. пр.»: *вдáрить* (№ 50), *вметь, вдáрить* (№ 85), *вшла* (= ушлá), *вдáрить, навпóр* (= в упóр), *въéхал* (= уехал), *не вмéет* (№ 18а), *вмер, втюг, вметь, вдáрить* (№ 36). В № 25а и 36 нет указаний. В № 18а имеется указание, что такое произношение свойственно не всем: «Большинство ***в*** вм. ***у*** не произносит».

Наличие ***в*** вместо ***у*** в начале слова указывает, надо полагать, на редуцированный звук, а после гласного (*на впор, не вмеет*, № 18а) — на неслоговой.

Из других источников примеры на ***и̯*** после предшествующего гласного находим в «Смол. этн. сб.»: *зайгрáли* (I, 68, Бельский у., с. Беликово), *туды йшóу* (II, 72, Ельнинский у., с. Крутиловка), *сéрца йгрáить* (IV, 187), тот же уезд, с. Радошково) и т. д. Примеры на ***ў*** и ***и̯*** в тех же условиях имеем и в рукописном «Сборнике» В. В. Богданова: *приўныла, мне и̯ сказала* (д. Ясинная).

По моим наблюдениям, неударяемые звуки ***у*** и ***и*** в начале слова являются редуцированными: *^{у}б'иц̯ц̯ъ, ^{у}гóднъ, ^{у}знáт', ^{у}лав'úл'и, ^{у}ражáц̯* и т. д. и *^{и}грáт', ^{и}змýч'ил, ^{и}скáлъ, ^{и}ндýстр'иц̯ь* (последнее в говоре пожилых людей — *идýстр'иц̯ь*). Такое произношение отмечено мною в деревнях Гусино, Бол. Добрая, Кряжево, Пушкино и др.

После конечного гласного предыдущего слова, тесно примыкающего к следующему за ним слову с начальным гласным, а также внутри слова после гласного звука ***у*** и ***и*** переходят в неслоговые: *над'éждъ на ўражáц̯, стáл'и ўч'úц̯а, рукáм'и ўлав'úл'и, инá ўтам'úлъс'* и т. д. и *пакры́л избý; укъзáл на И̯сáкъ, над'éлъ наи̯знáнку, заи̯грал'и* и т. д. (села Гусино, Кряжево, Зверовичи).

То же отмечается и в «Анкетах» № 6, 13, 14, 18, 20, 23, 24, 25а, 28б, 28в, 30, 31, 31а, 41, 43, 45, 47в, 47д и 50.

Судьба этимологического Ѣ

Звук ***ѣ*** совпал со звуком *е* и разделяет его судьбу. В древнейших памятниках, писанных на территории Смоленских говоров, это выражается смешением букв *е* и ***ѣ***, например: *вѣргмьнемь, будѣте* (= бу-

деть), *людѣмъ, всѣму, дѣржати, бѣрѣга* и т. д. и *жене, на готеском березе* и т. д. («Догов. гр. 1229 г.»).

То же представляет и «Летописный сб.»: *рыбе* (23б), *оттоле* (113) и т. д. и *вѣликую* (94), *развѣрже* (116) и т. д.; «Радз. сп. летописи»: *венец* (18 об., 37, 47 об.), *по две гривне* (44 об.), *в селе велице* (21) и т. д.

Следы старого *ѣ* имеются иногда в положении его в начале слова под ударением в словах *есть* (в значении 'кушать') и *ехать*, здесь имеем *ӥ: ӥист', ӥйхът'*, причем слово *ӥйст'* чаще встречается, чем слово *ӥйхът'*. Такое произношение приходилось наблюдать в ряде обследованных мною сел.

Слово *ӥисть* отмечено также в «Анкетах» № 6, 9, 13, 15, 16, 18—23, 29, 30, 31, 36, 43, 49, 50.

Ударяемое же *ѣ* в конечных открытых слогах звучит как *е*. Следует иметь в виду, что формы местного падежа единственного числа у имен с основой на шипящие или *ц* в изучаемых говорах оканчиваются на *ы*, восходящее к старому *и*: *на нажы́* (села Кряжево, Бол. Добрая, Платоново), *у то́м канцы́* (с. Потапово) и т. д.

Гласные ы, и и о, е на месте древнерусских напряженных редуцированных перед ӥ (j)

В названных сочетаниях фольклорные, этнографические и другие источники представляют следующие примеры.

В «Смол. этн. сб.» — Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *мытица* (II, 216), *памыйся* (IV, 143), *пашию* (IV, 257) и тут же *сашью* (IV, 257, 283); с. Пречистое: *выють* (I, 313), *выю* (II, 224) и *воють* (I, 313), *пей* (IV, 345), *на шыи* (I, 321), *за яго шыю* (I, 322), *за шию* (I, 714), *у шию* (II, 222); Ельнинский у., с. Бердибяки: *змый* (I, 176), *умыюся* (I, 204), *абмыюсь* (I, 372), *падшыю* (I, 347), *па шии* (там же); с. Боровское: *памыисься* (II, 142), *шиють* (IV, 508), *мыють* (там же); с. Злотово: *мыить* (IV, 318), *вымый* (там же) и *савейтя* (IV, 286); с. Проверженка: *мыицца* (I, 586), *шиить* (II, 70); с. Радошково: *мыить* (II, 100), *ня пий* (там же), *выють* (IV, 352), *мыить* (там же), *змыю* (там же), *шиить* (IV, 528) и *ня бей* (IV, 304); с. Рудня: *шиить* (IV, 140), *выить* (там же); с. Сухой Починок: *ня бей* (I, 171), *на шеюшки* (IV, 400), *помойся* (IV, 543), *ройся* (IV, 603); Краснинский у., с. Каблуково: *сшию* (IV, 266); с. Свалы: *ня бей* (IV, 312), *пей* (IV, 443); с. Холщево: *шеюшку* (IV, 354); Поречский у., с. Иньково: *абмыим* (II, 183), *змыить* (IV, 141), *падмыить* (там же) и *ня бей* (IV, 57), *ни забей* (IV, 123), *ня пей* (IV, 358), *ня лей* (IV, 406), *на шеюшки* (IV, 427), *кала шеиньки* (IV, 450); Рославльский у., с. Летошники: *помыитца* (I, 173), *мыиш* (I, 208), *измый* (там же), *змый* (I, 209); с. Михайловка: *вымый* (I, 178); Смоленский у., с. Даньково: *сшию* (II, 76), *выпей* (IV, 523), *мыетця* (IV, 589), *не убей* (IV, 10), *за шею* (I, 658), *у шею* (IV, 21); *на шеюшки* (IV, 40), *памои* (IV, 48), *шея* (IV, 142).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем: Бельский у., д. Сумароково: *умыјус'*; д. Тилибукино: *выјут'*.

У В. М. Попова имеем формы с *ы* и *и* (267); у А. А. Никольского: *мы́ю, вы́ю, памы́и* (т. 46, стр. 245); у А. А. Шахматова: *вы́ю, вы́ить, мы́ють, ня пий, шы́ю* (т. 38, стр. 198); то же у него и в Масальских говорах (т. 38, стр. 200).

В ответах на «Кр. Ак. пр.» в большинстве случаев отмечено в этих условиях *ы*; лишь кое-где нет указаний, какой произносится звук. В с. Жабино отмечено: *крэ́ю, мэ́ю* (крою, мою).

В ответе на «Ю-вр. пр.» имеем — в № 50: *мыить, крыить*; в № 36, 33 и 72: *мы́ить, кры́ють, шы́я, помы́йки*; № 85, 18а и 25а представ-

ляют и примеры с **о** и **е**: *мыить, крыють* и *кроють* (№ 85); *мыить, крыю, накрыешь, крыють, крый, шиить*, но *промою, кроють, помои, шея* (№ 18а); *мыють, крыють, помыйки*, но *шея* (№ 25а).

В № 280: *мыю, рыю, крыю, шию, сшию.*

В сложении глагола *идти* с приставками на гласный звук **о** имеем *сыцду* (д. Климятино; «Сборник» В. В. Богданова), *атыцдит'* (д. Сущево; там же) и т. д. при более частых формах с **о**.

В формах прилагательных и местоимений в именительном падеже единственного числа мужского рода и в родительном, дательном, творительном и местном падежах женского рода того же числа при ударении на окончании, а иногда и при безударности его в фольклорных и этнографических и прочих источниках отмечены формы на ***-ей (-эй)*** при форме с ***-ой***.

В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Шоптово: *маладэй чилавек* (I, 334), *другей примерыл* (I, 336), *быў худэй* (I, 545), *святэй дух* (IV, 185), *кривой работник* (I, 348), *гадавой праздник* (I, 349), *другой день* (I, 354; II, 238), *Донской* (IV, 510), *ямской серый зайка* (там же); Духовщинский у., с. Береснево: *святэй Альля* (IV, 163); с. Никола Ядреич: *вярьхушички залатэй* (II, 47) и *залатой калпак* (II, 215); с. Пречистое: *валастнэй сход* (I, 310), *другей чилавек* (I, 312), *святэй ниспрaвядливы* (I, 316), *тэй багат* (I, 321) и *сляпой будить сядеть* (I, 310); с. Шиловичи: *кривэй хвалит* (IV, 4); Ельнинский у., с. Бердибяки; *ни знаў бальнэй* (I, 172), *ат ламоты кастяннэй* (I, 193), *раднэй бальнова* (I, 198), *храмэй шорник* (I, 338), *у другей пузурёк* (I, 343; 441), *дийнэй старик* (I, 473) и *другой сын* (I, 433); с. Боровское: *разудалэй пишеть милый* (IV, 577) и *другой* (другой поляк; IV, 508), *тэй* (II, 196); с. Крутиловка: *лютэй свёкарька* (IV, 329) и *дарагой сын* (IV, 146); с. Злотово: *худэй славы* (IV, 366); с. Проверженка: *другей день* (I, 236), *мазурик тэй* (I, 676) и *празник гадавой* (I, 585); с. Радошково: *удалэй* (IV, 351), *другей год* (IV, 352) и *маладой саловушко* (IV, 68); с. Рудня: *другэй коник* (IV, 597); с. Сухой Починок: *святэй спрашиваеть* (I, 168), *чужей батька* (IV, 241), *маладэй салдат* (IV, 545) и *святой... узсирчаўся* (I, 171), *другой тветик* (IV, 400), *галубой* (там же); Краснинский у., с. Каблуково: *лихей свёкар* (IV, 56), *зилянэй кахтан* (IV, 310), *в аднэй* (там же) и *зиляной кахтан* (IV, 310); с. Холощево: *багатэй был* (IV, 354); Поречский у., с. Иньково: *маладэй дятинка* (IV, 111), *удалэй малойчик* (IV, 406); Рославльский у., с. Летошники: *сад маладой* (II, 191); с. Черепово: *святэй Илья* (IV, 206), *тимяннэй зуб* (I, 178), *тэй сорт* (там же); Смоленский у., с. Даньково: *другей сядить* (II, 21), *галубэй твяток* (IV, 40), *варанэй конь* (IV, 117).

У А. А. Шахматова (в Мосальских говорах): *у аднэ́й дере́вни, на друге́й жани́лся, с аднэ́й* (т. 38, стр. 204); *сядэ́й бароды́, с гнядэ́й ло́шади, з буйнэ́й галавы́* (Ельнинские говоры; т. 38, стр. 204).

Приведенные примеры именительного падежа единственного числа мужского рода находятся и в чередовании с формами на ***-ый***; число примеров в «Смол. этн. сб.» на ***-ый*** под ударением весьма невелико; на месте ***-ыц (-ый)*** здесь имеем ***-оц*** или ***-ец (-эй)***; при безударности же окончания случаи форм с ***-ыц (-ый)*** весьма многочисленны. Однако то обстоятельство, что и звук на месте безударного **о** в «Смол. этн. сб.» передается через **ы**, а под ударением **ы** весьма редко, не дает права утверждать, что в этих случаях мы имеем дело со звуком **ы**, а не с обозначением редуцированного на месте безударного **о**.

Примеры из «Сборника» В. В. Богданова — д. Бартенево: *чорный*; д. Бунаково: *чужей, славный*; с. Волыново: *нишшасный*; д. Голенищево: *һустой, холодный*; д. Глушаково: *частый*; д. Дмитровка: *маладой*; с. Егорье: *друһой*; д. Климятино: *маладэй купчик*; д. Кострицы: *доб-*

рый; д. Красные Долины: *халастой, дороћой, милый*; с. Мольня: *халастой*; с. Новая Деревня: *маладой*; с. Павлово: *удалой*; д. Пакусинки: *ничужой*; д. Половцево: *старый*; д. Село: *маладой*; д. Симановка: *дарагой, залатой, симейный, вараной, с'в'атой* и *с'в'атэй*; д. Смальники: *л'убезный* и *л'убезнай, дараћой*; д. Шелухино: *милый*.

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем весьма небольшое число форм с окончанием на ***-еи̯*** (*-эй*); преобладают формы на ***-ои̯*** при ударении и на ***-ъи̯*** при безударности. Какой звук обозначает здесь ***ъ*** — редуцированный ли на месте ***о*** или звук среднего ряда верхнего подъема (***ы***) — сказать, оперируя записями В. В. Богданова, не представляется возможным.

В ответах на «Кр. Ак. пр.» ***-эи̯*** отмечено в деревнях Авдеево, Поповка, Яровицы, с. Дрогачеве и приходе, в деревнях Костино, Мешки, Иваники, в Бородинской и Слободской волостях; ***-ой*** имеем в с. Герчикове и приходе; ***ы*** (под ударением) в с. Щербине и приходе, в с. Княжом и округе.

В ответах на «Ю-вр. пр.» имеем в № 50 и 33: *тэй, аднэ́й*; № 25а: *тэй, аднэ́й*, но *такой*; № 85, 18а и 36: *тэй, аднэ́й, такэ́й*; № 72: нет сведений; № 50: *гла́дкий, сла́дкий*; № 85: *худэ́й, злэй* и *злой*; № 18а: *злэй, худэ́й* и *злой, худо́й* («но не ***-ый***, — имеется в ответах замечание), *сла́дкай, го́рькай, га́дкай, ма́ленькай, ма́ханькай*; № 25а: *худо́й, злой* и *злэй*; *га́дкай, сла́дкай*; в № 36 — те же примеры, что и в № 25а; № 72: *злой, худо́й, га́дкай, сла́дкай*; № 33: *злэй, худэ́й, гла́дкий, сла́дкий*.

В статье Н. П. Гринковой в глагольных формах отмечено ***ы***, последовательно проведенное «в говоре старух и детей дошкольного возраста: *мы́ццет', закры́и̯у* и т. д., исключение представляет только произношение бывалых людей и хорошо грамотной молодежи» (стр. 307).

В статье И. Г. Голанова («Заметка о говоре некоторых селений. . .») — везде ***ы***: *мыим, шыим, крыють* и т. д.

В № 280: *таке́й, худэ́й, однэ́й*.

В ответах на «Анкету» имеем: *мы́и̯у, кры́и̯у, п'и(и̯), б'и(и̯), л'и(и̯), пъдыи̯т'и, ътыи̯т'и́* — отмечено в № 1, 6, 11, 16, 25, 25а, 28б, 29, 31, 31а, 33, 39, 46, 47в; примеры же с ***о*** и ***е*** (*мои̯у, крои̯у, п'еи̯, л'еи̯* и т. д.) представляют № 2, 3, 10, 10а, 25б, 27а, 28, 28а, 31б, 32, 38, 39, 39а, 44, 47, 47а, 47б; большинство же «Анкет» указывает на наличие в говоре тех и других форм, причем в «Анкетах» № 17, 21, 35 и 45 отмечено, что формы с ***о*** и ***е*** представляют особенность речи людей грамотных и бывалых. Из имен существительных *памы́и̯и, шы́и̯ь* отмечено в «Анкетах» № 1, 4, 6, 9, 11, 14, 16, 22—24, 25а, 25б, 28б, 36, 43, 45, 46, 47в, 48; *памои̯и, шеи̯ь* — в № 3, 8, 10, 17, 19, 20, 21, 27а, 30, 31, 31б, 32, 35, 37, 41, 44, 47, 47б; в «Анкетах» же № 7, 15, 18, 28а, 31а, 40, 47д — то и другое произношение.

По моим наблюдениям, в говоре разных слоев населения слышится неодинаковый гласный перед следующим ***и*** неслоговым. Различия представляют:

1) формы изъявительного и повелительного наклонений глаголов *мыть, крыть, рыть, выть, шить, пить, лить, бить*.

В говоре бывалых и грамотных людей почти исключительно имеем в этих условиях *мо́и̯у, кро́и̯у, ро́и̯у, шjу, пjу, бjу, мои̯, крои̯, рои̯, шеи̯, п'еи̯, б'еи̯, л'еи̯*; в говоре же наиболее отсталой части населения имеем *мы́и̯у, шы́и̯у* и производные от них, произносимые почти исключительно с ***ы***: *памы́и̯ус', умы́и̯ус'*, тогда как в словах *кро́ю, ро́ю* наблюдается колебание между ***ы*** и ***о***.

Такое произношение отмечено мною в селах Авдотьине, Белоручье, Борках, Бражине, Варечках, Квасове, Караваеве-Подгородном, Коха-

нах, Кучине, Зарубенках, Зверовичах, Мошевой, Никитине, Ополье, Павлинове, Подмошье, Потапове, Рогнедине, Рябцеве, Сычеве, Филиппове и Янове. В с. Бабынове — *крыцу*, *мыцу*, но и *накроцу*; в с. Каленове взрослая дочь крестьянина говорила: *крыцу*, но у ее отца в разговоре с соседом было *крыцу* и *кроцу*; в с. Кучине: *памыцут'*, *мыцу*, *рыцут'*, но *кроцу*; в с. Ополье в говоре Е. Ф. Шалыгиной — *мыциц'*, но *моцу пасуду*; в с. Яцкове (разговор в поезде) — колебание между **ы** и **о** было в говоре одного и того же лица: *крыцу* и *кроцу*.

Произношение с **ы** в этих условиях наблюдалось главным образом у женщин. Интересно при этом отметить, что в с. Потапове 95-летняя крестьянка А. А. Гороженкова произносила: *мыцу*, *крыцу*, тогда как у ее односельчан среднего возраста тут было колебание. В говоре учеников из Мощинской школы наблюдалось или колебание: *мыцу*, *крыцу* и *моцу*, *кроцу*, или произношение с **ы** (мальчик из с. Засигова). У возчиков сел Данильева, Сыр-Липок и Ямской Слободы — исключительно произношение с **о**, тогда как у лиц той же профессии из сел Яблонь и Лучёсы — **ы**, а из с. Потапова — и то и другое произношение. В разговоре плотников в с. Спас-Липки отмечено мною произношение с **ы**: *к аб'еду накрыцьм крышу*; у крестьянки из с. Сердечкина А. М. Журавлевой произношение только с **о**. В селах, лежащих преимущественно в направлении к западу (Борки, Варечки, Зарубенки, Зверовичи, Мошевая, Платоново, Скачково), преобладает произношение с **ы**. Исключительно **ы** произносится в слове *шыцу* (= шью) в селах Бабынове, Зарубенках, Зверовичах и Платонове. Не многочисленны случаи произношения формы повелительного наклонения *п'ец*, *б'ец*, *л'ец*, с **и**: *п'и*, *б'и*, *л'и* — оно отмечено только в селах Борки и Платоново, тогда как в других селах произношение с **е**. Даже в говоре Е. В. Шалыгиной (с. Ополье) имеем: *н'а б'ец*, *л'ец*.

2) Чередование произношения с **ы** и **о** наблюдается, правда в меньшей степени, в формах инфинитива глагола *идти* в сложении его с приставками: *ътаит'и́*, *пъдаит'и́*, *ътыит'и́*, *падыит'и́* и т. д.

3) Существительные *помо́и*, *помо́йница* и *шея́* в ряде сел и деревень — Авдотьине, Арефине, Бабынове, Б. Возьмище, Борках, Бражине, Глистаях, Заборье, Зверовичах, Каспле, Квасове, Кучине, Ополье, Павлинове, Платонове, Потапове, Спас-Липках, Сычеве, Яковлеве и Янове произносятся: *памыци*, *памыцн'ицъ*, *шыцъ*; в д. Ворошилове — только *шецъ*, но *памыци*; в д. Долгомостье — *шыцъ* при весьма распространенных *моцу*, *кроцу*; в д. Квасово отмечено *замоцу*, но *шыцъ*.

4) Прилагательные и местоимения мужского рода в именительном падеже единственного числа и женского рода в родительном, дательном, творительном и местном падежах того же числа при ударении на окончании имеют формы на *-ей* (*-эй*), чередующиеся с формами в мужском роде на **-ый** (**-ий**) и в женском роде на **-ой** или при безударности окончания с редуцированным гласным на месте **о**. В именительном падеже множественного числа изредка встречаются формы на **-ейа** (**-эя**).

Примеры: *адней науй*, *бал'шеца дарбуи* и *мылъдоц карбвы*, *такоц д'ен'*, *какоц карошы* (с. Авдотьино), *глухец бабы*, но *такоц д'ен'* (с. Арнишицы), *ни аднец кап'ецк'и*, *плахец травы*, но им. п. ед. ч. м. р. *бал'шоц* (с. Афонино), *адней наг'и*, *на какец срок*, но *с'л'апоц* (им. п. ед. ч. м. р.) *друуиц* (с. Бабыново) и *друуец д'ен'* (Бол. Добрая), *бал'шец вос*, *аднец нагоц* но *другоц* (Бол. Возьмище), *с'л'апец кот*, *дурнец сон*, *злец собак'и*, причем изредка встречается и форма им. п. мн. ч. *злэца* (Борки), *с'л'апец старухи*, но *бал'шоц дачке* (Бражино), *аднец рукой*, *чужец*, *бал'шец* и *бальшеца туманы* (Варечки), *злец п'ос* и *злоц хлоп'ец*, а также *халастыц* (Ворошилово), *ни адноц нагоц*, *въраноц*

кон' (Вырьевский с/с), *мъладе́й* и *мъладо́й кон'* (Глистаи), *бал'не́й наһо́й*, но *адно́й наһо́й* (Гребневка), *плахе́й уръжа́й*, но *въра́но́й кон'* (Долгомостье), *бал'шо́й д'ен'*, *тако́й* (возчик из Данильева), *друһе́й д'ен'* (Зарубенки), *адне́й бал'ше́й һус'*, но *бал'шо́й д'ен'*, *бал'но́й кон'*, *ч'ужёца д'ела́*, но *круто́й б'е́р'еһ*, *мъладо́й жано́й*, *хъл'асто́й* (Каленово), *бал'ше́й сара́й*, *друһе́й д'ен'*, но *маро́зный*, *бал'шы́ци* и *бал'ше́ца дама* (Каспля), *въране́й*, но *һн'адо́й кон'*, *мълъдо́й* (Кучино), *адно́й руко́й*, *друһо́й д'ен'* (Лучесы) и *худе́й до́л'и*, *зле́й гад'ины*, но *бал'шо́й* (Мошевая), *бал'шеи ма́л'ч'ик*, *дурне́й бал'е́з'н'и*, *одне́й наһи́*, но *зло́й чилаше́к* (Никитье), *па'дне́й каро́вы*, *бал'ше́й дом*, но *бал'шы́ци д'н'и* (Ополье), *у тэ́й стъран'е́* (Пожевское), *он с'л'апе́й*, *штаре́й гот*, *бал'ше́й до́чьр'и*, *с'л'апеца т̄'анк'и*, но *бал'шо́й вос* (Платоново), *зле́й бабы*, *у б'еднец стъран'е́* (при безударности окончания), но *зло́й дол'и*; *высо́къй* (Платоново), *друге́й д'ен'* (Рябцово), *сл'апе́й т̄анок*, *у бал'ше́й хат'и*, но *сл'апы́й конь* (Скачково); *бал'ше́й хлоп'ец* и *бал'шо́й* (Спас-Липки), *н'адне́й*, *таке́й дач'кй*, *бал'ше́й д'ен'*, *с'л'апе́й как крот*, но также и форма на **-ой** (Сыр-Липки); *вон тэ́й*, но *плахо́й гот* (возчик из с. Филиппово); *бал'шо́й һо́ръm*, но *бал'ше́й ма́л'чик* (Юшино); *праcте́й ч'илав'е́к*, *друһе́й ма́т'ер'и*, но также и *адно́й дъро́һъй* (с. Яцково) и т. д.

В говоре учеников из Мощинской школы — Н. Павлюченко из с. Лентева и С. Кадаева из с. Буховки форм на **-еи** (**-эй**) нет, тогда как у Д. Плещеева из с. Засигова они имеются: *таке́й*, *маладе́й*. Не имеется их в говоре крестьянки А. М. Журавлевой из с. Сердечкина, у нее преобладают формы с **о** при ударении или с редуцированным звуком при безударности: *хъласто́й*, *зло́й*, *ста́ръй* и т. д. То же надо сказать и о говоре возчика из с. Данильева; наоборот, у возчика из Ямской Слободы имеются и случаи с **-ей** (**-эй**), когда он не следит за своей речью; обычно у него **-ой** или при безударности окончания **-ъй**.

Формы на **-еи** (**-эй**) в указанных падежах и на **-ый** (**-ый**) в именительном падеже единственного числа мужского рода характеризуют речь наиболее отсталых слоев населения, тогда как в говорах бывалых и грамотных людей **-ой** (**-ой**) или **-ъй** (**-ъй**) — последнее при безударности окончания.

В мат-лах И. Г. Голанова в глагольных формах имеем только один пример — *мо́ю (рука́ ру́ку мо́йит)*, который, конечно, не дает возможности судить о распространении этого явления, но в прилагательных и местоимениях имеем: *тэ́й-та даро́гъй*; *па тэ́й-та даро́ɣ'и*, но *ста́ръй* (Бельский у.), *таке́й* (Хотеевка, говор крестьянина 50 лет) и *но́вый* (Липовка).

В рук. мат-лах АН БССР — *праcтэ́й рабо́ты*.

В «Бел. пр.» № 31, 32 и 34 во всех случаях отмечено **ы**, лишь в № 34 в прилагательных и местоимениях имеем **е** (**э**): *худэ́й*, *злэ́й*, *т'еи*, чередующееся с **ы**.

В именах прилагательных и местоимениях формы на **-ый** (**-ый**) под ударением встречаются в немногих «Анкетах» (№ 22, 25а, 26, 28б, 29, 36, 46 и 47), при безударности же окончания они довольно многочисленны (№ 4, 6, 7, 10, 12—14, 18, 19, 23, 24, 26, 29, 34, 36, 38, 43, 46, 48 и 50); с редуцированным же гласным *(жел'е́знъй)* они отмечены только в № 9 и 25 (ср. отношение авторов ответов к восприятию ими редуцированных гласных в других случаях); случаев с окончанием **-еи** (**-эй**) немного (№ 9, 12, 13, 24, 25, 41), еще меньше случаев чередования **е** (**э**), **о** и **ы** (№ 4, 6, 16, 45). Преобладают в «Анкетах» случаи с **о** и при безударности окончания с редуцированным звуком (№ 1, 7, 8, 10, 11, 14, 18—20, 23, 25б, 27, 30, 31, 31а, 31б, 32, 33, 39а, 40, 43, 44, 47, 47а, 48), причем в № 11 и 38 отмечено, что такое произношение характеризует речь бывалых и грамотных людей.

Гласные ы, и и о, е на месте древнерусских редуцированных в сочетаниях плавного с редуцированным между согласными

В этом положении в неударяемых слогах после плавных находим *ы* и *и* и лишь в весьма редких случаях *о* и *е* (т. е. их современные фонетические замены).

Например, в «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Шопотово: *праглытить* (I, 674, 676); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *праглытить* (I, 236); Ельнинский у., с. Бердибяки: *крыви* (I, 181), но *дражить* (I, 510); с. Лукино; *брывях* (I, 189); с. Проверженка: *крыви* (I, 656), *глытаить* (I, 657); Поречский у., с. Иньково: *крышила* (II, 189), *чернобрывка* (IV, 154), *дрыжить* (IV, 373); Смоленский у., с. Даньково: *дрыжить* (IV, 35; IV, 242), но *крававых* (IV, 19), *здрогнетца* (IV, 619).

Кое-какие примеры имеем в материалах, извлеченных из «Сборника» В. В. Богданова: *дрыжит'* (д. Саново), *гримит'* (д. Сидоры), но *ч'арнабровыи* (Горки). В № 280 имеем: *крышйть, дрыжйть.* У А. А. Шахматова: *дрыжйть, гримéть* (196). В ответах на «Бел. пр.» сведений нет.

В сочетании названного гласного с плавным перед следующим согласным в неударяемых слогах говоры представляют то же расслоение, что и в предыдущих случаях. В речи бывалых или достаточно грамотных людей наблюдалось здесь *ро* (при неударяемости *ра*): *крашы̆т', дражы̆т', у крав'й* и т. д.; в говоре же неграмотных и малограмотных людей, из них — главным образом у женщин и особенно старух — *ры*: *крышы̆т', дрыжы̆т', у крывй.* Обычно же в говоре среднего поколения, мало связанного с отходом, наблюдается и то и другое сочетание: *ры* и *ро*, с преобладанием одного из них.

Преобладание *ры* отмечено мною: в селениях Арефине, Бабынове, Бол. Возьмище, Борках, Ворошилове, Глистаях, Зверовичах, Квасове, Короваеве-Подгородном, Каспле, Кучине, Мошевой, Никитье, Ополье, Платнове, Потапове, Спас-Липках, Филиппове, Яковлеве и Янове; наоборот, в Афонине, Бражине и Заборье преобладает *ро*; последнее часто наблюдается у лиц, на говоре которых сказывается городское влияние.

Сочетания *ри*, *ли* в словах *гр'им'йт', бл'ис'т'йт' и бл'иш'йт'* (последнее отмечено мною в с. Потапове) встретились в разговоре в вагоне с крестьянином из с. Яцкова, а также у возчика из с. Филиппова и в селах Никитье и Потапове, причем в с. Никитье наряду с *гр'им'йт'* отмечено и *гр'ем'йт'*.

Ответы на «Анкету» дают примеры с *ы* в № 1, 6, 7, 12, 23, 25, 26, 28б, 28в, 29, 31, 33, 41, 45, 46, 47в, 48 и 50; примеры с *о* имеются в № 2, 3, 8, 10, 11, 13а, 17, 19, 21, 25а, 25б, 27, 28, 31б, 35, 37, 39, 39а, 47 и 47б; в остальных «Анкетах» и те и другие окончания. Произношения с *о*, как отмечено в «Анкетах» № 11, 21, 27а, 28а и 35, характеризует речь грамотных и бывалых людей.

Из других источников явление это отмечено в «Бел. пр.»; во всех остальных имеем только *ы*.

СОГЛАСНЫЕ

Звонкие и глухие соглáсные

Звонкие согласные в положении перед глухими и в абсолютном конце слова переходят в глухие. Явление это свойственно всем известным мне говорам Смоленщины и отмечается уже в древнейших

ее памятниках письменности. В грамоте 1229 г. имеем: *Конрат, Бернарт* с оглушением конечного *д*. Имеем также здесь: *бес пакости и своего* (= из своего) *ис кашеля, и Смоленска* (= из Смоленска), но оглушение *з* может восходить к древнейшей эпохе славянских языков.

То же имеем в «Летописном сб.»: *сковороткѣ* (114), *мерско* (202), *пришеть ратью* (123) и т. д. и обратно — переход глухих согласных в звонкие в положении перед звонкими: *здоров* (96), *здѣлаша* (86б), *зговоров* (221) и т. д.; то же представляют «Акты Смоленского воеводства»; *блиско* (№ 15548, л. 71); «Мемориал»: *богомерскому* (л. 5), *талмута* (л. 5; глухой согласный перенесен в положение перед гласным из форм им. п. ед. ч.) и т. д. и «Дело о монастырях»: *двѣнатцать* (л. 18 об.) и т. д. Его же находим и в фольклорных записях первой половины XIX в.: *нявош* (*ш* из *ж*; Обл. сл. 160), *дватцать* (XXXVIII. 14), *дзяцка, запрях, ницох* (= ничего; П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45 и 50), *здѣлав* (XXXVIII. 14).

В «Смол. этн. сб.» весьма многочисленны случаи сохранения глухих согласных, но они не подтверждаются наблюдением говоров и, вне всякого сомнения, представляют опечатки, которые, как мы видим, довольно многочисленны в «Сборнике».

Под влиянием аналогии глухой на месте звонкого сохраняется нередко и в таких случаях, когда он стоит перед гласным внутри слова: *к колодисю* (от *колодес;* с. Шоптово Бельского у.), *калодиси* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 122), *лотычка* (IV, 232), *вотычка* (с. Иньково Поречского у., IV, 373) и т. д.

В личных записях автора имеются следующие примеры: *б'ис хаз'а̂ицинъ, бл'и́скъ, в'ет', вос, во́тка, һас* (= газ), *һот, һр'ас', де́н'их, д'ет, долх, дуп, дош* (= дождь), *и̯е́ш'т'ь, заво́т, зал'е́с, за́муш, исп'е́ч'к'и, как'и́цеш, как ра́с, калхо́с, лоп, ло́шът', лъша́ткъ, л'у́д'и ш пашл'и́, мълад'о́ш, н'амно́шкъ пахо́ш, па́б'ох* и чаще — *паб'е́х, прам'е́ш, рош, сат, ус'ар'о́тку, торх, тот рас, ты мо́лът, хл'еп, хто ш, ч'аво́ ш, што ш, ја ш* и т. д.

Сонорные согласные

Звук *р*

Памятники Смоленщины, «Летописный сб.» и «Радз. сп. летописи» представляют твердое *р* вместо мягкого и обратно. Например, в «Летописном сб.» находим: *разаньский* (161 об.), *браньский* (91), *ноябра* (306 об.) и *прюская* (185 об.), *стария* (354 об.), *укритися* (182) и т. д.; в «Радз. сп. летописи»: *обращется* (24 об.), *обращут* (25), *разаньский* (211), *Рурик* (206 об.), *рымляны* (50); *товарыщы* (68) и т. д.

В «Актах Смоленского воеводства» твердое *р* на месте мягкого находим во всяком положении: *писара* (№ 15549, л. 47, 47 об.), *писар* (№ 15548, л. 71), *писаром* (там же), *врадниками* (там же), *дверами* (там же), *прычыны* (там же), *пры собе* (там же), *прыходячых* (там же), *прызнал* (там же), *врадник* (№ 15549, л. 46), *врад* (там же, л. 141) и т. д.

Твердое *р* на месте мягкого отмечается и в «Мемориале»: *прадыва* (л. 5), *Парыжу* (л. 7 об.), *звѣры* (л. 8 об.); *татарын* (л. 13 об.), *закупарывшы* (л. 15), *фабрыкы* (там же), *корыцы* (л. 15 об.), *потеравши* (л. 19) и т. д., где оно может быть чертой, проникшей из польского языка в язык автора «Мемориала», нечуждый полонизмов. Тем более это вероятно, что автор «Мемориала» уроженец территории мягкоэрых говоров. Реже, в единичных случаях, твердое *р* на месте мягкого встречается в «Деле о монастырях»: *монастыра* (л. 24). Наряду с этим

имеем и случаи со старым мягким согласным *р*: *три* («Мемориал», л. 6), *на три* (там же, л. 7), *в Парижу* (там же, л. 7 об.), *сентября* (там же, л. 11), *обрядов* (там же, л. 12 об.) *в три* (там же, л. 15), *по трижды* (там же, 15 об.), *корицы* (там же, л. 16 об.) и т. д.

В «Житии Авраамия», за исключением единичных случаев, где твердый или мягкий *р* может иметь другое объяснение, *р* употребляется этимологически правильно.

В фольклорных материалах первой половины XIX и XX вв. *р* находится в соответствии со старым этимологическим твердым и мягким *р*, лишь в единичных случаях встретилось мягкое *р* на месте этимологически твердого. Здесь все источники согласно показывают, что говоры, нашедшие в них свое отражение, принадлежат к мягкоэрым говорам, в которых старое мягкое *р* не переходит в твердое.

Правда, в «Смол. этн. сб.» имеем случаи, когда твердое *р* стоит на месте мягкого и мягкое на месте твердого, но такие случаи, как увидим далее, характеризуют говоры переселенцев из БССР, они весьма немногочисленны и не имеют отношения к говорам коренного населения Смоленщины, например:

а) твердое *р* на месте старого мягкого — Бельский у., с. Шоптово: *дворэк* (I, 331), *стрыч* (I, 357), *абстрыгли* (там же), *дöбра ад'еўшись* (I, 545); Вяземский у., с. Новоселки: *таперача* (IV, 214); Краснинский у., с. Каблуково: *гаворать* (IV, 52), *прадетца* (IV, 295); с. Свалы: *прыляжу* (IV, 447), *пры* (там же); Поречский у., с. Иньково: *прамудрысть* (II, 200); Смоленский у., с. Даньково: *прагряшения* (IV, 169), *румку* (IV, 498), *гранадеры* (IV, 631);

б) обратное явление — мягкое *р* на месте твердого — Бельский у., с. Шоптово: *приагрёмная* (I, 359; 360), *дохтарёв* (I, 706), *вырябей*, *вяребеюшкыў* (IV, 332); Ельнинский у., с. Сухой Починок: *из нутря* (I, 190), *вирябей* (IV, 518); Рославльский у., с. Летошники: *дурячища* (IV, 308); с. Черепово: *вырябей* (IV, 30), *вирябья* (там же); Смоленский у., с. Даньково: *Миренывым* (IV, 17), *загарялася* (IV, 626).

Далее твердое *р* на месте мягкого отмечается в с. Каталине и окру́ге (ответ на «Кр. Ак. пр.»), но в Каталинскую вол. (даются сведения в ответе на «Кр. Ак. пр.») за два года перед тем, как был дан ответ, переселилось 30 семейств из Суражского у. Черниговской губ., из Гордеевской и Душатинской волостей. В ответе переселившиеся названы «хохлами», но это название не имеет ничего общего с употреблением этого слова в дореволюционную эпоху для названия украинцев. Идет оно от старообрядцев, переселившихся на север б. Черниговщины из русских центральных губерний.

Личные наблюдения автора показывают, что говоры обследованных им сел и деревень принадлежат к мягкоэрым, т. е. таким, у которых старое мягкое *р* не переходит в твердое. В редких случаях, в индивидуальном произношении, спорадически можно слышать слегка отвердевшее *р* (обозначаю его *р˙*) перед следующим *и*, главным образом в соседстве с твердыми слогами: *тр˙ина́цътыц*, *н'иб'ир˙и́* (Ворошилово), *гъвар˙и́лъ*, но *пр'ишл'и́* (Гребнёвка) и т. д.

Спорадический характер в индивидуальном произношении носят и случаи мягкого *р* на месте твердого, такие, как *р'а́мъ*, *в'ир'аб'е́ц*, *л'ихар'аткъ* и т. д. Какого происхождения эти случаи?

Ответ дают следующие «Анкеты»: № 4 из д. Ново-Хонино, где имеется чередование мягкого и твердого *р* перед гласным переднего ряда и *j* и спорадическое отвердение *р* перед гласными непереднего ряда; № 16 из д. Щербина, где отмечено последнее явление, т. е. спорадическое отвердение *р*: и там и здесь имеется значительное количество переселенцев из БССР — в д. Ново-Хонино их около 12%, переселились они сюда в 1912 г., а в д. Щербина — около 67%, при-

чем около 40 белорусских хозяйств приходится на 60 хозяйств во всей деревне; переселились они в 1910—1911 гг., В этих переселениях, полагаю, источник отвердения *р*. Также в д. Кучино мною записано в разговоре с переселенцами из БССР: *рамнём*, *т'ап'ёр*.

В мат-лах И. Г. Голанова имеются спорадические случаи отвердения *р*: *ч'ърысча́с* (д. Хохлово), *турма́* (с. Каталино — в говоре старого крестьянина); в мат-лах О. А. Державиной отмечено отсутствие твердого *р* на месте мягкого.

В рук. мат-лах АН БССР та же картина: спорадически отвердевшее *р* перед *и* в соседстве, главным образом, с твердыми слогами: *прыхади́-ка*, *ни гаво́рыть*, но *абдбо́рить*; здесь же встречается и *в лихарятке* (= в лихорадке).

«Бел. пр.» указывает на принадлежность говоров к мягкоэрым.

В печатной статье И. Г. Голанова («Заметка о говорах некоторых селений...») и в работе В. М. Архангельского (Из материалов летней экспедиции 1927 года по Дорогобужскому уезду») также не находим твердого *р* на месте мягкого.

В «Анкетах», помимо сказанного здесь (№ 4 и 16), имеем то же самое отсутствие мягкого *р* на месте твердого и единичные случаи с мягким *р* на месте твердого: *ряма*, *вирябей*, *Миренов* (№ 6, 8—10, 12, 13, 13а, 14, 16, 23—25, 25а, 26, 27, 27а, 28б, 28в, 29, 31а, 40, 41, 43, 45, 47в, 47д, 48 и 49) и *дурячища* (№ 25а, 28а и 50); в «Анкетах» же № 18, 37 и 50 — чередование в этих случаях твердого и мягкого *р*.

Возникает вопрос: как согласовать противоречия между показаниями памятников письменности и записями живых говоров? В то время как фольклорные записи и личные наблюдения автора определяют говоры как мягкоэрые, наличие твердого *р* у которых имеет свою причину в переселениях сюда белорусов, памятники письменности представляют и говоры с твердым *р* на месте этимологического мягкого («Акты Смоленского воеводства», «Мемориал»), и смешение твердого *р* с мягким («Летописный сб.», «Радз. сп. летописи»), и этимологически правильное употребление *р* («Житие Авраамия»). Чем объяснить это?

Ответ на вопрос надо искать в среде, создавшей памятники. «Акты Смоленского воеводства» возникли в судебных смоленских канцеляриях, язык которых находился под непосредственным польским влиянием, и могут отражать не факты живого произношения, а черты польского влияния: «Акты» писаны в самом начале 50-х годов XVII в., когда Смоленщина входила в состав Польши. В другой среде возникло «Житие Авраамия», а именно — в монастырской среде, и эта среда вернее могла отражать в языке черты местных народных говоров, чем полонизированные судебные канцелярии.

Следовательно, в языке «Жития Авраамия», несмотря на его церковный характер, мы имеем дело с фактами живого языка, отражающими судьбу *р* в говорах Смоленщины.

Не противоречит этому и одна из надписей на обороте изображения Авраамия и Ефрема: «великому государу Петру», сделанная в 1728 г. в рукописи. В говоре лица, сделавшего эту надпись, было твердое *р*, но абсолютно неизвестно, уроженцем какой местности был автор этой надписи. Точно так же неизвестно, уроженцами каких местностей были авторы «Летописного сб.», «Радз. сп. летописи» и др.

Звук *л*

На месте звука *л* в сочетаниях, восходящих к старому сочетанию *ъл* между согласными, а также и на конце форм прошедшего времени глагола находим *ў*, в большинстве случаев чередующееся с *л*.

В письменных памятниках Смоленщины это явление впервые отмечается в «Житии Авраамия» в формах перфекта, утративших вспомогательный глагол, причем *ў* здесь передается через *в*: *поживъ* (11 об.), *претерпѣвъ* (л. 11 об.), *излиявъ* (л. 19 об.), *повелевъ* (л. 22), *просветився* (л. 30), *разрушивъ* (л. 30 об.) и т. д. и в ряде случаев, стоящих на месте аориста в Соловецком и Сийском списках «Жития Авраамия», причем в рукописи встречается форма перфекта без перехода *л* в *ў* и без вспомогательного глагола: *оставил епископию свою* (л. 24 об.) при форме аориста (*остави*) в Сийском списке[17].

В «Актах Смоленского воеводства» такой переход не наблюдается, оно и понятно: возникли они в другой социальной среде, о чем сказано выше.

То же представляют и фольклорные записи первой половины XIX в.: *шавковка* (Обл. сл. 160), *довго*, *бавтун*, *тавкуй* (=толкуй), *узяв*, *ждав*, *ишов*, *закусив*, *наевся*, *наглядевся* (Обл. сл. 160), *ашукайся*, *быў* (XXXVIII. 2), *паймаў*, *украў забыв*, *вувка* (=волка), *зварив*, *зделав*, *переказывав*, *пувястив* (XXXVIII. 14), *давжей*, *быв* (XXX. 22), *узяў*, *улиў* (=влил), *приковав* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45), *вдався*, *заигрався*, *вырвався*, *дувся*, *атказав* (там же, № 50) но *валтарь* (Обл. сл. 156, XXXVIII. 23), *стоял*, *вотнял* (XXXVIII. 4), *был*, *притулился* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45).

«Смол. этн. сб.» представляет примеры с *у* неслоговым (*ў*) и с чередованием его с *л*:

Бельский у., с. Беликово: *шоўк* (I, 59), *пашоў* (I, 70), *падариў* (там же) и *паднял* (I, 69); *работал* (I, 70), *не упустил* (I, 71); с. Дунаево: *усходиў* (II, 244) и *прихадил* (там же); *ходил* (там же), *павесил* (там же), *шолкавым* (II, 246); шолкым (II, 247); с. Шоптово: *спрятаў* (I, 333), *узяў* (там же), *подняў* (там же), *паўгода* (I, 334), *нядоўга* (там же), *еў* (I, 335), *пашоў* (там же), *публагадариў* (I, 336), *уздумаў* (I, 348), *ваўков* (I, 350), *абмираў* (I, 354), *щаўкать* (IV, 25) и *пришол* (I, 332), *памыл* (там же), *думал* (там же), *узял* (там же), *стал* (I, 334), *радился* (I, 336), *думал бы* (I, 348), *лител* (I, 351), *полдня* (II, 227), *полвидра* (II, 233), *жолтый* (IV, 416), *долго* (IV, 573); Дорогобужский у., с. Егорье: *приехаў* (II, 211), *гарюваў* (IV, 409), *таскуваў* (там же), *наступиў* (там же) и *чалнок* (IV, 127); Духовщинский у., с. Береснево: *паспеў* (IV, 28), *жоўтый* (IV, 153); с. Никола Ядреич: *запрасиў* (I, 237), *приказаў* (там же), *застряў* (I, 236) и *жолтинький* (IV, 228), *прасвистал* (IV, 285), *прайшол* (там же), *пазабил* (IV, 491); с. Пречистое: *паслушаў* (I, 311), *жиў* (I, 314), *меў* (там же), *доўжин* (там же), *атабраў* (I, 323), *паў мерки* (I, 324), *паў меры* (там же), *даўжно* (I, 325), *шоўк* (II, 217), *шаўкова* (IV, 381) и *ни давал* (I, 310), *сидел* (там же), *пришел* (I, 311), *хадил* (I, 318), *узял* (I, 324), *шолк* (II, 217) и тут же *шоўк*, *шалкова* (там же), *долга* (IV, 261), палтараста (IV, 461), *пакатал* (IV, 481); с. Шиловичи: *забыў* (IV, 394) и *бросил* (там же), *позабыл* (там же), *полцасика* (IV, 428); Ельнинский у., с. Бердибяки: *хадиў* (I, 167), *даўжон* (I, 283, 284), *паижжаў* (I, 434), *ababраў* (там же), *асидлаў* (там же), *стоўб* (I, 472) и *нашол* (I, 167); с. Боровское: *сядеў* (IV, 546) и *сядел* (IV, 574), *убежал* (там же); с. Крутиловка: *биў* (II, 73), *паиў* (там же), *стаў ба* (II, 195), *прилятеў* (IV, 69), *пабижаў* (IV, 355) и *упал* (IV, 355, 356); с. Злотово: *маўчи* (IV, 593) и *лупил* (II, 122), *завалился* (IV, 109), *шалкавыя* (II, 286), *палноч* (IV, 313), *палтараста* (IV, 505); с. Лукино: *выдаў* (I, 206) и *варатил* (I, 206); с. Потапово: *увадиўся* (IV, 158) и *выбрал* (IV, 408), *ударил* (там же); с. Проверженка: *паўтары* (I, 237), *прайшоў* (там же), *воўк* (I, 655) и

---

[17] «Житие преподобного Авраамия Смоленского. По списку Сийского Антониева монастыря». Смоленск, 1905.

ласкал (IV, 453), *цалувал* (там же); с. Радошково: *стаўбами* (IV, 102), *шаўковыю* (IV, 130), *жоўтый* (IV, 227), *быў* (IV, 287), *падыйшоў* (IV, 626), *паўтараста* (IV, 629), но *ня вил* (IV, 68), *шолкавыи* (IV, 279), *хадил* (там же), *сядел* (IV, 287), *глядел* (там же), *загубил* (IV, 353), *асиратил* (там же), *пашол* (IV, 626); с. Рудня: *выличиў* (IV, 408), *шаўковым* (IV, 597), *стаў* (там же), но *стал* (IV, 408), *пратикал* (там же); с. Сухой Починок: *страдаў — скарбеў* (I, 169), *шоўк* (I, 202), *шоўку* (там же), *выниў* (IV, 401), *стаў* (там же), *любиў* (IV, 407), *шаўковый* (там же), но *палзучих* (I, 183), *полчасовых* (там же), *полминутных* (там же), *шолк* (I, 202) (и там же *шоўк*), *шол-прайшол* (IV, 400), *ударил* (IV, 407), *пашол* (IV, 545), *шалковыи* (IV, 603); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *у чаўночку* (IV, 334), *пришоў* (IV, 337); с. Каблуково: *сеў* (IV, 15), *разлиўся* (IV, 101), *жаниўся* (там же), *поўночи* (IV, 309), *шаўковую* (IV, 310); с. Холощево: *шоўкым* (II, 173), *видиў* (II, 175), *шаўковыю* (II, 178), *шаўковый* (IV, 354), но *ни увазнал* (II, 180), *ни пазвал* (там же), *шалковыга* (там же), *узнял* (II, 182); Поречский у., с. Иньково: *пирябиў* (II, 185), *папудиў* (там же), *разставаўся* (IV, 182), но *шолковая* (IV, 54), *полушолковая* (там же), *ни устал* (IV, 116), *ни'тдал* (там же), *шалковая* (IV, 160), *разставался* (IV, 182), *памутил* (IV, 444), *гаварил* (там же); Рославльский у., с. Васьковка: примеры только с *л*; с. Летошники *стаў бы* (IV, 55), *ни пустиў* (IV, 59), *на стаўбе* (IV, 266), *пубраў* (IV, 273), *жоўтый* (IV, 308); с. Митюли: почти все примеры с *л*; с. Полуево: два примера только с *ў*; с. Романовка: *доўгий* (II, 189), но *далгавешную* (там же), *умувался* (IV, 39); Смоленский у., с. Алексино: примеры только с *л*; с. Даньково: *доўга* (II, 131), *шаўковеньким* (IV, 29), *стоўпыкым* (IV, 47), *шаўковыя* (IV, 49, 114), *ваўкоў* (IV, 482), *паўтараста* (IV, 505), *стаўпы* (IV, 602), но *палтара* (IV, 10), *купил* (IV, 36), *сеил* (IV, 98), *прасил* (там же), *долгих* (IV, 114), *шолку* (IV, 194), *жолтые* (IV, 207), *шолкавая* (IV, 208), *палушо́лкавая* (там же), *шалковыя* (IV, 531).

Таковы примеры, представляемые «Смол. этн. сб.». Установить здесь различие между отдельными селами и деревнями не удается. Если можно говорить о различии, то только лишь между источниками — между прозаической и поэтической речью (песнями): в прозаической речи (преимущественно в первой части «Смол. этн. сб.») переход *л* в *ў* гораздо чаще, чем в языке песен.

У П. В. Шейна: *послаў* (II, 521), *пашоў* (II, 496) и т. д.

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем — Бельский у., д. Алексенки: *ни ўзл'убиў*, но *ударил*; д. Антипово: *убиўс'а*, но *апустил*, *абидил*, *бил*; д. Белоусово: *прив'азываў*, но *паил*; д. Большие Семики: *видиў*, *справиў*; д. Будино: *разбиў*, *разгараўся*, но *засыхать стал*, *знашол*, *пришол*; д. Волково: *захвареў*, *забалеў*; деревни Вешние Мастаки и Артеменка: *укладаўс'а*, *атпраўл'аўс'а*, *забиў*, *заһубиў*; д. Горки: *жиў*, *спрасиў*, *пачаў*, *стаў*, но *пашол*; д. Дмитровка: *захвареў*, *забалеў*; д. Климятино: *чуў*, *видиў*, *атказаўс'а*, но *был*, *начувал*; д. Ковалево: *пал'атеў*, *ацстаў*, *пал'убиў*, но *видил*; д. Кострицы: *биўс'а*, *атвич'аў*, *спаў*, но *стал*, *зашол*; д. Малые Семики: *выстилаў*, *пушч'аў*, но *выкликал*, *выстилал*; д. Никитино: *прайшоў*, *прав'оў*, *һавариў*, *сидзеў*, *принасиў* и т. д., но *пац'анул*; д. Селы: *браў*, но *задумал*, *радилс'а*, *имел*, *заглидал*; д. Симоновка: *удариўс'а*, *лишиўс'а*, *виўс'а*, *выбраў*, *знацшоў*, но *пајил*, *убил*, *влажил*, *шол*, *задушил*, *растир'ал*; д. Смальники: *жиў*, *ня ажиў*, но *тварил*; д. Шарапкино: *бросиў*, *пазабыў*; д. Шейкино: *приметиў*, *забыў*, *зап'еў*, *с'еў*; Духовщинский у., д. Гремилово: *ујехыў*, *бросиў*; д. Кубарево: *пашоў*, *прастајаў*, но *сел*, *станавилс'а*; Ржевский у., с. Воронино: *абишчаўс'а*, *спатыкнуўс'а*, но *свиснул*, *абласкал*. Здесь находим то же, что и в «Смол. этн. сб.» В. Н. Добровольского.

В статье Н. Синявского («Смол. губ. вед.», 1862, № 9) также имеем указание на переход *л* в *ў*, передаваемое через *в*: *годовав*, *спакидав* и т. д. Примеров на сохранение в этих условиях *л* не встречается.

В печатных работах имеем следующие данные: в статье Н. П. Гринковой отмечается *ў* на месте *л* лишь в немногих случаях, обычно же в подобных случаях *л*. Для настоящего времени *ў* на месте *л* — почти исчезнувшее явление (говорится в статье Н. П. Гринковой — стр. 308); в работе В. М. Архангельского в формах прошедшего времени и именах отмечено только *л*; в статье П. А. Бузука — только *ў*.

В рук. мат-лах ЗОАБ — *р'ашыў*, *быў*, *стаў*, *ду́мъў*, *даў*, *хад'и́ў* (с. Надва), *раз'в'бў* (Юрошки).

В рук. мат-лах РГО № XXXVIII. 21 имеем *ў* и *л*: *ходиў*, *оглядав*, но *зарзал*.

В мат-лах И. Г. Голанова имеем ту же картину: *чуў*, *адин быў* (Каталино), *прице́хъў*, *падацшбў*, но *палтара́ста* (Липки); *ни да́ў ба*, но *пражы́л* (Луговая); *быў*, *пришбў*, *аттаргнуў* (Хотеевка) в говоре 50-летнего крестьянина, но в говоре его 23-летнего сына отмечено *л* и т. д.

В рук. мат-лах АН БССР имеем только *л*: *глядéл*, *дал*.

В «Бел. пр.» отмечено только *ў* на месте *л* в указанных условиях.

В «Кр. Ак. пр.» нет вопросов о судьбе звука *л*: лишь некоторые ответы дают случайные указания на *ў* вместо *л*. Он отмечен в с. Дрогачеве Селецкой вол. Бельского у.; в селах Балтунине, Мархоткине и всей Мархоткинской вол. Ельнинского у., во всей Бородинской вол. Поречского у., в с. Мамошках и во всей Слободской вол. того же уезда и в селах Моцилевке, Лугах, Жабине Рославльского у.

В ответах на «Ю-вр. пр.» указано *ў* вместо *л* не только из старого сочетания *ъл* и на конце форм 3-го лица единственного числа прошедшего времени мужского рода (*знаў*, *получи́ў*, *обману́ў*, *хади́ў*, *воўк*, *до́ўгий*, *пиў*), но и вне этих условий: *па́ўка* (=палка), *игбу́ка* (=иголка), *пчеў* (=пчел), *воў* (=вол) в № 85 и 18а; в № 33 отмечено отсутствие *ў* вместо *л*; лишь иногда имеется: «*вовк* или *воўк*». В остальных номерах (50, 25, 36 и 72) переход *л* в *ў* отсутствует.

В ответах на «Анкету» находим ту же картину — чередование *л* и *ў* и сохранение *л*, причем в № 4 отмечено, что произношение в этих условиях *л* — черта говора грамотных и бывалых людей. В № 23 наряду с примерами чередования *л* и *ў* в указанных условиях имеем *паўка* (=палка) и *гаўка* (=галка).

Таковы примеры, извлекаемые из источников. Рассмотрение их приводит к выводу, что в названных выше условиях *ў* из *л* в говорах Смоленщины уступает место звуку *л*, постепенно вытесняется им, и говоры представляют чередование *л* и *ў*.

Говоры, обследованные мною, представляют две группы: 1) на месте звука *л* в сочетаниях, восходящих к старому сочетанию *ъл*, и в конце современных форм прошедшего времени глагола в говоре сел Караваева-Подгородного, Рогнедина и Филиппова не имеется звука *ў* (*волк*, *жо́лтыц*, *палтары́*, *jел*, *знал*, *жыл*, *п'р'ицéхъл*, *п'ил*, *разб'и́л*, *съб'ира́лс'а*, *скыза́л* и т. д.), таков же и говор возчика из с. Данильева. Характерно, что и в говоре старух в с. Рогнедине (см. о них выше) также не имеется перехода в этих условиях *л* в *ў*. Это не значит, однако, что такой переход никогда не имел места в с. Рогнедине; 2) в говоре сел Авдотьина, Алфёрова, Арефина, Белоручья, Бабынова, Бол. Возмища, Волочка, Ворошилова, Глистаев, Долгомостья, Заборья, Зарубенок, Зверовичей, Калёнова, Каспли, Квасова, Коханов, Кучина, Мошевой, Ополья, Павлинова, Платонова, Подмошья, Потапова, Рябцова, Скачкова, Спас-Липок, Юшина, Яковлева, Ямской

слободы и Яцкова имеем в этих условиях переход *л* в *ў* и отсутствие его.

То же и в говоре отдельных лиц (случайные встречи) из сел Аршин, Березова, Бол. Доброй, Брылёвки, Кряжева, Лентева, Лучёс, Петрополья, Пушкина, Сердечника и Янова; в говоре 7—8-летнего мальчика из с. Гусина — только *ў*. Чаще *ў* слышится в глагольных формах и реже в именах; например, слово *волк* с *ў* (*воўк*) произносится главным образом детьми (с. Каменево) и малограмотными (села Юшино, Мошевое); в говоре же молодежи (села Подмошье, Яковлево) почти вовсе не слышно *ў*; реже встречается *дбўг'иц* и *жбўтыце*, обычно *дблг'иц*, *жблтыце*.

В современных глагольных формах (прошедшее время) у одного и того же лица нередко слышится *ў* при более многочисленных случаях с *л*, например в говоре крестьянки из с. Алфёрова: *што и ты нап'исáл? н'ъ пр'иĕхал, н'ъ служы́л, нъчáл, уиĕхъл, был дблгъ, года нé был*, но *д'áт'къ н'ъ паиĕхъў*; или в Потапове (крестьянка А. Д. Лазарева): *знаў, биў*, но *вúд'ел, был, пълтырá*; в с. Скачкове: *гывар'úў, знаў, воўк*, но *дблг'иц, жблтыц*; в с. Кучине: *рабóтъў, пашбў, зън'имáўсъ*, но *ушбл* и т. д.

Также в с. Зверовичах, в говоре 74-летнего крестьянина: *нет н'е зъстáл, бывал*, но *пр'иципзжáў, прасúў;* в говоре же 90-летнего старика того же села Ф. С. Воробьева *ў* в этих условиях не встретилось; в говоре 80-летней старухи в с. Каспле Ф. А. Мариенковой в глагольных формах преобладает *ў*: *плат'úў, ъткызáўс'ъ, настрбиў, пълучáў, з'м'анúўс'ъ*, но *сын служúл* и т. д.

Интересно также отметить, что в говоре возчика из Ямской Слободы в именных и глагольных формах все время слышалось *л*, но в окрике на лошадей он совершенно неожиданно для меня употребил *ў*: Но! *пашбў*! *воўк т'иб'á р'еш*! На мой вопрос о причине такой двойственности в его произношении он сообщил, что на его говор большое влияние оказала жизнь и работа в отходах, главным образом на Ижорских заводах. Нечего, конечно, говорить, что в говоре Н. Ф. Колбасова, И. И. Прозвицкого, В. Ф. Шалыгина и других лиц той же среды не встретилось *ў* в этих условиях на месте *л*.

В говоре малограмотного возчика из с. Филиппова (на пути от ст. Сычевка) встретилось *каўхóс*; у него также и *жан'úўс'ъ* рядом с *жан'úлс'ъ;* у другого же возчика из того же села, А. М. Щербакова (на пути из с. Филиппова), случаев употребления *ў* вместо *л* не встретилось. В селе Свистунах имеем: *каўхбз'н'ик, каўхóс, хат'éў ба, стаў вапрóс, вспахáў*, но у более культурной части населения — *гатóв'ил, калхбз'н'ик, н'и пашбл, дал слбвъ, иĕхъл, н'е спал* и т. д. То же и в говоре 89-летней И. Лебедевой: *быў, прапаў*, но *был, жанúл, вз'ал, пр'ив'ол, пъднáлс'а, аб'ĕдал, палтарáста* и т. д.

Смешение твердого и мягкого л

Случаи употребления мягкого *л* вместо твердого имеются в «Смол. этн. сб.».

Бельский у., с. Шоптово: *польна* (IV, 411); Рославльский у., с. Михайловка: *вальною* (I, 178), *польна* (1,179); Смоленский у., с. Даньково: *польна* (IV, 127).

Твердое *л* внутри слов перед твердыми согласными отмечается в РГО (XXXVIII. 14) и в «Анкетах» (№ 4, 16 и 49): *силно, палцы*, причем в № 16 и 49 твердое *л* в этом случае чередуется с мягким; в № 49 отмечено и мягкое *л* на месте твердого: *вальною*. В № 4 ука-

зано, что произношение *силна*, *палцы* характеризует говор людей неграмотных или не имевших отношения к отходу в города на заработки.

Напомню здесь, что «Анкеты» № 4 и 16 указывают на большой процент переселенцев из БССР.

В личных наблюдениях автора аналогичных случаев не встретилось.

Губные

Звуки *б*, *п*, *в*, *м*

Губные звуки *б*, *п*, *в*, *м* на конце слова и перед согласными, в том числе перед *j* и перед *ц*, твердые.

Случаи отвердения мягких губных в этих условиях представляют: «Летописный сб.» — *любовъ* (148б), *скорбъ* (157б, 246б) и т. д.; «Радз. сп. летописи» — *ямъ* (ямь; 5), *домовъ* (наречие; 27, 32); «Житие Авраамия» — *церковъ* (л. 19), *кровъ* (л. 27); «Служба Авраамию» — *Любовъ* (л. 3 об., 33 об., 40); «Мемориал» — *коровъего* (л. 15); печатные и рукописные фольклорные материалы первой половины XIX в. — *восимъ* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 15), *вотороп* (оторопь; XXXVIII. 114) и т. д.

Но если в этих материалах, писанных церковным языком или литературным языком своей эпохи, отвердевшие губные встречаются чуть ли не в единичных случаях, то в фольклорных материалах второй половины XIX—XX вв., вернее отражающих живые говоры Смоленщины — они многочисленны. «Смол. этн. сб.» дает следующие примеры:

Бельский у., с. Беликово: *руб* (I, 69); с. Дунаево: *сем* (IV, 41), *голуб* (IV, 173); с. Шоптово: *сем* (IV, 27), *голуб* (IV, 411), *объявку* (I, 351), *абъиўляить* (там же).

Примечание. Встречающиеся в записях из Бельского у. такие примеры, как *вьетца* (с. Дунаево, IV, 263), *убьють* (с. Шоптово, I, 333), *с вьюнушей*, (I, 336) и т. д., надо думать, представляют орфографическое написание.

Ельнинский у., с. Радошково: *сем* (II, 209); с. Рудня: *сем* (IV, 230); с. Сухой Починок: *сем* (IV, 518), *восем* (там же); Поречский у., с. Иньково: *сем* (IV, 154); Рославльский у., с. Летошники: *сем* (IV, 274), *ў сямъи* (=в семье; IV, 308).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем Бельский у., д. Антипово: *дабjос'т'а*; д. Боково: *сем*; с. Волыново: *бjот*; с. Высокое: *бjоцца*.

Ответы на «Кр. Ак. пр.» также указывают на твердость этих звуков во всех селах и деревнях, кроме с. Княжего и округи Краснинского у. и с. Жабина Рославльского у.; в с. Княжем — колебание между твердым и мягким произношением, а в с. Жабине — мягкое произношение (*ћо̆луп'*).

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 50, 85, 18а, 25а, 72 и 33 отмечена твердость этих звуков в рассматриваемом положении — на конце слов и перед *j*, в № 36 имеем твердые губные (*б*, *п*, *м*) на конце слов и мягкие перед *j*: *сем*, *го̆луп*, *руп*, *про̆луп*, *сып*, *цеп*, но *семью́*, *убью́*, *бьеть*, *воробьём*, *вьюга*, *пьяный*. Твердость этих звуков отмечена и в № 280.

По наблюдениям автора, губные звуки *б*, *п*, *м* в конце слова, перед согласными, в том числе перед *j* и перед *ц*, тверды: *с'ем*, *сып*, *кр'епч'ъ*, *се̂мд'ьс'ът*, *бjю*, *вырабjи̂*, *пjан*, *с'е̂мцьм'и* и т. д. Такое

произношение отмечено повсюду и имеется во всех других источниках, где только есть примеры с ***б***, ***п***, ***м*** в указанных условиях. Например, в мат-лах И. Г. Голанова отмечена твердость губных на конце слов и перед *ј*: *во́с'ем*, *бјут* (Кресты, Каталино, Хохловка); в работе В. М. Архангельского имеем: *сем* (Волочек) и т. д.

Случаи произношения мягких губных (***б***, ***п***, ***м***) довольно редки и, во всяком случае, могут вызываться влиянием говоров, знающих мягкие губные в этих условиях, или влиянием книги. Например, мягкое произношение губных наблюдалось мною в говоре молодого крестьянина в с. Михайловском грамотного, следящего за своим выговором — старающегося, по его словам, говорить «как в книге написано». В говоре наиболее культурных слоев деревни, например в говоре П. Ф. Колбасова, И. И. Прозвицкого, В. Ф. Шалыгина и др., такого произношения мною не замечено, но оно имелось в говоре крестьянина из с. Суйтова — неграмотного, не имеющего отношения к отходу (мать его — уроженка б. Московского у.).

Мягкие ***б***, ***п***, ***м*** в этих условиях отмечены в некоторых «Анкетах», но в огромном большинстве их, судя по передаче других явлений, здесь имеем дело с орфографическим написанием.

Некоторое отступление представляет с. Свистуны. Здесь как в говоре крестьянских масс, так и в индивидуальном произношении передовых людей имеем в указанных условиях и то и другое произношение — твердые и мягкие губные, иногда чередующиеся между собой: *вы́п'цу*, *с'ам'ја́*, но и *с'амја́*, *с'ем* (на собрании колхоза «За коммунистическое просвещение»), *зап'јо́т'*, *п'ја́нъц* и *пја́нъц*, *с'ем* (в говоре 89-летней старухи И. Лебедевой).

Замены звука в

На месте звука ***в*** после гласного перед следующим согласным и на конце слова в «Смол. этн. сб.» имеем ***ў***: Бельский у., с. Беликово: *рубликцў* (I, 69), *умоў* (там же), *праўда* (там же), *бряўно* (там же); с. Шоптово: *за ўтарую* (I, 331), *кроў* (I, 332), *бряўно* (I, 336); Дорогобужский у., с. Егорье: *здароўя* (IV, 60); Духовщинский у., с. Береснево: *карабоў* (IV, 96); с. Никола Ядреич: *крапиўным* (I, 236), *прядиўцым* (там же); с. Пречистое: *праўды* (I, 314), *лиў* (там же), *низдароў* (I, 315); Ельнинский у., с. Боровское: *деўка* (IV, 547); с. Крутиловка: *Паўлоўна* (IV, 131), *Паўликыва* (IV, 298), *Паўлыву* (там же), *да ўрозь* (IV, 329); с. Злотово: *траўка* (IV, 296), *кроў* (IV, 363); с. Потапово: *деўки* (IV, 158); с. Проверженка: *да ў роў* (I, 236): Краснинский у., с. Каблуково: *даўно* (IV, 100), *удоўка* (IV, 305); с. Свалы: *дяўчина* (IV, 302); Рославльский у., с. Летошники: *праўды* (IV, 193); Смоленский у., с. Киселевка: *лаўку* (I, 411), *лаўки* (там же), *дроў* (там же).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова отмечено в этих условиях произношение ***ў*** и ***ф*** на месте ***в***.

Бельский у., с. Антипово: *д'аўчонка*, *галоўку*; с. Бартенево: *тују ўз'ат'*, *ва ўдоўки*, но *л'убоф*; с. Бойково: *деўки*; с. Белоусово: *деўка*; с. Будино: *пра ўс'о*; с. Василевка Мольнинской вол.: *д'аўчонка*; с. Волково: *праўду*; с. Вышние Мастаки: *л'убоф*; с. Голенищево: *д'аўч'онка*, *деўка*; с. Глушково: *траўка*; с. Горки: *деўка*, *у деўках*, но *любоф*; с. Дмитровка: *деўка*, *деўки* и *дефку*; с. Дьяково: *деўка*, *д'аўчонычка*; с. Егорье: *любоў*, *лаўку*; д. Зайчиха: *кроўју*; с. Казаково: *деўки*; с. Климово: *деўки* и *дефки*; д. Климятино: *деўки*, *ја ўсо*; д. Ковалево: *деўки*, *диўнаја*; д. Кострицы; *деўка*, *кроў*, *диўч'онка*; д. Красный Дол: *пиўца*, *деўки* и *д'афчонка*; д. Кукуево: *лаўку*; с. Мольня: *деўки*, *диреўн'а*, *һалоўка* и *дефка*, *цариф кабак;* д. Мар-

ково: *дейки*, *са маладец ўдойки*, но *л'убоф;* д. Некрасово: *з бир'аһой*, но *л'убоф*; д. Никитино: *дирейня*, *дейка*, *дзейку*; д. Никулино: *на ўс'ом*, *н'аймеју*; д. Новая Деревня: *дейка*, *ройна*, *ленту ўз'ала*; д. Погорельцы: *д'айцоныцка*, *л'убой*; д. Половцево: *дейки*, *карой*; д. Пустошки: *л'убой*, *дейка*; д. Редькино: *дейки;* д. Саново: *зайтра*; д. Селы: *дейку*; д. Сидоры: *прайду*, но *л'убоф*; д. Симоновка: *дейка*, *зайтри*; д. Смальники: *н'а ўмей*; д. Сумароково: *дейкй*; д. Сущево: *јина ўдава*, *крой*; д. Сычево: *низдарой*; с. Татива: *л'убоф*; *кроф*, *һалойку*; д. Тилибукино: *дейки*; д. Тимошино: *ройна*, но *малаццоф*, *грипцоф*, *песел'никыф*; д. Шубино: *һалойку*; д. Шейкино: *һалойка*; с. Шоптово: *д'айчонка*, *л'убойју*; Духовщинский у., д. Кубарово: *с'л'адочкый*, *дейку*, *да ўпинајицца*; Ржевский у., с. Воронино: *дейку*, *дейка*.

У П. В. Шейна: *прайду* (II, 521), *кустой* (II, 524) и т. д.

То же находим и в статье Н. Синявского: *у церкайку*.

В ответах на «Кр. Ак. пр.» также отмечен переход в этих условиях ***в*** в *ў*, передаваемое иногда через ***в***.

Ответы на «Ю-вр. пр.» указывают на этот переход не во всех номерах: в № 50, 25а и 72 он отсутствует, в № 36 отмечен переход ***в*** в *ў* только на конце слова, в положении же ***в*** после гласного внутри слова этого перехода нет; в № 85, 18а и 33 он отмечен во всех указанных выше условиях, причем в № 85 он имеется и в средине слова между гласными: *гайбриш*, *зайбд*.

Какой звук слышится в говорах — губно-зубной или билабиальный, источники не дают указаний. Личные же наблюдения автора устанавливают, что звук ***в*** в большинстве говоров там, где он не переходит в ***у*** неслоговое, билабиальный (***w***): *wр'ем'ъ*, *wм'ес'т'и*, *wн'ос*, *wс'о*, *wпрáв'ъ*, *wз'áл'и*, *wсыпъл'и*, *wо так'и* (о величине предмета), *wóлас'*, *wáтнъць ъд'ицáлъ*, *кwас*, *дwор*, *падwóда*, *крáснъцъ һwард'ицъ*, *н'и слоwа*, *н'издарówъ*, *дыwáл'и*, *н'арówны(ц)*, *н'алоwкъ*, *скызáwшы*, *д'аwч'óнк'и*, *гадów*, *кроw*, *д'ар'éwн'и*, *w хату* и т. д.

Такое произношение слышится почти повсеместно, причем после гласного перед следующим согласным и на конце слов вместо ***w*** весьма часто слышится *ў*: *сайс'ем*, *къманд'ирóйкъ*, *Б'ар'óзъйкъ*, *Пайлúнъйкъ*, *прáйдъ*, *зáйтръ*, *гърадбй*, *гр'ибóй*, *л'асбй* и т. д., перед согласным же в начале слова на месте ***w*** имеем иногда ***у***, чаще несколько редуцированное: *унýк*, *урéм'ъ*, *ум'éст'и*, *усыпъл'и* и т. д. и *ʸнук*, *ʸрéм'а*, *ʸм'éс'т'и*, *ʸсыпал'и* и т. д.

Отсюда и весьма распространенное в говорах смешение ***w*** и ***у*** в положении их в начале слова перед согласным: *утарýцу*, *wдáр'ит'* (Свистуны), *зал'óх у кусты́* (Надва) и т. д.

Отмечаются такие случаи в «Смол. этн. сб.» — Бельский у., с. Беликово: *услед* (I, 69); с. Шоптово: *уремя* (I, 331, 332), *уздорная* (I, 359); Ельнинский у., с. Бердибяки: *утарой* (I, 501); с. Лукино: *успомниш* (I, 211); с. Сухой Починок: *узяли* (I, 169), *к вам у гости* (IV, 546), *устань* (IV, 624); Краснинский у., с. Каблуково: *устань* (IV, 543); Поречский у., с. Иньково: *узила* (II, 189), но *вдарий* (IV, 433); Рославльский у., с. Клечетово: *ўскликнула* (IV, 210), *унучат* (IV, 378); с. Романовка: *устань* (IV, 180); Смоленский у., с. Даньково: *вдарили* (II, 105).

То же находим и в ответах на «Кр. Ак. пр.»: *унук*, *удова* (села Дрогачево, Дунаево, Алексино, почи весь Духовщинский у., с. Балтутино, Мархоткинская вол., села Герчиково, Княжое, Каталино, Луги), *унук*, *удова*, *усё* (Надвинская и Горкинская волости); в с. Мамошки имеем: *ўчбра* и *вмер*.

В ответах на «Ю-вр. пр.» в начале слова отмечено ***у*** на месте ***в***; обратное же явление — ***в*** на месте ***у*** — встречается реже (№ 18а и 36);

в № 18а, 25а, 36 и 72 отмечены предлоги ***ув*** и ***у*** вместо ***в***; в № 33 вопрос оставлен без ответа; в № 50 показан только один предлог ***ув***, а в № 85 — только ***у*** вместо ***в***.

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова в начале слова перед глухими согласными нередко имеем ***ф***, часто чередующееся с ***в***, ***у*** и ***ў***, и предлоги ***уф*** и ***ф***, чередующиеся с ***ув***, ***в*** и ***ў***.

Бельский у., с. Азарово: *фсе*; д. Антипово: *ф сваjих*; д. Бартенево: *ў hос'ти идит'*, *ва ўдоўки*; д. Батурино: *фси*; д. Бол. Семики: *ўс'о*; д. Будино: *ўсо*; д. Высокое: *ф Питир*; д. Вышние Мастаки: *фси*; д. Гордеенки: *ацсталис'ъ ф поли фси*; д. Горки: *ў деўках*, *ўс'е*; д. Дмитровка: *фси*; д. Дупильно: *вазнал*; д. Емельяненки: *ф терими*, *фс'у*; д. Каптеловка: *ф тимницу и в тимницы*; с. Климово: *фсе*, *фтарым*; д. Климятино: *фс'о*, *ў чистыjа пол'а* и *ф поле*; д. Ковалево: *ўс'у*, *ўс'аким*; д. Кострицы: *фсиво*; д. Красный Дол: *уздумали*; д. Кудрищиха: *фс'о*; д. Малые Семики: *ус'о*, *ус'у*; д. Мольня: *ф поли*; д. Некрасово: *ўс'о*; д. Никулино: *ўчора*; д. Новая Деревня: *фси*; д. Новоселки: *ўрем'ъ* (в начале текста); с. Павлово: *ф поли*; д. Половцево: *ўс'о*, *ў садики*; д. Рудаково: *ус'о ўр ем'ъ*; д. Сидоры: *фс'о*, *ф палон*, *ф шчочку*; д. Симоновка: *ўс'у* и *фсе*; д. Смальники: *ўс'о*, *ус'о*; д. Сущево: *фсе*; д. Сычево: *узлезла*; д. Тарасово: *уси* (в начале слова); с. Тативо: *ф т'омныц̯*, *фставала*, *фси*, *фс'о*; д. Черново: *ф саду*; д. Шабулино: *уздыхнул;* д. Шалухино: *устаjет*; с. Шоптово: *фс'у*; д. Шишково: *ус'у*; д. Ясенная: *узбужу*; Духовщинский у., д. Кубарово: *ф первыц̯ рас*, *ф т'омным л'асу* и *у т'абе*; Ржевский у., с. Воронино: *ус'а* и *фс'о*.

Смешение ***в*** и ***у*** встречается и в памятниках письменности, начиная с «Догов. гр. 1229 г.»: *уздумал*, *у Ризѣ*, *у Русе гостить*, *у Смольньскъ*, *узяти*, *у русской земли* и т. д., точно так же в «Договоре Смоленского князя Ивана Александровича с Ригою»: *унук* и т. д. Находим смешение ***в*** и ***у*** и в «Летописном сб.» XV в.: *у Ладогѣ* (86); в «Радз. сп. летописи»: *наугородци* (148 об.), *без ноугородских* (223), *ноугородскую* (226) и *в вас* (98), *у русской земли* (245 об.) и т. д.; в «Актах Смоленского воеводства»: *врадъ* (= уряд; № 15549, л. 142), *врадникъ* (там же, л. 46), *вжо* (там же, л. 47 об.) и т. д.; в «Деле о монастырях»: *в строителя* (= у строителя; л. 11 об.); в фольклорных материалах первой половины XIX в.: *уюга*, *ускружив*, *усе*, *уставать*, *узять* (Обл. сл. 160), *увзаправдки*, *устань* (XXXVIII. 4), *у шкапе* (= в шкафу), *у комнате* (XXXVIII. 5), *у лесу*, *уся*, *усё*, *усяго*, *увсякого*, *удруги* (XXXVIII. 14), *у люди* (XXXVIII. 22), *у куфню*, *узял*, *у черяпки* (П. Д. Ш. «Смол. губ., вед.», 1853, № 45) и *в моря* (XXXVIII. 4), *войду* (= уйду; там же) и т. д.

В говорах сел Алфёрово, Зверовичи, Потапово, Свистуны, Березовка, Лучёсы и Суйтово между ***у*** неслоговым и следующим гласным имеем ***w***: *карбўw'у*, *здароўw'а*.

Билабиальное ***в*** ***(w)*** и ***у*** неслоговое ***(ў)*** в указанных условиях характеризуют в большинстве случаев говоры старшего поколения; в говоре же грамотной молодежи и бывалых людей есть стремление произносить губно-зубное ***в*** внутри слов и ***ф*** на месте его перед глухими согласными и на конце слов.

Губно-зубной звук ***в*** перед глухими согласными нередко чередуется с ***ф***, ***ў*** и ***w***, например в говоре извозчика из Ямской Слободы П. П. Сычева: *Сыч'óфск'иц̯ р'ик*, *фс'е*, но *маскоўскаць*, *лáфкъ* и *лаўкъ;* у А. М. Журавлевой из с. Сердечкина: *унýк*, *даўнó*, *уwаhон'и* и *ф том дwар'é* и т. д.

В мат-лах И. Г. Голанова на месте ***в*** преобладает ***ў***: *ў нъмасты́р'ъ* (Власово), *была ў hаст'áх* (Хохловка), *кач'иɣáры*, *ўс'ó ў hр'изнат'é* (там же), *стáраць ўжо* (Власово), *саўс'и́м*, *даўнó* и т. д. Имеется оно

у него и в записях из сел Власово, Каталино, Кресты, Липовка, Луговая, Хохловка и Хотеевка. Имеются также указания на билабиальное **в (w)**: очень часто оно слышится в с. Каталине; отмечено оно и в говоре 50-летнего крестьянина из с. Хохловки.

Наряду с этим имеются и случаи с **у** на месте **в** в начале слова: *ус'ó, ус'ý* (Луговая), *уч'ȯра* и *учырá* (Рязаново).

В рук. мат-лах АН БССР случаев с **у** нет (хотя, несомнено, в говоре они имеются), а **w** на письме вовсе не отличается от **в** (губно-зубного).

В рук. мат-лах ЗОАБ имеем **ў**: *хад'йў на р'áбцъў, на м'ад'в'ед'ъў.*

В «Бел. пр.» в начале слова перед согласным имеем **у**, в № 31 и 32 также и **ў**; внутри слова в тех же условиях и в конце слов — **ў**.

Ответы на «Анкету» под № 3, 9, 10, 28, 28а, 30, 31б, 33, 39, 39а, 47, 47б, 47г указывают на билабиальное **в (w)**. Внутри слова после гласного перед следующим согласным имеем **ў** в № 1, 6, 13, 24—26, 28б, 28в, 31, 33, 39а, 40, 47в, 47д, 50. В начале слова перед согласным в № 1, 6, 13—15, 18—20, 22, 25, 25а, 28в, 29, 31—31б, 32, 36, 37, 40, 41, 43, 47в, 50 отмечено **ў** вместо **в**; в № 21, 24, 46 редуцированное **у**; в № 4, 7, 11, 16, 17, 23, 44, 45, 47 и 49 имеем чередование **в** и **у**.

В анкете № 31 приведены примеры: *дўор, ўот;* неясно, однако, что здесь обозначает **ў** — действительно ли **ў** или, может быть, билабиальное **в (w)**.

Незначительное число анкет (№ 3, 9, 20, 29, 31 и 47а) имеют **ф** из **в** перед следующим глухим согласным. Характерно, что и здесь в № 9, 20, 31 и 47а отмечается, что произношение в этих условиях **ф** — черта, наблюдаемая в говоре бывалых и грамотных людей.

В печатной статье Н. П. Гринковой отмечено губно-зубное и билабиальное **в** (стр. 307); последнее и в тех случаях, где в других говорах **у** неслоговое. Характерно, что в новом типе говора, т. е. в говоре молодого поколения, отмечается преобладание **ф** из **в** (губно-зубного), тогда как в архаических говорах оно только в единичных случаях. В говоре неграмотной 58-летней женщины билабиальное **в (w)** отмечено между гласными.

В работе В. М. Архангельского имеем **ў** в начале слова; *ўнуки* (Подмошье), *ў девить* (Секарево), но также и *пудов* (Подмошье) с **в** в конечном слоге; если это не описка (**в** вместо **ў**), то надо полагать, что здесь имеем билабиальное **в (w)** — в данном положении оно не переходит в **ў**. Более многочисленны здесь случаи перехода **в** в **ф**, перед глухими звуками и в абсолютном конце слов. Отмечены они главным образом в Волочке и отчасти в Секареве и Подмошье, причем в Секареве — в говоре полуграмотного крестьянина; в Подмошье же в говоре 90-летней старухи **ф** чередуется с **ў** и **в**.

Замены звука ф

На месте звука **ф** (не из **в**) в фольклорных материалах, начиная с более ранних записей, находим **х, хв, п** и лишь в немногих случаях **ф**; например, в фольклорных записях первой половины XIX в. имеем: *Хвилип, Хвадей, Филазоф* (философ; Обл.160), *хвунт* (XXXVIII. 4), *хвунтов* (XXXVIII. 5), *Хведор, Хома, Хадоска* (XXXVIII. 14), *Хвомка, Хвилип, Хвадей* (XXXVIII. 23), *Хведор, хвундамент, ахвицер* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45), *хвантазия, хвигурный* (там же, № 50; К. Ш. «Смол. губ. вед.», 1854, № 2). Обратное явление — **ф** на месте **х**: *у куфню* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 46).

«Смол. этн. сб.» дает следующие примеры. Бельский у., с. Дунаево: *сахвяным* (IV, 173), *Хведару* (IV, 465), *Грахвенушка* (II, 244); с. Шоп-

тово: *Трихван* (I, 333), *сахьян* (II, 230); Вяземский у., с. Новоселье: *Афрасиньюшка* (II, 281); Духовщинский у., с. Пречистое: *хрухты* (I, 313), *хвартук* (II, 222), но *Марфынька* (там же); с. Шиловичи: *у Фёдыра* (IV, 282); Ельнинский у., с. Бердибяки: *кахвяи* (I, 168), *штахвета* (I, 337), *ишахвот* (I, 443), *па хунту* (I, 507); с. Крутиловка: *Яхимычка* (I,72), *палуштох* (II,195), *хранцуз* (IV, 623); с. Злотово: *Мархва* (II, 123), *Хвиону* (IV, 281); с. Проверженка: *пауштох* (I, 539), *Хвадей* (I, 679)), *штрах* (I, 680); с. Радошково: *Яхим* (II, 207), *хранцуз* (IV, 626, 627); с. Сухой Починок: *хранцузы* (IV, 624); Краснинский у., с. Каблуково: *кахтан* (IV, 310, 543); Поречский у., с. Иньково: *кахтан* (II, 188); Рославльский у., с. Летошники: *сахвян* (IV, 76), *Хвилип* (IV, 77), *Мархвуша* (там же), *кахтан* (IV, 209), *у кахтани* (IV, 272), *кахтаник* (IV, 309); д. Митюли: *Мархву* (I, 173); д. Полуево: *Хадосью* (IV, 557); д. Черепово: *Халимон* (IV, 37), *хвицерами* (там же); Смоленский у., с. Даньково: *хвартушек* (IV, 16), *Яхиму* (IV, 17), *Ахванасий* (IV, 18), *кахтан* (IV, 23), *Митрыхван* (IV, 40), *Ахрем* (IV, 183, 177), *ахвицера* (IV, 512), *хранцузу* (IV, 621), *хранцуз* (IV, 623, 626).

В ответах на «Кр. Ак. пр.» имеем — в с. Алексине Дорогобужского у.: *Хвилип*, *Хвилимóн*, *панихвида*, *Хлор*; в Волочковской вол. (деревни Подмошье, Секарево, Жашково, Заборье, Еловка): *хвитиль*, *кухвайка*; в с. Жабине: *Пилип*, *пранцы*, но *Аɣафьюшку*[18].

То же находим во всех ответах на «Ю-вр. пр.»: *Хведор*, *Хвилип*, *Митрофан*, *Хома*, *Ахимья* и т. д.

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова находим:

Бельский у., д. Будино: *хвартук*; д. Васильевка: *у һрафини;* с. Волыново: *хантанчикым вада бјет'*; д. Глушаково: *сахјаны сапошки;* д. Дупильно: *хранцус, к хранцузу;* д. Капteловка: *хранцус*; д. Погорельцы: *па хранцускыму;* д. Саново: *хурашку*, но из д. Высокое — *фурашку*; д. Сидоры: *грах* (= граф) и һрах (от другого крестьянина), но *француськива*; д. Сумароково: *кохвијим*, но *кофий*.

В № 280 имеем: *сарыхвáн*, *Митрафáн*, *цйхра*, *Хвёдар*, *сохвьян*; в мат-лах И. Г. Голанова имеется лишь: *на хрóнти* (Власово); в рук. мат-лах ЗОАБ: *Пархв'ен;* в «Бел. пр.»: заместители *ф*, но *картофля* (№ 31) и *картохфля* (№ 32).

В печатной статье Н. П. Гринковой везде на месте ***ф*** имеем ***х***, ***хв***, ***хф;*** в с. Волочке В. М. Архангельским записано: *картофиля*, но также и ***хв*** и ***х*** на месте ***ф:*** *с манахвеста* (= с манифеста 1861 г.), *ш Ахонини* (с. Афонино).

По наблюдениям автора, звук ***ф*** встречается в говоре лишь грамотных и бывалых людей и то далеко не у всех. В говоре лиц, не связанных с отходом и неграмотных, на месте ***ф*** имеем: а) ***хв***: *хвáбр'икъ*, *Хв'óдър*, *Хв'ил'ип*, *Пархв'éн*, *Хв'óклъ*, *Мáрхвъ*; б) ***п:*** *П'илип*, *П'óкль* и в) ***х:*** *Хъмá*, *хранцýс*, *хрóнт*, *хунт* и т. д. Такое произношение отмечено мною в Коханах, Кучине, Мошевой, Ополье, Платонове, Потапове, Скачкове, Сычеве и Юшине. В ряде населенных пунктов имеем ***ф*** в чередовании с ***х***, например в с. Каспле: *хунт*, но *Ф'óклъ*, *Ф'óдър*, *торф*; то же в с. Рогнедине: *хунт*, но *Ф'óдър*. *Ф'илип*, *Ф'óклъ* и в говоре крестьянки из с. Сердечкина, Из разговора на ст. Павлиново с парнем из с. Берёзова выяснилось, что обычно в их селе раньше говорили *Хв'илип*, *Хв'óклъ*, а теперь говорят *Ф'илип*, *Ф'óклъ*, хотя и не все (сам он говорит: *Ф'илип*, *Ф'óкла*, но *хронт)*,

---

18 Сведения взяты из «Дополнительных замечаний»; в «Кр. Ак. пр.» отсутствует вопрос о судьбе звука *ф*.

Произношение с *ф* отмечено мною у В. Ф. Шалыгина, хотя дочь его на месте *ф* произносит *х* и *хв*. У возчиков из с. Данильева Ямской Слободы, у бывалых крестьян из с. Суйтова и в говоре 19-летнего парня из с. Яцкова — чередование *ф* и его заместителей.

Зубные

Мягкие *д* и *т*

Со звуками *д* и *т* мягкими связан вопрос о дзеканье и цеканье в Смоленских говорах.

В фольклорных материалах и записях первой половины XIX в. довольно многочисленны случаи дзеканья и цеканья: *ходзи* (XXXVIII. 2); *наглядзев, дзевок* и тут же *делаиш* (XXXVIII. 14); *дзиво, дзяцка, у городзе, сядзели ня врядзимы* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45); *дзело, глядзи* (там же, № 50); *бацюшка, цемная, треций, купиць, бросиць, приглядзеть* (Обл. сл. 160); *цикай* (XXXVIII. 4); *глядзець, дасць* (XXXVIII. 14); *идець, идуць, ядуць* (XXXVIII. 25); *цетка, лошаць, молоцьба, ци то ахвицер, ци то солдат, хочець* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45); *цело, плывець, цябе* (там же, № 50)

Но фольклорные записи второй половины XIX и XX вв. указывают лишь на единичные случаи этого явления. Такие случаи в весьма незначительном количестве имеются в «Смол. этн. сб.»: *дзетушки* (с. Радошково Ельнинского у., IV, 570), *дзецям* (там же), *Дзьмитраўку* (IV, 604), *дзеци* (с. Буловцы Смоленского у.) (там же).

В статье Н. Синявского[19] имеем: *секець, будзь, бьець, дзень, кликаць, вылеци, цеплое, лецечко, хадзи,* но тут же и *провожать, дожидать* (№ 15); *навядзеть, прибирягець, цябе, цяперь* и т. д.

Сопоставление примеров из статей Н. Синявского, относящихся к 60-м годам прошлого столетия, с данными из «Смол. этн. сб.», вышедшего из печати в 1891—1903 гг., т. е. на 30 лет позднее, указывает на постепенное исчезновение из говоров Смоленщины этого явления, что находит подтверждение и в более поздних источниках.

То же находим и в ответах на «Кр. Ак. пр.»: из 79 сел и деревень случаи дзеканья и цеканья отмечены только в деревнях Березне и Кучерове Ельнинского у., и как явление «редкое и слабое» — в с. Жабине: *хадзи*.

В ответах на «Ю-вр. пр.» указывается на отсутствие в говорах этого явления.

В «Бел. пр.» № 34 отмечено слабое дзеканье; в № 31 и 32 даны примеры без этого указания.

В статье Н. П. Гринковой отмечается сильная палатализованность *т*, а также произношение *д'* с очень слабым свистящим призвуком, как бы «редуцированное дзеканье... Полного дзеканья и цеканья не отмечено» (стр. 309).

В. М. Попов отмечает цеканье только в с. Холмец (264).

В работе В. М. Архангельского в с. Подмошье отмечено: *дзяржафшы*.

В статье П. А. Бузука отмечается сильное дзеканье, причем на станциях и даже в г. Невеле дзекает и цекает и та «интеллигенция, которая стремится говорить по-русски».

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова примеры дзеканья и цеканья отмечены лишь в единичных случаях — д. Алексенки: *идзе*; д. Капилово: *ни ў дзиревни*; д. Никитино: *сjедз'а, дзевушик, дзеўку,*

---

19 «Смол. губ. вед.», 1862, № 15 и 24.

дзейка, *идзе*, *дзе*, *здзелыц̣*, *сидзей̆*, *радзимыц̣*, *вецир*, *пац̣'анул*, *цихиц̣*, но *девушка*, *дирей̆н'а* и т. д.

По наблюдениям автора, говоры разных деревень не представляют единства в произношении мягких ***д*** и ***т***. Различия в их произношении наблюдаются в пределах одной и той же деревни у разных групп населения. В Борках, Гребнёвке, Зарубенках, Засигове, Зверовичах, Нейкове, Нетяжах, Подмошье, Платонове, Спас-Липках, Суйтове и Хохлове в говоре главным образом женщин, чаще всего пожилых, и реже в говоре мужчин мягкие ***д*** и ***т*** произносятся с более или менее выраженной палатализованной фрикацией после взрыва (*д'*^{з} и ***т'***^{с}). Более слабо эта фрикация выражена в Бабынове, Борках, Варечках, Каспле, Ополье, Пушкине, Сердечкине и Сыр-Липках. В говоре же других сел слышатся чистые ***д*** и ***т*** мягкие, без палатализованной фрикации.

Произношение мягких ***д*** и ***т*** с палатализованной фрикацией наблюдалось иногда в говоре бывалых людей, например у крестьянина с. Платонова С. А. Володина 51 г., у В. С. Воробьева, у 90-летнего крестьянина с. Зверовичей, человека бывалого, и т. д. При слабой фрикации, отмеченной мною в с. Каспле у лиц среднего возраста, в говоре 82-летней крестьянки Ф. А. Мариенковой наблюдалась, наоборот, ярко выраженная палатализованная фрикация: *д'*^{з}*'ис`áткъй̆*, *ад'*^{з}*'éл'нъ*, *с'ад'*^{з}*'éй̆*, *д'*^{з}*'ш'é*, *нърад'*^{з}*'и́й̆*, *н'а ц̣д'*^{з}*'éм* и т. д.

В говоре крестьянского мальчика из с. Засигова, ученика Мощинской школы, наблюдалось стремление избегать в своей речи фрикации при мягких ***д*** и ***т***: сказав *д'*^{з}*'ир'у́γъ*, он тут же поправился и произнес — *д'ир̣'у́γъ*. На мой вопрос, почему он старается говорить ***д'*** и ***т'*** вместо ***д'***^{з}' и ***т'***^{с}', он ответил, что «с буквой ***д'***^{з}'» у них в Засигове говорят только «серые», неграмотные люди, чем вызвал смех со стороны своих товарищей, упрекнувших его в том, что и он сам сказал *д'*^{з}*'ир'у́γа* с ***д'***^{з}'.

Такое же произношение (с палатализованной фрикацией) наблюдалось и в с. Свистунах, главным образом у пожилых женщин и в частности в говоре 89-летней старухи Ир. Лебедевой: *д'*^{з}*'ш'é*, *д'*^{з}*'éй̆къ*, *д'*^{з}*'ен'*, *бу́дут'*^{с}*'*; в говоре же мужнин, главным образом молодежи, слышатся чистые ***д*** и ***т*** мягкие.

В ответах на «Анкету» произношение с фрикацией отмечено лишь в № 13, 28б, 28в, 34 и 41, причем в № 34 оно чередуется с произношением мягких ***д*** и ***т*** без фрикации.

Мягкие и твердые *з* и *с*

Произношение мягких ***з*** и ***с*** с шипящим оттенком (более или менее близким к ***ж*** и ***ш***), известное кое-где в Смоленских говорах, в источниках почти не наблюдается. Может быть, это происходит по той причине, что почти все источники пользуются обычным алфавитом и не передают на письме этого явления. Встречающиеся в «Смол. этн. сб.» почти единичные случаи написания буквы ***ш*** на месте ***с*** перед гласными переднего ряда — *шерыга* (с. Иньково Поречского у., I, 174), *шеру* (II, 6), *шерый* (II, 185), *шеры* (IV, 111), *шеринький* (IV, 450), *у шерым бару* (с. Летошники Рославльского у., IV, 269) и т. д., где буква ***ш*** обозначает твердый согласный, — польско-белорусского происхождения и не имеют отношения к произношению мягкого ***с*** в Смоленщине.

Примечание. Такие случаи, как *штафета*(=эстафета), *шабелька* (с. Алексино Смоленского у., IV, 522), *шабли* (с. Даньково Смоленского у., IV, 521, 523) и другие подобные им, сюда не относятся: 1) в них имеем ***ш*** на месте ***с*** не перед гласными переднего ряда и 2) они здесь другого происхождения.

В единичных случаях в «Смол. этн. сб.» встречается слово *сапоги* с *ц* твердым нефонетического происхождения на месте **с**: *цапаги* (с. Беликово Бельского у., I, 69), *цапог* (там же).

То же в ответах на «Кр. Ак. пр.» — с. Шиловичи Духовщинского у.: *цапо́х* (рядом с *сапо́г*); с. Луги Рославльского у.: *цапо́х*; д. Алферово того же у.: *цапагі́*.

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 85 и 36: *цыпагі́*.

В ответах на «Анкету» № 4, 11, 15, 16, 18, 23, 25б, 27а, 37, 40 и 43 отмечено слово *сапоги* с **ц** на место **с**: *цапаги*; в № 33 имеем и *царай* вместо *сарай*, причем в № 4 указано, что такое произношение — черта, характеризующая говор пожилых неграмотных людей, не имеющих отношения к отходу. Мне встречалось лишь слово *цъпагі́* в говоре старых людей в с. Бражине, на ст. Павлинове и в говоре крестьянки из с. Афонина — *цъпаhі́ пълуч'і́л*, а также и слово *кальцоны* (=кальсоны — с. Сердечкино).

Из печатных работ явление это отмечается в статье Н. П. Гринковой (стр. 310) и у В. М. Попова (стр. 264).

В ответах на «Анкету» произношение **с**$^{'ш'}$ отмечено лишь в № 6.

По моим наблюдениям, произношение **з'** и **с'** у разных групп населения не представляет единства. В говоре людей пожилых, неграмотных, не имеющих отношения к отхожим промыслам, и детей, преимущественно дошкольного возраста, мягкие **з** и **с** произносятся с усиленной мягкостью, с шипящим элементом, чего не наблюдалось в говоре остального населения. Произношение это, правда, менее распространено, чем обычное произношение мягких **з** и **с**. Наблюдалось оно мною в Зарубенках, Каспле, Платонове, Свистунах, Сыр-Липках, Филиппове, в говоре крестьянок из сел Бол. Добрая, Гребнёвка и Хохловка. В Свистунах оно наиболее рельефно в говоре старухи Ир. Лебедевой: *шс*$^{'ш'}$*о́*, *пр'ишло́с*$^{'ш'}$, *шс*$^{'ш'}$*акъць*, *шз*$^{'ж'}$*ал* и т. д. Особенно ярко выступал шипящий элемент в говоре крестьянки из с. Бол. Добрая: *моц с*$^{'ш'}$*е́н'къ*, *с*$^{'ш'}$*ало́*, *н'ау́с*$^{'ш'}$*о́ш*, *ус*$^{'ш'}$*а́къц*, *з*$^{'ж'}$*имл'а́*, *каз*$^{'ж'}$*о́нкъ* и т. д.

В говоре с. Приселья Харьковского сельсовета, как сообщено мне было в Скачковском сельсовете, настолько ярко произношение такого **с**$^{'ш'}$, что про говор присельчан в окрестных деревнях сложилась поговорка: *Нацеу́с*$^{'ш'}$*а́ гус*$^{'ш'}$*инъгъ с*$^{'ш'}$*алъ; кус*$^{'ш'}$*о́к с*$^{'ш'}$*а́лъ*. К сожалению, мне не удалось побывать в Приселье и проверить это сообщение (неясно, встречается ли здесь **с**$^{'ш'}$ на месте твердого **с**).

Звуки *ж* и *ш*

Все источники указывают на твердость согласных **ж** и **ш**. В «Радз. сп. летописи» имеем значительное число случаев, указывающих на отвердение **ж**: *дружыною* (88 об.), *межы* (2, 16, 23 об.), *жывот* (55 об.), *не тужы* (115 об.) и т. д. Об отвердении **ш** говорят часто встречающиеся в рукописи сочетания **шу** вместо **шю**. Приблизительно то же представляет и «Летописный сб.».

Твердые **ж** и **ш** отражены и в фольклорных записях первой половины XIX в.: *шыв'алі́*, *шасты́й*, *жа* (=же).

Этнографические записи также указывают на твердость этих звуков. В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Беликово: *дужа* (I, 69); с. Дунаево: *жалезный* (IV, 173), *шасти* (IV, 174); с. Шоптово: *дажа* (I, 332), *жанить* (I, 348), *шастириком* (I, 666); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *жану* (I, 235), *жэнщину* (там же); с. Пречистое: *смотриш* (I, 312), *падымаиш* (там же), *жэнщина* (I, 314); *к жэнщины* (I, 323); Ельнинский у., с. Бердибяки: *жэньских* (I, 176), *жэнщина* (I, 277), *шарстей* (I, 188), *ни шаво́литца* (I, 208); с. Злотово: *дажа*

(IV, 555); с. Проверженка: *тожа* (I, 655), *прашэния* (I, 677); с. Радошково: *ни пяеш* (IV, 287), *шаволить* (IV, 351), *шастярней* (IV, 617); Краснинский у., с. Каблуково: *надежычка* (IV, 310); с. Свалы: *шарстиначки* (IV, 583); Смоленский у., с. Даньково: *мужанек* (IV, 283).

То же находим в рукописном «Сборнике» В. В. Богданова и в № 280: *жыр*, *спяшыл*, а также ряд случаев нефонетической замены **ж** звуком **з**.

У П. В. Шейна встречается *зець* вместо *жечь* (не описка; II, 538).

Тверды также звуки **ж** и **ш** и в известных мне говорах Смоленщины: *д'аржы́*, *шышна́ццат'*, *жэ́нщынъ*, *шес'*, *бо́л'шы*, *жыт'*, *да́жа*, *жыс'*, *шы́ла*, *машы́н*, *м'е́н'шы* и т. д.

Аналогичные примеры встречаются и в других источниках — в мат-лах И. Г. Голанова: *жыву́*, *жы́тили*, *бо́л'шы* (Каталино); в рук. мат-лах АН БССР: *жани́х*, *то́жа*; в «Бел. пр».; в ответах на «Анкету», исключая те из них, в которых орфографическое написание; в печатной работе В. М. Архангельского: *дажы*, *даж*, *служыли*, *жыл* (Волочек), *жыв'ём*, *жыву* (Подмошье), в статье Н. П. Гринковой (стр. 309).

Задненебные

На основании показаний источников можно сказать, что звук *г* в говорах не задненебный взрывной согласный, а задненебный фрикативный звук или гортанное придыхание: авторы материалов XXXVIII. 4 и XXXVIII. 14 отличают его от латинского *g* и сравнивают с латинским ***h***.

Задненебный взрывной согласный слышится лишь в некоторых словах в положении за предшествующими ему звонкими согласными: *розги*, *розга* (XXXVIII. 14) и в некоторых других случаях (в заимствованных словах).

Фольклорные материалы также указывают на задненебный фрикативный или гортанное придыхание. На задненебный фрикативный указывают ответы на «Кр. Ак. пр.»; лишь в Шиловичской вол. Духовщинского у., Зеровичской вол. Краснинского у. и в с. Княжом того же уезда в сводной таблице показано *х* (при γ в других населенных пунктах). Какой звук оно здесь обозначает? Трудно сказать с уверенностью; возможно, что гортанный придыхательный звук. В с. Княжом рядом с ним имеем и *к* на месте *г*, т. е. звук, в который переходит взрывное *г* на конце слова и перед глухими согласными. Следовательно, в с. Княжом имеем и взрывное *г*.

Отмечается оно и в статье В. М. Попова (стр. 253).

Взрывное *г* отмечается как индивидуальное произношение и в «Сборнике» В. В. Богданова в говоре 18-летнего парня из с. Васильевки Асуйской вол., учившегося в г. Ржеве Тверской губ.: *где*, *гадоф*, *горы*, *грамыта*, но *бох* с *х*. В записях же, сделанных со слов других лиц из того же с. Васильевки, имеем только ***h***, как и во всех привлеченных здесь из «Сборника» записей.

Примечание. Неясно, однако, что здесь обозначает ***h***: фрикативное ли *г*, которое следовало бы обозначить буквой γ, или гортанное придыхание? Принимая во внимание показания ряда других источников из Бельского у., прихожу к выводу, что ***h*** в «Сборнике» В. В. Богданова обозначает задненебный фрикативный звук: на конце слова, а также и перед глухими согласными имеем *х* — *пир'абех* (с. Кубарово Духовщинского у.), *с'нех* (д. Бартенево Бельского у.).

«Смол. этн. сб.» представляет примеры с *х* из *г* на конце слова и перед глухими согласными. Бельский у., с. Беликово: *дених* (I, 70); с. Шоптово: *удрух* (I, 331), *ня мох* (там же), *за парох* (I, 334), *плух* (I, 352), *запрех* (там же), *лихкавой* (I, 353), *лёх* (I, 355), *запрёх* (II, 226);

Вяземский у., с. Новоселье: *нидасух* (II, 285), *друх* (II, 287); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *лёх* (I, 235); с. Пречистое: *мох* (I, 311): с. Шиловичи: *удрух* (IV, 4); Ельнинский у., с. Бердибяки: *парох* (I, 206), *доўх* (I, 284); с. Проверженка: *атпрёх* (I, 685); с. Радошково: *дених* (IV, 226), *побярёх* (там же), *ня лёх* (IV, 227); с. Сухой Починок: *нох* (I, 190), *друх* (IV, 518); Краснинский у., с. Каблуково: *лёх* (IV, 533); с. Свалы: *да нох* (II, 195); с. Холощево: *лух* (II, 182), *друх* (там же); Поречский у., с. Иньково: *нох* (I, 174), *у крух* (II, 184), *сапох* (IV, 27): Рославльский у., с. Летошники: *чатьверх* (IV, 19), *пирядрох* (IV, 261), *полых* (IV, 269), *парох* (IV, 275), *друх* (IV, 312); с. Черепово: *полых* (IV, 294); Смоленский у., с. Даньково: *ў крух* (IV, 45), *пирох* (IV, 48), *занямох* (IV, 62), *ня лёх* (там же), *подстрых* (IV, 281), *нох* (IV, 581); с. Киселевка: *лёх* (I, 411).

В ответах на «Ю-вр. пр.» звук *г* определяется как близкий к *х*. В № 50 звук *г* определяется как равный московскому *г* в словах *господь*, *богатый*.

Единичным является указание в ответе на «Ю-вр. пр.» № 36 (из Мосальского у.) на смягчение задненебных после предшествующей им мягкости: *копéйкя*, *хозя́йкя*, *чайкю́*, *ручейкём*, *с уголькя́*, *дóчкя*, *дéвочкя*, *ýточкя*, *молочкё*, *по пятачкю́*, *с вéрьхю*, *на вéрхю*, *ольхя́*, *олюхю́*, *с деньгя́ми*, *Óльгя*. В ответе № 280 имеется указание, что автор ответа слышал произношение *чайкю* от огородников с. Боровского.

В мат-лах И. Г. Голанова отмечены фрикативные звуки — задненебный во Власове и Хотеевке, а в Каталине, Липовке, Луговой и Хохловке — гортанный; в мат-лах О. А. Державиной — только *h*; в мат-лах А. М. Иванова — только γ; в «Бел. пр.» № 34 отмечено *h*.

В статье Н. П. Гринковой фрикативное *г* отмечено только в говорах архаического типа, в новом же типе говора фрикативное *г* (γ) — редкость; грамотное население произносит *г* взрывное, тогда как в говоре стариков взрывное *г* отмечено лишь спорадически (стр. 311).

В работе В. М. Архангельского указание на фрикативный звук дает форма *ницох* (ничего); в статье П. А. Бузука отмечено только *г* фрикативное.

В некоторых случаях отмечено сочетание *г*, *к*, *х* с *ы*. Имеется оно в рук. мат-лах АН БССР: *гымнáз'ию*; в статье В. М. Архангельского: с. Волочек — *плохын'каць*, в с. Подмошье — *такы*.

Лично мне встретилось в Спас-Липках в разговоре с плотниками лишь слово *кыска* (=киска, кошечка) с *ы* после *к*.

В ответах на «Анкету» имеем: в № 1, 2, 4, 6, 9—24, 26, 27, 27а, 29, 31, 31а, 33, 35, 37, 40, 41, 43, 45, 48—50 — фрикативный звук (неясно только, какой звук по месту артикуляции — задненебный или гортанный), здесь имеем: *парох* (=порог), *лух* (=луг), что указывает на фрикативный звук; лишь в «Анкетах» № 4, 17, 25б, 38 и 40 имеем: *парок* (=порог), *лук* (=луг), указывающие на взрывное *г*, и рядом — *парох*, *лух*.

Здесь же отмечено, что произношение *парок*, *лук* характеризует говор хорошо грамотных и главным образом бывалых людей.

В некоторых ответах на «Анкету» имеются и такие случаи, как *Ванькя*, *чайкю* (№ 17, 20); *Ванькя*, *дочькя*, *чайкю* (№ 23); *чайкю* (№ 21); *Ванькя* (№ 39).

Во время моих наблюдений в говорах, кроме с. Свистунов, мне, как правило, не приходилось слышать задненебного взрывного звука. Однако произношение *г* взрывного отмечено мною в говоре возчика из Ямской Слободы: *гóн'иш*, *гнáл'и*, *д'ин'гáм'и*, *д'ог'ът'*, *зъгатóфкъ*, *кон'и б'игáт'* и т. д., причем характерно, что *г*, равно как и *ф* вместо *хв*, появились в его говоре на второй день поездки с ним по Дорогобужскому р-ну, когда он, узнав о цели моих поездок и увидев,

что я в пути произвожу за ним записи, старался придать своему произношению «московские» черты.

То же наблюдалось и в разговоре с другими бывалыми людьми.

В обычной речи взрывное *г* слышится на месте *к* в положении его перед следующим звонким согласным: *г балоту* (Катково).

Обычно же в говорах произносится фрикативный звук — в одних говорах фрикативный задненебный звук (γ), а в других гортанный (*h*) того же способа образования.

Фрикативное задненебное *г* (γ) наблюдалось мною в Арнишицах, Бражине, Мошевой, Рогнедине, Янове, в говоре возчика из с. Лучёсы и рабочего железнодорожных мастерских на ст. Смоленск из с. Яцкова.

В говоре же сел Арефино, Белоручье, Заборье, Каленово, Скачково и Яковлево имеется и то и другое произношение — фрикативный задненебный и гортанный звук; в с. Филиппове — обычно задненебный фрикативный звук, но в говоре возчика из того же села — гортанный.

Гортанное *г* (*h*) отмечено в Березове, Бабынове, Бол. Возьмище, Борках, Бражине, Варечках, Глистаях, Зарубенках, Зверовичах, Караваеве Подгородном, Каспле, Квасове, Кучине, Никитье, Ополье, Павлинове, Платонове, Рябцове, Скачкове, Сыр-Липках, Сычеве и Филиппове. То же наблюдалось и в говоре отдельных лиц из сел Аршины, Афонино, Берёзово, Бол. Добрая, Гребнёвка, Кряжево, Лентево, Пушкино, Сердечкино, Суйтово, Юшино и некоторых других.

Лишь в с. Свистуны имеем *г* взрывное: *бр'игáду*, *прагул'ал'и*, *гр'аз'и́* и т. д. То же и в говоре старухи И. Лебедевой: *друга́џь*, *гус'óнък* и т. д., но *баhа́тъ*, *баhа́т*.

Старые чередования задненебных со свистящими и шипящими в некоторых морфологических категориях

Чередование задненебных звуков со свистящими редко встречается в памятниках. В «Актах Смоленского воеводства» имеем единичный пример: *на дорозе* (№ 15548, л. 71).

В фольклорных записях примеры на чередование задненебных и свистящих имеются далеко не во всех источниках. В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Шоптово: *на лаўцы* (I, 355), *на дарози* (I, 356), *при ў дарози* (там же), *на руце* (IV, 395); Духовщинский у., с. Пречистое: *на дарози* (I, 323); Ельнинский у., с. Бердибяки: *назе* (I, 492); с. Злотово: *у лузи* (IV, 319); Краснинский у., с. Каблуково: *к дарози* (II, 180), *у лузи* (IV, 380), *у лози* (=на лугу; там же); Поречский у., с. Иньково: *у лози* (=на лугу; IV, 54); Рославльский у., с. Летошники: *в дарози* (II, 192), *при ў дарози* (IV, 366); Смоленский у., с. Даньково: *у лузи* (II, 107), *на руце* (IV, 112); с. Самохотовка: *при ў дарози* (IV, 155).

Большинство приведенных здесь примеров несвойственно живой речи — они взяты из песен или характеризуют индивидуальное произношение.

Еще в большей степени это касается примеров в сборнике В. В. Богданова (здесь имеем дело с языком песен).

Почти единичны случаи чередования задненебных с шипящими. Их представляют глаголы, имеющие в основе задненебный звук перед гласными переднего ряда. Однако в большинстве случаев шипящий звук вытесняется задненебным по аналогии с формами, где нет шипящего звука. В «Смол. этн. сб.». имеем: *бяжить* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 685; с. Каблуково Краснинского у., IV, 564; с. Холощево того же уезда, II, 179; с. Иньково Поречского у., IV, 53;

с. Буловцы Смоленского у., IV, 551; с. Даньково того же уезда, IV, 534), но также и *бягить* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 122; с. Злоты Ельнинского у., IV, 319, 320; с. Проверженка того же уезда, I, 236; с. Рудня того же уезда, IV, 417; с. Сухой Починок того же уезда, IV, 154; с. Каблуково Краснинского у., IV, 380; с. Свалы того же уезда, II, 2; с. Холощево того же уезда, IV, 353; с. Иньково Поречского у., II, 2; с. Михайловка Рославльского у., I, 177; с. Даньково Смоленского у., IV, 40, 154, 528), *бяги* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 380; с. Алексино Смоленского у., IV, 522; с. Даньково того же уезда, IV, 207).

Наряду с этим в том же «Смол. этн. сб.» имеются случаи замены шипящего задненебным звуком пред гласными переднего ряда: *ни магеш* (с. Шоптово Бельского у., IV, 336), *ни магеть* (Красноболотовская вол. Дорогобужского у., IV, 413), *сякеш* (с. Пречистое Духовщинского у., I, 317), *тякеть* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 341; с. Злотово того же уезда, IV, 304; с. Иньково Поречского у., II, 123, IV, 22; с. Черепово Рославльского у., IV, 294; с Даньково Смоленского у., IV, 123, 144, 513), *бягиш* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 655; с. Каблуково Краснинского у., IV, 380), *напякём* (с. Свалы, Краснинского у., IV, 620).

Встречается тут же и случай чередования задненебного с шипящим и пред гласными непереднего ряда: *ляжу* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 335; с. Свалы Краснинского у., II, 176), *приляжу* (с. Даньково того же уезда, IV, 47), *мóжуть* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 564).

Из других источников примеры на это явление имеются в «Сборнике» В. В. Богданова: *б'агит'* (д. Редькино Бельского у.; д. Кубарово Духовщинского у.) и *бижыт'* (с. Тативо Бельского у.), *бижала* (с. Шоптово того же уезда).

Чередование задненебных со свистящими и шипящими отмечено мною в единичных случаях в говоре стариков перед рефлексом старого ѣ: *ў гарóс'и*, *ньдарóз'и* (с. Подмошье), *у Ӥилъўцы* (с. Алферово).

В ответах на «Анкету» № 28б, 28в и 47в (из Монастырщинского и Шумячского районов, т. е. вблизи БССР) отмечено также: *в руце*, *наназе*.

Чередование задненебных звуков основы настоящего времени глаголов с шипящими в формах настоящего времени изъявительного наклонения и в повелительном наклонении рядом с восстановлением задненебного (по аналогии с формами, где согласный основы находился перед гласными непереднего ряда) имеем в следующих примерах: *п'ач'óт'*, *п'ач'óм*, *пъб'ежáл*, *б'ажы́т'*, *б'ажы́* и *п'акéт'*, *п'ак'óт'*, *нъп'ак'óм*, *п'ак'éм*, *п'ак'éш*, *п'ак'óш*, *маг'éм*, *н'имаг'éш*, *паб'éх*, *б'аг'и́ш*, *б'аг'и́т'*, *б'аг'и́*, *т'ак'óм* и т. д. Отмечено оно мною в говорах сел Бабынова, Бол. Доброй, Бол. Возмища, Борок, Бражина, Варечек, Ворошилова, Глистаев, Долгомостья, Заборья, Зарубенок, Караваева-Подгородного, Каспли, Коханов, Никитья, Платонова, Потапова, Рогнедина, Рябцова, Сердечкина, Скачкова, Сыр-Липок, Сычева, Юшина, Янова.

Формы с задненебными перед гласными переднего ряда наблюдались главным образом у наиболее отсталых, малограмотных людей и в говоре детей дошкольного возраста, причем у них они нередко чередуются с шипящими или свистящими звуками; задненебные приходилось отмечать и у части населения, не связанной с отходом, иногда у женщин.

Чередование в этих условиях отмечается и в «Бел. пр.».

То же представляют и ответы на «Анкету», в № 4, 6, 9—14, 16—25, 25а, 25б, 26, 28а, 28в, 29, 31—31б, 33, 37, 39, 40, 41, 43—45,

47б, 47в, 47д, 50 имеем *пекём* при меньшем числе случаев *печём*; в № 6, 7, 9—25, 25а, 25б, 26, 27, 28а, 28в, 29—31, 31б, 32—34, 37, 40, 41, 43—45, 47в, 47д, 48, 49, 50 — *текёть* при небольшом сравнительно числе случаев *течёть*; в этих же номерах имеем *бегить* при небольшом количестве случаев *бежить*; в № 4, 6, 9, 12, 15, 17, 25а, 25б, 27, 28а, 29, 33, 40, 43, 45, 47д, 48, 49 — *не могем* при более многочисленных случаях *не можем*. В № 4 и 17 отмечено и то и другое произношение с указанием, что шипящие и свистящие звуки в этих условиях на месте задненебных характеризуют речь молодежи, грамотных и бывалых людей.

Качество аффрикат ч и ц

Источники указывают на наличие в говорах твердого *ч*. Его находим в «Актах»: *приходячых* (№ 15548, л. 71), *причыны* (там же), *идучы* (там же), *чоловеком* (там же), *учынил* (там же) и т. д. Ряд примеров указывает на твердость звука *ч* и в «Житии», хотя здесь имеем и *чюжь* (л. 22 об.), *чюдотворца* (л. 15) и т. д. Последние, однако, не обязательно отражают живое произношение, но могут представлять и старое орфографическое письмо.

То же дают «Мемориал» и «Дело о монастырях»; «Мемориал»: *сочыненъ* (л. 1), *причыняет* (л. 1 об.), *чымъ* (там же), *сочытати* (л. 9 об.), *печатати* (л. 9), *окончыла* (л. 9 об.), *получыла* (л. 9 об.), *чысла* (л. 11), *кончыны* (л. 12), *подчынившы* (л. 13 об.), *сочынилъ* (л. 14), *чыстый* (л. 15), *столочъ* (л. 16 об.), *чысло* (л. 17 об.), *окончы* (л. 18); «Дело о монастырях»: *девичъ* (монастырь; л. 18 об.), *дочъ* (там же) и т. д. наряду с написанием *чистою* («Мемориал», л. 15) и т. д.

Твердость *ч* представляют и фольклорные записи первой половины XIX в.: *чаго, чаму, чарнила, чатыри* (Обл. сл. 156), *чаго* (XXXVIII. 12), *начувать, чаго, отчаго, ча* (=чего; XXXVIII. 4), *чаго, чаму, чарнила, чатыри* (XXXVIII. 23), *чалнок, чаго, чаму ж* (Л. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 50).

Иногда рядом с подобными написаниями встречаются и такие, которые могут указывать на мягкость *ч*: *чилавек, чим* (XXXVIII. 23), *дочь, печь* (XXXVIII. 14), но эти случаи не меняют дела: они вызваны или влиянием говоров с мягким *ч*, или являются орфографическими написаниями.

В «Смол. этн. сб.» примеры с сочетаниями *ча* и *чу* могут отражать не живое произношение с твердым *ч*, а орфографическую передачу произношения *ч'а* и *ч'у* (ср. современную русскую орфографию: *чай, щука*), но как бы то ни было «Смол. этн. сб.» представляет достаточное количество примеров с несомненно твердым *ч*. Бельский у., с. Шоптово: *стрыч* (I, 357), *на ныч* (I, 545, 601), *ушоў проч* (наречие, I, 706); Дорогобужский у., с. Егорье: *ноч* (IV, 336); Духовщинский у., с. Пречистое: *реч* (II, 218); Ельнинский у., с. Бердибяки: *дич* (I, 172), *вучэных* (I, 176); с. Крутиловка: *ноч* (IV, 114); с. Проверженка: *аканчэние* (I, 187), *пад печ* (I, 681), *луччэй* (I, 237); Краснинский у., с. Свалы: *печ* (IV, 303); с. Холощево: *ни плач* (II, 177), *печ* (IV, 215); Поречский у., с. Иньково; *ноч* (IV, 54), *проч* (там же); Рославльский у., с. Летошники: *утеч* (IV, 150), *проч* (IV, 309); Смоленский у., с. Даньково: *да ўнучыка* (I, 658), *пчолы* (I, 174), *счот* (IV, 137). На твердое *ч*, несомненно, указывают и следующие примеры из «Смол. этн. сб.»: *чатыри* (с. Беликово Бельского у., I, 69; с. Дунаево того же уезда, II, 246; с. Шоптово, того же уезда, I, 333; с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 26, 286; с. Проверженка того же уезда, I, 237; с. Радошково, IV, 286), *чатьвертый* (с. Летошники Рославльского у., IV,

208), *чарвей* (с. Лукино Ельнинского у., I, 211; с. Понизовка того же уезда, I, 210), *почапи* (с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 27), *атчапися* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 380), *чарнила* (с. Каблуково, Краснинского у., IV, 128), *часнок* (с. Дунаево Бельского у., IV, 64), *чарвоные* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., II, 217), *чарвонцы* (IV, 37), *чарнушичка* (с. Радошково Ельнинского у., II, 209), *пчала* (с. Иньково Поречского у., IV, 113), *чачотычка* (с. Летошники Рославльского у., IV, 211) и др.

Наряду с твердым *ч* имеем и случаи, возможно, указывающие на мягкость *ч*: *чилавеку* (с. Беликово Бельского у., I, 70), *на чирдак* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 474) и т. д.

В ответах на «Кр. Ак. пр.» твердое *ч* отмечено лишь в восьми селах и деревнях (всего ответов на «Кр. Ак. пр.» 79), причем только в пяти из них несомненно имеем твердое *ч* — в с. Дрогачеве и д. Мешки Бельского у., с. Алексине Дорогобужского у., д. Скрышово Духовщинского у. и с. Балтутине Ельнинского у.; в селе же Дунаеве твердое *ч* чередуется с мягким, а относительно сел Герчиково Краснинского у. и Жабино Рославльского у. в таблице автором обработки поставлен вопрос, действительно ли имеем дело с твердым *ч*. В остальных селах и деревнях — или только мягкое *ч*, или отсутствие ответа на вопрос программы.

В ответах на «Ю-вр. пр.» твердое *ч* чередуется с мягким в № 33 и 85, причем в последнем ответе говорится, что мягкое *ч* можно слышать чаще, чем твердое, а в № 25а на вопрос «Ю-вр. пр.» о твердости или мягкости *ч* вовсе нет ответа; в остальных же номерах *ч* только мягкое.

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем чередование твердого и мягкого *ч*. Бельский у., д. Высокое: *печ'ку*; д. Гордеевка: *тич'от'*; д. Ковалево: *ч'ат'в'ортыц*; д. Пасино; *тач'онывa*; д. Сидоры: *цв'аточки*; д. Сущево: *проч'*; д. Тимошино: *ў вакошичка, примичаjут', летичка, д'аўчонка, на ныч, чатыри, садочки, реч*; Ржевский у., с. Воронино: *ап чом, крычала, плачыш*.

В мат-лах И. Г. Голанова — твердое и мягкое *ч*: *чарн'игъўскъц, н'ичаћ'ен'къ* (Каталино) и *нач'уц* (Хохлово).

В рук. мат-лах ЗОАБ — *ч* твердое; в говоре, правда, 78-летнего старика: *н'ичаго, Гаврила Палячонък*, но *чилавек* (с *ч* мягким).

В рук. мат-лах АН БССР — *ч* твердое: *чаго ш, чаму, неча* (= нечего), но *вочинно* (с мягким *ч*).

В «Бел. пр.» отмечено только твердое *ч*.

В работе В. М. Архангельского имеем твердое *ч* в с. Подмошье в говоре 90-летней старухи: *начавали, ничаво, ыньча*; в говоре же А. Башкина в с. Волочке, человека грамотного, весьма бывалого — *ч* мягкое: *четыре человека, на ночь* (если это не орфография).

В большинстве ответов на «Анкету» отмечено мягкое *ч*, лишь в № 6, 9, 16, 24, 26, 27, 28б, 33, 37, 41, 45, 47в — твердое, в № 16, 27, 28в и 49 — и то и другое произношение, причем в № 27 и 28в указано, что мягкое *ч* характеризует говоры бывалых и грамотных людей.

По моим наблюдениям, произношение аффрикаты *ч* не представляет единства. В Алфёрове, Арефине, Афонине, Борках, Брылеве, Волоковой, Ворошилове, Вырьеве, Данильеве, Еловке, Караваеве-Подгородном, Коханах, Митине, Никитье, Павлинове, Подмошье, Рогнедине, Рябцове, Свистунах, Сердечкине, Скачкове, Спас-Липках, Сычеве, Филиппове, Ямской Слободе и Яцкове в говоре всех слоев населения слышится мягкое *ч*: *ч'им, ч'ивб́, нич'яwб́, ч'илав'е́к, с'ич'а́с, уч'и́цъ, п'е́ч'къ, к'ирп'и́ч', уч'а́ск'и* (*Вот jе́тъ ўж'е бра́жынск'иць уч'а́ски* — речь возчика из Ямской Слободы). В Авдотьине, Бабынове,

Бражине, Варечках, Глистаях, Зарубенках, Зверовичах, Каспле, Квасове, Кряжеве, Кучине, Ополье, Платонове, Потапове, Спас-Липках, Хохлове, Юшине, Янове в говоре людей пожилых, неграмотных или малограмотных, не связанных с отходом, наблюдалось твердое ***ч***: *път ча́шкъц, учыцъ, ко́нчыў, н'ичаһо́, н'ичо́һа, јел'н'ичык, учо́ра, шчара́с', п'е́чку, чужу́цу, чы́стъць, дычка́, нъшъло́чкъ, пл'о́нъчкъ, ноч, у́с'акъцъ у́с'а́чынъ, часы́, ш'аче́рыт', н'е́чым, чыта́т', зар'е́ҁъ, пычаму́* и т. д. Твердое ***ч*** отмечено мною у крестьянки из с. Бол. Добрая: *шу́чыцъ, у т'ахни́чъскъц школ'и, ко́нчыў шасту́цу, два часы́.*

В этих же селах имеем и мягкое ***ч***, например, в говоре молодежи в селах Бражине, Зарубенках: *ч'аһо́, ч'аты́ри, ч'а́шка, н'ич'о́һъ* и т. д.; в с. Каспле мягкое ***ч***, но в говоре 80-летней старухи Ф. А. Мариенковой — твердое: *ча́сть, тъбачо́к н'у́хацу из бак'е́рк'и, ноч, н'а зл'е́зу с п'е́чы, учыс'и* и т. д.; в разговоре на вокзале на ст. Дорогобуж пожилой крестьянки из с. Кряжева с дочерью мною отмечено — у первой твердое ***ч***, а у второй — мягкое: *ч'ис'и́нъч'ку, ч'ишо́*; в с. Кучине — в произношении женщин твердое ***ч***: *Ку́чынъ, ничо́һъ*; то же и в говоре крестьянина М. Л. Емельянова, 26 лет, члена сельсовета: *чы́стъцъ һаво́ркъ, ча́шкъ ча́цу* и т. д.; в говоре же бывалого крестьянина К. Федотова, 27 лет, — мягкое ***ч***; у крестьянина С. А. Володина, 51 г., человека бывалого, оно мягкое, у дочери же его, М. С. Володиной, малограмотной крестьянки 20 лет, — твердое; в с. Потапове мягкое ***ч***, например: у крестьянки А. Д. Лазаревой, 45 лет, но у 95-летней старухи А. А. Гороженковой — твердое: *с п'е́чы, не́чым, ад дачо́к* и т. д.; в с. Свистунах мягкое ***ч***: *ч'ашо́, ч'ит'в'ары́х, пач'аму́, тр'и ч'аса́, ч'аты́р'иста*, но в говоре 89-летней старухи И. Лебедевой — твердое: *пачаму́, чаты́р'и, чы́ста, мужчы́нъ, ма́чыхъ* и т. д.

В говоре учеников из Мощинской школы — Кадаева из с. Буховки, Павлюченко из с. Лентева и Плещеева из с. Засигова ***ч*** мягкое; лишь в говоре Агеева из с. Аршин ***ч*** твердое.

В записях в «Сборнике» П. В. Шейна имеем: *нотьной* (= ночной; д. Борки б. Поречского у., II, 544), *нотьница* (= ночница; д. Майково б. Бельского у., II, 537), *нотьная* (=ночная; там же).

Аффриката ***ц*** не из мягкого ***т*** во всех фольклорных материалах тверда. Тверда она и в памятниках письменности, например в «Радз. сп. летописи»: *языцы* (5, 55 об.). И по моим наблюдениям — она тверда. Все источники также указывают на твердость ее. С твердым ***ц*** произносят и слова, вошедшие во всеобщее употребление в пореволюционное время: *революция, лекция, милиция*. То же дают и ответы на «Анкету» № 1, 4, 6, 12—16, 18, 18—26, 28б, 28в, 29, 31, 31а, 33, 34, 37, 38, 39а, 40, 41, 43, 45, 46, 47в, 47д, 48—50. Произношения с мягким ***ц*** мне не встретилось, и «Анкеты», отмечающие мягкое ***ц***, отражают орфографическое написание.

В словах *цветок, цвести* и производных от них на месте ***ц*** в «Смол. этн. сб.» в ряде примеров имеется ***т*** нередко рядом с ***ц***. Дорогобужский у., с. Егорье: *твитеть* (IV, 409); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *твити* (IV, 21), *твета* (род. п. ед. ч. от *т'в'ет*; IV, 156), *твитеть, твяточык* (IV, 227); с. Пречистое: *твяточик* (IV, 67), но *цвитуть* (I, 313), *цвету* (IV, 156); с. Шиловичи: *твяточык* (IV, 391), *твятки* (там же); Ельнинский у., с. Крутиловка: *твила* (II, 72), *тьвяты* (IV, 297), *твяточками* (IV, 361); с. Радошково: *у твяту* (II, 100), *тьвяток* (IV, 187), *твили* (IV, 352); с. Сухой Починок: *твяточык* (IV, 400), но *цвитёть* (IV, 153); Краснинский у., с. Свалы; *твяты* (IV, 302); Поречский у., с. Иньково: *растваяли* (IV, 54), *твяты* (там же), *твету* (IV, 154), *твяток* (IV, 540); Рославльский у., с. Летошники: *твет* (IV, 308), но *цвяточку* (II, 195), *цвяты* (IV, 211), *цветикыў* (IV, 386); Смоленский у., с. Даньково:

твисти (II, 32), *затвили* (там же), *твяток* (IV, 40), *тьвяточык* (IV, 114), *тьв'атым* (IV, 147), *растьвила* (IV, 166), *твяток* (IV, 188), *тьвяты* (IV, 238), *растьвитаютца* (там же), *тветики* (IV, 283), *разнатьветная* (IV, 502), *твяты твитуть* (IV, 526), но *цвяткоm* (IV, 67), *цветок* (там же).

Примечание. В с. Пречистом Духовщинского у. отмечено слово *типлятoк* вместо *цыплятoк*, т. е. также с *т* на месте *ц*. Но здесь *т* другого происхождения: оно вызвано влиянием подзывного слова *тип, тип, тип, тип* (ср. здесь *пискленок*, образованное от слова *писк*).

В рук. мат-лах ЗОАБ отмечено в с. Надве *тьвято́чки* и в с. Клюшки *тьвиточки*, т. е. с утратой фрикативного элемента в аффрикате *ц*. В значительном числе «Анкет» (№ 2, 4, 6, 7, 9, 11—16, 18, 22, 23, 25а, 25в, 26, 28, 28б, 28в, 29, 31—33, 37, 41, 43—45, 49) имеем то же самое, т. е. *т* на месте *ц* в слове *цветы*: *тьветы*, причем в № 4, 7, 16, 18, 22в, 44, 45 и 49 отмечено и *цветы* с указанием в № 4, 16, 28в, 44, что последнее произношение характеризует говор бывалых и грамотных людей.

Из других источников это явление (*т* на месте *ц* в названных словах) имеется в рукописном «Сборнике» В. В. Богданова: *т'ветикыў, т'в'аты* (д. Селы).

Говоря об аффрикате *ц*, необходимо отметить и единичные случаи, когда *ц* утратило взрывной элемент: *у́лиса, яйсо́*. Имеются они в ответах на «Анкету» № 34. Отмечаются и в статье Н. П. Гринковой: *аўса́* (= овца).

Смешение ч и ц

Смешение *ч* и *ц* имеется уже в древнейшем памятнике смоленской письменности — в «Догов. гр. 1229 г.». Здесь имеем: *купечь, купчем, гочкъм, купчи, немчицю, бирица* и т. д., в «Договоре неизвестного смоленского князя с Ригою и Готским берегом около 1230 г.»: *не мѣчь, с уличами, немьчем, немьчиць, пры Романовици* и т. д.

То же представляют и памятники XV в., например «Летописный сб.»: *Новгорочкого слова* (116), *новогородьчи* (73), *улича* (185), *конечь* (там же), *в Торопечь* (58), *челованью* (158), *в Полочку* (51) и т. д. и *Кривици* (42), *дреговици* (41), *ѣдуци* (167), *цающе* (311б), *целовѣка* (344) и т. д.

В фольклорных и этнографических материалах первой половины XIX в. находим: *яйчо, куричы* (XXXVIII. 12), *цервь, цего, семицка, черковь, цатыри, уколоцина* (= вколочено) *на катоцках, липовацки, асиноваци, ницох, ницим* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45), *пецка, доцка, ня хоцу* (там же, 50), *цуем* (К. Ш. «Смол. губ. вед.», 1854, № 2). Автор статьи П. Д. Шестаков говорит, что явление это имеет место в некоторых уездах Смоленщины, но в каких — не указывает.

В «Смол. этн. сб.» имеем — Духовщинский у., с. Береснево: *вяноцку* (IV, 96), *люлицку* (там же), *по цатыри* (IV, 99), *цатвертым* (IV, 125), *галубоцка* (IV, 126), *дацок* (там же), *цыстый* (там же), *пра дацусик* (IV, 136), *дацушки* (там же), *цастинька* (там же), *тысицу* (IV, 153), *тысица* (там же), *каласоцки* (IV, 164), *нацинаиш* (IV, 212), *к нацы* (= к ночи; там же), *разлуцала* (IV, 263); с. Пречистое: *варцать* (I, 613), *цатыри* (I, 661, 662), *цатьвярых* (II, 661), *крицить* (I, 662), *пецы* (там же); с. Шиловичи: *пакрепци* (IV, 4), *хлапоцуть* (там же), *цорт* (там же), *натацу* (там же), *на смыцок* (там же), *тацить* (там же), *ни хацу* (там же), *исце* (= еще; там же), *пратацу* (там же),

патаци (там же), *прицосаны* (IV, 41), *дяўцоныцка* (IV, 391), *рец* (там же), *галубцик* (IV, 406), *малойцик* (там же), *дявцонка* (там же), *плацить* (там же), *не плац* (там же).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем — Бельский у., с. Алексенки: *вацец*, *ножицку*; с. Бартенево: *мальциска*, *тоцна*, *цистаја*; с. Бейково: *тысицу*; с. Богдашево: *вит'ароцик*, *ћаласоцик*, *циста*; с. Бунаково: *вицароцик*, *вакошицка*, *руцки*; с. Васильевка: *нис'цасныц*, *цас*, *сицас*; с. Кашилово: *ницаво*, *цутка*, *ћарадоцик*, *дамоцик*, *ни скуцац*, но *ночку нацуват'*; с. Ковалево: *л'аб'одыцка*, *плацит'*, *в'ецирами*, *пташицка*, *проц'*, *ни дакуцац*, *времицка*; с. Кудрищиха: *стуцал*, *круцину*, *у ћитарыцку*; с. Кукуево: *цим*, *у ћарадоцик*, *садоцки*, *лотацки*, *ход'уци*, но *ачистил*; с. Марково: *цистата*, *кан'ц'алс'а*, *рец*, *славецки*; с. Некрасово: *цумацик*, *малоццик*, *хлопцик*, *рецку*, *на рецушки*, *на руцки*, но *с ручк'и*; с. Нестерово: *муцител'*, *нецива*, *на рецку*, *д'аўцонка*, *с'вецицку*, *ацциво*, *виц'арок*, *покацац*, но *каблучках*; с. Никитино (от 12-летней девочки): *малатоцик*, *ћадоцик*, *на дубоцки*, *ћалубоцик*, *нивилицка*, *царнаброва*, *дз'ан'оцик* (= денёчек); от другой крестьянки: *туци*, *ц'астыц*, *платоцик*, *цорны*, *царнабровы*, *двароцик*, *нисцас'цица*, *хоцицца*; с. Никулино: *крицала*, *оци*, но *вчора*; д. Погорельцы: *кал'ецка*; д. Рудаково: *наўстрецку*, *частыц*, *стајацива*, *хад'ацива*, *уцицца*, *нис'ц'асныц*, *мал'циска*, *калецка*, *цаво*; д. Саново: *нацноју*, *пецку*, *церис*, *састрицаит'*, *цаста*, *крици*, *хацу* и *хачу*; д. Селы: *доцки*, *девацки*, *руцей*, *руцајоцку*, *платоцик*; с. Холм: *в рецку* и *на рике*; д. Тимошино: *скацит'*, *ни нацуит'*, *палуцци*, *ноцки*, *ноц'*, но *купечкују*, *купечка доц*; с. Черново: *плацу*, *нисцасны*, но *на ручку*; с. Шабулино: *платоцик*, *в'аноцки*, *нисц'аснују*, *круцыну*, *сед'уци*.

В ответах на «Кр. Ак. пр.» явление это отмечено в Бельском у., в селах Покров-Журавский и Холм-Журавский; в Духовщинском у., в селах Шиловичи (*пятацо́к*, *цепила́*, *цугуно́к*, *ци́жик*, *чарь*, *чари́ча*, *ча́рство*), Пречистое, Колковичи и их приходах и в Скачкове (причем *ц* твердое); в б. Поречском у. — в Бородинской и Слободской волостях и в с. Мамошки (*чарь*, *че́рковь*, *ку́рича*, *яйчо́*); в Духовщинском у., как сказано в ответе, зовут «цикунами» тех, в говоре которых имеются эти черты, т. е. смешение *ц* и *ч*.

В ответах на «Ю-вр. пр.» оно отмечено в № 50 (из Бельского у.), но как встречающееся не часто: *до́цка*, *пе́цка*, *овча́*, *со́ньче* и в № 33 (из Ржевского у.): *ца́сто*, *сица́с*, *до́цка*, *пе́цка*, *бо́цка*, *нипацо́м*, *цай*, *цу́до*, *це́рви*, *ца́стый*, *полуци́л*, *процита́ть*, *плецо́*, *доц* и реже *чярь* *че́рковь*, *че́лый*, *челова́ться*, *ку́рича*, *яйчо́*.

В с. Скачкове *ц* на месте *ч* отмечено в примерах: *пл'ацо́*, *пъ пл'ацу́*, *н'ицо́hъ*, но тут же и *н'ич'еhо́*, *за р'е́цкъц* и т. д. (слышал от крестьянок, уроженок сел Скачихино и Харько́во, вышедших замуж в с. Скачково).

Здесь же в сельсовете мне было сообщено, что «цикуны», т. е. лица, в говоре которых есть это явление, имеются и в селах Скачихине и Харько́ве, причем в с. Скачихине особенно сильно цокает крестьянка Жукова, уроженка с. Бердина б. Батуринской вол., вышедшая замуж в Скачихино. По словам председателя сельсовета М. М. Мироненко и моих собеседниц, крестьянок из Скачихина и Харько́ва, в Скачихине есть и «природные» (мы сказали бы — местные уроженцы) «цикуны».

Цокают главным образом женщины, преимущественно пожилые, но есть, по словам лиц, давших мне сведения, и цокающие мужчины. Скачковцы характеризуют говор скачихинцев и харько́вцев следующими выражаниями: *цок*, *цок п'итац'о́к*, *цату́р'и кап'е́цк'и* или: *хо́цу — ско́цу*, *н'а хо́цу — н'и цым н'и зъцта́в'иш м'ин'е*.

Сообщенные мне сведения о цоканье в Харько́ве находят подтверждение в мат-лах О. А. Державиной, отмечающих цоканье в этом

районе — в селах Харько́ве, Приселье и Бородулине; здесь же (в мат-лах О. А. Державиной) отмечены в этих селах и единичные случаи *ч* на месте *ц*.

Сведения эти совпадают и с тем, что сообщила мне в с. Зарубенки Е. А. Горанская, мать заведующей школой Е. С. Горанской, о наличии цоканья за г. Демидовом.

В говоре во́зчика из с. Филиппова имеется на месте *ч* мягкое *ц*: *пац'а́тыць, ты́с'ац'у, ц'аты́р'е* и т. д., в говоре же другого возчика (от ст. Сычёвки до с. Филиппова), А. М. Щербакова, такого произношения не наблюдалось.

В рук. мат-лах ЗОАБ находим замечание, что в д. Бартенево б. Холм-Жирковской вол. женщины вместо *ч* говорят *ц* и, наоборот, *ч* вместо *ц*: *де́вацка, кле́чи* (вместо *клеци* — зубья в бороне).

В «Бел. пр.» № 34 имеем случай цоканья: *быцо́к*, причем автор ответа отмечает, что цоканье крепко держится в говоре стариков, среднее же поколение утратило его (мужчины, побывавшие на войне, в больших городах), молодежь избегает его. Обратное явление — *ч* вместо *ц*, по данным «Бел. пр.» № 34, очень редко: *һрани́ча, пци́ча*; лет 20—25 назад это явление наблюдалось довольно часто; наблюдается и звук, средний между *ч* и *ц*. Здесь также отмечается, что лица, побывавшие в других местах, стесняются цоканья.

В статье Н. П. Гринковой отмечено в архаичных говорах цоканье и единичный пример чоканья (*мыч'ч'а*), в новом же типе говоров цоканье — уже изжитое явление (стр. 308—309).

В работе В. М. Архангельского имеется единичный случай цоканья; отмечается оно в с. Подмошье в говоре 90-летней старухи: *ницох* (= ничего).

В ответах на «Анкету» отмечается цоканье в № 1, 6, 10, 31, 33 и 49, а чоканье — в № 6, 29, 31а, 37, 45 и 50, причем в № 6 указано, что цоканье и чоканье характеризуют говоры людей малограмотных, не связанных с отходом.

Аффриката д͡ж

Аффриката *д͡ж* не встречается ни в одном из источников. Лишь в рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем ее (передает он ее сербской мягкой аффрикатой *ђ*), но исключительно в сочетании *ж͡дж* в словах *дождж, дожджя, приежджать, отъежджать, вожджи* и подобных им (ср.: Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, вып. 1, стр. 486—489), причем и здесь у него отмечено не только *жд͡ж*, но и двойное долгое *ж* или *ш* на месте его. Бельский у., д. Азарово: *дошш*; с. Бейково: *важжой*; с. Большево: *биз дажж'а*; д. Будино: *атјижджајиш, дожжик*; д. Васильевка: *важджоц*; д. Волково Березовской вол.: *ежджывали*; д. Волково Городской вол.: *уцижжајит'* и *уижджајит'*; д .Высокое: *пајижжац*; д. Глушково: *дошш*; д. Дмитровка: *пајижджацт'а*; д. Казаково: *даждж͡ок*; д. Климятино: *атјижжајит'*; д. Кострицы: *дажжами*; д. Мягково: *зајежжац*; д. Некрасово: *дожджик*; д. Пустошки: *атјижжајиш*; д. Рудаково: *дожжим*; д. Симоновка: *дожджим*; с. Тативо: *ујижджајит'*; д. Тимошино: *зајижжајит'* и *падјижджајит'*; д. Шабулино: *биз дажжа*; Духовщинский у., д. Кубарово: *дожджикым*; Ржевский у. (б. Тверской губ.), с. Воронино: *прijижджат'*.

Далее в «Сборнике» В. В. Богданова встречаем аффрикату *д͡ж* в сочетании с предшествующим ей *ж*: *ж джаной* (с. Климово), *ж джинихом* (д. Шейкино), *божджай церкви* (д. Новая Деревня), *трожджи, двожджи* (д. Симановка), бр'аджат' (д. Пустошки).

В № 280 и в ответах на «Ю-вр. пр.» в таких словах, как *дождя*, *езжу*, *возжи* и подобных им, имеем долгое **ж**, а не аффрикату **дж**, причем в № 85 и 72 оно произносится мягко, а в остальных номерах твердо: *дажьжя*, *ежьжю*, *вóжьжя*, *дрóжьжи* и *дажжá*, *éжжу*, *вóжжа* и т. д.

В «Бел. пр.» № 31 отмечено **дж**; в № 32 и 34 имеем **ж**.

В ответах на «Анкету» **дж** отмечено только в № 28в, 39а, 47в и 47д, т. е. в Монастырщинском, Руднянском и Шумячском районах, вблизи границы с БССР.

В остальных источниках не имеем указаний на **дж**.

По моим наблюдениям, аффриката **дж** имеется лишь в немногих говорах Смоленщины, именно — в северо-западной части обследованной мною территории, ближе к границе БССР, главным образом у пожилых людей.

Звук, обозначаемый буквой ***щ***

Согласный, обозначаемый на письме буквой **щ**, по говорам имеет различное произношение: в московском говоре он произносится как долгое мягкое **ш** (**ш'ш'**), в ряде южнорусских говоров — как долгое твердое **ш** (**шш**), а в некоторых говорах — как сочетание **ш'ч'** или **шч** и т. д. Все эти разновидности в источниках нередко передаются одной буквой **щ**. Этой буквой пользуется и «Смол. этн. сб.». Соответственно **щ** по говорам различно произносятся и сочетания согласных **сч**, **зч**, которые встречаются в определенных словах.

Таким образом, записи в «Смол. этн. сб.» не дают возможности судить о произношении **щ**: имеем ли мы дело в Смоленщине с долгим твердым или долгим мягким **ш**, или с **шч**.

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем долгое твердое **ш** (**шш**) и реже **шч** или **ш'ч'**. Бельский у., с. Азарово: *пращчац*; с. Алексенки: *јашшо* и *ш'ч'очки*; с. Антоново: *товаришша*; с. Бартенево: *шшочки*; с. Василевка: *спушшац*, *шшипала*, но *пращч'алис'* (у одной и той же крестьянки), *рашчитался* (от ученика школы), *па шшаке* (от крестьянок); с. Волково: *извошшик*; с. Волыново: *нишшасны*, *кладбишша*; д. Высокое: *јамшшика*; д. Вышние Мастаки: *извошшика*, но (от другой крестьянки) *ш'ч'ас'т'ја*; д. Горки: *пиршшатачки*; д. Дмитровка: *извошшичик*; д. Дупильно: *рошши*; д. Емельяновка: *нишшас'лива*; д. Залазинка: *прашшац*; с. Каменец: *јашшо*; д. Каптелевка: *товаришчец*; с. Климово: *пушчац*; д. Кострицы: *обишшаўс'а*, *шшетычка*; д. Малые Семики: *јашчик*, *пушчаў*; д. Мягково: *шчитали*; д. Никулино: *шшипл'у*, *пушшац*; д. Новоселки: *прашшац*; д. Плоское: *ш'ч'оч'ки*; д. Погорельцы: *шшибечит'*, д. Савино: *ишшыт'*; д. Саново: *прашшац*, *свишши*; д. Сенюки: *пушшацит*; д. Сидоры: *з-за рошшицы*, но (от другой крестьянки) *ф шчочку*; д. Симановка: *јашше*, *таваришшым*, *шшипала*, но тут же (у одного и того же лица) *обишчалс'а*, *нишчаснаја*, *јашчо* (у пожилой крестьянки); д. Станиха: *пушшал*; д. Степаново: *рошчу*; д. Сумароково: *ниш'ч'аст'а*, *ниш'ч'аснују*; с. Тативо: *ниш'ч'ас'т'а*, *ш'ч'ас'т'а*; д. Тилибукино: *пличишши*; д. Тимошино: *ишшо*; с. Холм: *шшитац*; с. Шоптово: *ш'ч'едра*; д. Ясинная: *па рошше*; Духовщинский у., д. Сущево: *прашшац*; Ржевский у. б. Тверской губ., с. Воронино: *јашшо* и *абишчаўс'а*.

Из других источников в ответах на «Кр. Ак. пр.» нет сведений (в программе нет соответствующего вопроса), лишь из с. Жабина имеется указание, что **щ** произносится как долгое твердое **ш** (**шш**).

В ответах на «Ю-вр. пр.» имеем только долгое твердое **ш**: *тéшша*, *пушшý*, *свúшшуть*, *пишшáть*, *яшшó*, *товáришши*, *клéшши*, *яшшúк* и т. д.

В мат-лах И. Г. Голанова имеются сведения из Власова, Хотеевки и Каталина. Во Власове отмечено долгое твердое *ш*: *јашшо́*, но тут же и мягкое: *служаш'ш'ии*; то же и в Хотеевке: *яшшо́* и *яш'ш'о*, в Каталине *шч* с твердым *ч*: *вапшчэ́*, *п'ишча́нъјь*, *яшчэ*.

В рук. мат-лах ЗОАБ — долгое твердое *ш*: *атпушшу́*, *ишшы́*.

Примеры долгого твердого *ш* представляют и рук. мат-лы АН БССР: *те́шшу*, *пушшай*, *яшшо*.

В «Бел. пр.» — *шч*.

В ответах на «Анкету» № 1, 4, 6, 9, 12, 13, 15, 18—20, 24, 26, 29, 31а, 40, 50 имеем долгое твердое *ш*; в № 21—23, 25б, 28в, 31, 33, 43, 49 — долгое мягкое *ш* и в № 16, 25а, 27, 28а, 28б, 28в, 38, 45, 47в, 47д — *шч*.

В статье Н. П. Гринковой — долгое мягкое *ш*; в работе В. М. Архангельского: в селах Бражине и Секареве в говоре полуграмотного школьного сторожа отмечено долгое твердое *ш*: *шшытаицы*, *сышшытаиш*, но, с другой стороны, при отсутствии фонетической передачи звука на месте этой буквы неясно, какой звук у наблюдателя кроется под буквой *щ*, последовательно проведенной в двух записях из с. Волчка.

По моим наблюдениям, в говорах имеем следующее произношение *щ*: 1) в Афонине, Ворошилове, Долгомостье, Каленове, Каспле, Кряжеве, Ополье, Павлинове, Подмошье, Свистунах, Спас-Липках, Сыр-Липках, Сычеве, Юшине и Яцкове оно произносится, как долгое твердое *ш*: *пушша́ц*, *цашшо́*, *нъ плышша́тк'и*, *н'и пушшу́*, *извo̍шшык*, *ал'им'е́ншшык*, *аб'ишша́лс'ъ*, *н'и дъпушшу́*, *т'е́шшъ* и т. д.; 2) в Арефине, Березовке, Бражине, Данильеве, Караваеве-Подгородном, Квасове, Никитье, Потапове, Рогнедине, Свистунах, Сердечкине и Суйтове — как долгое мягкое *ш*: *ш'ш'у́къ*, *ш'ш'о́ткъ*, *т'е́ш'ш'ъ* и *т'о́ш'ш'ъ*, *заш'ш'и́т'н'ик*, *пам'е́ш'ш'ик*, *же́нш'ш'инъ*, *Арло́ўш'ш'инъ* и т. д. 3) в Авдотьине, Белоручье, Бол. Доброй, Варечках, Глистаях, Зарубенках, Каспле, Кучине, Платонове, Рогнедине, Рябцове — как *шч* с твердым или мягким *ч*; твердое *ч* отмечено мной в Бол. Доброй, Варечках, Глистаях, Каспле, Кучине, Платонове и у парня из с. Яцково: *цашчо́*, *шчас'л'и́ў*, *шчо́т*, *ба́ршчынъ*, *шчыкъта́ў*, *шчыпцы́*, *шче́пки* и т. д., а мягкое *ч* — в других говорах этой группы: *па́цшч'ик*, *во́шч'ик* (=возчик), *уч'и́л'ишч'ь*, *ушч'ипну́л*, *худашч'а́въць* и т. д. В Зарубенках и у парня из с. Яцкова, кроме того, имеется и долгое твердое *ш*: *извошшык*, *цешшо́*, *аб'ишша́л'и* и т. д.; в говоре неграмотных женщин имеем долгое мягкое *ш* рядом с *шч* с мягким *ч*.

Примечание. Весьма характерно, что Е. С. Горанская, получившая среднее образование в г. Смоленске, произносит *ш'ш'* (долгое мягкое *ш*), а ее мать (местная уроженка, Е. А. Горанская, 63 лет) — *шч*.

В Коханах и Филиппове — колебания между долгим твердым и долгим мягким *ш*, причем в Коханах произношение с твердым *ш* — черта говора пожилых людей. В Авдотьине, Алфёрове и Зеровичах наблюдалось *шч*, *ш'ч'* и долгое твердое или мягкое *ш*; последнее, равно как и *ш'ч'*, характеризует говор преимущественно молодого, грамотного поколения или людей, подолгу живших в больших городах, работавших на больших заводах.

В с. Свистуны долгое мягкое *ш*, но в говоре И. Лебедевой, 89 лет, — долгое твердое: *ишшо́*, *ба́ршшыны*, *пр'ика́шшыкъ* и т. д.

Явления ассимиляции

В памятниках письменности примеры ассимиляции *j* или *и̯* предшествующим мягким согласным встречаются только с XVIII в.; в «Мемориале» имеем: *Сивилья* (л. 5 об.).

Фольклорные материалы XIX в. представляют значительное количество примеров этого явления; так, в фольклорных материалах первой половины XIX в. встречаем: *Илья* (XXXVIII, 25), *похмелье*, *подонье* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 50; К. Ш. «Смол. губ. вед.», 1854, № 2).

В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Беликово: *чилавеччу* (I, 70); с. Шоптово: *сватьтя* (I, 334), *ильлеть* (I, 336), *видення* (I, 352), *лошадьдю* (I, 359), *платьтя* (I, 365), *питиння* (I, 598), *идиньня* (там же), *подгуливання* (I, 602), *сватьтюшка* (II, 237), *рыббим* (IV, 395); Дорогобужский у., с. Егорье: *девиччая* (II, 211), *гуляння* (IV, 408), *собрання* (там же); Духовщинский у., с. Береснево: *Алья* (=Илья; IV, 163); с. Никола Ядреич: *суччa* (II, 47), *па блоньню* (IV, 102); с. Пречистое: *Илья* (I, 319), *колья* (там же), *божжим* (I, 320), *крылля* (I, 323), *сучча* (II, 221), *кунню* (там же), *Илья* (IV, 191); Ельнинский у., с. Бердибяки: *стульля* (I, 168), *дявоччих* (I, 176), *выльлиш* (I, 343), *платьтя* (I, 372), *вугальля* (I, 444); с. Крутиловка: *привольля* (IV, 297), *давольля* (там же); с. Злотово: *застольля* (II, 123), *падпольля* (там же), *крыльля* (IV, 365); с. Лукино: *Ильли* (I, 215), *Васильлю* (I, 216); с. Проверженка: *сабаччим* (I, 657), *свинней* (там же), *пупадьдя* (I, 685); с. Радошково: *ноччу* (IV, 352); с. Рудня: *крыльля* (IV, 195), *у весельли* (там же); с. Сухой Починок: *кутьти* (IV, 69), *девиччи* (IV, 218), *на гуляньни* (IV, 401); Краснинский у., с. Каблуково: *брання* (IV, 212), *листьтим* (IV, 380); с. Свалы: *зелля* (IV, 583); с. Холощево: *с пахмельля* (II, 178); Рославльский у., с. Васьковка: *житьтя-бытьтя* (IV, 362); Смоленский у., с. Буловцы: *висельля* (IV, 398), *васкрисеньня* (там же); с. Даньково: *падворьря* (II, 139), *вясельлика* (IV, 23), *кычаньня* (IV, 133), *ткальля* (IV, 147), *рыббя* (IV, 180), *вишиньня*, (IV, 594); с. Киселевка: *песься* (I, 412).

У Вл. Костылева: *Заречча* (стр. 58); у П. В. Шейна: *Василля* (II, 558). Наряду с этим имеется и ряд случаев сочетания мягкого согласного со следующим *j* (*и̯*): Бельский у., с. Дунаево: *житье* (IV, 43), *мужьями* (IV, 467), *пахмелья* (там же), *рукоделья*, *пряденья* (там же); с. Шоптово: *к спасенью* (I, 336), *скатиртью* (I, 601); Духовщинский у., с. Пречистое: *падворья* (IV, 369); Ельнинский у., с. Сухой Починок: *сметья* (IV, 301), *сметье* (там же); Краснинский у., с. Каблуково: *ручьи* (IV, 15); с. Холощево: *пу пажарью* (II, 175), *разальеть* (II, 181); Смоленский у., с. Киселевка: *перья* (I, 412).

Трудно сказать, имеем ли мы здесь дело с живым произношением или с обычным сохранением орфографии. Однако то обстоятельство, что подобные явления, как увидим дальше, встречаются и в других источниках, в частности в ответах на «Ю-вр. пр.» № 18а и в «Сборнике» В. В. Богданова при наличии ассимиляции *j* предшествующему согласному, дает основание полагать, что здесь, может быть, отражается живое произношение.

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем — Бельский у., д. Антипово: *плат'те*; д. Бартенево: *һул'ан'н'а*; д. Бейково: *жит'т'о*, *выт'т'о*, *л'л'от'*; д. Будино: *л'л'ош*; с. Волыново: *руж'ж'ом*; д. Высокое: *нал'л'у*; д. Горки: *крыл'л'и*; д. Дупильно: *наказан'н'а*; д. Емельяново: *с'вин'н'а*; д. Казаково: *трет'ти*; д. Климятино: *һол'л'а*; д. Ковалево: *крыл'л'а*, *плат'т'а*; д. Кострицы: *багат'т'а*, *багат'тим*; д. Мягково: *васкресен'н'а*, *ар'ол — бож'ж'а птица*; д. Некрасово: *зал'л'ус'а*; д. Никулино: *һул'ян'ни*, *һул'ан'н'а*; д. Сёлы: *за трет'тива*; д. Симоновка: *вишин'н'я*, *л'л'у*; д. Тилибукино: *с карен'н'а*, *л'л'от'*, *һул'лива*; Духовщинский у., д. Кубарово: *у девич'чим*, *трет'ти*; Ржевский у. б. Тверской губ., с. Воронино: *на улон'ни*.

Наряду с этим, как уже сказано, встречаются у него и случаи сочетания мягкого согласного со следующим *j* (*и̯*): *атрод'ja*, *друз'ja*

(д. Васильевка, у 19-летнего парня, учившегося в г. Ржеве), *руж'jo*, (д. Зайчиха), *жит'jу* (с. Шоптово).

В № 280 имеем: *судьдя́, бра́тьтя.*

В ответах на «Кр. Ак. пр». во всех селах и деревнях отмечена ассимиляция *j* предшествующему согласному.

То же во всех номерах ответов на «Ю-вр. пр.», причем в № 18а указано, что реже имеют место сочетания мягкого согласного со следующим *j* (*и*).

Ассимиляция *j* в этих условиях отмечается в мат-лах О. А. Державиной: *св'ин'н'а, нал'л'у.*

В статье Н. П. Гринковой отмечена ассимиляция *j*, причем долгие согласные в этих условиях произносятся «особенно напряженно» (стр. 311); то же отмечает и В. М. Попов (стр. 260).

В работе В. М. Архангельского имеем: *стуканьня, третьтега.*

Отмечена ассимиляция *j* и в «Бел. пр.».

В ответах на «Анкету» ассимиляция *j* названным согласным отмечена в огромном большинстве их; отсутствие ее указано в «Анкетах» № 3, 7, 8, 11, 15, 20, 21, 25а, 25б, 27, 28, 28а, 30, 31б, 34, 35, 38, 39, 39а, 44, 47, 47а, 47б, 47г, 47д, 48, 49.

По моим наблюдениям, большое распространение в современном говоре имеет ассимиляция *j* предшествующим ему мягким согласным и реже — шипящим, причем в последнем случае в аффрикате получается долгий затвор. Примеры, аналогичные отмеченным мной выше: *кало́с'с'ъ, вало́с'с'ъ, кло́ч'ч'ъ, зати́шшъ, ћр'а́з'з'у, но́ч'ч'у, б'ал'л'о́, гул'а́н'н'ъ, Ил'л'а́, пла́т'т'ъ, с пахм'е́л'л'ъ, пр'и пълаво́д'д'и* и т. д., не встречаются лишь в говоре наиболее грамотных людей или долгое время проживавших в больших культурных и промышленных центрах и притом следящих за своей речью (ср. говор возчика П. П. Сычева из Ямской Слободы и др.).

Сравнительно реже встречаемся с ассимиляцией в образованиях от глагола *лить*: в ряде случаев приходилось слышать *лjу, налjу, лjут* и притом в говорах, где слышится *со́л'л'у, пахм'е́л'л'ъ, сал'л'у́цџъ, арт'е́л'л'у* и т. д. Также в слове *ружьё* не наблюдалось ассимиляции *j* предшествующему ему *ж*; лишь в говоре 90-летнего крестьянина с. Зверовичей Ф. С. Воробьева и другого, 74-летнего старика было отмечено: *ружжу́.* Слово *ружьё* с ассимиляцией *j* предшествующему ему *ж* встречается в рук. мат-лах ЗОАБ: *ружжо́.*

Отсутствие ассимиляции *j* предшествующим ему согласным наблюдалось мной в говоре с. Свистуны (Ржевский р-н); не было его и в говоре И. Лебедевой, 89 лет.

Не имеет повсеместного распространения в говорах ассимиляция *j* предшествующему ему мягкому *р*. Произношение *п'е́р'р'ъ, зв'ар'р'о́* встречается главным образом, хотя и не исключительно, в речи названных выше стариков и старух в Каспле, Кряжеве, Ополье, Потапове и в говоре малограмотного молодого поколения в Платонове, Хохловке и Юшине. В Зверовичах это явление довольно распространено, но в говоре старика В. Ф. Воробьева его не наблюдалось.

Ассимиляция *j* предшествующему мягкому *р* отмечается также в небольшом числе «Анкет», в № 1, 6, 9, 10, 13, 14, 16, 18, 22—24, 26, 28в, 31—33, 47 и 50, причем в № 9, 10, 13, 16, 23 и 32 указано, что случаи произношения в этих условиях долгого мягкого *р* характерны для лиц, не имеющих отношения к отходу, и людей малограмотных.

Не бывает вовсе ассимиляции в сочетаниях группы согласных *ст* с *j* — последний (*j*) выпадает, например: *ш'ш'а́с'т'ъ* без удвоения согласного.

Из других явлений ассимиляции «Смол. этн. сб.» представляет ассимиляцию шипящего звука следующему свистящему в формах 2-го лица единственного числа настоящего времени непереходных глаголов, в результате чего имеем здесь долгий мягкий свистящий **с**. Бельский у., с. Беликово: *ни дашлесься* (I, 69); с. Шоптово: *зваротисься* (IV, 397), *женисься* (IV, 403); Ельнинский у., с. Боровское: *памыисься* (II, 142); с. Злотово: *занимаисься* (IV, 555); Смоленский у., с. Даньково: *надеисься* (IV, 41, 112), *женисься* (там же) и т. д.

То же в «Сборнике» В. В. Богданова: *женис'с'а* (д. Гвоздево) и т. д. Обратное явление — уподобление свистящего следующему шипящему: *ш чисами* (д. Азорово), *шшит'* (д. Кострицы), *шшита* (д. Бойково), *ж жаной* (д. Волково) и т. д.

Повсеместное распространение в живых говорах ассимиляции шипящего звука следующему свистящему в формах 2-го лица единственного числа настоящего времени глаголов отмечено мною и в наблюдениях над говорами: *бацис'с'ъ, памыцис'с'ъ, замоч'ис'с'ъ, абапјес'с'ъ* и т. д.

То же отмечается в «Анкетах» № 1, 4, 7, 9, 11, 12, 16—18, 20, 23, 25а, 25б, 26, 28а—28в, 31, 33—35, 37, 40, 41, 43, 47а—47в, 47д, 48, 50.

На месте группы **с'с'** из **шс'** и другого происхождения в окончаниях имен и глагольных форм имеем в «Смол. этн. сб.» группу **с'т'**. Бельский у., с. Беликово: *забаўляисьтя* (I, 71); с. Шоптово: *ни накиваисьтя* (I, 336), *справисьтя* (I, 359), *ни баисьтя* (I, 605), *пасватаисьтя* (II, 227); Духовщинский у., с. Пречистое: *пращаисьтя* (I, 317), *бьесьтя* (II, 219), *ни ўскалыхнисьтя* (там же), *змишаисьтя* (там же); Ельнинский у., с. Бердибяки: *выбиваисьтя* (I, 347), *спатыкаисьтя* (I, 437), *бьесьтя* (I, 503), *балуисьтя* (I, 608); с. Злотово: *Анисьти* (II, 122), *Анисьтя* (там же), *сабираесьтя* (IV, 556), но *занимаисься* (IV, 555); с. Проверженка: *шляисьтя* (I, 657); с. Радошково: *надеисьтя* (II, 208); Рославльский у., с. Романовка: *брусьтя* (IV, 179), *брусьтю* (там же); с. Черепово: *пирявернистя* (IV, 258); Смоленский у., с. Буловцы: *пирявенистя* (IV, 391); с. Даньково: *наплачисьтя* (IV, 531), но *надеисься* (IV, 41, 112), *женисься* (IV, 112); с. Киселевка: *паварачиваисьтя* (I, 411), *пуварачиваисьтя* (I, 412).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *вјос'т'а, дабјос'т'а* (д. Антипово), *ниваротис'т'а, сабираис'т'а* (с. Батурино) и т. д. То же у Вл. Костылева: *рыскидаистя* (стр. 59), сыбираистя (там же).

По моим наблюдениям, в селах Авдотьине, Арефине, Лелеквине, Спас-Липках, Юшине вместо группы **с'с'** (из **шс'**, а также из первоначального **с' + j** в результате ассимиляции **j** предшествующему ему **с**) имеем **с'т'**: *бру́с'т'ь, калбс'ть', валбс'т'ь, у́ч'ис'т'ь, ругáис'т'ь, бáйс'т'ь* и т. д.

Явление это отмечено и в «Анкетах» № 4, 6—8, 12—16, 25а, 27, 27а, 28а, 29, 30, 31а, 34, 44—46, 47а, 49, причем в ряде их имеется и то и другое произношение: *брусья* и *брусьтя*. В № 13 и 44 указано, что произношение типа *бру́стя, бойстя* характерно для отсталых групп населения.

В говорах имеет место и обратное явление — ассимиляция **т'** предшествующему ему **с'**, т. е. на месте группы **с'т'**, является **с'с'**: *гóс'с'и (гóс'т'и), кóс'с'и (кóс'т'и)* и т. д. Отмечено оно в ответах на «Анкету» № 1, 4, 6, 7, 10, 24, 26, 28, 29, 34, 41; мне оно встретилось в с. Свистунах в говоре И. Лебедевой, 89 лет: *рас'с'и́ў* (растил), *с'ис'с'óр, халс'с'и́ны.*

В немногих «Анкетах» (ответы на № 4, 13, 15, 22, 26, 28а—28в, 29 и 34) в группе **тц** звук **т** ассимилируется предшествующему ему **н**: *дванáнцать, пятнáнцать*, причем в некоторых «Анкетах» (15, 26, 28а, 28б, 28в, 34) имеется и произношение без ассимиляции **т**

(из *д*) предшествующему ***н***. Произношение с ассимиляцией наблюдалось в говоре отсталых слоев населения. Наряду с ним в той же группе ***тц*** (из ***дц***) звук ***т*** ассимилируется следующему за ним ***ц***: *тр'ина́ццъть'*.

В группах ***дн*** и ***бм*** звуки ***д*** и ***б*** ассимилируются следующему носовому согласному. Древнейший пример такой ассимиляции дают рук. мат-лы РГО: *сянни*. В «Смол. этн. сб.» имеем *сянни* (с. Шоптово Бельского у., I, 594; IV, 416; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 340; с. Даньково, Смоленского у., IV, 146; с. Киселевка того же уезда, I, 411 и т. д.).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем — Бельский у., д. Алексенки: *блинна* (=бледна); д. Белоусово: *анна* (=одна); д. Бол. Семики: *ронны*; д. Высокое: *амманула*; д. Гвоздево: *ронны*; д. Глинищево: *стынна*; д. Кашилово: *винна* (=видно); с. Климово: *аннем* (=одним); д. Ковалево: *пас'л'ен'ни*; д. Кострицы: *анна* (=одна); д. Малые Семики: *аннец* (=одной), *ранноц*, *анна* (=одна); д. Никитино: *ранноц*, *анна*, *с'авон'ни*; д. Сёлы: *бенны*, *анна*; д. Шейкино: *анну* (=одну); Ржевский у., с. Воронино: *трунна* (=трудно), *ронным*, *ронному*, *патрун'н'еја* (=потруднее).

У П. В. Шейна: *ронная*, *у ванной* (II, 529), *вренно*, *ланно* (II, 524), *холонную* (II, 539), *винная* (II, 530) и т. д.

Подобные примеры отмечены мною в Заборье, Зарубенках, Подмошье, Никитине, Рогнедине, Скачкове, Сыр-Липках и в говоре названных выше лиц из Кряжева, Суйтова и Ямской Слободы.

Произношение, аналогичное указанному, характеризует говор разных возрастных групп. Отмечено оно и в ответах на «Анкету» № 1, 2, 4, 6, 13, 14, 16, 22, 24, 26, 31, 33, 40, 41 и 47б; в № 11, 13, 16 и 47б имеется и произношение с ***дн*** и ***бм***, причем в № 13 указано, что произношение с ***дн*** и ***бм*** характерно для говора грамотных и бывалых людей. В № 280 имеем: *ла́нна* и *ла́дна*, *анна́* и *адна́*, *ви́нно* и *ви́дно*.

В «Бел. пр.» № 31 оно также имеет место; в работе В. М. Архангельского — *сянни* (Секарево); в статье П. А. Бузука — *сяго́ньня*, *анна́* (=одна), *ла́нна*.

У. В. В. Богданова также ***ј*** (***ц***) на месте ***д*** в сочетаниях ***дц*** и ***дн***: *малајца* (д. Симоновка), *ројнаја* (д. Тилибукино) и т. д. То же и в группе ***тч***; см. ниже.

В «Смол. этн. сб.» имеем ряд примеров, указывающих на исчезновение в аффрикате ***ч*** в группе ***чн*** затворного элемента и изменение ее в силу этого в ***ш***. Примеры из «Смол. этн. сб.»:

Бельский у., с. Дунаево: *вешна-навешне* (II, 244); с. Сибирь: *при девишники* (II, 249); с. Шоптово: *атлишныя* (I, 358), *скушна* (I, 360), *кабашника* (I, 589), *парядышный* (I, 667), *лавашнику* (I, 670), *што ты скушин?* (I, 671), *вешный* (I, 713), *тысишник* (II, 230); Дорогобужский у., Краснослободская вол.: *викавешную* (IV, 413); Духовщинский у., с. Пречистое: *па век вешный* (I, 315), *вешные* (I, 322), *дявишники* (II, 217); Ельнинский у., с. Бердибяки: *нашнэя* (I, 176), *палуношные* (там же), *благапалушные* (I, 213), *на талкушным* (I, 553); с. Боровское: *ня скушно* (IV, 575); с. Крутиловка: *век вешный* (IV, 361); с. Злотово: *ашнись* (IV, 297; IV, 556); с. Проверженка: *дастатышна* (I, 586); с. Радошково: *на дявишнике* (II, 18); *ашнись* (IV, 589); с. Рудня: *скушна* (IV, 417); с. Сухой Починок: *нашную* (I, 170), *вешныя* (I, 171), *стрешныму* (I, 194), *пупярешныму* (там же), *гарямышная* (IV, 243); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *табашники* (IV, 127); с. Каблуково: *скушна* (IV, 334), *ашнися* (IV, 588); с. Свалы: *вашный* (IV, 443), *кумашный* (IV, 446); Поречский у., с. Иньково: *стрешныи* (I, 173), *пупярешныи* (там же); Рославльский у., с. Летошники: *сярдешный* (IV, 437); с. Митюли: *веки вешныя* (I, 173); с. Михайловка:

нашныя (I, 178), *полуношныя* (там же); с. Романовка: *далгавешную* (II, 189); с. Шимановка: *вешная* (IV, 516); Смоленский у., с. Даньково: *питашный* (IV, 64), *крынишная* (IV, 139), *башмашницы* (IV, 194), *андарашницы* (там же), *скушны* (IV, 204), *вешный* (IV, 233, 531), *разлушник* (IV, 571), *клюшничик* (IV, 603).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова: *скушна* (деревни Волково, Вышние Мастаки) и *скучно* (деревни Васильевка, Сёлы) и т. д.

Такое произношение с утратой затворного элемента в аффрикате ***ч*** наблюдалось мною почти повсеместно, но наряду с ним в говоре молодого грамотного поколения нередко слышалось здесь и ***ч***: *малóч'ник*, *скýч'нъ* и т. д.

В «Бел. пр.» № 34 отмечено и сохранение ***чн***: *скýчно*, *смáчны*. Здесь же имеем и ***тн*** на месте ***чн***: *брушнíтник*, *рутнíк*, *смáтный*.

В огромном большинстве ответов на «Анкету» (№ 1, 2, 4, 6, 7, 9, 11—12, 21—25, 25а, 25б, 26, 27, 28б, 31—32, 37, 38, 40, 41, 43, 46, 48, 50) отмечено в этих условиях ***шн***, причем в № 7, 11, 17, 21, 25а, 28а, 37, 44, 47б и 47д имеются и примеры с ***чн***. В № 11, 17, 21 и 44 произношение с ***чн*** отмечено как характерное для молодого поколения.

На месте группы ***тс*** в окончаниях глагольных форм имеем долгую аффрикату ***ц***: *ни һнацца*, *ни спицца* («Сборник» В. В. Богданова; д. Азарово), *л'јуцца* (там же; д. Антипово), *жалицца* (там же; д. Бол. Семики), *бјоцца* (там же; д. Высокое), *молицца*, *бајицца* (с. Татива) и т. д. В «Смол. этн. сб.» в этих случаях преимущественно ***тц***, передающее ту же долгую аффрикату ***ц***. Бельский у., с. Беликово: *абарвутца* (I, 70); Дунаево: *ни кажитца* (IV, 17), *загнетца* (IV, 263), *вьетца* (IV, 263); Шоптово: *адумаетца* (I, 336); Ельнинский у., с. Боровское: *даждатца* (IV, 576), но *прохладицца* (с. Даньково Смоленского у.; IV, 137).

На месте группы ***тс***, получившейся из сложения окончания ***т*** (или ***д***) предлога с начальным ***с*** следующего слова, имеем ***цс***: *ацставила* («Сборник» В. В. Богданова; д. Алексенки), *пацставила* (д. Емельяновка), *ацстаў* (д. Ковалево), *пириц с'мер'т'у* (д. Кострицы), *пацстаўки* (д. Тилибукино), с более длительным, чем обычно, свистящим элементом ***с***.

Группа ***тс*** в формах infinitiv'а и в 3-м лице единственного и множественного числа глаголов настоящего времени изменяется в живых говорах в долгое ***ц*** с усиленным в некоторых говорах (Мошевая, Филиппово, Лелеквино и др.) затворным элементом: *мы́ццъ*, *прас'и́ццъ*, *зъбар'и́ццъ* (Рогнедино), *ръзб'ирáццуццъ* (Лелеквино, Филиппово) и т. д.

Долгое ***ц*** в этих условиях отмечено в «Бел. пр.» и в печатной работе В. М. Архангельского: *атваряицца* (с. Волочек).

В ответах «на Анкету» (№ 4, 6, 12—14, 19, 26—28, 28б, 28в, 33, 34, 40, 45, 47в, 47д, 49, 50) на месте группы ***тч*** (из ***дч***) имеем ***ц͡ч***: *малоц͡ч'ик* вместо *малóтчик*.

Удвоение согласных

В источниках имеем несколько случаев удвоения согласных, вызванного разными причинами, например: в форме звательного падежа: *Божжа мой!* («Смол. этн. сб.»; Бельский у., с. Беликово, I, 70), где удвоение (долгота согласного) вызвано аффектацией или усиленным произношением слова; далее имеем образования, вызванные влиянием аналогии: *божжия* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 176), *божжий* (с. Боровское того же уезда, IV, 575; с. Митюли Рославльского у., I, 190), *божжая* (с. Радошково Ельнинского у., II, 208), *девиччая* (села Егорье и Пречистое Дорогобужского у., II, 221), *сабаччий* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 657), *чилавеччую* (там же), *стря*

леччию (там же), *божжий* («Сборник» В. В. Богданова, д. Мягково), и т. д.

Ложным представлением об этимологии слова вызвано удвоение согласных в следующих образованиях: *костяннэй* («Смол. этн. сб.», Ельнинский у., с. Бердибяки, I, 193), *свајачин'н'а* (=свояченица; «Сборник» В. В. Богданова, д. Некрасово).

Удвоение согласной, вызванное разными причинами (произношение с аффектацией, усиленное произношение, влияние аналогий и т. д.), наблюдалось мною в говоре крестьянки из с. Бол. Добрая: *Божжа мой!* Имеется оно и в рук. мат-лах АН БССР: *на этто, этта*; у П. В. Шейна: *этто* (II, 529), *этта* (II, 521).

Спорадически твердые и мягкие согласные

Спорадически твердые и мягкие согласные, вызванные разными — частью фонетическими, частью нефонетическими — причинами, выступают в следующих примерах в «Смол. этн. сб.»: Бельский у., с. Шоптово: *к спасэнью* (I, 336), *рукадэльница* (I, 360), *дэньги* (I, 673) и *деньги* (I, 355), *сыйчас* (IV, 411), *геныралу* (IV, 535) и *патонють* (I, 670); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *ни баялысь* (IV, 255); с. Пречистое: *дэньги* (I, 315), *паштэния* (I, 319) и *соньца* (IV, 350); Ельнинский у., с. Бердибяки: *амин* (I, 182, 193, 204, 205), *тисьмэнную* (I, 503) и *тисменную* (I, 502), *мэртвый* (там же), *схаждэния* (I, 504), *насъядэния* (I, 506) и *дирьку* (I, 172), *дирка* (I, 200); с. Злотово: *винэральства* (IV, 319); с. Проверженка: *чвэртку* (I, 587), *миласэрдин* (I, 685); с. Рудня: *раждэньику* (IV, 230); с. Сухой Починок: *увутренную* (I, 170) и *Кастянтина* (I, 194); Краснинский у., с. Каблуково: *сычас* (IV, 311) и *стюдёныи* (IV, 305); Рославльский у., с. Летошники: *мнагалетную* (IV, 268), *палын* (там же), *мизэрная* (IV, 355) и *ширенёю* (IV, 275), *длиннёю* (=длиною; там же), *давжинёю* (там же); с. Митюли: *Канстянтина* (I, 173); с. Полуево: *гинырал* (IV, 557); Смоленский у., с. Даньково: *мизэрнаго* (II, 173).

В «Анкетах» № 2, 6, 9, 11—14, 16, 18, 20, 25, 25а, 26, 27, 28б, 28в, 29, 31, 36, 37, 41, 43, 45, 46, 47в, 49, 50 отмечены *височо* и *високий* с *и* вместо *ы* после *в*, что встретилось и мне в ряде говоров; в № 25б, 28а, 47д в этих словах чередуются *и* и *ы*.

Развитие звука w перед начальными О и У и перед А, восходящим к О, а также внутри слова между гласными

Источники представляют примеры развития звука *w* перед лабиализованными гласными заднего ряда, т. е. перед звуками *о* и *у*, а также и перед *а*, восходящим к *о*, а иногда и перед старым *а* как ударяемыми, так и неударяемыми. Внутри слова между двумя гласными имеем тот же звук.

Древнейшие примеры с *в* (*w*) встречаем в «Летописном сб.»: *у Вальгерда* (109б), *вучинить* (275б), *Левонт* (54б) и т. д.; в «Радз. сп. летописи»: *повъстри* (67), *вазъбуков своих* (13) и т. д.

То же имеем в рук. мат-лах АН СССР, РГО, в фольклорных и энтографических записях 50-х годов XIX в.: *вовин* (= овин), *вокорок, вакно, валтарь, волух, возеро, вочи, вумница, вутка, вуши* (Обл. сл. 150); *вотнял, вокно, вутро* (XXXVIII.4); *вотороп, вотдыху* (XXXVIII.14); *вуши, вотче* (=отче), *вутки, вунтер* (=унтер), *валтарь, вавин* (XXXVIII.23); *восень, вагонь, ваганьку* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45); *вартикульный* (=-артикульный), *воки* (=очи), *воблак* (=облако), *вобруч* (там же, № 50).

В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Дунаево: *вутица* (IV, 467), *вутра* (IV, 468); с. Шоптово: *вуха* (I, 331), *вобыск* (I, 333), *в ваду* (= в аду; I, 336), *ватдалитца* (= отдалиться; I, 349), *ватцовский* (I, 351), *вакна* (там же), *вумир* (I, 355), *восини* (I, 357), *ватдалялась* (IV, 332), *вулицу* (IV, 335); Вяземский у., с. Новоселки: *вотчиству* (II, 287); Дорогобужский у., с. Егорье: *вужинають* (IV, 615); Красноболотовская вол.: *вучасть* (IV, 413); Духовщинский у., с. Пречистое: *вугра* (= угря; I, 311), *у вакошка* (I, 315), *ты ватдай* (IV, 51), *вармия* (IV, 60), *Радивон* (IV,480); Ельнинский у., с. Бердибяки: *вачей* (I, 168); с. Боровское: *павучу* (II, 142), *вуглушки* (IV, 26), *вакно* (IV, 547); с. Крутиловка: *вакошка* (IV, 329); с. Проверженка: *вумер* (I, 678); *вотдала* (I, 685); с. Радошково: *вóльхавая* (IV, 279), *вочинь* (IV, 399), *вузду* (IV, 528), *Вуля* (IV, 571), *васитра* (= осетра; IV, 613); с. Сухой Починок: *вумир* (I, 171), *вочи* (IV, 69), *вармии* (= армии; IV, 604); Краснинский у., с. Каблуково: *Вольгина* (IV, 252), вой (= ой; IV, 291); *вох* (= ох; IV, 310), *Вульяна* (IV, 430), *вальха* (IV, 564); с. Холощево: *вутицу* (II, 175); Поречский у., с. Иньково: *вой* (= ой; IV, 111), *вутки* (там же), *вармии* (= армии; IV, 182), *навуки* (IV, 406), *ватвяжитя* (IV, 420), *ваткаснися* (*аткаснутца* = не приставать; там же); Рославльский у., с. Летошники: *на вулицу* (IV, 55), *вадин* (= один; IV, 209), *Вульки* (= Ульки, уменьш. от *Ульяна*; IV, 273); с. Романовка: *на вулицу* (IV, 179), *привубратца* (IV, 624); Смоленский у., с. Даньково: *возира* (II, 74), *вой* (= ой; IV,169), *вох* (= ох; IV, 514); с. Киселевка: *вутрым* (I, 413).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем — с. Батурино: *на вулицу*; д. Глушаково: *вакошичка*; д. Дупильно: *ни вузнал*; д. Климятино: *ў вавини*; д. Паршино: *вулица*; д. Пустошки: *вум-разум*; д. Редькино: *вулица*; д. Симановка: *вакно*; д. Тимошино: *у вакошичка*; д. Шабулино: *вакно*.

В ответах на «Ю-вр. пр.» во всех номерах имеем тот же звук ***в***.

Такое ***w*** представляет и огромное число ответов на «Анкету»; лишь в № 3, 7, 10, 13а, 23, 30, 31б, 32, 33, 35, 39, 39а, 44, 47, 47а. 47б и 47г отмечено отсутствие его; в № 4, 7, 8, 16, 17, 27а, 28а, 28в, 33, 34, 47д и 49 имеется и то и другое произношение, причем в № 17 и 28в указано, что произношение без звука ***w*** характеризует говор грамотных, бывалых людей и молодежи.

То же дают и мои наблюдения — в говорах пожилых, малограмотных людей и лиц, не связанных с отходом, имеется такой же звук ***w***: *wýл'ицы*, *wýхъ*, *wýтъч'къ*, *wýшы*, *wóч'ин*, *wóч'и*, *wакóшкъ*, *за wакнóм*, *wóспъ* и т. д. То же и в словах с предлогами: *п'ир'аwýлък*, *паwýжынът'*.

Такое произношение в говоре не является последовательно проведенным. Например, в говоре Е. В. Шалыгиной (с. Ополье): *wýхъ*, *wóспъ*, *wакнó*; у матери В. Ф. Шалыгина: *wóтпуск*, *wóч'ин'*; но тут же и *óч'ин'*; в разговоре крестьянки из с. Пушкина (ст. Дорогобуж): *паwýжынъл'и*, *пъwук'ú*, но *на ýл'ицы*; из с. Бол. Добрая: *wýч'ицца*, *пъ наwýк'и харош*, но *óч'ин'*; в говоре пожилого крестьянина из с. Калёнова: *wóўцы*, *н'а wóч'ин'*, но тут же и *аўцá* и т. д. Подобные явления представляют и говоры А. А. Гороженковой (Потапово), Ф. А. Мариенковой (Каспля), Ф. С. Воробьева (Зверовичи), И. Лебедевой (Свистуны) и т. д., но в говоре П. Ф. Колбасова, И. И. Прозвицкого (Белоручье), В. Ф. Шалыгина (Ополье), П. П. Сычева (Ямская Слобода), М. Д. Денисова (Данильево), а также у крестьянок А. М. Журавлевой (поселок при ст. Дубровка), Рыжиковой (Печерское) и других лиц не наблюдалось звука ***w***.

Перед группой «плавный + согласный», стоящей в начале слова, имеем протетический гласный звук ***и***, реже ***а***. Встречается: *ильлеть*

(«Смол. этн. сб.», с. Боровское Ельнинского у., IV, 528), *ил'ну*, («Сборник» В. В. Богданова, д. Алексенки), *ирвал* (там же, д. Симоновка) и т. д.

В обследованных мною говорах имеем сочетания ***ил'***, ***ир*** и реже ***ал'***, ***ар***. Произношение *ил'ну́*, *ил'на́*, *иржы́* наблюдалось мною в Бабынове, Бол. Возьмище, Борках, Брагине, Зарубенках, Зверовичах, Каспле, Коханах, Кучине, Мошевой, Ополье, Павлинове, Платонове, Рогнедине, Скачкове (*ил'ну́*, но *ржы*) и Филиппове (*ил'ну́*, *иржы́*, но *аржа́*, последнее у возчика из с. Филиппова); в Свистунах — *ил'ну́* (также и в говоре старухи И. Лебедевой), а также в говоре крестьян сел. Сердечкина (*ил'ну́* и *л'ну*) и Юшина.

Реже наблюдалось произношение с ***ал'*** и ***ар***: *ал'ну́*, *ал'ны́*, *аржы́*; отмечалось оно мною нередко рядом с ***ил*** и ***ир*** в Зарубенках (*аржы́*, но *ил'ну́*), Коханах (*ил'ну́* и *ал'ну́*), Потапове (*ал'ну́*, *аржы́* и *ил'ну*), Сычеве (*аржы́*, *ал'ну́*) и в говоре ученика Мощинской школы из с. Аршин (*ал'ны*). Подобное произношение характеризует наиболее отсталые слои крестьянства.

То же и у А. А. Никольского: *иржи́*, *аржано́й*, *илга́ть*, *илгу́н* (стр. 247).

Аналогичные случаи представляют и «Анкеты»; в № 1, 4, 6, 9, 11—16, 18—25, 25а, 26, 28а, 28в, 30, 33, 37, 40, 41, 43, 45, 47б, 47в, 49 и 50 отмечено *ильну́*, *иржи́* при чередовании с *льну*, *ржи* в № 7, 17, 25а, 28в, 34, 44, 47б и 49, причем в № 17 и 28 последнее произношение отмечено как характерное для бывалых, грамотных людей и молодежи.

Произношение с ***ал'*** и ***ар*** отмечено в «Анкетах» № 1, 4, 6, 11, 15, 34 и 37. В статье Н. П. Гринковой имеем: *иржи́*, *ирты́*, *аржане́ј* (стр. 312).

Звук ***ј*** перед ***е*** встречается в «Сборнике» В. В. Богданова: *е́та*[20] (с. Климово), *е́ты*, *с е́тыц* (с. Татива) и т. д.; в «Смол. этн. сб.»: *етакий* (с. Беликово Бельского у., I, 69), *еты* (с. Шоптово того же уезда, I, 362; с. Злотово Ельнинского у., IV, 363; с. Проверженка того же уезда, I, 682), *етыт* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., I, 235; с. Проверженка Ельнинского у., I, 236), *ету* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 172) и т. д.

То же дают и наблюдения говоров: *ј́етъ*, *јеръпла́н*, *јета́ш* и т. д.

Исчезновение звуков

Исчезновение начального согласного звука в «Смол. этн. сб.» представляют слова: *нутринасти* (= внутренности; с. Иньково Поречского у., I, 174), *иныраи* (= генерал; с. Шоптово Бельского у., I, 351), *лянька* (= глянька; там же, I, 356), *ставай* (= вставай; с. Даньково Смоленского у., IV, 501) и т. д.

Конечное мягкое ***т*** (***т'***) в группе ***с'т'***, судя по материалам, в большинстве случаев исчезает.

В «Смол. этн. сб.» имеем следующие примеры: *радась* (с. Дудкино Бельского у., IV, 504), *грусь* (там же), *класъ* (с. Иньково Поречского у., II, 186), *весь* (= вести; с. Даньково Смоленского у., IV, 130, 195), *есь* (= кушать; с. Киселевка Смоленского у., I, 411).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова: *жис'* (деревни Азарово, Горки, Каптелёвка, Сущево, Тимошино, Холм), *радыс'* (д. Азарово), *есь* (деревни Бартенево, Белоусово, Ковалево, Красная Долина), *гос'* (д. Вышние Мастаки), *ни ддас'* (Голенищево).

---

[20] Написание с *е*, а не с *э* свидетельствует о произношении здесь (и ниже) *ј* перед *э*.

То же дают и мои наблюдения над живыми говорами.

В живых говорах конечное мягкое ***т*** (***т'***) в группе ***ст'*** исчезает. В селах Арефине, Волоковой, Зарубенках, Каспле, Коханах, Платонове, Ополье, Свистунах, Скачкове, Филиппове, а также в говорах деревень Арнишицы, Бол. Возмище, Суйтово, Юшино отмечены примеры: *jес*, *jос'* (= есть), *в'ес'* (= весть), *пр'ас'* (= прясть), *шес'* (= шесть), *т'ес'* (= тесть), *жис'* (= жисть).

Примеры без утраты в этих условиях ***т'*** характерны главным образом для речи молодежи и хорошо грамотных людей. Примерами же с утратой ***т'*** богата речь возчика из с. Филиппова, человека малограмотного, тогда как у его односельчан, грамотных его сверстников, отпадение ***т'*** не наблюдалось; в говоре же возчиков из Ямской Слободы и из с. Данильева, особенно у последнего, его совсем не было заметно; у старух же — Ф. А. Мариенковой (Касплря) и Шалыгиной (Ополье) — исключительно встречаются примеры с отпадением ***т'***.

В некоторых говорах (Борки, Гусино, Зверовичи и др.) исчезновению подлежит и ***т*** твердое в группе ***ст***: *мос* (= мост), *пос* (= пост).

В мат-лах О. А. Державиной также отмечено исчезновение в этих условиях ***т***; то же дает и «Бел. пр.» № 34.

В огромном большинстве ответов на «Анкету», в № 4, 6, 9, 11—16, 18, 20—25, 25а, 25б, 27, 28а, 29—31, 31а, 33, 34, 37, 41, 43, 45, 47б и 50, отмечено исчезновение в этих условиях ***т***; в № 7, 8, 17, 25, 26, 28а, 34, 38, 44, 47б и 49 имеется произношение с ***т*** и без него, причем в № 17, 25 и 26 отмечено, что произношение без утраты ***т*** характеризует говоры молодежи, бывалых и грамотных людей.

Отмечается также исчезновение начального неударяемого звука ***и*** в предлоге ***из*** и приставке ***из-*** (***ис-***). Имеем его в «Мемориале»: *повелел скоренить* (л. 12 об.), *съ воску* (л. 17), *съ дегтю* (л. 17), *съ масла* (л. 17), *съ коровъего* (л. 17), *съ молока* (л. 17 об.), *съ соли* (л. 17 об.) и т. д.; в «Деле о монастырях»: *з Смоленского* (л. 11 об.), *с Москвы* (л. 18 об.) и т. д.

То же дает и «Сборник» В. В. Богданова: *з-за лесу* (с. Волыново), *з-за рошшицы* (д. Бертенево).

В мат-лах О. А. Державиной также отмечается исчезновение ***и*** в предлоге ***из***: *з дому* (= из дому), *с хаты*.

Исчезновение конечного неударяемого гласного отмечается в «Житии Авраамия»: *победившаг* (л. 15), *у честнаг креста* (л. 18 об.), *великаг* (л. 33 об.), *преставис* (л. 33 об.), *радуещес* (л. 38).

В «Мемориале» также имеется случай отпадения конечного неударяемого *е*: *выж гор вода была* (= выше гор; л. 3), *большъ* (л. 7 и 18).

То же дают и фольклорные материалы 50-х годов XIX в. и XX в.: *ницох* (= ничего; П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45); П. В. Шейн: *ницог* (II, 521; Бельский у., д. Рехлице); статья Н. П. Гринковой (стр. 314), работа В. М. Архангельского (стр. 16).

Имеем также в «Смол. этн. сб.» примеры исчезновения конечного неударяемого звука, вызванного усиленным произношением ударяемого. Явление это имеет место прежде всего в формах звательного падежа имен существительных. Примеров на формы звательного падежа имен существительных в «Смол. этн. сб.» немного: *старух* (с. Шоптово Бельского у., I, 674; с. Бердибяки Ельнинского у., IV, 611). В № 280: *мам*, *Микúт*, *Вань*.

То же имело место и в моих наблюдениях: таковы формы звательных падежей имен существительных женского и мужского рода с окончанием *-а*, например: *Мам*, *Кат'*, *Дун'*, *Вас'* и т. д.

Исчезновение слишком ослабленного (редуцированного) конечного гласного имеет место и в других падежах. Сюда можно отнести сле-

дующие случаи из «Смол. этн. сб.»: *да памещик* (*ище даляко, брат, тябе да памещик*; с. Беликово Бельского у., I, 69), *к дочерь* (*к дочерь заеду*; с. Дунаево того же уезда, II, 247).

В ряде говоров в формах именительного падежа единственного числа местоименного и сложного склонений имен мужского рода конечное неслоговое *и* (*и̯*) произносится со значительным ослаблением и в результате исчезает: *дóбры*(*и̯*), *рáн'н'и*(*и̯*), *кáжды*(*и̯*) и т. д.

Встречаются также в «Смол. этн. сб.» и случаи исчезновения конечного *и* неслогового (*и̯*) в формах родительного падежа множественного числа: *спихну с сени* (вместо *из сеней*), дважды встречающегося в с. Инькове Поречского у. (IV, 52), *с зеленых конопли* (вместо *коноплей*); с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 99).

Такие же случаи исчезновения *и* неслогового после гласного внутри слова имеем в «Смол. этн. сб.»: *сичас* (= сейчас; с. Шоптово Бельского у., I, 332), *ня бось* (= не бойся; с. Пречистое Духовщинского у., IV, 261; с. Каблуково Краснинского у., IV, 389; с. Иньково Поречского у., IV, 404) и т. д.

Исчезновение гласных встречается и в рукописном «Сборнике» В. В. Богданова: *ни 'ддам* (= не отдам; д. Сёлы), *ни 'ддас'* (= не отдаст; д. Голенищево).

Имеются случаи исчезновения и целых слогов. В «Смол. этн. сб.» имеем: *пирякстиўся* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 342), *круг* (= вокруг; с. Радошково Ельнинского у., IV, 554); в «Сборнике» В. В. Богданова: *ћрыт'*, *ћыт'* (= говорит; с. Волыново) и т. д.

II. МОРФОЛОГИЯ

В морфологии должно быть крайне осторожное отношение к фактам, извлекаемым из фольклорных и этнографических материалов. Если в фонетике можно было говорить о фактах, представляемых материалами, как о фонетических фактах только лишь после тщательной проверки их при посредстве показаний других источников, включая и современные живые говоры, то еще с большей осторожностью следует подходить к формам слов, извлекаемых из фольклорных и этнографических материалов. Сплошь и рядом, особенно в песенных материалах, в большом употреблении старые, неживые, книжные формы, идущие из глубокой древности и уживающиеся в песне рядом с современными. Нередки также здесь и искусственные образования, введенные в песню для рифмы, размера и проч.

Все они не должны входить в настоящее исследование как факты языка, современные записям песен: они относятся к более ранней эпохе. Лишь факты, находящие подтверждение в других источниках непесенного содержания, а тем более в современных диалектных записях, дадут материалы для морфологии современных говоров.

I. ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

а) Склонение имен мужского рода, восходящих к старым основам на ŏ, jŏ, ŭ, ĭ и a

Остановлюсь на следующих формах единственного числа.

Родительный падеж единственного числа представляет формы преимущественно на *-а*, формы на *-у* встречаются реже. В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Дунаево: *снегу* (IV, 467); с. Шоптово: *палавину дому зжег* (I, 333), *спакою* (I, 360), *окыла сталу* (II, 231),

ходу (IV, 403); Духовщинский у., с. Пречистое: *скоту* (I, 321), *из храму* (I, 323); Ельнинский у., с. Бердибяки: *боку* (I, 372); с. Проверженка: *следу* (I, 657); с. Радошково: *ни ходу, ни езду* (IV, 571); с. Рудня: *кала садику* (IV, 276), *с палку́* (и — *с палка́*, с. Даньково Смоленского у., IV, 512); с. Сухой Починок: *бяз ветру* (IV, 154), *ни роду* (IV, 546); Краснинский у., с. Каблуково: *лесу* (IV, 341); с. Свалы: *спакою* (IV, 445); с. Холощево: *с пиру* (IV, 353); Смоленский у., с. Даньково: *лугу* (IV, 18), *Дунаю* (IV, 34), *с пуняделку* (IV, 499); д. Слобода: *искать раю* (IV, 687).

То же дают и мои наблюдения над говорами, причем здесь окончание *-а́* чередуется с *-у*: *ил'на́* и *ил'ну́*, *ил'да́* и *ил'ду́*, *пакло́ну* и *пакло́нъ*, *стыда́* и *стыду́* и т. д. Отмечены они мною в селах Бабынове, Борках, Зарубенках, Зверовичах, Каспле, Кучине, Коханах, Квасове, Мошевой, Потапове, Платонове, Рогнедине, Скачкове, Сычеве и Филиппове; то же отмечено и в разговоре с крестьянином из с. Возьмище: *го́ду, го́ръду, во́зу* и т. д.

Слово *путь* имеет в родительном падеже *путя* (с. Летошники Рославльского у., IV, 211).

Из форм дательного и творительного падежей укажу на формы существительных с основой на *-а*, образованные по мужскому типу склонения: *тятиньку* («Смол. этн. сб.», с. Татива Бельского у., IV, 460); форма творительного падежа *бат'към* отмечена четыре раза в рук. мат-лах РГО, XXXVIII.

Аналогичные формы дают и ответы на «Анкеты» № 1, 6, 8, 9, 12, 27, 28б, 29, 32, 41, 47в; в № 4, 16, 28, 28в, 34 и 47д имеются формы на *-ъм (-ом)* и *-оц (-ой)*.

То же имеется и в моих наблюдениях — у слов с основой на *-а* имеем формы на *-ъм* (при безударности окончания *-ом*): *з д'е́душкъм, з д'а́д'към, с ста́ръстъм* и т. д. Отмечены они мною в с. Каспле, в говоре старухи Ф. А. Мариенковой, в говоре возчика из с. Лучёс М. К. Степанченкова и др.

Местный падеж имеет разные окончания, обусловленные разными причинами, сообразно с чем здесь различаются следующие группы: а) двусложные формы падежа с ударением на основе, б) двусложные формы падежа с ударением на окончании и в) многосложные формы.

а) Двусложные формы местного падежа с ударением на основе имеют окончание *-е (-и)*.

Примеры из «Смол. этн. сб.» — Духовщинский у., с. Пречистое: *у раи* (I, 321); Ельнинский у., с. Крутиловка: *у лесе* (IV, 355); с. Злотово: *у луги* (IV, 194), *в сади* (IV, 297); с. Проверженка: *на краи* (I, 657); с. Рудня: *на кусти* (IV, 134), *у леси* (IV, 417); с. Сухой Починок: *в лесе* (IV, 624); Краснинский у., с. Каблуково: *у леси* (IV, 334); Поречский у., с. Иньково: *у сади* (IV, 429); Рославльский у., с. Летошники: *у луги* (IV, 77), *в леси* (IV, 269), *в кусти* (там же), *у саде* (IV, 272), *у лесе* (IV, 530); с. Полуево: *по сади* (IV, 557); с. Свалы: *у леси* (IV, 443); с. Черепово: *у сади* (IV, 294); Смоленский у., с. Буловцы: *у лесе* (IV, 232); с. Даньково: *на дуби* (IV, 196), *на луги* (IV, 197), *в леси* (IV, 224, 233), *у леси* (IV, 233), *у сади* (там же) и т. д.; с. Самохотовка: *у лузи* (IV, 127); с. Слобода: *у леси* (II, 116); с. Шаталово: *в часи* (IV, 371).

То же имеем в «Сборнике» В. В. Богданова: *у леси* (деревни Волково, Симоновка).

б) Двусложные формы с ударением на окончании имеют обыкновенно *у*. Примеры из «Смол. этн. сб.» — Духовщинский у., с. Шиловичи: *у етым лясу* (I, 493); Ельнинский у., с. Радошково: *у пиру* (IV, 304); с. Сухой Починок: *на дубу* (IV, 520); Краснинский у., с. Каблуково: *в саду* (IV, 389); Поречский у., с. Иньково: *в лясу* (IV, 421); Рославльский у., с. Летошники: *на крюку* (IV, 309), *на слуху* (там же); с. Ми-

хайловка: *на зяленым дубу* (I, 178); с. Полуево: *у палку* (IV, 558); Смоленский у., с. Киселевка: *у лясу* (I, 411); с. Свалы: *на лужку* (IV, 3); с. Шаталово: *при пяску* (IV, 400).

По аналогии с формами, имеющими при других условиях в окончании *-е*, это последнее можно встретить и в словах рассмотренной группы.

Двусложные слова с современной основой на согласный, отвердевший позднее, имеют в окончании *-ы* и при ударении на нем: *на нажы* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 593), *в канцы* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 306; с. Даньково Смоленского у., IV, 20), но и *на канцу* (№ 280).

То же окончание *-и* и у некоторых слов мягкой разновидности с тем же местом ударения в форме местного падежа: *на кани* (с. Боровское Ельнинского у., IV, 500).

в) Многосложные слова в местном падеже имеют ***у*** и ***и***.

Примеры из «Смол. этн. сб.» — Ельнинский у., с. Радошково: *на дубочку* (IV, 488); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *у чаўнўочку* (IV, 102).

У слов с основой на шипящие и *-ц* в ответах на «Анкету» № 4, 6, 12, 13, 24, 26, 28б, 40, 41, 45, 46, 47в, 48, 49 под ударением отмечено *-ы*, после мягких согласных *-и*: *на нажы́, на канцы́, на кани́.*

В моих наблюдениях аналогичные формы встретились в селах Борки, Зверовичи, Каспля, Катково и Платоново (*шканцы д'ар'евн'и*).

Произношение этих форм с *-ы* и *-и* при ударении на окончании характеризует говоры главным образом пожилых людей и отсталых слоев населения. То же отмечают и «Анкеты» № 25 и 37. В этих же говорах отмечено *е* под ударением, а при безударности окончания — редуцированный гласный. В именах с основой на заднеūёбный звук в № 4, 6, 13, 25, 25а, 26, 28б, 32, 37, 41, 45, 46, 47в, 48 и 50 отмечен местный падеж с окончанием *-у*: *в Смоленску, в Полацку*, в большинстве же ответов в окончании *-е*; в № 16, 21, 28в, 34, 40, 44 и 47д отмечены формы с *-у* и *-е*.

В моих наблюдениях формы на *-у* и чередование их с формами на *-е* встречались в тех же селах, что и предыдущие формы (на *-ы* и *-и* под ударением).

В немногих говорах, преимущественно у старух, встречались формы *у са́ди, у ле́си*. Отмечены они мною в селах Потапове, Каспле и Ополье, а также и у лиц среднего возраста, преимущественно не имеющих отношения к отходу, в с. Зверовичах.

Форма *в са́де* отмечается в ответах на «Анкету» № 16, 18, 24, 25, 28, 28в и 38 рядом с формой *в саду́*.

Из форм множественного числа остановлюсь на следующих.

В именительном падеже преобладают формы на *-ы*; формы с окончанием *-а* встречаются редко; в мягкой разновидности имеем *-и*.

Примеры на *-ы* из «Смол. этн. сб.» — Бельский у., с. Беликово: *биряги* (I, 70), *валасы* (там же); с. Шоптово: *глазы* (I, 356), *луги* (I, 595, 597), *зити* (I, 596); Дорогобужский у., с. Егорье: *волысы* (II, 211); Духовщинский у., с. Береснево: *хлебы* (IV, 126) и тут же — *ядуть хлеба*; Ельнинский у., с. Бердибяки: *волысы* (I, 367), *халады* (I, 492), *парусы* (I, 549); с. Проверженка: *лясы* (I, 686); с. Рудня: *глазы* (IV, 196); с. Сухой Починок: *глазы* (IV, 519); Краснинский у., с. Холощево: *писари* (II, 180); Рославльский у., с. Митюли: *глазы* (I, 173), *луги* (I, 190), *биряги* (I, 208); с. Полуево: *глазы* (II, 362); Смоленский у., с. Даньково: *лясы* (IV, 539), но *глаза* (IV, 634); с. Киселевка: *глазы* (I, 411); с. Слобода: *глазы* (I, 326), *писари* (II, 120); с. Шаталово: *глазы* (II, 17; IV, 435).

Здесь же (в «Смол. этн. сб.») имеем и примеры именительного падежа множественного числа с окончанием *-а*, причем большинство

из них от тех слов, которые имеют **-ы**. Бельский у., с. Дунаево: *за рага* (IV, 64); Краснинский у., с. Каблуково: *забушевали ветра* (IV, 532), *леса* (там же), *паруса* (там же); Поречский у., с. Иньково: *сада* (IV, 384), *луга* (там же), *глаза* (IV, 438); Рославльский у., с. Летошники: *вабраза* (IV, 76); Смоленский у., с. Буловцы: *гарада* (IV, 232); с. Медведовка: *гарада* (IV, 566).

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 50 и 72 имеем исключительно **-ы**: *лясы́, дамы́, гла́зы, рука́вы*; в № 33 отмечено, что формы на **-а** очень редки, приведено только *леса*; в № 85 — *леса́* и *лясы́, дама́* и *дамы́*, но *гла́зы, рука́вы, валасы́*; также в № 18а: *города́*, но *дамы́, гла́зы, рука́вы*; в № 25а отмечены лишь формы на **-а**: *леса́, дома́, города́, глаза́, рукава́*; в № 36 нет ответа на вопрос.

Формы на **-ы** дает рукописный «Сборник» В. В. Богданова: *луги* (с. Волыново), *глазы* (д. Горки) и тут же *глаза*; но далее *гла́зы* (д. Никулино).

Имена на **-ин** в именительном падеже множественного числа имеют **-и**; в «Смол. этн. сб.» имеем: *дваряни, кристяни* (с. Родошково Ельнинского у., IV, 555).

В «Смол. губ. вед.» (1853, № 46, статья П. Д. Шестакова) от слова *пень* имеем в именительном падеже множественного числа *пенья* и *пеневья*; в рук. мат-лах РГО (XXXVIII, IV) именительный падеж множественного числа от слова *стул* — *стулы*.

В статье Н. П. Гринковой говорится о преобладании в наблюдаемых говорах форм на **-ы**; формы на **-а** встречаются редко (стр. 313).

В «Бел. пр.» № 31 и 34 отмечено отсутствие форм на **-а**.

В ответах на «Анкету» в огромном большинстве их (№ 1, 2, 4, 6, 9, 12, 13, 14, 19, 22—25, 25а, 25б, 26, 27а, 28б, 29, 30, 33, 37, 41, 43, 45, 47в, 48 и 50) отмечены формы с **-ы**: *гла́зы, городы́, холоды́*; значительно меньше ответов содержат форму на **-а**: № 8, 10, 11, 15, 17, 20, 27, 28, 31а, 31б, 32, 34, 35, 39, 47, 47а и 47б; те и другие формы имеются в № 7, 18, 21, 23, 28а, 28в, 38, 40, 44, 46, 47д и 49, причем в «Анкетах» № 23 и 44 отмечено, что формы с **-а** характеризуют речь бывалых и грамотных людей.

В моих наблюдениях в этом падеже отмечены формы на **-ы** у односложных имен с подвижным типом ударения, не говоря уже о двусложных: *л'асы́* (села Ворошилово, Зарубенки, Каленово, Касподля, Мошевая, Потапово, Сычево), *гла́зы* (Зарубенки, Ополье — В. Ф. Шалыгина, Пушкино, Свистуны — старуха И. Лебедева), *ху́търы* (Еловка), *шъласы́, късасы́* (= колосья; с. Кучино).

Формы на **-а** встретились лишь в бывших торговых деревнях (например, в Рогнедине: *б'ир'ига́, л'еса́*), железнодорожных поселках (например, при ст. Дубровка, Павлиново), у лиц бывалых (возчик из с. Данильева), иногда и в их семьях (Арефино, Алфёрово и др.); встречаются здесь они в чередовании с формами на **-ы**. Наблюдаются формы на **-а** и в говорах молодого грамотного поколения, хотя в говоре учеников из Мощинской школы, а также и в с. Мошевом преобладают формы на **-ы**. Наиболее часты формы на **-а** в с. Свистуны.

В родительном падеже множественного числа формы на **-оў** распространяются и на слова с мягким согласным современной основы: *писареў* («Смол. этн. сб.», с. Хохловка Смоленского у.), наряду с чем в «Смол. этн. сб.» встречаются и такие формы, как *чулок, сапог* (с. Летошники Рославльского у., IV, 76), а по аналогии с ними имеем и такие формы, как *воз*: *сем воз* (с. Даньково Смоленского у., IV, 103).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем форму родительного падежа *коний* (деревни Симоновка, Высокое); она же и форма винительного падежа множественного числа у имен одушевленных (д. Тилибукино),

В «Актах Смоленского воеводства» имеем ***-ов*** у имен мягкой разновидности: *обывателёв* (№ 15548, л. 71 и др.).

Аналогичные сведения дают рук. мат-лы Российской Академии наук: *огнёв* (Обл. сл. 160). В мат-лах РГО встречаем: *глазов* (XXXVIII. 14), *стулов* (там же), *старажов* (там же) и т. д.

В моих записях у имен с твердым согласным современной основы большое распространение имеют формы на ***-оў*** (***-ъў***); встречаются они повсюду. Иногда их можно встретить и у слов с основами на мягкий согласный. В ответах на «Анкету» № 2, 4, 6, 26, 47в, 47д и 50 отмечено: *конёў*, *зверёў*, *писарёў*, в огромном же большинстве анкет имеются формы на ***-еў***, причем в № 40 отмечены и те и другие формы (на ***-оў*** и на ***-еў***) как встречающиеся в говоре одних и тех же лиц.

Из форм дательного падежа множественного числа отмечу формы на ***-ом*** от существительных мягкой разновидности: *людём* («Смол. этн. сб.», с. Шоптово Бельского у., I, 360; с. Пречистое Духовщинского у., I, 318; с. Шиловичи того же уезда, I, 213; с. Злотово Ельнинского у., I, 587; с. Радошково того же уезда, IV, 287; с. Иньково Поречского уезда, IV, 421), *гваздём* (IV, 675) и т. д.

То же и в «Сборнике» В. В. Богданова: *л'уд'ом* (д. Емельяновка).

В «Бел. пр.» № 34 ***-ом*** отмечено только у имен, восходящих к старым основам на *ĭ*, в № 32 оно отмечается и от других основ мужского рода.

В большинстве ответов на «Анкеты» также отмечено в этой форме окончание ***-ам*** (***-ъм***), лишь в № 1, 2, 4, 6, 22, 26, 28б, 28в, 38 и 47в имеем и формы на ***-ом*** у слов твердой и мягкой разновидности: *глазом*, *зверём* (также и *зверям*), *людём*; в № 19, 29 и 31 формы на ***-ом*** отмечены только у слов, восходящих к старым основам на *ĭ* (*людём*, *гастём*). И те и другие формы (на ***-ам*** и ***-ом***) отмечаются в «Анкетах» № 7, 16, 18, 21 и 49, причем в № 16 и 21 отмечено, что формы на ***-áм*** характеризуют говор бывалых и грамотных людей.

В моих наблюдениях наряду с обычными формами на ***-ам*** (при безударности ***-ъм***) в говоре пожилых или малограмотных людей в Зверовичах, Каспле, Квасове, Никитине, Скачкове, Сыр-Липках, Филиппове, а также в говоре крестьян из Вырьевского сельсовета и сел Данильева, Суйтова и Юшина наблюдались формы на ***-ом*** от слова с основой на мягкий согласный звук, например в фразе *ни с'иб'ѐ н'и л'уд'óм*.

Винительный падеж множественного числа от слов неодушевленных, будучи сходен с именительным падежом, так же, как и этот последний, в большинстве случаев имеет ***-ы*** и лишь изредка ***-а***. Ельнинский у., с. Бердибяки: *на лясы* (I, 172), *в темные лясы* (I, 205), *глазы* (I, 341), *на глазы* (I, 365), *калакалы* (I, 477); с. Сухой Починок: *глазы* (IV, 154), но и *глаза* (с. Радошково, IV, 287); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *лясы* (IV, 334); Поречский у., с. Иньково: *глазы* (IV, 438); Рославльский у., с. Летошники: *у галасы* (там же), *луги* (IV, 211) и *у глаза* (IV, 209); Смоленский у., с. Даньково: *у луги* (IV, 191), *глазы* (IV, 245), *за лясы* (IV, 581); с. Плоское: *глазы* (IV, 143); с. Свалы: *глазы* (II, 14).

То же имеем и в «Сборнике» В. В. Богданова: *у глазы* (деревни Азарово, Сущево), *за глазы* (д. Симоновка), но *глаза* (д. Никулино).

В творительном падеже наряду с формами на ***-áми*** встречаются и формы *глазми* (с. Шоптово Бельского у.) и *мужми* (с. Шаталово Смоленского у.).

В моих записях обычны формы на ***-ами*** (***-ъми***); в единичных случаях встречаются и формы на ***-амы***, отмечены они в № 1, 22 и 39а «Анкет». Редко также отмечается и совпадение формы творительного с формой дательного падежа: *глазам*; отмечено оно только

в № 4, 8 и 48, причем в первых двух формы этого типа чередуются с обычными формами на *-ами* (*глазáм'и*). Форма на *-ам* встречается также и в рук. мат-лах ЗОАБ: *молотúли цепам* (д. Бертенево б. Холм-Жировской вол. Бельского у., села Пожевское, Скачково, Филиппово) и в говоре крестьянки из с. Юшина.

В местном падеже обычным окончанием является *-ах*; лишь в единичных случаях имеется образование с *-ох*: *у новых лаптёх* (с. Медведовка Смоленского у., I, 113).

В с. Свистуны мною отмечено: *на лашад'ох* (на колхозном собрании).

Окончание *-ох* менее часто у слов, восходящих к старым основам на *-о* и *-jo*: *у глаз'óх* отмечено мною в говоре крестьян из Вырьевского сельсовета и в селах Гребневка, Каспля, Квасово, Скачково, Сыр-Липки и Филиппово; в селах же Алфёрово, Бражино, Зарубенки, Павлиново и в говоре крестьянки из с. Юшина — иногда рядом с формой *у глазах* (с. Юшино). В с. Бражине такое произношение (*глаз'óх*) наблюдалось в говоре женщин. В с. Свистуны в говоре старухи И. Лебедевой отмечено мною *в лапт'óх*.

Иногда подобные формы не чужды и семьям лиц, связанных с отходом (с. Алфёрово).

В рук. мат-лах ЗОАБ имеем: *у людёх*.

В «Бел. пр.» № 31 также имеются формы на *-ох*.

В статье Н. П. Гринковой (стр. 312) отмечены формы на *-ох* у слов, восходящих к старым основам на *-ĭ* и *-jŏ*.

Большинство ответов на «Анкету» представляет формы на *-ах*; лишь в № 1, 4, 6, 7, 16, 19, 21, 23, 24, 25а, 26, 28б, 29, 31, 41, 47д и 50 имеем *-ох*: *в глазёх, на людёх, в лаптёх*; и то и другое произношение отмечено в № 13, 16, 18, 25а, 28б, 34, 40, 47д и 49, причем в № 18 есть указание, что формы на *-ах* и *-ох* встречаются в речи одних и тех же лиц.

Об особенностях в склонении некоторых слов и о собирательных формах

Ряд слов («Смол. этн. сб.») представляет следующие особенности в образовании некоторых форм.

От слова *сон* местный падеж множественного числа — *во снёх* (с. Иньково Поречского у., IV, 33); слово *голубь*, с одной стороны, имеет формы *голубя* (д. Медведовка Смоленского у., IV, 173), *голубей* (с. Шоптово Бельского у., I, 335; с. Даньково Смоленского у., II, 71), а с другой — *с голубом* (с. Летошники Рославльского у., II, 192).

От слова *меч* в «Смол. этн. сб.» встретились формы женского рода: *с востру меччу* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 181), *меччу* (I, 506), *Чулубееву меч* (I, 506), *ету меч* (I, 507), *меч булатная* (д. Медведовка Смоленского у., IV, 567), но *с меччим* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 185).

Отмечу изменение родовой принадлежности слова *барашек*. В «Смол. этн. сб.» встречаются следующие формы винительного падежа: *барашку* (с. Шоптово Бельского у., I, 602, 603; IV, 490) (им. п. ед. ч., следовательно, *барашка*) и *майго барашку* (I, 603). Даже форма звательного падежа, равная именительному *барашка* (I, 605); но творительный падеж единственного числа — *барáшкам* (I, 602).

Собирательные формы часто уступают место несобирательным или же представляют чередование от одного и того же слова тех и других форм, например: *прутов* (с. Пречистое Духовщинского у., I, 311), *сыны* (там же), *сынов* (с. Самохотовка Смоленского у., IV, 230), но также и *сыновей* (там же, 662); *братам* (с. Бердибяки Ельнинского у., IV, 547).

По моим наблюдениям, собирательные имена весьма немногочисленны в говорах. Отмечены мной собирательные формы от слов *сын* и *зять* в чередовании их в некоторых говорах с обычными формами множественного числа: *сынъwjá* (Кучино), *сыны́* и *сынъwjá* (Платоново): *сына́м* (Яново), *зяти́* (Яново) и *у сына́х* (Платоново и др.).

б) склонение имен женского рода

Сюда принадлежат: старые основы на *а* в твердой и мягкой разновидности и старые основы на *ĭ*, *г* и *ŭ*.

Основы на -а

Из форм именительного падежа отмечу *пани* (= барыня; с. Даньково Смоленского у., IV, 621) рядом с *паня* (там же). Встречается она в «Смол. этн. сб.» в песнях. В живой речи такие примеры не встречались мне.

В родительном падеже имеем формы, вызванные влиянием мягких основ на твердые: *у жане его* (IV, 287), *от сухой сосне* (с. Даньково Смоленского у., IV, 509).

В мат-лах И. Г. Голанова отмечено: *муш мајец с'астр'е* (Хохлово), *у с'астр'е была ў һаст'ах* (там же).

В моих наблюдениях отмечены случаи употребления родительного падежа у слов твердой разновидности со старым окончанием *е* (из *ѣ*) того же падежа мягких основ. Отмечены они мною в селах Авдотьине (*у дач'к'е́*), Зарубенках (*была у с'астр'е́*), Потапове (*ат дач'к'е́* — в говоре 95-летней старухи А. А. Гороженковой) у лиц старшего поколения, не связанных с отходом, а также и у малограмотной молодежи. Особенно многочисленны подобные формы в говоре возчиков из с. Филиппова — А. М. Щербакова и 22-летнего малограмотного парня (2-й возчик). При безударности окончания у них слышался редуцированный звук, иногда переходящий в краткое *а* (*ă*): *на р'емо́нт даро́г'ъ*, *из д'ар'е́шн'ъ*, *н'и плат'ил штрахо́шк'а*, *н'ет карто́х'а* (*карто́хл'ъ*) и т. д. Значительно реже встречались такие формы в говоре 37-летнего грамотного крестьянина В. Н. Назарова.

В редких случаях имеем дательный падеж единственного числа на *-ы* — *к женщины* («Смол. этн. сб.», с. Пречистое Духовщинского у., I, 323), *к светлый пучины* (с. Шоптово Смоленского у., I, 225). В ответе на «Кр. Ак. пр.» в с. Дрогачеве и д. Мешках также имеем формы дательного и местного падежей на *-ы*: *к горы*, *к жены*, *на травы*, *на воды*.

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *па расы* (с. Егорье), *па травы идут'* (с. Татива).

Имеем в этом падеже и старую форму дательного падежа от основ мягкой разновидности: *к земли* (с. Даньково Смоленского у., IV, 534).

В ответах на «Анкету» имеем формы дательного падежа с окончанием *-е* в № 2, 4, 6, 9, 14, 18—21, 24, 25, 29, 31, 31а, 32, 33, 43, 45, 46, 47б, 47в и 50; в остальных номерах только формы на *-ы*; в № 17, 18, 25а, 28а, 40, 44, 47д и 49 имеются и те и другие формы.

В статье Н. П. Гринковой формы дательного падежа на *-ы* крайне редки.

По моим наблюдениям, в дательном падеже единственного числа обычны формы на *-е* под ударением с соответствующим изменением его при безударности. Но в нескольких ответах на «Анкету», в № 4, 15, 28, 28а, 28в, 33, 43 и 46, отмечены и формы на *-ы* с ударением на нем: *к сястры́*, причем в № 43 отмечены обе формы, на *-ы* и на *-е*.

В говоре крестьянки А. М. Журавлевой из с. Сердечкина мною отмечено: *к дач'к'й*. То же и у мягких основ под ударением: *к з'ам'л'й* (наблюдалось и в говоре старухи А. А. Гороженковой из с. Потапова).

В творительном падеже преобладают формы на **-ою** (с соответствующим изменением при безударностя звука **о**): *дарогыю* («Смол. этн. сб.», I, 323), *палкую* (I, 324), *за жаною* (I, 545) и т. д. То же находим и в памятнике XVIII в. («Мемориал»): *с ключевою водою* (л. 16).

В местном падеже мягкой разновидности чередуются под ударением формы со старым окончанием **-и** и **-е** (из **ѣ**): *на земли* (с. Сухой Починок Ельнинского у., I, 170, 184; с. Свалы Краснинского у., IV, 620) и *ў чужей зямле* (с. Холощево Смоленского у., II, 178).

Изредка, почти в единичных случаях, встречается и форма *у дарози* (с. Медведовка Смоленского у., I, 113; с. Свалы Краснинского у., IV, 420) и т. д.

В местном падеже единственного числа мягких основ в «Анкетах» № 4, 6, 12, 13, 19, 24, 25, 25а, 26, 28а, 28б, 34, 37, 40, 41, 45, 47в, 47д, 48 и 49 отмечены формы на **-и** с ударением на нем: *на землú*, *на змей*, причем в № 25, 25а, 28а, 37, 47д и 49 они чередуются с обычными в других «Анкетах» формами на **-е**.

Звательный падеж единственного числа не имеет особой формы и заменяется именительным падежом.

В говорах же Белоручья, Бабынова, Бражина, Зарубенок, Каспли, Квасова, Короваева-Подгородного, Коханова, Мошевой, Павлинова, Потапова, Никитья, Рогнедина, Рябцова, Свистунов, Скачкова, Сыр-Липок, Сычова, Филлипова и Янова у имен женского и мужского рода, оканчивающихся на **-а**, имеются звательные формы, равные современной основе, т. е. утратившие конечный неударяемый гласный (о чем см. выше, в отделе «Исчезновение звуков»): *мам! т'от! бап!* (Бабыново и Потапово), *старух* (Бабыново), *Кат'*, *Ван'*, *Дун'* (*Дун'ъ* — в Мошевой), *Матрон! Ст'ипан'ит!* и т. д. Подобное произношение отмечено и в разговоре крестьян из Арнишиц и Вырьевского сельсовета. В говоре сел Авдотьина, Арефина, Борок, Варечек, Гусина, Долгомостья и Заборья таких форм не наблюдалось.

Как видно из приведенных здесь примеров, явление это характеризует главным образом слова с ударением на предпоследнем открытом слоге. От таких же слов, как *мамочка*, *дядинька*, *тётинька*, *Ванюшка*, *Петрушка* и подобных им, эти формы мною не наблюдались.

Образование подобных форм характерно для говоров всех слоев населения и чередуются они в говоре грамотных и бывалых людей со звательными формами, равными именительному падежу. Звательные формы с утратой конечного гласного особенно часты в говоре детей.

В ответах на «Анкету» отмечены эти формы в № 1, 2, 4, 6, 9, 12—16, 20—24, 25б, 29, 31, 31а, 37, 41, 43, 45, 47, 47в и 49; в № 8, 17, 18, 25а, 27а, 28б, 34, 38, 40, 44, 47б и 48 отмечены и те и другие формы.

Те и другие формы отмечены в «Бел. пр.» № 31, а формы только с отпадением конечного неударяемого гласного — в № 32 и 34.

Из форм множественного числа отмечу формы именительного падежа на **-а** в говорах Бельского у.: *трава плохия* или в с. Каблуково б. Краснинского у.: *выплували стружка* («Смол. этн. сб.», IV, 532). То же в памятниках XVII в.: *туча тяжкия* («Житие Авраамия», л. 25).

В родительном падеже имеем: *наздёр* (Смол. этн. сб.», с. Сухой Починок Ельнинского у., I, 190) и образование по образу форм родительного падежа множественного числа мужского рода старых основ на **-й**: *палатыў* (с. Плоское Смоленского у., IV, 655, 662).

Те же формы на *-оў* представляют и памятники XVII—XVIII вв.: *бѣсовских мечтов* («Житие Авраамия», л. 210), *люстров* («Мемориал», л. 13 об.).

От слова *песня* родительный падеж множественного числа — *песень* (с. Свелы Краснинского у.) с мягким *-н* на конце.

В мат-лах О. А. Державиной отмечена форма *в'ишн'аў*.

В единичных ответах на «Анкету» № 6, 26, 28б и 50 отмечена форма родительного падежа множественного числа на *-оў* с соответствующим изменением неударяемого *о*.

В творительном падеже наряду с окончанием *-ами* и реже — *-амы* в «Смол. этн. сб.» имеем образования под влиянием старых основ на *-ĭ*: *слязмы*, но также и *слязами* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 318; с. Плоское Смоленского у., IV, 552).

Такие же примеры и в «Сборнике» В. В. Богданова: *с'л'аз'ми* (деревни Волково, Пасино, Сенюки и Тативо Городокской вол.) и — *с'лизами* (д. Гвоздево).

В ответах на «Кр. Ак. пр.» в селах Авдеево, Анисимово, Бераньщина, Вышегоры, Дрогачево, Нестерово, Паново, Петрушино, Пушкари, Турлупово и д. Машки Бельского у., а также в селах Аносенки, Боровики, Горы, Дубиново, Коноплянники, Мышаково, Никитинки, Петрово, Поголок, Приставака, Рудня, Слабода и Старый Двор б. Поречского у. имеем в творительном падеже: *со слезам, с рукавам, под ногам* вместо *со слезами, с рукавами, под ногами*.

То же и в «Сборнике» В. В. Богданова: *с белым рукам* (д. Бол. Семики).

В «Смол. этн. сб.» имеем: *услед за бабам* (с. Беликово Бельского у., I, 69).

В современных говорах Смоленщины наряду с обычными формами на *-ами* в единичных «Анкетах» (№ 1 и 22) имеем и формы на *-амы*: *рука́мы*. Более часты формы на *-ам*, т. е. формы типа *рука́м, нога́м*. Отмечены они мною в говоре возчика из с. Данильева, в селах Сычеве и Филиппове.

В ответах на «Анкету» формы на *-ам* имеются в 1, 4, 6, 28в, 29, 34 и 48, причем в № 28в и 29 отмечены обе формы, на *-ам* и *-ами*.

У П. В. Шейна имеем: *за ягодам, за грибам* (II, 522).

Основы на -ĭ

В «Мемориале», памятнике XVIII в., в форме родительного падежа множественного числа от слова *медаль*, склоняющегося (с соответствующими изменениями) по образцу старых основ на *-ĭ*, имеем *медалов* и *медалей* (л. 14 об.).

В «Смол. этн. сб.» и в «Сборнике» В. В. Богданова встречаются старые формы творительного падежа множественного числа на *-ми* рядом с обычными в настоящее время формами основ на *-а* — *-ами*: *браўми* («Смол. этн. сб.», с. Шоптово Бельского у.), *плятьми* (с. Боровское Ельнинского у., IV, 579), *п'л'ат'ми* («Сборник» В. В. Богданова, д. Янцыферево).

В местном падеже множественного числа, помимо обычных форм на *-ах*, в рук. мат-лах ЗОАБ в д. Юрошках имеется и форма на *-ох* (*-ёх*) у слова, восходящего к старым основам на *ĭ*: *у грудёх*.

Основы на -r и -ӣ

В «Смол. этн. сб.» имеем, с одной стороны, род. п. ед. ч. *дочери* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 227), вин. п. ед. ч. *дочирь* (с. Новоселье Вяземского у., II, 284), *дочь* (с. Никола Ядреич Духов-

щинского у., IV, 32) и *дочерю* (с. Новоселье Вяземского у., II, 287), образованное от *дочерь* по образцу основ на *-а*. С другой стороны, отмечено: *дачку* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 102), твор. п. ед. ч. *дачкой* (там же), вин. п. мн. ч. *дачок* (С. Пречистое Духовщинского у., I, 314).

Отмечу также своеобразные формы, встречающиеся в «Смол. этн. сб.»: им. п. мн. ч. *до́чи* (ед. ч. *дочь*; с. Никола Ядреич Духовщинского у., II, 335); твор. п. ед. ч. *за матию* (с. Самахотовка Смоленского у., IV, 234) от слова *мать*.

Из основ на *ŭ* встречается форма род. п. ед. ч. *любови* (с. Бехтево Сычевского у., IV, 442).

Переход слов из одной основы в другую и из одного рода в другой

Наблюдается переход слова *кудель* из основ на *-ĭ* в основы на *-а*, а слова *яблоня*, наоборот, в основы на *-ĭ*.

Слово *постель* в «Смол. этн. сб.» встречается в старой форме — *постеля* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 281; с. Даньково Смоленского у., там же).

Винительный падеж единственного числа этих существительных имеет форму *пастелю* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 335; с. Каблуково Краснинского у., IV, 52, 310; с. Иньково Поречского у., IV, 262; с. Летошники Рославльского у., IV, 262; с. Черепово того же уезда, IV, 59; с. Даньково Смоленского у., IV, 580), *куделю* (с. Летошники Рославльского у., IV, 19).

От слова *яблоня* имеем им. п. ед. ч. *яблонь* (с. Бердибяки Ельнинского у.), твор. п. ед. ч. *ябланню* (с. Летошники Рославльского у., IV, 121).

Отмечена форма вин. п. ед. ч. *на ярмырык* (с. Боровское Ельнинского у., IV, 509), т. е. форма образована от слова м. р. *ярмарок*

в) склонение имен среднего рода

Сюда принадлежат: старые основы на *-о* среднего рода в твердой и мягкой разновидности и основы на *-s*, *-n* и *-t* среднего рода.

Основы на -ŏ

Из форм единственного числа внимания заслуживают формы винительного падежа от слов с неударяемым окончанием, образованные по образцу основ на *-а*: *чаду любимую* («Смол. этн. сб.», с. Шоптово Бельского у., II, 229), *просу* (с. Егорье Дорогобужского у., IV, 153), *усю войску* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 335), *такую-та животную* (с. Иньково Поречского у., I, 180), *чаду* (с. Плоское Смоленского у., IV, 658), *арудию ўсе военную* (IV, 662), *парадила себе чаду* (с. Слобода Смоленского у., IV, 676), *смотри житу* («Сборник» В. В. Богданова, д. Климятино) и *сматри жита* (там же), *проса узышила* («Смол. этн. сб.», с. Береснево Духовщинского у. IV, 153). Все это говорит о переходе слов среднего рода с неударяемым окончанием *-о* в женский род и о совпадении неударяемого *-о* с неударяемым *-а* в словах женского рода.

Формы именительно-винительного падежа множественного числа имеют в ударенном окончании *-а*, а в безударном окончании — преимущественно *-ы*, лишь изредка чередующееся с *-а*.

В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Шоптово: *капыты* (I, 354), *на балоты* (II, 231), но *пра́вила* (I, 336), *вазёра* (IV, 403);

Ельнинский у., с. Злотово: *житы* (IV, 276), *пшоны* (там же), *письмы* (IV, 318); с. Бердибяки: *бало́та* (I, 168), *сирца́* (= сердца́) (I, 204), *ся-дéльца* (I, 502); с. Крутиловка: *письмы* (IV, 422), но тут же и *письма*; Краснинский у., с. Свалы: *ле́ти спагубила* (IV, 444; со смягченным согласным основы) и *вазира* (IV, 6); Поречский у., с. Иньково: *балоты* (I, 200; IV, 406, 438), *за балоты* (II, 213) и *речки-изира* (IV, 429); Рославльский у., с. Летошники: *палотны* (II, 194), *вёдры* (IV, 121) и *бало́та* (IV, 150); с. Милюти: *на бало́та* (I, 172), *дирива* (там же); с. Романовка: *ча́да* (I, 179); Смоленский у., с. Даньково: *за вёдры* (IV, 112), *вёдры* (IV, 159, 529) *и пи́сьма* (II, 21), *вирятёна* (IV, 8); Самохотовка: *вёдры* (IV, 120), *сонцы* (IV, 230).

То же представляет и «Сборник» В. В. Богданова: *балоты* (д. Марково), *пи́с'мы* (д. Сенюки) и *пи́с'ма* (д. Сёлы).

В «Бел. пр.» во всех номерах (31, 32, 34) только формы на ***-ы***.

В статье Н. П. Гринковой формы именительного падежа множественного числа среднего рода на ***-а*** встречаются редко, чаще на ***-ы***; в других источниках имеем только формы на ***-ы***.

То же представляет и «Мемориал»: *королевствы подчынил* (л. 5); рук. мат-лы РГО: *сердцы*, *вокны*, *болоки* (= облака; XXXVIII. 14).

В ответах на «Анкету» та же картина: в большинстве номеров (1, 2, 4, 6, 9, 12—14, 18, 19, 22—25, 25б, 26, 27а, 28в, 29, 33, 37, 40, 41, 43, 45, 46, 47в, 48 и 50) отмечено ***-ы***, лишь в небольшом числе их имеем ***-а***, причем те и другие формы (формы на ***-ы*** и на ***-а***) отмечены в № 7, 17, 18, 25а, 28а, 38, 44 и 49; в № 28б и 47д имеем формы на ***-ы***.

По моим наблюдениям, формы именительно-винительного падежа множественного числа при безударном окончании встречаются преимущественно на ***-ы***. Характеризуют они говоры не только старшего поколения, не связанного с отходом и в большинстве случаев неграмотного, но наблюдаются и в говоре противоположной группы населения, нередки и у грамотной молодежи. Отмечены они мною (*с'о́лы*, *w'о́дры*, *wо́кны* и т. д.) в говоре сел Арнишицы, Бол. Возмищи, Павлиново, Сафроново, Сердечкино, Юшино, Бабыново, Борки, Бражино, Ворошилово, Глистаи, Зарубенки, Зверовичи, Каспля, Короваево-Подгородное, Коханы, Мошевая, Платоново, Скачково, Сычево, Филиппово и Яново. В некоторых же селах преобладают формы на ***-а***, например: в говоре возчика из с. Данильева и в селах Квасово и Рогнедино, хотя и в Рогнедине, например в говоре матери заведующего школой И. К. Фотиева, обычны и формы на ***-ы*** рядом с формами на ***-а***: *п'и́с'мы* и *п'и́с'ма*, *w'о́дры* и *w'о́дра*; то же отчасти и в говорах других пожилых людей. В селах Кучино и Рябцово — те и другие формы.

В родительном падеже множественного числа изредка встречаются в «Смол. этн. сб». формы с окончанием ***-оў***: *капытаў* (с. Сухой Починок Ельнинского у., I, 190).

В рук. мат-лах Российской Академии наук (Обл. сл. 160) встречается форма род. п. мн. ч. *делов*.

П р и м е ч а н и е. Форма *палёв*, по-видимому, неживая: в «Смол. этн. сб.» она встречается только в рифме с формой *лясо́в* (с. Плоское Смоленского у., IV, 646).

В «Анкетах» № 6, 26, 28б, 28в, 47в и 50 отмечены формы род. п. мн. ч. *ста́дъў*, *бало́тъў*, *по́л'ъў*.

Форма *ста́дъў* встретилась мне в говоре возчика из с. Лучёсы М. К. Степченкова; *бало́тъў* — в с. Каленове. Вообще такие формы редки и характерны, может быть, для переселенцев из БССР.

В творительном падеже множественного числа в ответах на «Анкету» № 4, 6, 9, 11, 18, 23, 24, 25а, 28б, 29, 34, 38, 41, 44, 47в, 47д

и 49 отмечена форма *плячьмú*, причем в № 11, 18, 24, 25а, 33, 44 и, 49 рядом с ней имеется *плечами*. *Пл’ач’мы́* отмечено мною в с. Ополье, в говоре старухи, матери В. Ф. Шалыгина.

В мат-лах О. А. Державиной отмечена форма местн. п. *пъ д’ат’óх*. От слова *пальто* имеем *при пальте* («Смол. этн. сб.», с. Тёсово Сычевского у., IV, 600).

Основы на -s

Слова с основой на *-s*, имея на конце неударяемое *о* (*нéбо*, *чýдо*), перешли в женский род и образуют формы по основам на *-а*, лишь кое-где сохраняя старые формы.

В «Смол. этн. сб.» имеем следующие примеры: *да самый небы* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 441), *да небы* (с. Киселевка Смоленского у., I, 148), *на нёбу* (с. Даньково того же уезда, IV, 81; д. Слобода того же уезда, IV, 674), *чуду* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 685) и *чудясу* (с. Свалы Смоленского у., IV, 302), *чуды* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 685).

Под книжным влиянием от слова *небо* встречается форма местн. п. мн. ч. *у нибисах* («Смол. этн. сб.», с. Радошково Ельнинского у., IV, 623).

Такова же книжная форма *слывиса* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 543) при форме им. п. *славá* (с. Шоптово Бельского у., I. 354).

Основы на -n

Основы на *-n* образуют падежные формы по основам на *-о* среднего рода мягкой разновидности.

В «Смол. этн. сб.» имеем: *ни племя* (с. Сухой Починок, Ельнинского у.). *пары-время* (с. Буловцы Смоленского у., IV, 551), *без полыми* (с. Шаталово того же уезда), *пламим* (с. Буловцы Смоленского у., IV, 636); в «Сборнике» В. В. Богданова: *с таво уреми* (д. Сёлы).

Такое же склонение этих имен представляют и рук. мат-лы РГО (XXXVIII. 14).

Основы на -t

В основах на *-t* слово *дитя*, с одной стороны, сохраняет старые с соответствующими изменениями формы, а с другой — представляет и образования по основам на *-о* среднего рода.

В «Смол. этн. сб.» имеем: *дитя* (с. Шаталово Смоленского у., IV, 165), *дитяти* (IV, 375), *дитяти* (там же), *к малыму дитя* (IV, 370), *дитятю* (там же), *дитём* (с. Буловцы Смоленского у.), *з дит’ми* (д. Янцыферово); в «Сборнике» В. В. Богданова: *дит’о* (д. Наумово).

Слова, имеющие только формы множественного числа

В «Смол. этн. сб.» и «Сборнике» В. В. Богданова сюда относятся слова: *воротá*, *дровá*, *сáни*, *лю́ди*.

Первые два — *воротá* и *дровá* — имеют формы именительно-винительного падежа преимущественно на *-ы*.

В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Беликово: *дровы* (I, 70); с. Шоптово: *дровы* (I, 545); Вяземский у., с. Новоселье: *за вароты* (II, 281); Дорогобужский у., с. Егорье: *за вароты* (IV, 336) и *варота* (IV, 214); Духовщинский у., с. Пречистое: *за вароты* (IV, 481); Ельнинский у., с. Злотово: *за вароты* (IV, 284, 313), *вароты* (IV, 318), но и *варата* (IV, 313); также в с. Бердибяки — *варата* (I, 473); с. Су-

хой Починок: *дровы* (IV, 519) и *варата* (IV, 382); также в с. Холощево — *варата* (II, 179); с. Свалы: *вароты* (II, 179); Поречский у., с. Иньково: *вароты* (IV, 178, 433), *за вароты* (IV, 406, 433, 438) и *варата* (IV, 399); Рославльский у., с. Летошники: *за вароты* (II, 193); Смоленский у., с. Даньково: *варата* (IV, 64), *вароты* (IV, 605), *за вароты* (IV, 202) и *варата* (IV, 20), *в варата* (IV, 142); с. Медведовка: *на вароты* (1, 113); с. Плоское: *за вароты* (IV, 649) и *в варата* (IV, 141), *варата* (IV, 358). с. Самохотовка: *дровы* (IV, 333).

От слова *сени* имеется форма местного падежа *па сянёх* с. Иньково Поречского у., IV, 450); от слова *люди* имеем форму у *людёх* (с. Бехтево Сычевского у., II, 258), но тут же и *у людях*.

То же и в «Сборнике» В. В. Богданова: *на чужих л'уд'ох* (д. Тилибукино).

2. МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

а) личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение

В источниках находим следующие формы родительно-винительного падежа единственного числа личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного.

В «Смол. этн. сб.» имеем: *мине* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Дунаево того же уезда, II, 246; с. Шоптово того же уезда, I, 350; с. Новоселье Вяземского у., II, 282; IV, 471; с. Холощево Краснинского у., II, 181; с. Иньково Поречского у., II, 2; с. Буловцы Смоленского у., IV, 550) или фонетическая его разновидность *мяне* (с. Боровское Ельнинского у.; с. Радошково того же уезда, IV, 341; с. Иньково Поречского у., II, 2), причем последнее рядом с *мине* (с. Буловцы Смоленского у.; с. Даньково того же уезда, IV, 506).

И та и другая формы представляют фонетическое изменение старой формы *мене*, встречающейся в «Смол. этн. сб.» чрезвычайно редко; имеем ее в с. Дунаеве Бельского у. (IV, 43), изредка также встречается и форма с *а* на конце — *миня* (с. Новоселье Вяземского у.).

Во 2-м лице имеем: *тибе* (с. Беликово Бельского у., I, 71; с. Дунаево того же уезда, II, 244; с. Шоптово того же уезда, I, 350; с. Пречистое Духовщинского у., I, 313; с. Свалы Краснинского у., IV, 312) или в фонетической разновидности: *тябе* (с. Шоптово Бельского у., I, 357; с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 102; с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 355; с. Проверженка того же уезда, с. Даньково Смоленского у., II, 71; IV, 33, 506). Встречается также, правда в единичных случаях, и форма *табе* (с. Шоптово Бельского у., I, 354).

В возвратном местоимении имеем: *сибе* (с. Шоптово Бельского у., 1, 350, 359 и т. д.) или в фонетической разновидности: *сябе* (с. Шоптово Бельского у., I, 333; с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 337 и т. д.).

В дательном падеже местоимения 1-го лица имеем: *мне* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Шоптово того же уезда, I, 331 и т. д.)

В дательном и местном падежах местоимения 2-го лица имеем: *табе* (с. Шоптово Бельского у., I, 360; с. Боровское Ельнинского у., IV, 577; с. Радошково того же уезда, IV, 351; с. Каблуково Краснинского у., IV, 334; с. Холощево того же уезда, I, 178; с. Клечетово Рославльского у., IV, 210; с. Летошники того же уезда, IV, 193; с. Даньково Смоленского у., IV, 260; с. Киселевка того же уезда).

В возвратном местоимении имеем: *сабе* (с. Шоптово Бельского у., I, 349, 602; с. Пречистое Духовщинского у., I, 315; с. Даньково Смоленского у., I, 658 и т. д.).

В творительном падеже единственного числа имеем формы на *-ою* не только в песенной, но и в прозаичной речи: *мною* (с. Шоптово Бельского у., I, 364 и т. д.), *табою* (с. Дунаево Бельского у., II, 241 и т. д.), *сабою* (там же, IV, 43 и т. д.).

В ответах на «Ю-вр. пр». № 50, 25а, 36 и 72 имеем в родительно-винительном падежах: *мене́, тебе́, себе́*; в № 85 те же формы и сверх того в фонетической разновидности: *мине́, тибе́, сибе́*; в № 33 — *мине́, табе́, сабе́*; в № 18а — *мяне, табе* и *тябе, сабе* и *сябе*. В дательном падеже в № 50 и 72 имеем: *мене, табе, сабе*; в № 85, 25а и 33 — *мне, табе, сабе* и в № 36 — *мине, табе, сабе*.

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем в родительном и винительном падежах: *мине* (деревни Азарово, Бол. Семики, Волково, Коптеловка, Красная Долина, Никулино, Редькино), *тибе* (деревни Бартенево, Гаврилово, Горки), *сиб'а* (д. Голенищево); в дательном падеже: *мне* (деревни Горки и Шейкино Бельского у. и с. Кубарово Духовщинского у.), *мине* (д. Пасино), *тибе* (д. Бол. Семики, Рахманово), *сибе* (с. Батурино).

В рук. мат-лах РГО имеем формы: *мяне, тябе, сябе* и *сабе*; в творительном — *сабою*, (XXXVIII, 14).

В рук. мат-лах ЗОАБ имеем формы винительного падежа: *мяне, тябе* (Надва) и *миня* (Клюшки).

В «Бел. пр.» № 31 имеем: *мне, тебе, сабе*; в № 34 — *мне, тибе, сибе*.

В своих наблюдениях остановлюсь на формах дательного и винительного падежей единственного числа личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения.

В селах Белоручье, Варечки, Караваево-Подгородное, Мошевая, Никитье, Ополье, Потапово, Свистуны и Филиппово, а также в говорах крестьян из сел Павлинова, Пушкина и Кряжева отмечены формы дательного падежа: *мин'е́* и *мн'е*; *таб'е́, саб'е́* и *т'иб'е́, с'иб'е́*; *т'аб'е́, с'аб'е́*. В селах Зарубенки и Зверовичи не встретилась форма *мне*; в говоре же П. Ф. Колбасова, И. И. Прозвицкого (Белоручье), П. П. Сычева (Ямская Слобода), Д. М. Денисова (Данильево) и В. Ф. Шалыгина (Ополье) она отмечена мною, как исключительно имеющая место в их говорах.

В ответах на «Анкету» № 9—16, 18—24, 29, 31, 33, 36 и 47б отмечено *мине*, в № 2, 6—8, 10, 13, 14, 17, 18, 27, 28, 30, 31б, 32, 35, 38, 39а, 45, 47, 47а, 47б, 47г, 47д и 48 — *мне* с указанием в № 6, что последние формы характерны для людей бывалых и грамотных. В № 4, 34, 40, 47б, 49 отмечено употребление говорящими и тех и других форм. В № 9 имеем и *амне*.

Формы *табе, сабе* отмечены в ответах на «Анкету» № 1, 9, 11—14, 16, 20—22, 24, 25, 25а, 25б, 26, 28а, 28б, 28в, 31, 36—38, 39, 41, 45, 46, 47а, 47б, 47д и 50; при *тебе* (*тибе*), *себе* (*сибе*) в № 2, 10, 17, 25а, 29, 30, 31а, 31б, 32, 34, 35, 39, 39а, 43, 44, 47, 47б, 47г и 47д; в № 4, 6 и 44 — с тем же указанием, что и относительно формы *мне* в № 6. В № 4, 6, 18, 27, 28, 39а, 40, 47б и 47г отмечены и те и другие формы.

б) диалектные соответствия местоимениям с основой на твердые согласные

Формам местоимений *тот, такой, какой* в источниках соответствуют следующие диалектные формы.

Наиболее распространенная форма именительного падежа единственного числа мужского рода в «Смол. этн. сб.» — *тэй* (с. Шоптово Бельского у., I, 334; с. Пречистое Духовщинского у., I, 321; с. Боров-

ское Ельнинского у., II, 196; с. Проверженка того же уезда, I, 676), менее употребительная — *тот* (с. Даньково Смоленского у., I, 659; IV, 184). Тот же падеж того же числа женского рода: *тая* (с. Боровское Ельнинского у., IV, 547; с. Радошково того же уезда, IV, 589; с. Свалы Краснинского у., IV, 446); именительно-винительный падеж среднего рода — *тое* (с. Береснево Духовщинского у., IV, 126; с. Радошково Ельнинского у.; с. Свалы Краснинского у., IV, 443; с. Долгие Нивы того же уезда, IV, 127; с. Даньково Смоленского у., IV, 127) и малоупотребительное *то* (с. Шоптово Бельского у., IV, 332).

В ответах на «Ю-вр. пр.» во всех номерах, за исключением № 72, где нет ответа на данный вопрос имеем *тэй*.

В привлеченных материалах из «Сборника» В. В. Богданова форм именительного падежа не встретилось, имеем лишь единственный случай: *тот* — в д. Шабулине.

То же представляют и рук. мат-лы РГО: *тэй*, *якэй* (XXXVIII. 14) и *який* (Обл. сл. 160) и фольклорные записи начала второй половины XIX в. (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 50): *такей*.

То же представляют и ответы на «Анкету»: а) *тот* отмечено в № 1, 9—11, 14, 20, 21, 24, 25б, 27а, 28а, 31б, 35, 39, 40, 43, 44, 45, 47, 47б, 47г, 47д; б) *той* — в № 6, 32, 42, 47г; в) *тый* — в № 29, 47в, 47г; г) *тэй* — в № 25, 28б, 47д, 50. В некоторых ответах отмечено сосуществование форм: *тот* и *той* имеется в № 7, 8, 13, 17 и 30; *тот* и *тый* — в № 4; *тот* и *тэй* — в № 38 и 45. Формы женского и среднего рода: *тая* и *тое* отмечены в № 4, 6, 9, 10, 13, 14, 16, 20—24, 25а, 25б, 26, 27а, 28а, 28б, 29, 31, 31а, 37, 40, 41, 43, 45, 46, 47б, 47в, 47г, 47д и 50; формы *та* и *то* — в № 7, 20, 27, 28, 30 и 38. Те и другие формы женского и среднего рода имеются в № 8, 17, 18, 31б, 35 и 44.

В моих наблюдениях местоимение *тот* по говорам представляет следующие разновидности: а) *тот* — наиболее распространенная разновидность, особенно в говорах молодежи; б) *тыи̯* и *теи̯* (*тэй*) — в говоре остальных слоев населения; в) *тои̯* — сравнительно мало распространенное. В женском и среднем роде наиболее часто встречаются: *таи̯ъ* (*та́и̯ъ ба́бъ* — с. Свистуны, от крестьянки лет 55; *та́и̯ъ гōр'инкъ*, *та́и̯ъ ма́ткъ* — рук. мат-лы ЗОАБ, с. Юрошки) и *тои̯ь*; в редких случаях — *та* и *то*.

В родительном падеже единственного числа мужского рода весьма распространено *таво* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Дунаево того же уезда, II, 244; с. Новоселье Вяземского у., II, 284; с. Радошково Ельнинского у., IV, 183; с. Летошники Рославльского у., IV, 272; с. Даньково Смоленского у., IV, 8, 66) и менее распространено *таго* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., II, 217; с. Холощево Краснинского у., II, 183; с. Даньково Смоленского у., IV, 24). В с. Шоптове Бельского у. встречается и *тōга* (в прозаической речи — I, 709: *замест тōга хлеба*).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем *таво* (деревни Васильевка, Волково, Сёлы, Черново) и *таһо* (д. Шейкино).

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 50, 18а, 25а, 36, 72 и 33 имеем *таго́* и в № 85 — *таго́* и *таво́*.

В женском роде имеем *тэй* («Смол. этн. сб.», Красноболотовская вол. Дорогобужского у., IV, 413) и т. п.; в единичных случаях встречается *тае* (с. Шоптово Бельского у., IV, 403).

В ответах на «Ю-вр. пр.» имеем *тэ́ё* (№ 50), *тае́* (№ 85), *тыё* (№ 36).

В винительном падеже женского рода имеем *тую* (с. Шоптово Бельского у., I, 332; II, 229; с. Пречистое Духовщинского у., I, 323;

IV, 345; с. Боровское Ельнинского у., IV, 547, 578; с. Радошково того же уезда, II, 208; IV, 34; с. Алексино Смоленского у., IV; 242; с. Даньково того же уезда, IV, 174, 233). Наряду с этим в единичных случаях встречается и форма *ту* (с. Полуево Рославльского у., IV, 557).

В «Сборнике» В. В. Богданова: *туjу* (деревни Горьки, Смальники).

В ответах на «Ю-вр. пр.» имеем *тую* (№ 18а).

В творительном падеже мужского и среднего рода имеем: *тым* (с. Радошково Ельнинского у., II, 207); *за тым* (с. Клечетово Рославльского у., IV, 312), *с тым* (с. Даньково Ельнинского у.) и т. д. Эта же форма имеет большое распространение и в местном падеже того же рода: *на тым* (с. Пречистое Духовщинского у., I, 321), *у тым* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 186) и т. д. и редко — форма *у том* (с. Лукино Ельнинского у., I, 188).

В женском роде в творительном падеже имеем *пад тэю* (с. Даньково Смоленского у., IV, 249) и местном — *на тэй* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 197; с. Даньково Смоленского у., IV, 116, 117), *па тэй* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 367), *в тэй* (с. Сухой Починок того же уезда, IV, 179), *у тэй* (с. Летошники Рославльского у., IV, 73; с. Даньково Смоленского у., IV, 20, 174).

У Вл. Костылева: *па тэй стежки*.

Наряду с этим встречается и форма *той: в той жа* (с. Шоптово Бельского у., I, 348), *па той* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 280).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *на теj* (д. Тилибукино).

В «Анкетах» в творительном падеже единственного числа мужского и среднего рода имеем преимущественно *тым* и лишь в немногих случаях — *тем*; форма *тым* имеется в ответах на «Анкету», в № 4, 6, 9, 12—16, 19, 21, 23—25, 25а, 25б, 26, 28б, 28в, 29—31, 33, 35, 37, 41, 43, 45, 46, 47б и 50, а *тем* лишь в № 2, 7, 8, 20, 27, 32, 39 и 47. Те и другие формы имеются в № 17, 18, 31а, 38, 39а, 40, 47а, 47б, 47г и 49. В женском роде обычны формы с отпадением конечного неударяемого *у*: *тоṷ* (из *тоṷу*).

В местном падеже единственного числа мужского и среднего рода большое распространение имеет форма *тым* (например: *у тым дւар'е*). Отмечена она мною в Бабынове, Борках, Зарубенках, Зверовичах, Каспле, Краваеве-Подгородном, Никитье, Ополье, Павлинове, Сыр-Липках, Сычеве, Филиппове и Юшине. В говоре же сел Бражина, Рогнедина, Рябцова и других имеется и форма *у том*: *ў том гаду* (Бражино, Рябцово), *ў том с'ал'е* (Рогнедино) и т. д. Иногда в говорах имеют место и те и другие формы.

Такое же употребление форм *тым* и *ў том* представляют и ответы на «Анкету»: первая из них отмечена в № 1, 4, 6, 13, 14, 19, 21—26, 28в, 31—33, 40, 41 и 50, а вторая — в № 7, 8, 17, 21, 25б, 27а, 28, 35, 37, 38, 39, 39а, 43—47, 47а, 47б, 47г и 49; в № 16, 18, 25а и 47д отмечены и те и другие формы.

Во множественном числе в именительном падеже (он же и винительный у имен неодушевленных) в «Смол. этн. сб.» имеем: *тыи* (с. Шоптово Бельского у., II, 235), *тыя* (II, 231; с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 219; с. Радошково Ельнинского у., II, 208; с. Рудня того же уезда; с. Даньково Смоленского у., IV, 54, 250), *тэя* (с. Радошково Ельнинского у., II, 208; с. Долгие Нивы Краснинского у., IV, 127; с. Летошники Рославльского у., IV, 273; с. Даньково Смоленского у.) и т. д.

В мат-лах И. Г. Голанова имеем: *тыи* (Луговая).

В ответах на «Анкету» *тые* отмечено в № 9—11, 13, 14, 16, 22, 23, 28б, 29, 37, 46, 47б, 47г и 47д; *тыи* — в № 6, 21, 24, 25а, 25б,

31, 31а, 40, 43, 45 и 50 и *тэи* — в № 41. *Тые* и *тыи* имеются в «Анкетах» № 4, 18, 26, 44, 47в и 49; *тые*, *тыи* и *тэи* — в № 38 и 47.

По моим наблюдениям, в именительном падеже множественного числа обычны формы: 1) *тыць* (и *тыци*) — наиболее часто встречающаяся форма и 2) малораспространенная форма *тэци*.

В родительном падеже (он же винительный у одушевленных имен) имеем *тых* (с. Берсенево Духовщинского у., IV, 264; с. Холощево Краснинского у., II, 180; с. Даньково Смоленского у.).

В рук. мат-лах АН БССР также имеем *тых*. Форма *тых* отмечается и в ответах на «Анкету», в № 1, 2, 4, 6, 9, 13, 14, 16, 19, 21—25, 25а, 25б, 26, 31, 31а, 35, 38, 41, 43, 45, 46, 47д и 50; менее употребительна форма *тех*, имеется она в № 7, 8, 10, 20, 27, 28, 31б, 39а, 44, 47а и 47г; обе формы отмечены в № 17, 18, 28а, 38, 40, 47д и 49, причем в № 17 указано, что употребление последней формы (*тех*) характерно для говора бывалых и грамотных людей.

Такое же распространение приведенных здесь форм дают и мои наблюдения.

В дательном падеже встречаются формы *тым* (с. Шоптово Бельского у.) и *тем* (с. Летошники Рославльского у.).

В творительном падеже: *тыми* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 319; с. Сухой Починок того же уезда, I, 202), а также и *теми* (с. Летошники Рославльского у., IV, 354).

В местном падеже: *у тых* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 286).

Из форм других местоимений этого склонения, встречающихся в источниках, отмечу некоторые из них от местоимений *этот*, *кто*, *какой*, *такой*, *якой*.

Форма именительного падежа единственного числа мужского рода: *етыт* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., I, 235; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 342; с. Проверженка того же уезда, I, 236), *етый* (с. Проверженка того же уезда, I, 237) и *еты* (с. Злотово того же уезда, IV, 363). В женском роде: *ета* (с. Даньково Смоленского у., IV, 166) и без *j*: *эта* (там же, IV, 18). Точно также в творительном падеже встречаются формы с *j* и без него: *етыю* (с. Митюли Рославльского у., I, 173) и *этыю* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 590). В мужском роде имеем: *с естым* (т. е. со вставочным *с*: с. Пречистое Духовщинского у., I, 323).

В именительном падеже множественного числа имеем *еты* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 682) и *ети* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 471).

От местоимения *кто* имеем *каһо* («Сборник» В. В. Богданова, д. Шейкино) и *каво* (д. Высокое Бельского у.; с. Сущево Духовщинского у.), *ким* («Смол. этн. сб.», с. Шоптово Бельского у., I, 335; с. Даньково Смоленского у., II, 84) и *за кем* (с. Новоселки Вяземского у., II, 285), *с кем* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 212), а также местный падеж в форме творительного *не па ким* (с. Летошники Рославльского у.).

В ответах на «Анкету» имеем формы *кого* и *того*, *ково* и *тово*; отмечены: *кого* и *того* в № 3, 7, 9, 10, 13, 13а, 14, 24, 25а, 26—28, 28а—28в, 33, 37, 39, 39а, 41, 43, 44, 47, 47а, 47в, 47г, 47д, 49 и 50; *ково*, *тово* в № 6, 16—18, 20, 21, 23, 25б, 29—32, 34, 40, 46 и 47; те и другие формы отмечены с указанием на принадлежность форм *ково* и *тово* говору бывалых и грамотных людей; имеем эти указания в № 8, 11 и 35.

Форма твор. п. ед. ч. *ким* от местоимения *хто* (кто) отмечена в «Анкете» № 4, 6, 9, 12—14, 16, 19, 24, 25, 25а, 25б, 28б, 28в, 29, 31, 33, 35, 37, 41, 43, 46, 47б, 48 и 50. Менее распространена форма *к'ем* (кем); имеется она в № 2, 7, 8, 10, 11, 17, 20, 22, 26, 27, 30, 31а,

31б, 32, 39, 39а, 45, 47, 47а, 47б, 47г и 49. Те и другие формы отмечены в № 18 и 40.

От местоимений *какой*, *такой*, *якой* встречаются формы *какой* («Смол. этн. сб.», с. Шоптово Бельского у., I, 349), *у такой* (IV, 669; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 167; с. Радошково Ельнинского у., II, 207) и *такэй-та* (I, 335), *якой* (с. Шоптово Бельского у., I, 336) и *якея* (с. Бердибяки Ельнинского у.), *якей* (с. Михайловка Рославльского у., I, 178), *такец* («Сборник» В. В. Богданова, с. Волыново), *какоц* (д. Азарово).

К склонению местоимений с основой на твердый неслоговой звук принадлежит и местоимение *он*, но только в именительном падеже единственного числа всех родов.

В силу различия в аканье, наличия приставочного *j* или отсутствия его, в «Смол. этн. сб.» имеем: *ён*, *он*, *ина* (с. Шоптово Бельского у., I, 352; с. Новоселье Вяземского у., II, 282; с. Егорье Дорогобужского у., II, 211; с. Шиловичи Духовщинского у., IV, 392; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 370, 371; с. Боровское того же уезда, с. Злотово того уезда, IV, 199; с. Проверженка того же уезда, I, 675; с. Сухой Починок того же уезда, I, 171, 243; с. Свелы Краснинского у., IV, 303; с. Летошники Рославльского у., IV, 274; с. Даньково Смоленского у., II, 370), *яна* (с. Никола Ядреич, I, 236), а также без *j*: *ана* (с. Шоптово Бельского у., I, 363; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 371). В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *ина* (д. Черново) и т. д.

В родительном и винительном падежах наряду с формой *яго* (с. Летошники Рославльского у., IV, 24) имеем: *у яво* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 372), а также и *у него* (с. Шоптово Ельнинского у., I, 595), *пра него* (с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 401). В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *jaho* (деревни Бертенево, Дупильно, Павловка, Саново) и *jaво* (деревни Антипово, Горки, Кострицы, Красная Долина, Погорельцы, Сенюки, Сёлы, с. Татива Бельского у., с. Каблуково Духовщинского у. и *jиво* (д. Сидоры).

В с. Свистуны в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода мною отмечены формы *и̯ашо́*, *и̯ашо́*, нередко рядом с *и̯аhó*.

Формы творительного и местного падежей в соединении с предлогами сохраняют *j*: за *jим* («Сборник» В. В. Богданова, д. Янцыферово), *па ём* («Смол. этн. сб.», с. Шоптово Бельского у., I, 354; с. Летошники Рославльского у., IV), *на ём* (с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 400; с. Иньково Поречского у., II, 186) и местный падеж в форме творительного: *на им* (с. Даньково Смоленского у., IV, 40). В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *па jом* (д. Черново). Большое распространение имеет форма *jом* (на ём) и реже *на н'ом*.

В большинстве ответов на «Анкеты», в № 1, 2, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 19—22, 25, 25а, 25б, 29, 31, 31а, 37, 40, 43, 45, 46, 47в и 50, отмечено *на ём* и лишь в № 7, 8, 17, 28, 30, 31б, 35, 38, 39, 39а, 43 и 47а имеется *на нём*; в № 18, 28а, 28в, 47г и 47д отмечены и те и другие формы. В нескольких ответах на «Анкету», в № 9, 33, 47в и 49, отмечена форма *им* (на им); в № 4, 12, 24, 26, 27 и 41 она чередуется с *ём*, а в № 49 с *нём*.

В женском роде в единственном числе форма родительного падежа совпадает с формой винительного, и оба падежа выражаются формой *ие* (*сажну ие* — с. Беликово Бельского у., I, 71; с. Дунаево того же уезда, II, 244; с. Шоптово того же уезда, I, 354) или фонетической ее разновидностью: *яе* (с. Шоптово Бельского у., I, 334, 359; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 370; с. Сухой Починок того же уезда, IV, 520; с. Иньково Поречского у., IV, 119; с. Летошники Рославльского у., IV, 211; с. Даньково Смоленского у., IV, 8, 166).

Встречаются также и формы с *н* после предлога: *у нея* (с. Пречистое Духовщинского у., I, 323), *при няё* (с. Боровское Ельнинского у., IV, 575).

Примечание. В песне, откуда взяты последние два примера, сильно городское влияние.

Наряду с этим встречается и форма *её* (с. Шоптово Бельского у., II, 231; с. Радошково Ельнинского у., IV, 614; с. Сухой Починок того же уезда, IV, 520), а также и ее возможные варианты *яе* (с. Шоптово Бельского у., I, 332, 333; с. Радошково Ельнинского у., IV, 626) и *яё* (I, 333).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем следующие формы родительного и винительного падежей: *i̯uje* (д. Алексенки), *jajo* (там же), *jujo* (д. Антипово), *у неи̯* (д. Емельяновка), *jujo* (д. Каптеловка), *у jei̯* (д. Ковалево).

В ответах на «Ю-вр. пр». во всех номерах имеем здесь формы на *-е*, т. е. *ее* или в фонетической разновидности *яé*, *иé*; лишь в № 85 и 33 наряду с ними имеем и форму на *-о*: *её* (№ 85) и *иё* (№ 33).

В дательном и местном падеже имеем: *к ей* (с. Шоптово Бельского у., I, 359), *ёй* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 371). Такова же и форма местного падежа: *на ей* (там же).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *jei̯* (д. Емельяненки) и в местном падеже: *на jei̯* (д. Алексенки).

В творительном падеже в «Смол. этн. сб.» имеем формы на *-у* (с предшествующим *i̯*): *ею* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 372; с. Проверженка того же уезда, I, 586; с. Даньково Смоленского у., IV, 511); *за ею* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 370, 372).

В именительном падеже множественного числа всех родов имеем: *яны* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Шоптово того же уезда, I, 336; с. Берсенево Духовщинского у., I, 236; с. Каблуково Краснинского у., IV, 305, 563; с. Свалы того же уезда, IV, 540; с. Даньково Смоленского у., IV, 169) или следующие формы: *ены* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 564), *аны* (с. Береснево Духовщинского у., IV, 136; с. Сухой Починок того же уезда, I, 171; с. Михайловка Рославльского у., I, 178; с. Даньково Смоленского у., IV, 247), *ани* (с. Шоптово Бельского у.; с. Радошково Ельнинского у; с. Даньково, Смоленского у.), *ины* (с. Летошники Рославльского у., II, 191).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *ины* (д. Сёлы), *ани* и *аны* (д. Смальники), *аны* (д. Шейкино Бельского у., с. Воронино Ржевского у.).

Эти же формы отмечены в ответах на «Анкету»: *ани* — в № 2, 7, 8, 17, 18, 21, 23, 25б, 28, 35, 38, 39, 39а, 47, 47а, 47г, 47д и 49; *яны* — в № 4, 6, 7—14, 16, 18—21, 23—25, 25а, 27, 28б, 28в, 29, 31, 31а, 37, 39а, 40, 41, 43, 45, 46, 47б, 47в, 48д, 48—50 и *аны* — в № 11, 18—21, 29—31, 37, 41 и 47б. В некоторых из ответов, как видно из предыдущего, формы *яны* и *аны* чередуются с формой *ани*; в № 21 и 23 отмечено, что форма *ани* свойственна указанной выше группе.

По моим наблюдениям, в говоре бывалых и грамотных людей, а также молодежи встречается форма *анú*, в говоре людей, более пожилых и неграмотных — *i̯аны́* (*яны*) и *аны́*.

В местном падеже наряду с формой (*у*) *их* («Смол. этн. сб.», с. Шоптово Бельского у., I, 382) встречается в единичных случаях и (*у*) *них* (с. Городок Бельского у., IV, 254). В рук. мат-лах РГО имеем винительный падеж единственного числа женского рода от местоимения *она* — *яё* (XXXVIII. 14).

в) местоимения с основой на мягкие согласные и местоимение что

Из форм местоимений с основой на мягкий согласный звук, встречающихся в источниках, остановлюсь на некоторых формах местоимений *мой*, *твой*, *свой*, *чей*, *весь* и, кроме того, *что*.

Местоимения *мой*, *твой*, *свой* в формах родительного, винительного и дательного падежей единственного числа мужского и среднего рода представляют формы с утратой звука *е* из окончаний *-его* и *-ему*: *майго* («Смол. этн. сб.», с. Долгие Нивы Краснинского у., IV, 336; с. Радошково Ельнинского у., IV, 339; с. Летошники Рославльского у., IV, 207), *майму* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 56), *маiħо* («Сборник» В. В. Богданова, деревни Шабулино, Шейкино), *маiво* (деревни Высокое, Редькино, Симановка, с. Тативо), но также и *маjаħо* (с. Ковалево), *маjево* (д. Волково), *маjаму* (деревни Волково, Горки, Шабулино), тут же и *сваiво* (д. Высокое), а также форма дательного падежа *к свайму* (деревни Редькино, Тилибукино).

В рук. мат-лах Российской Академии наук, РГО и фольклорных записях первой половины XIX в. имеем те же формы родительного падежа единственного числа мужского рода от местоимений *мой, твой, свой: майго* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45), *свайго* (XXXVIII. 14), как и в печатных источниках, т. е. с исчезновением из окончания безударного звука *е*.

В именительном падеже множественного числа (он же у неодушевленных имен и винительный) имеем в «Смол. этн. сб.»: *мае* (с. Беликово Бельского у., I, 69; с. Егорье Дорогобужского у. II, 210; с. Даньково Смоленского у., IV, 160), *твае* (с. Шоптово Бельского у., I, 363; с. Даньково Смоленского у., IV, 279), *свае* (с. Шоптово Бельского у., I, 349) и *свои* (XXXVIII. 14), но также и *маи* (с. Егорье Дорогобужского у., II, 210), *тваи* (с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 520).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *маjе* (д. Симановка) и *маjи* (с. Тативо).

Отмечу встретившиеся мне в с. Свистуны в говоре 89-летней старухи И. Лебедевой формы род. п. ед. ч. м. р. *маво: а он мавó-тъ мужыка пр'ин'аў;* дат. п. *маму: пр'иход'ут' к маму бат'ку.*

От местоимения *чей* им. п. ед. ч. м. р. *чей* («Смол. этн. сб.», с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 179; с. Даньково Смоленского у., IV, 176, 280), ж. р. *чия* (там же, IV, 197).

Дат. и местн. падежи ед. ч. м. р. *к чиму* (с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 179), *у чиём* (с. Летошники Рославльского у.).

Им. п. мн. ч. *чие* (с. Шоптово Бельского у., I, 358; с. Даньково, Смоленского у.).

В «Сборнике» В. В. Богданова в местном падеже единственного числа мужского рода имеем *па чиjом* (с. Каблуково).

В современных говорах распространены формы *чиi* (чий), *ч'иjá*, *ч'иjó*; рядом с ним — *ч'еi* (чей) и реже — *ч'jа* (чья) и *ч'jо* (чье). Последние три формы, особенно *ч'еi*, вытесняют первые.

В ответах на «Анкету» *чий, чия, чие* отмечены в № 1, 6, 9, 13, 16, 22, 24, 25б, 29, 32, 33, 47в, 47д, 50; *чий* — в № 4 и 26; *чия́, чие́* — в № 4, 12, 14, 19, 23, 25, 25а, 28б, 31, 41, 43; *чия* — в № 26, 27, 31а; в 17, 20, 30, 31а, 31б, 35, 38, 39, 40, 47, 47г, 47д отмечено *ч'ей, чья, чьё*; только *чей* — в № 7, 8, 14, 21, 27, 31, 41, 45; *чей* и *чья* — в № 48; *чей* и *чьё* — в № 46 и 49. В № 18 и 44 чередуются те и другие формы: *чий, чия́, чие́* и *чей, чья;* в № 7, 8, 21 — *чия́, чие́* и *чья, чьё;* в № 46 и 48 — *чия́, чья;* № 4 — *чий* и *чей.*

В именительном падеже множественного числа обычные формы *ч'ий* и *ч'иé*; в говорах молодежи и грамотных людей встречаются и *ч'jи* (чьи).

В ответах на «Анкету» № 4, 12, 14, 22, 25а, 26, 31, 37, 40, 43 отмечено *чий*; в № 6, 25б, 27, 28а, 32, 37, 45, 47д, 50 — *чиé*; те и другие формы имеются в № 9, 16, 23, 24; в № 7, 17, 18, 20, 30, 39, 39а, 41, 46, 47б, 47в, 48, 49 имеем *чьи*. Последняя форма в № 8, 21, 31а, 31б чередуется с *чий* и в № 47д — *чиé*.

Остановлюсь на следующих падежах местоимения *весь* (*ув'ес'*).

Род. п. ед. ч. ж. р. *усяé* («Смол. этн. сб.», с. Злотово Ельнинского у., IV, 363, дважды); вин. п. *усяе* (*скажи ўсяе праведу* — с. Злотово Ельнинского у., IV, 195) и *усяю* (с. Иньково Печерского у.).

В именительном и винительном падежах множественного числа имеем в окончании почти исключительно *-и*: *уси* («Смол. этн. сб.», с. Шоптово Бельского у., I, 335; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 204; с. Злотово того же уезда, IV, 556; с. Каблуково Краснинского у.; с. Клечетово Рославльского у.), *вси* (с. Полуево Рославльского у.; с. Даньково Смоленского у.) и *во ўсé* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Свалы Краснинского у., IV, 443), *вси* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 50).

В косвенных падежах имеем формы: *усих* («Смол. этн. сб.», с. Злотово Бельского у., IV, 363; с. Клечетово Рославльского у., IV, 210; с. Летошники того же уезда, IV, 464), *усим* (с. Летошники Рославльского у., I, 190 и т. д.).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *уси* (д. Мягково) и *фси* (с. Батурино, д. Гордеевка), *фсе* (д. Селы, с. Вороново Ржевского у.), *фсех* (д. Кострицы).

В моих наблюдениях формы *всех* и *всем* встречаются в говорах бывалых, грамотных людей и молодежи. В ответах на «Анкету» они отмечены — первая (*всех*) в № 10, 20, 27, 28, 30, 31б, 39, 47, 47а и 49, а вторая (*всем*) в № 10, 20, 27, 28, 30, 31а, 31б, 39, 39а, 45, 47а и 47б. В говоре же более пожилых и неграмотных людей в полном ходу формы *усих* и *усим*; первая из них — в № 1, 2, 4, 6, 9, 13, 14, 16, 19,21—25, 25а, 25б, 26, 31, 31а, 35, 37, 41, 43, 45, 46, 47б, 47г и 50, а вторая — в № 4, 6, 12—14, 16, 19, 21, 23, 24, 25а, 25б, 28б, 28в, 29, 31, 33, 35, 37, 41, 43, 47б, 47г и 50; в № 7, 17, 18, 28а, 40 и 47д отмечены формы *усех* и *всех*, а в № 18, 40, 47д и 49 — формы *усим* и *всем*.

От местоимения *что* в «Смол. этн. сб.» имеем: твор. п. ед. ч. *чим* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., II, 334; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 167; с. Радошково того же уезда, II, 207; с. Сухой Починок того же уезда, IV, 301; с. Холощево Краснинского у., IV, 502; с. Летошники Рославльского у., II, 211; с. Даньково Смоленского у., IV, 36, 583 и т. д.) рядом с *чем* в сложениях: *ничем* (с. Сухой Починок Ельнинск. у., IV, 243) и т. д.

В творительном падеже единственного числа имеем *чим* и в Обл. сл. 156, и в XXXVIII. 23.

3. СЛОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ

О формах именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода и фонетических изменениях их окончаний уже сказано в разделе «Фонетика». Дополнительно к этому добавлю, что в фольклорных записях и рук. мат-лах РГО в именительном падеже единственного числа мужского рода при безударности окончания имеем **-ый** и **-ий**: *шостый, семый, перший* (XXXVIII. 14), *дяшовый* (XXXVIII. 23); при ударении же на окончании **-эй** в соответствии русскому ли-

тературному *-ой*: *благей, сядей, большей* (XXXVIII. 14), *лисавей, другей* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45).

В родительном падеже единственного числа мужского рода в «Смол. этн. сб.» имеем *-ога* (*-ага*) и *-ова* (*-ава*) с преобладанием последних.

Примеры из «Смол. этн. сб.» — Бельский у., с. Беликово: *маладова* (I, 69); с. Сибирь: *белаго* (II, 248), *темнаго* (там же); с. Шоптово: *назавтрива* (I, 332) и *назаўтрига* (I, 364), *з высокаго* (IV, 396); Вяземский у., с. Новоселье: *желтыва* (II, 281), *сизыва* (IV, 470) и *милыга* (IV, 297), *дарагога* (там же), *милога* (там же); Дорогобужский у., с. Егорье: *белава* (IV, 336), *лехкыва* (IV, 336) и *разутыга, раздетыга, старыга* (IV, 329); Духовщинский у., с. Береснево: *правыга* (IV, 153); с. Никола Ядреич: *старыва* (IV, 21), *зилянова* (IV, 227), *злова* (IV, 225) и *висакога, злога* (IV, 255); с. Пречистое: *правядныва* (I, 310) и *у другога* (I, 312); с. Шиловичи: *любезнага* (IV, 392); Ельнинский у., с. Бердибяки: *злова* (I, 176), *вяликыва* (I, 337), *другова* (I, 340), *чужова* (I, 549) и *за любога* (I, 339); с. Боровское: *другога* (IV, 547); с. Злотово: *ярыва* (IV, 297); *пьяныва* (там же), *чорныга* (IV, 364); с. Радошково: *прежнива* (IV, 398) и *варо́ныга* (IV, 130, 351), *сярдечныга* (IV, 398); с. Рудня: *аднаво* (IV, 408) и *маладецкыга* (IV, 196), *правыга* (IV, 408); с. Сухой Починок: *харошива* (IV, 280), *жинатыва* (IV, 442), *халастова* (там же), *темныва* (IV, 617), *багатыва* (I, 210); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *дарагога*; с. Каблуково: *малыва* (II, 3), *ярыва* (IV, 305), *пьяныва* (там же), *харошива* (IV, 388), *пригожива* (там же) и *малыга* (II, 3), *ярыга* (IV, 388); с. Холощево: *варанога* (II, 183), *маладого* (II, 184), *чистыга* (IV, 216); Поречский у., с. Иньково: *белыва* (I, 17), *пухавова* (I, 189), *старыва* (IV, 53), *старыва* (IV, 444) и *нинавистнага* (I, 174), *вяликыга* (IV, 115), *старыга* (IV, 385), *роўныга* (IV, 444), *прастога* (IV, 450), *халастога* (там же); Рославльский у., с. Васьковка: *зилянога* (IV, 362); с. Летошники: *седьмова* (IV, 378) и *родимыга* (IV, 22); *бальшога* (IV, 150); с. Полуево: *галубога* (IV, 557); Смоленский у., с. Буловцы: *милыга* (IV, 391); с. Даньково: *сяреднива* (IV, 29), *у вяликава* (IV, 628) и *ближняга* (IV, 22); *раднога* (IV, 307) и т. д.

У Вл. Костылева имеем: *прия́тныва* (стр. 56) и *пре́жнига, бли́жнига* (стр. 59) и т. д.

Под влиянием форм именительного падежа единственного числа имеем в родительном падеже и формы на *-эго: да залатэго* (с. Даньково Смоленского у., II, 52), *маладэга* (там же).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем формы родительного падежа единственного числа с окончаниями *-ова* и *-ого* (с соответствующими фонетическими изменениями неударяемых звуков *а* и *о*) — с. Батурино: *т'омныва, белыва*; д. Белоусово: *һар'учива, кал'учива*; д. Бол. Семики: *часнова*; д. Будино: *милова*; с. Волыново: *т'омныва*; д. Вышние Мастаки: *маладова*; д. Дьяково: *т'оплыва, синакосныва*; с. Каменец: *хад'ачива, т'омныва*; д. Наумово: *л'убимыва*, но *т'омнаһа*; д. Пасино: *тач'оныва*; д. Половцево: *чорныва*; д. Сидоры: *белыва*; д. Симановка: *милова*; д. Сумароково: *л'убезныва*; д. Сухинино: *т'омныва*; с. Тативо: *милыва, л'убова*; д. Тилибукино: *л'убезныва*; д. Ясенная: *милова*.

В моих наблюдениях отмечено следующее. В родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода наиболее распространенными являются формы на *-ого* (с соответствующим изменением неударяемого *о*): *бал'шо́һъ, кра́снъһъ, ста́рыһъ, м'и́лъгъ, с'л'апо́һъ* и т. д. Примеры записаны мною в говорах Авдотьина, Арефина, Арнищ, Бабынова, Бол. Возьмища, Борок, Варечек, Гребневки, Зарубенок, Каспли, Квасова, Мошевой, Павлинова, Платонова, Подмостья, Потапова, Пушкина, Скачкова, Спас-Липок, Сыр-Липок и Сычева.

В Коханах, Рогнедине, Свистунах, Филиппове, Яковлеве и Янове наблюдались главным образом формы на ***-ово***. Характерно при этом, что в с. Яковлеве (прежнее название Пушкари) живут потомки переселенцев из Московского государства, переселенных сюда в XVII в. (о чем ниже).

В Белоручье, Бражине, Глистаях, Данильеве (в говоре возчика М. Д. Денисова), Долгомостье, Заборье, Зверовичах, Калёнове, Кряжеве (в говоре крестьянок на ст. Дорогобуж), Кучине, Никитье, Ополье, Рябцове, Сердечкине (в говоре крестьянки А. М. Журавлевой) чередуются формы на ***-ого*** и ***-ово***.

В говорах бывалых и грамотных людей наблюдались преимущественно формы на ***-ово***, например в говоре П. П. Сычева (Ямская Слобода) или И. И. Прозвицкого (Белоручье). То же надо сказать и о говоре молодежи: здесь также преобладает ***-ово*** при наличии ***-ого*** в говоре старших членов семьи (отца, матери). Например, в с. Калёнове, в говоре 50-летнего крестьянина и его жены таких же лет наблюдалось ***-óго***, тогда как у их 18-летней дочери было ***-ово***, чередующееся, правда весьма часто, с ***-ого***.

В «Бел. пр.» отмечено только ***-ого***.

В ответах на «Анкету» та же картина: более распространены формы на ***-ого***; имеются они в № 3, 7, 10, 13, 13а, 14, 25—28, 28а, 28б, 28в, 33, 37—39, 39а, 40, 41, 43—45, 47, 47а, 47в, 47г, 47д и 50; в меньшем количестве ответов, в № 1, 4, 6, 17—23, 25б, 29—31, 31а, 31б, 32, 34, 40, 46 и 47, отмечено ***-ово***. Те и другие формы имеются в № 8, 11, 35 и 49, причем в № 11 и 35 указано, что формы на ***-ово*** характеризуют речь молодежи, а также бывалых и грамотных людей.

В рук. мат-лах РГО встречается форма винительного падежа и без конечного ***и***: *у други* (XXVIII. 14).

В местном падеже единственного числа мужского рода в «Смол. этн. сб.» имеем формы на ***-им***, т. е. равные творительному падежу: *аб архирейским кучеру* (с. Пречистое Духовщинского у., I, 323).

Такие же формы местного падежа единственного числа мужского и среднего рода встретились и в моих наблюдениях: *нъ с'л'апы́м*, *нъ шыраны́м кан'é*, *w бал'шы́м калхоз'и* и т. д.

То же отмечается и в «Бел. пр.» № 31, 32 и 34.

В ответах на «Анкету» формы на ***-ым*** отмечены в № 4, 6, 9, 10, 16, 25, 25а, 26, 29, 31, 32, 41, 47в и 50 при формах на ***-ом*** в большинстве «Анкет», причем в № 7, 25а, 28в, 47д, 48 и 49 отмечены и те и другие формы, с указанием в № 7, что формы на ***-ым*** свойственны старым людям.

Подобные формы отмечены мною в Зарубенках, Каспле, Караваеве-Подгородном, Ополье, Рябцове, Филиппове и в говоре крестьян из с. Юшина. В Бабынове же, Бражине, Борках, Зверовичах, Никитье, Павлинове (разговор на станции), Сыр-Липках и Сычеве наблюдалось чередование форм на ***-ом*** и ***-ым***.

В женском роде имеем следующие примеры («Смол. этн. сб.»).

Родительный падеж. Бельский у., с. Дунаево: *залатэй* (II, 244); с. Шоптово: *гнилэй саломы* (I, 353), *бальшей дароги* (I, 666); Вяземский у., с. Новоселки: *сы бальшэй* (II, 287); Дорогобужский у., с. Егорье: *худэй* (IV, 409), *другэй* (там же); Духовщинский у., с. Бересневo: *однэй* (IV, 264), *худэй* (там же); с. Пречистое: *большея* (I, 315); Ельнинский у., с. Бердибяки: *от сядэй* (I, 176), *с буйнэй галовы* (I, 198), *з гары крутэй* (I, 434), *с аднэй стараны* (I, 441), *с другэй* (там же), *ня аднэй* (там же); с. Злотово: *моладэй* (IV, 379); с. Проверженка: *с гнядэй* (I, 187), *с гнилэй* (I, 327); с. Радошково: *сырэй* (IV, 555); с. Рудня: *аднэй* (IV, 140); с. Сухой Починок: *з буйнэй* (I,

169, 191); Краснинский у., с. Каблуково: *кала навэй* (IV, 563); Рославльский у., с. Митюли: *с буйнэй* (I. 209); Смоленский у., с. Даньково: *раднэй* (IV, 201), *с лютэй* (IV, 204).

Дательный падеж. Бельский у., с. Шоптово: *к новэй* (II, 414); Ельнинский у., с. Боровское: *к навэй* (IV, 574); с. Злотово: *мыладэй* (IV, 379); Рославльский у., с. Летошники: *маладэй* (IV, 59, 275).

В винительном падеже имеем: *на крутэю* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 564) и безударные окончания ***-уjу*** (***-ую***) с редуцированным, в большинстве случаев, звуком на месте ***у*** (перед ***j*** или ***ụ***). Огромное количество примеров представляет «Смол. этн. сб.». Бельский у., с. Дудкино: *милою* (=ми́лую; IV, 504); с. Дунаево: *сужинаю* (II, 234), *бурыю карову* (IV, 464), *чернаю* (IV, 598), но также и *зилёную* (IV, 465), *харошую* (IV, 44); Вяземский у., с. Новоселье: *белую* (II, 284, 287); Ельнинский у., с. Бердибяки: *паследнию* (I, 324); с. Лукино: *преисподнию* (I, 206), но *кипучую* (там же); с. Радошково: *жану твярезыю* (IV, 304); Краснинский у., с. Каблуково: *широкыю бараду* (IV, 335), *чилавечиию* (IV, 565), *стрялеччю* (там же), но также и *чилавеччую* (IV, 56); с. Холощево: *синию* (II, 180), *у новыю* (IV, 353); Поречский у., с. Иньково: *пахучую* (IV, 27), *тверёзаю* (IV, 57), *красную* (IV, 108), Смоленский у., с. Алексино: *жаркую* (IV, 192), *горькую* (там же); с. Даньково: *куннию* (II, 76), *вясеньнию ночь* (IV, 424), *у дальнию* (IV, 307).

Творительный падеж. Бельский у., с. Шоптово: *с аднэю* (I, 355); Вяземский у., с. Новоселье: *залатэю* (II, 287); Дорогобужский у., с. Егорье: *худэй долию* (IV, 409); Красноболотовская вол.: *раднэй* (IV, 413); Духовщинский у., с. Пречистое: *другэю* (I, 318), *аржанэю* (I, 319); Ельнинский у., с. Бердибяки: *святэю рукою* (I, 193); с. Боровское: *с кленавэ́й* (IV, 582); с. Злотово: *са лютэй* (IV, 373), *пад зялёнэю* (IV, 417), *падстрялёнэю* (там же); с. Сухой Починок: *святэю* (I, 170); Краснинский у., с. Свалы: *буйнэю* (IV, 445); Рославльский у., с. Летошники: *большею* (II, 191).

Местный падеж. Бельский у., с. Шоптово: *на другэй* (I, 546); Дорогобужский у., с. Егорье: *на худэй* (IV, 163), *па аднэй* (IV, 336); Духовщинский у., с. Пречистое: *аднэй* (I, 323); Ельнинский у., с. Злотово: *на быстрэй* (IV, 318); Краснинский у., с. Холощево: *при злэй* (IV, 354); Смоленский у., с. Даньково: *на бальшэй* (IV, 35).

Во множественном числе всех родов в именительном падеже имеем формы на ***-эя*** и ***-ыи***, ***-ии***, ***-ыя*** (***-ые***), ***-ия*** (***-ие***). И те и другие представлены в «Смол. этн. сб.». Примеры на ***-эя***: Бельский у., с. Шоптово: *раднэя* (I, 354); Ельнинский у., с. Бердибяки: *тисавэя* (I, 434), *пухавэя* (там же), *шаўкавэя* (там же), *лютэя марозы* (I, 492), *маладэя* (I, 554), *халастэя* (там же); с. Злотово: *залатэя* (IV, 199); с. Проверженка: *дети драбнэя* (I, 586), *другэя* (I, 656), *сляпэя* (I, 676); с. Радошково: *маладэя* (IV, 555); с. Сухой Починок: *удалэя* (IV, 218); Краснинский у., с. Каблуково: *залатэя* (IV, 253), *другэя* (IV, 305), *тисавэя* (IV, 310), *кленавэя* (там же); с. Свалы: *варанэя* (IV, 444), *две скатерти белявея* (IV, 540), *маладэя* (там же), *вербавэя* (там же); с. Холощево: *данскея* (IV, 507); Рославльский у., с. Романовка: *патайнэя* (IV, 257), *тисавэя* (там же), *пухавэя* (там же), *тяплэя* (там же), Смоленский у., с. Буловцы: *новэя* (IV, 637), *маладэя* (там же); с. Даньково: *пасканнэя* (IV, 116), *пинькавэя* (там же), *кужельнэя* (чесаный лён для прядения; IV, 499), *ряменнэя* (там же).

То же находим и в винительном падеже множественного числа неодушевленных имен. Бельский у., с. Шоптово: *русавэя* (IV, 403); Духовщинский у., с. Пречистое: *на крутэя* (IV, 368); Ельнинский у., с. Бердибяки: *гнилэя* (I, 176), *крутэя* (там же), *лихэя* (I, 204), *за реки*

бальшэя (I, 434), *за навэя* (I, 473); с. Радошково: *в чужэя* (II, 100); Краснинский у., с. Свалы: *за навэя* (IV, 447); Поречский у., с. Инькково: *за другэя* (IV, 406); Смоленский у., с. Буловцы: *в чужея* (IV, 232).

То же и у Вл. Костылева: *выранэ́я*, *мыладэ́я*, *пухавэ́я* (стр. 60) и т. д.

Примеры с окончанием ***-ыи***, ***-ии***, ***-ыя*** (*-ые*), ***-ия*** (*-ие*): Бельский у., с. Городок: *тупыи* (IV, 254), *маладыи* (там же); с. Беликово: *милыи* (I, 69), *постныи* (там же), *граматныи* (I, 70) и *падстрялёныя* (I, 70), *апущоныя* (там же); с. Дунаево: *красныи* (II, 244), *тисовыи* (IV, 173); с. Шоптово: *старшии* (I, 359), *маладыя* (IV, 255) и *радыя* (*раднэ́я стали такея радыя*; I, 354), *разныя* (I, 540), *закапаныя* (I, 673); Вяземский у., с. Новоселье: *сладкие* (II, 282), *гарючие* (IV, 297); Дорогобужский у., с. Егорье: *пышныи* (IV, 192), *пашанишныи* (там же); Духовщинский у., с. Береснево: *скупыи* (IV, 126) и *пушныя* (там же); с. Никола Ядреич: *вароныи* (II, 216), *темныи* (IV, 107), *крутыи* (там же), *залатыи* (IV, 252) и *лубяныя* (IV, 252), *старыя* (там же), *чорныя* (IV, 493), *белыя* (там же), *сивыя* (там же); Ельнинский у., с. Бердибяки: *гнилыи* (I, 168), *красныи* (I, 192), *суконныи* (там же) и *тисавыя* (I, 187), *пухавыя* (там же); с. Крутиловка: *новыи* (IV, 297) и *дубовыя* (там же), *гылубыя* (там же), *зиляныя* (там же); с. Лукино: *булатныи* (I, 206); с. Радошково: *шолкавыи* (IV, 279), *глупыи* (IV, 681), *данскии* (там же) и *багатыя* (IV, 72); с. Сухой Починок: *шелкавыи* (I, 182), *пухавыи* (I, 183), *касыи* (IV, 519), *кривыи* (там же), *жялезныи* (IV, 603) и *тисавыя* (I, 182), *пухавыя* (там же); Краснинский у., с. Каблуково: *дробныя* (IV, 295), *стюдёныи* (IV, 305); с. Холощево: *дробныи* (II, 183) и *бу́йныя* (там же); Поречский у., с. Инькково: *розавыи* (IV, 54), *драныи* (IV, 125), *ламаныи* (там же), *малодинькии* (IV, 384), *пуховинькии* (там же) и *буланинькие* (IV, 384), *каринькие* (там же); Рославльский у., с. Летошники: *ременныи* (IV, 151), *шилудивыи* (там же), *пеньковыи* (там же) и *харошия* (IV, 208), *пригожия* (там же); с. Михайловка: *рябыи* (там же), *жолтыи* (там же), *хахлатыи* (там же); с. Полуево: *родныи* (IV, 557) и *чорныя* (IV, 362), *ясныя* (там же), *грязныя* (IV, 557), *буйныя* (там же); Смоленский у., с. Алексино: *маладыя* (IV, 192); с. Даньково: *зяленыи* (IV, 188), *багровыи* (там же) и *дубовыя* (IV, 109), *альховыя* (там же), *бальныя* (раны; IV, 523), *тяжолыя* (там же), *драбныя* (IV, 527), *щалковыя* (IV, 531) и т. д.

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем — Бельский у.: *стал'ныји* (д. Антипово), *дубовыји* (д. Бунаково), *багатыји* (д. Глушаково), *чужыји* (д. Горки), *л'убезныји* (там же), *зајежжији* (д. Мягково), *старыји* (там же), *верныји* (д. Симоновка), *зямчужныји* (там же), *бујныји* (там же), *сиребриныји* (д. Смальники), *маскоўскыји* (там же), *синакосныји* (д. Сухинино), *л'убезныји* (д. Тилибукино); Духовщинский у.: *радныји* (с. Сущево).

В рук. мат-лах РГО имеем те же окончания ***-ыи***, ***-ии*** и ***-ыя***, ***-ия***: *добрыи* и *добрыя*, *строгии* и *строгия* (XXXVIII. IV).

В именительном падеже множественного числа в ответах на «Анкету», в № 1, 4, 6, 16, 19, 20, 24, 25б, 31, 31а, 37, 40, 41 и 43, отмечены формы на ***-ыи***: *колхо́зныи*, *кра́сныи обо́зы*; в большинстве же ответов формы на ***ые*** (***-ие***); кое-где, в № 17, 18, 21, 28в, 39, 47г и 47д, отмечены обе формы.

То же наблюдалось мною в ряде сел, а также имеется и в других источниках — в рук. мат-лах ЗОАБ: *ми́лаи*, *л'уб'ёзнаи* (д. Клюшни); в работе В. М. Архангельского: *целыи*, *бледныи*, *темныи*, *доверчивыи*, *которыи* (в рассказе крестьянина Башкина из с. Волочек), *наружныи*, *какии* (в рассказе крестьянина из д. Тарасовки).

4. СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ

В «Смол. этн. сб.» имеем следующие материалы по образованию степеней сравнения прилагательных.

Формы на ***-ей***, ***-ея*** или ***-ий*** отмечены — Вяземский у., с. Новоселки: *ширий* (IV, 472); Дорогобужский у., с. Егорье: *гарчей* (IV, 201); Ельнинский у., с. Бердибяки: *чищей* (I, 208), *луччий* (там же); с. Радошково: *чащей* (IV, 183), *вялей* (IV, 351); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *гарьчей* (IV, 222); с. Каблуково: *чищий* (IV, 266), *гарчей* (IV, 309), *памякчея* (IV, 310); с. Холощево: *выший* (IV, 503); Поречский у., с. Иньково: *пачащий* (IV, 262), *параней* (IV, 404), *высачей* (IV, 437); Рославльский у., с. Летошники: *далий* (IV, 77); Смоленский у., с. Даньково: *луччий* (IV, 50), *палуччий* (IV, 61), *за маладейшага* (IV, 195), *гарчей*, *лягчей* (IV, 205), *латвей* (IV, 598) и *павыши* (IV, 24).

С другой стороны, встречаются и такие образования, как *слажи* (с. Егорье Дорогобужского у., IV, 201), *ширши* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 252; с. Свалы того же у., I, 313) и *краши* (с. Бердибяки Духовщинского у., I, 204).

5. ЗАМЕЧАНИЯ О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В селах Арефине, Бабынове, Борках, Ворошилове, Зарубенках, Каспле, в говоре возчика из с. Лучёсы, в Мошевой, Сыр Липках и Юшине (в речи женщин) встречаются формы местного падежа числительных женского рода *у д'w'ух*; чаще же имеют место формы *у дwох* и *у дwух*.

В Борках, Варечках, Ополье, Платонове и Юшине весьма распространены собирательные формы *у дwацйх*, причем в Борках, Варечках и Ополье обычна и форма *у д'w'ух*. В Филиппове в единичных случаях наблюдалось и *у дwацóх*.

В рук. мат-лах РГО имеется форма винительного падежа единственного числа женского рода от числительного *один: однае* и *одну* (XXXVIII. 14).

В ответах на «Анкету», в № 1, 4, 6, 9, 13, 16, 24, 25а, 27, 28б, 29, 41, 45, 46, 47в и 50, отмечена та же форма местного падежа женского рода, что и в селах Арефине, Бабынове и т. д., — *у д'w'ух*; в огромном же большинстве ответов форма общая с мужским родом: *у двух*; в № 7, 14, 28а, 40 и 49 указаны обе формы.

6. СПРЯЖЕНИЕ

Тематические глаголы

Настоящее время

Остановлюсь здесь на следующих формах.

3-е лицо единственного числа. В 3-м лице единственного числа настоящего времени источники представляют в окончании ***т'***.

В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Беликово: *ня ступить* (I, 69); *выходить* (там же), *праживаить* (там же), *пакалеить* (там же), *призываить* (I, 71); с. Дудкино: *живеть* (IV, 504), *не знаеть* (там же); с. Дунаево: *стаить* (II, 241), *заплачить* (II, 246), *ни даеть* (II, 247); с. Шоптово: *пасабляить* (I, 153), *гаворить* (I, 331), *устаеть* (I, 332), *тащить* (I, 336), *надиеть* (I, 352), *пайдеть* (I, 671); Вяземский у., с. Новоселье: *ня мовить* (IV, 297), *ронить* (там же); Духовщинский у.,

с. Береснево: *едить* (IV, 99); с. Никола Ядреич: *выбываить* (II, 216); с. Пречистое: *пажертвуеть* (I, 315), *будить* (I, 317), *хватить* (I, 319), *думаить* (I, 320), *сохнить* (IV, 494), *здохнить* (там же); с. Шиловичи: *паверить* (IV, 392); Ельнинский у., с. Бердибяки: *прйдить* (I, 479); с. Боровское: *пьеть* (IV, 508), *кладеть* (там же), *робить* (IV, 546), *сидлаить* (там же); с. Крутиловка: *вазметь* (II, 196), *ни буваить* (IV, 360), *гастюить* (там же), *сидлаить* (там же); с. Лукино: *держить* (I, 188); с. Проверженка: *возить* (I, 237), *будить* (I, 588), *украдить* (там же); с. Радошково: *точить* (II, 100), *суить* (суёт; IV, 554); с. Сухой Починок: *падходить* (I, 162); Краснинский у., с. Каблуково: *кажить* (IV, 212), *даеть* (IV, 306), *ни знаить* (IV, 380); с. Холощево: *будить* (II, 177); Поречский у., с. Иньково: *пашумливаить* (II, 187), *полить* (IV, 218), *колить* (там же). *пойдеть* (IV, 385); Рославльский у., с. Летошники: *абсветить* (II, 192), *растворить* (там же), *желеить* (IV, 271), *спрашиваить* (IV, 272), *любить* (IV, 308); с. Митюли: *нашлеть* (I, 179); Смоленский у., с. Даньково: *наживаить* (I, 658), *играить* (II, 101), *сидлаить* (там же), *прйдить* (IV, 19), *молить* (IV, 198), *плачить* (там же); с. Киселевка: *вырвить* (I, 411), *бросить* (там же); *закинить* (там же), *гаворить* (там же), *пасылаить* (там же).

В рукописном «Сборнике» В. В. Богданова имеем преимущественно *т'*, лишь кое-где *т* твердое. Мягкое *т* имеем в следующих населенных пунктах. Бельский у., с. Беликово: *л'л'от'*, *мит'от'*, *вид'от'*; с. Бол. Семики: *приглидајит'*; д. Будино: *пајд'от'*, *һул'аит'*; д. Волково: *н'а будит'*; с. Волыново: *бјот'*; с. Высокое: *памирајит'*; с. Голенищево: *прејит'*; с. Дупильно: *л'убит'*, *нинавидит'*, *стучит'*; с. Дьяково: *плачит'*, *жалејит'*; с. Емельяненки: *прападајит'*; с. Казаково: *сидит'*, *һаворит'*; с. Каменец: *кличит'*; д. Ковалево: *л'н'от'*; с. Климово: *пйшчајет'*; д. Климятино: *ид'от'*; д. Кострицы: *жив'от'*; д. Красная Долина: *рајит'*; д. Нестерово: *лижит'*; д. Редькино: *плачит'*; д. Рудаково: *приходит'*; д. Саново: *састрица јит'*, *л'ажит'*; д. Саново: *пајот'*; д. Тилибукино: *ходит'*, *литајит'*, *ид'от'*; д. Шелухино: *стајит'*; с. Шоптово: *ни бир'от'*; д. Шушково: *ид'от'*.

В ответах на «Кр. Ак. пр.» везде имеется *т'*, причем в селах Крюкове, Дунаеве и 24 окрестных деревнях Бельского у., в с. Мархоткине Ельнинского у., в с. Княжом и округе Краснинского у., в Тюнинской вол., в деревнях Алфёрово, Бабиново, Литвиново, Стреченово, Щепет и Тюнино и в с. Жабине Хорошевской вол. перед *т'* имеем *о* (*н'ес'от'*).

В ответах на «Ю-вр. пр.» № 85 и 18а имеем *т'*, в остальных номерах эти вопросы оставлены без ответа.

Твердое *т* в окончании 3-го лица единственного числа, чередующееся с мягким *т*, отмечено в «Сборнике» В. В. Богданова в Бельском у. в следующих селах и деревнях — д. Васильевка: *пил'ат*, *кур'ат*, *бјот*, *пајот*, *живот*, но и *пајот'*, *рас'т'от'*, *һул'ајит'*, *лижит'*; но д. Некрасово: *едит*, *плачит*; д. Сёлы: *тич'от*; д. Сидоры: *ид'от*, *һрејит*, *жив'от*; с. Тативо: *лижит*, *спит*; д. Ясенная: *бижит*; Духовщинский у., с. Новое Коровье: *ни косит*, *ни жн'от*, *ни л'убит*, *ни бир'от*.

В № 280 отмечено также *т'*: *берéть*, *несéть*, *хóчеть*. Твердое *т* слышится редко.

В рук. мат-лах РГО № XXXVIII. 25 имеем то же самое: *бьеть*, *секеть*, *говорить*, *лежить*, но *поет*, *ходит*, *дорит*, *говорит*, т. е. чередование *т'* с *т*.

Примечание. В с. Иньково Поречского у. («Смол. этн. сб.») имеем форму 3-го лица единственного числа *сядити* (IV, 356) и *глядити* (там же). В других местах она не отмечается, равно как нет ее и в других источниках. Известна она в белорусских говорах: гомельских, сенненских и др.

В рук. мат-лах РГО и фольклорных записях начала второй половины XIX в. 3-е лицо единственного числа глаголов имеет в окончании *ц'* из *т* мягкого (в силу цеканья), чередующееся иногда с *т* мягким: *думаиць*, но *станить*, *любить*, *будить* (XXXVIII. 14), *идець* (XXXVIII. 25), но *читаеть* (XXXVIII. 4).

Также в рассказах, записанных П. Д. Шестаковым («Смол. губ. вед.», 1853, № 45), имеем формы с *ц* мягким: *хочець*, *ускоцець*.

Тут же (50-е годы XIX в.) встречаем и формы без *т* мягкого: *гаворя* (с изменением конечного безударного гласного); см. ниже.

Примечание. Формы 2-го лица единственного числа в некоторых источниках приводятся с *шь*, но звук *ш*, как мы видели, в говорах твердый. Следовательно, *шь* в этих формах есть орфографическое написание, а не обозначение мягкости *ш*.

Приводя в качестве примера на 2-е лицо единственного числа *врѣшь* с *ш* мягким и *ѣ*, автор записи А. Извольский (XXXVIII. 4) противопоставляет его написанию с *е*: «врѣшь, а не врешь», — говорит он, т. е. через *ѣ* здесь передается произношение *вр'еш*, а не *вр'ош*.

В мат-лах И. Г. Голанова из сел Власова, Каталина, Липок и Хохлова отмечены формы с *т'*: *пр'ит'исн'а́ӯит'*, *γамо́н'ит'*, *жила́ӯит'*, *зна́ӯит'*, *жыв'е́т'*, но в говоре той же крестьянки из с. Хохлова в обращении ее к кассиру (наблюдение было произведено на ст. Новодугинская) одновременно отмечено *т* твердое и *т* мягкое: *нъ Смал'е́н'ск ско́ръ пайд'о́т'? — через час пр'ибу́д'ът?* (последнее, по-видимому, повторение ею ответа кассира).

В мат-лах О. А. Державиной также отмечено мягкое *т*.

В рук. мат-лах ЗОАБ — то же мягкое *т*: *отпу́ст'ить*, *ста́н'ить на дйбы*, *бу́д'ить* (орфография источника).

В рук. мат-лах АН БССР то же самое: *паска́чить*, *рабо́таеть*, *хо́чить*, *убере́ть*, но тут же и *абдо́рит*, *ка́шлит* (=кашляет).

В «Бел. пр.» также отмечено *т'*.

В статьях Н. П. Гринковой и В. М. Попова имеем только мягкое *т*; мягкое *т* и в работе В. М. Архангельского: *будить*, *возметь*, *ни выгонить*, *зажигаеть*, *насучить*, *принесеть*, но и *гаварит*.

Примечание. В единичном лишь случае в говоре пожилого крестьянина из с. Камнева отмечена форма *саӯе* (без *т* твердого или мягкого).

В ответах на «Анкету» в большинстве номеров отмечено *-ить* или под ударением *-еть*; лишь в немногих ответах, в № 13, 22, 24, 25а, 28а, 30, 31а, 33, 39 и 50, имеем *-ёть*. В № 17, 19 и 31 отмечено, что произношение *идёть*, *живёть* характерно для говора бывалых людей и для молодежи, а — *иде́ть*, *живе́ть* — для говора стариков. Последнее особенно подчеркивается в ответе № 31 — одном из лучших, надо сказать, ответов.

В «Анкетах» № 13, 17, 25, 25а, 25б, 27а, 28а, 31а, 31б, 39а, 47, 47б, 47г, 47д и 49 отмечены формы с *т* твердым, причем в № 17 указано, что такое произношение свойственно лишь хорошо грамотным людям.

В говорах, бывших предметом моих наблюдений, в 3-м лице единственного числа настоящего времени глагола отмечено в окончании *т'* *б'ер'е́т'*, *бу́д'ит'*, *дъпас'е́т' ко́н'ьӯ*, *ду́маӯит'*, *жыв'е́т'*, *зав'е́т'*, *зна́ӯит'*, *ид'е́т'*, *падо́хн'ит'*, *пал'у́б'ит'*, *па́хн'ит'*, *пр'ид'е́т'*, *па́шыт'*, *руга́ӯит'*, *ска́жыт'*, *смо́тр'ит'*, *сто́н'ит'*, *с'ак'е́т'*, *н'а хо́ч'ит'* и т. д. В некоторых говорах на месте ударяемого *е* в окончании имеем *о*: *жыи'от'*, *ид'о́т'* (женщина из с. Кряжево), *н'ес'от*, *праӯд'о́т'* (с. Филиппово), *с'ек'о́т'* (с. Никитье) и т. д.

В немногих случаях от лиц, достаточно грамотных или тесно связанных с продолжительными отходами на заработки в крупные культурные центры и, больше того, следящих за своим произношением, а также отчасти и от переселенцев из русских бывших губерний, не утративших особенностей своего произношения, отмечено и твердое *т*. Таково, например, произношение возчика из Ямской Слободы П. П. Сычева: *ид'óт, пас'óт лышад'éц;* возчика из с. Данильева М. Д. Денисова: *хóд'ит, вед'óт хъз'áцствъ;* малограмотных крестьян с. Филиппова, русских переселенцев — *б'ер'от, в'ез'от, н'ес'óт*, но некоторым из них не чуждо и произношение с мягким *т*: *им'éцит', хóд'ит', кóс'ит'* и т. д.; твердое *т* (*думъцит, л'убит*) отмечено мною в говоре крестьянки средних лет в с. Рябцове, говор которой представляет смешение белорусских и русских черт с преобладанием последних; *т* твердое наблюдалось и в с. Потапове (*рабóтъцьт, плóтн'ичъцьт, уцд'óт* и т. д.), но только в говоре старухи А. А. Гороженковой.

В говоре учеников из Мощинской школы наблюдалось твердое *т*; лишь у одного ученика из с. Засигова иногда встречалось и мягкое *т*: *с'ид'ит, б'ижыт*, но *ид'éт', кýр'ит'*.

Также в с. Свистунах преобладает мягкое *т*: *гр'из'óт', ни пъзвал'áцит', накóс'ит', хwáт'ит'*, но тут же и *н'ъ знáцет, пас'óт*; последнее главным образом в говоре некоторых (единичные случаи) мужчин (запись говора велась на колхозном собрании). В говоре же 89-летней старухи И. Лебедевой только мягкое *т*: *wаз'м'óт', запjóт', жыш'óт', пр'ихóд'ит', пр'ид'óт', пан'ис'óт'*, также *т'* в говоре другой старухи — *мóжыт' н'и аддацóт'*.

2-е лицо множественного числа. Форма 2-го лица множественного числа в немногих случаях представляет переход ударения на конечный гласный с переходом конечного *е* в *о*.

Примеры см. в главе «Гласный *о* на месте *е* под ударением».

В фольклорных записях среди форм 2-го лица множественного числа встречаются формы и с ударением на окончании и переходом под ударением *е* в *о*: *дасцио, визицио, крадицио* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 50 — орфография источника).

В единичных случаях в «Смол. этн. сб.» встречаются формы 2-го лица множественного числа *идéтя* (с. Сухой Починок Ельнинского у., I, 168, 171) и 1-го лица множественного числа *идéм* (там же, I, 169).

В № 280 имеем определенное указание на окончание в этих формах *-ете (-етя)*, а не *ёте*: *берéте, несéте* и т. д.

Сообразно с этим, в формах *идéтя, идéм* следует видеть факты живого произношения, а не орфографическое явление — отсутствие обозначения перехода *е* в *о (ё)*.

3-е лицо множественного числа. В 3-м лице множественного числа также имеем *т'*. Источники представляют следующие примеры.

«Смол. этн. сб.» — Бельский у., с. Дунаево: *гаварять* (II, 229; IV, 290), *лаюць* (IV, 464), *знаюць* (там же); с Шоптово: *видюць*(I, 336), *хатять* (IV, 410); Духовщинский у., с. Никола Ядревич: *хочуть*; с. Пречистое: *ставять* (I, 312), *гарять* (I, 317), *ходять* (IV, 418); Ельнинский у., с. Бердибяки: *ходюць* (I, 371), *брешуть* (там же), *атживять* ((I, 447); с. Боровское: *носюць* (IV, 508); с. Проверженка: *гаворюць* (I, 558); с. Радошково: *варюць* (IV, 579); Краснинский у., с. Свалы: *блеюць* (IV, 303), *хатять* (там же); с. Холощево: *тужуть* (IV, 534); Поречский у., с. Иньково: *бранять, велять*; Рославльский у., с. Романовка: *радюць раду* (IV, 179); Смоленский у., с. Буловцы: *хотять* (IV, 635); с. Киселевка: *гаворюць* (I, 410).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем — д. Будино; *hавар'ат'*; д. Дьяково: *jез'д'ут', ход'ут';* д. Погорельцы: *шум'ат';* с. Тативо: *живут', цвитут';* д. Тилибукино: *выjут'*.

В ответах на «Кр. Ак. пр.» везде также имеем *т'*.

В ответах на «Ю-вр. пр.» — *т'* в тех же номерах, что и в 3-м лице единственного числа.

В № 280 отмечено только *т* мягкое.

В рук. мат-лах РГО № XXXVIII, 25: *идуць, ядуць*.

Различие между первым и вторым спряжением, как показывают источники, не проведено последовательно — оба спряжения смешиваются между собой, причем глаголы 2-го спряжения подверглись влиянию со стороны 1-го спряжения.

Примеры из «Смол. этн. сб.» — Бельский у., с. Шоптово: *падвозють* (I, 712), *падносють* (II, 229), *скрутють* (там же); Вяземский у., с. Новоселье: *любють* ((II, 284), *водють* (там же), *дорють* (там же); Смоленский у., с. Даньково: *содють* (IV, 8), *усодють* (там же), *падводють* (там же), *ходють* (IV, 10), *варють* (IV, 103), *валочуть* (IV, 114) и т. д., но также и *ломять* (с. Свалы Краснинского у.).

В рук. мат-лах РГО и фольклорных записях начала второй половины XIX в. в формах 3-го лица множественного числа имеем в окончании *ц* мягкое из *т* мягкого так же, как и в 3-м лице единственного числа, чередующееся с *т* мягким: *идуць* и *идуть, будуть* (XXXVIII. 14), *идуць, ядуць* (XXXVIII. 25), *знаюць* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 50), но *не едять, не пьють* (XXXVIII. 25; К. Ш. «Смол. губ. вед,», 1854, № 2).

В «Бел. пр.» отмечено только *т* мягкое.

В современных живых говорах в 3-м лице множественного числа повсеместно отмечено *т'*: *н'и пълуч'а̂ııут', ш'азу́т', абүашо́р'ут', апрыу́л'а̂ııут', пъдаııу́т', хлапо́ч'ут', хо́ч'ут'* и т. д. Лишь в единичных случаях — в говоре возчиков из сел Данильева, Филиппова (2-й возчик) и Ямской Слободы отмечено твердое *т*: *с'еııут, ко́ни б'аүу́т, хл'еб дастаııу́т* и т. д. При безударности окончания почти исключительно слышится *-ут'* формы 2-го спряжения на *-'ат' (-ять)* крайне редки; отмечены они, между прочим, в говорах возчиков П. П. Сычева и Д. М. Денисова.

В ответах на «Анкету» также отмечено *т'* и влияние форм 1-го спряжения на 2-е; формы последнего отмечены лишь в № 13, 28б, 28в, 31а, 36, 38, 47а, 47б, 47в, 47г и 47д; в № 1, 4, 25а, 26 и 34 они чередуются с формами 1-го спряжения.

В работах Н. П. Гринковой и В. М. Архангельского отмечены формы на *-т'* с господством форм на *-ут'* и во втором спряжении.

Замечания о некоторых формах глагола

От глагола *хотеть* встречается форма 3-го лица единственного числа *хатить* (с. Шоптово Бельского у., I, 153; с. Радошково Ельнинского у., IV, 304) при формах *хочить* (с. Свалы Краснинского у., IV, 303), *ня хочить* (с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 26).

В 1-м лице множественного числа имеем в единичных, правда, случаях *ни хатим* (с. Даньково Смоленского у., IV, 596) и чаще *хочем*.

В 3-м лице множественного числа обычны формы *хатять* (с. Шоптово Бельского у., IV, 410; с. Злотово Ельнинского у., IV, 313; с. Свалы Краснинского у., IV, 303) и *хочуть* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 543).

От глагола *петь* имеем в 3-м лице единственного числа *пяеть* (с. Беликово Бельского у., II, 29; с. Даньково Смоленского у., IV. 50); *ни пяеть* (с. Радошково Ельнинского у., IV, 287).

В 1-м лице множественного числа будущего времени имеем *запяём* (с. Свалы Краснинского у., IV, 620) и *запоём* (с. Буловцы Смолен-

ского у., IV, 636), а также и во 2-м лице повелительного наклонения имеем *ня пой* (с. Шоптово Бельского у., IV, 416).

В 3-м лице множественного числа настоящего времени имеем *пяють* (с. Шоптово Бельского у., IV, 415; с. Злотово Ельнинского у., IV, 320, 556; с. Радошково того же у.; с. Сухой Починок того же у.; с. Холощево Краснинского у., II, 183; с. Иньково Поречского у., IV, 386; с. Черепово Рославльского у., IV, 293).

В рук. мат-лах РГО находим следующие образования от отдельных глаголов: а) от глагола *петь* 1-е лицо ед. ч. *пяю* (XXXVIII. 14); б) от глагола *идти* 2-е лицо мн. ч. наст. вр. *идетя* (XXXVIII. 14); от глагола *хотеть* 3-е лицо ед. ч. *хотить* (XXXVIII. 5).

Прошедшее время

Формы прошедшего времени характеризуются чередованием в окончании *л* и *ў (в)*, причем в этом чередовании нельзя установить какой бы то ни было закономерности.

Примеры с этим и другим окончанием см. выше в главе «Сонорные согласные».

От глагола *идти* в рук. мат-лах РГО форма прошедшего времени с приставленным нефонетическим *и: ишел, ишли* (XXXVIII. 4).

В «Смол. этн. сб.» у глаголов с основой на шипящие в формах прошедшего времени после шипящего имеем *е*: *стучела-грючела* (с. Проверженка Ельнинского у., II, 3) *шурачела* (там же, 70), *глубочела* (там же).

В фольклорных записях начала второй половины XIX в. в формах прошедшего времени единственного числа мужского рода имеем *л* и *у (в)*, чередующиеся между собой: *атскацив*, но *притулился* («Смол. губ. вед.», 1853, № 45); то же дают и рук. мат-лы РГО (XXXVIII, 4).

Формы давнопрошедшего времени

В говоре 90-летнего крестьянина в с. Зверовичах отмечена мною редкая в Смоленщине форма давнопрошедшего времени: *тóл'к'и был'й назнáч'ил'и цауб ў тур'ецкуцу канпáн'ицу; забрáл'и был'й* и т. д.

Сознается ли эта форма говорящим как давнопрошедшее время, трудно сказать. В говоре других объектов наблюдения (мужчин и женщин) она мне не встретилась.

Будущее время

Из форм будущего времени обращает на себя внимание лишь единичная форма 2-го лица мн. ч. *вазьметя: иде ета слыхана, што вы маю дочку вазьметя* (с. Шоптово Бельского у., I, 362),

Повелительное наклонение

В главе «Исчезновение звуков» приведены примеры повелительного наклонения 2-го лица единственного числа с отсутствием конечного гласного звука: *паскач', прагон'* и т. д.

От таких форм в «Смол. этн. сб.» в ряде случаев образуются формы множественного числа 2-го лица через прибавление к ним окончания *-те: щебечьте* (с. Дунаево Бельского у., II, 249), *пасодьтя* (с. Даньково Смоленского у., IV, 622), *паложьтя* (там же).

В Сухом Починке Ельнинского у. отмечена старая форма повелительного наклонения с *е* (из ѣ): *идетя* (I, 193; «Смол. этн. сб.»).

Наличие этой формы при отмеченных выше формах 1-го и 2-го лица множественного числа настоящего времени (*идём*, *идётя*) дает основание видеть и там и здесь (в тех и других формах) факты живого языка.

Старые формы повелительного наклонения на ***-ем, -ете*** (из ***ѣм*** и ***ѣте***) отмечены лишь в весьма незначительном числе ответов на «Анкету», в № 10, 15, 24, 28а и 47а; № 49 форма *идем* чередуется с *идём*. Лично мне формы на ***-ем, -ете*** не встретились.

Некоторое распространение во 2-м лице единственного числа имеют формы с утратой конечного ударяемого под влиянием таких глагольных образований, как *глянь*, *плюнь*, *стань*. В «Смол. этн. сб.» имеем: *паскач* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 37), *адгонь* (с. Сухой Починок Ельнинского у., 1. 191), *пасодь* (с. Летошники Рославльского у., IV, 24), *прагонь* (там же, IV, 276), *ня гонь* (там же), *палож* (с. Романовка того же уезда, IV, 186) и т. д.

В ответах на «Анкету» отмечены формы: *пасодь* — в № 1, 10, 12 – 14, 16, 19, 23, 27а, 29, 31—33, 40, 41, 43, 45, 47в и 48; *не вводь* — в № 29; те и другие формы (*пасодь* и *пасоди*) отмечены в № 4, 18, 47б и 47 д; *не вводи* и *не вводь* — в № 4.

Аналогичные формы отмечены мною в селах Бражине, Зверовичах, Каспле, Ополье и др.

Условное наклонение

В условном наклонении имеем чередование форм на ***л*** и на ***ў*** в соединении их с частицей ***бы*** с редуцированным звуком на месте ***ы***, передаваемым в источниках через ***а***: *паднёс ба* (с. Шоптово Бельского у., II, 231), *ни пашов ба* (с. Иньково Поречского у., IV, 54) и т. д. («Смол. этн. сб.»).

Глаголы с основой на задненебные, губные и зубные согласные

Здесь приведу следующие образования, главным образом прошедшего времени: *ён бег* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 337), *прабег* (там же), *бегли* (с. Холощево Краснинского у.; с. Буловцы Смоленского у.), *пабегли* (с. Пречистое Духовщинского у., IV, 493), *прибегли* (с. Злотово Ельнинского у., I, 655).

В моих наблюдениях от глаголов *спать*, *ловить*, *ходить*, *просить* и подобных им, т. е. от глаголов с губными или зубными согласными звуками перед гласным основы, в 1-м лице единственного числа настоящего времени мною отмечены формы: *сп'у*, *лаш'ў*, *хад'ў*, *прас'ў*.

Подобные формы встретились мне в с. Квасове.

В ответах на «Анкету» они имеются в небольшом числе, в № 19-- 21, 25а, 25б, 29, 31, 37, 43, 48 и 50; в остальных ответах — формы с соответствующим смягчением губных или зубными согласными ***ж*** и ***ш***: *спл'ў*, *лаўл'ў*, *хажў*, *прашў* и т. д.; в № 16—18, 27а, 31б, 34 и 49 — те и другие формы.

Нетематические глаголы

В «Смол. этн. сб.» встречаются следующие формы от глаголов *дать* и *есть* (= кушать): 2-е лицо ед. ч. *даси* (с. Шоптово Бельского у., I, 598, 605; с. Рудня Ельнинского у., IV, 230), *ни атдаси* (с. Шоптово Бельского у., I, 600), *атдаси* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 284), *ня выдаси* (там же, I, 475), *зъяси* (с. Шоптово Бельского у., I, 354), *ни яси* (с. Радошково Ельнинского у., IV); 3-е лицо ед. ч. *отдась* (№ 280), *дасць* (РГО, XXXVIII. 14); 2-е лицо мн. ч.

дасьтё (с. Береснево Духовщинского у., IV, 153), *ясьтё* (с. Шоптово Бельского у., I, 335); 3-е лицо мн. ч. *ядуть* (с. Шоптово Ельнинского у., I, 353; с. Береснево Духовщинского у., IV, 126; с. Боровское Ельнинского у., IV, 508; с. Даньково Смоленского у., II, 71).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *ти даси ты мне* (с. Кубарово), *јадут'* (с. Красная Долина).

В № 280 отмечено очень редкое употребление таких форм, как *дасй*, *прадасй*.

В рук. мат-лах РГО имеем: *прадаси* (XXXVIII. 25) и в пословице: *Як не поеси, то и светых продаси*. Там же от глагола *есть* (= кушать) встречаются формы 2-го лица ед. ч. наст. вр. *еси*, *поеси* (XXXVIII. 25), 3-е лицо мн. ч. *ядуць* (XXXVIII. 25) или *ядуть* (XXXVIII. 14).

Из форм нетематических глаголов в моих наблюдениях встретились формы настоящего времени от глаголов *дать* и *есть* (= кушать) — *дас'й* и *ӣас'й*. Встречались они мне в Авдотьине, Бабынове, Белоручье, Бол. Возьмище, Бражине, Варечках, Глистаях, Зарубенках, Зверовичах, Каспле, в говоре крестьянки из с. Кряжева, в селах Кучине, Мошевой, Ополье, в говоре крестьянина из с. Павлинова, в селах Потапове, Рябцове, Скачкове, Спас-Липках, Сыр-Липках, Сычеве и в говоре крестьянки из с. Юшина. Отмечаются они исключительно в речи малограмотных и неграмотных лиц. В одной и той же деревне у разных членов семьи можно слышать и *даш*, *јеш* (например, в Каспле, Кучине, Ополье и др.) и *дас'й*, *ӣас'й*.

Во 2-м лице единственного числа в говоре крестьянок из сел Арнишиц и Сердечкина и у крестьянина из Бол. Возьмища встретились формы *дад'йш* и *ӣад'йш*. Последняя — у первых двух.

В с. Бабынове у крестьянки из с. Юшина отмечены мною формы 2-го лица мн. ч. *дас'т'ó*, *ӣас'тó*.

В говоре крестьянки из с. Кряжева встретилась форма 3-го лица мн. ч. *ӣадýт*?

В селах Волоковой, Ворошилове, Долгомостье, Квасове, Караваеве-Подгородном, Никитье, Филиппове старых форм нетематических глаголов мне не встречалось — здесь приходилось отмечать исключительно новые формы: *даш*, *јеш*.

В статье Н. П. Гринковой отмечены формы 2-го лица ед. ч. *дас'й* и *аддас'й* (стр 314).

В ответах на «Анкету» приблизительно та же картина: в № 6, 9, 12—15, 22, 24, 25а, 25б, 26, 27, 28в, 32, 33, 37, 38, 41, 45, 46 и 47д отмечены формы *даси* и *яси*; кроме того, *даси* имеется в № 7, 31а, 47в, 48 и *яси* — в № 16; в остальных «Анкетах» формы *даш* и *еш*; те и другие формы отмечены в № 4, 8, 11, 16, 22, 40, 43 и 44; в № 44 отмечено, что формы *даш* и *еш* характерны для говора бывалых, грамотных людей и молодежи.

Формы мн. ч. *дасьтё*, *ясьтё* имеются в № 12, 13, 25а, 28б, 29, 46, 47в, 47д и 48; в большинстве же ответов — *дадите*, *ядите*. В № 4 и 8 отмечены те и другие формы. В № 16 чередуются формы *дастё* и *дадитё*.

7. НЕСПРЯГАЕМЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

а) Неопределенная форма глагола

Неопределенная форма глагола в песенных материалах имеет окончание **-ть** и **ти**. Последнее иногда встречается и в прозаических записях, например, в с. Шоптово Бельского у. имеем *стричати*

(= встречать; I, 712). Анализ форм на *-ти* показывает, что оно (*-ти*) вызывается главным образом требованием рифмы или ритма. Например, форма *уживати* рифмуется со словом *хати* (= хата; с. Шоптово Бельского у., I, 333). Там же, где нет этого требования, и в песнях имеем форму на ***-ть***.

Таким образом форма на *-ти* — не известный живой речи архаизм: живая речь знает только формы на ***-ть***.

Окончание ***-ть*** имеют и такие глаголы, как *рость* (= расти, с. Никола Ядреиц Духовщинского у., IV, 191).

Изредка встречается здесь и уменьшительная форма, образованная при посредстве соответствующих суффиксов (о чем см. ниже): *спатиньки* (с. Егорье Дорогобужского у., IV, 59), *спатьки* (с. Береснево Духовщинского у., IV, 136) и т. д.

Примечание. Хотя уменьшительные формы отмечены в основном только в песенном языке, но они известны и живой речи Смоленщины, и их приходится рассматривать как факты живого языка.

От глагола *идти* и его производных имеем неопределенную форму *идить* (с. Дунаево Бельского у., IV, 514; с. Пречистое Духовщинского у., II, 223; с. Каблуково Краснинского у., IV, 572; с. Даньково Смоленского у., IV, 113), *итить* (с. Шоптово Бельского у., II, 227; IV, 305), *придить* (с. Золотово Ельнинского у., IV, 367), *прайдить* (с. Радошково Ельнинского у., IV, 644), *ня йдить* (с. Шоптово Бельского у., IV, 394), *найдить* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 172).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *идит'* (д. Новоселки).

Своим образованием эти формы обязаны влиянию форм настоящего времени от того же глагола *идти* (иду) и неопределенных форм глаголов на ***-ть***.

В рук. мат-лах РГО имеем неопределенные формы *идить* (XXXVIII. 5), *исть*, *изйист'* (XXXVIII. 2; XXXVIII. 14).

В рук. мат-лах Российской Академии наук в окончании неопределенной формы встречаем колебание между мягкими ***т*** и ***ц***: *купиць*, *просиць*, *приглядець* (Обл. сл. 160), но *цаловать* (XXXVIII. 23).

У непереходных глаголов имеется в тех же источниках *-тца*: *жалитца*, *лажитца*, *садитца*, *хочитца* (Обл. сл. 160), *баятца* (XXXVIII. 12); *ленитца*, *хвалитца* (XXXVIII. 14); *жанитца* (XXXVIII. 12). Автор записи, в которой встречаются эти примеры, говорит, что ***т*** в подобных примерах нередко выговаривается как ***ц***.

По моим наблюдениям, неопределенная форма глагола во всех говорах имеет в окончании *т'*; даже в глаголах типа *нести*, *вести*, *плести* в большинстве говоров имеем формы на *т'*: *н'ес'т'*, *w'ес'т'*, *пл'ес'т'*. Формы с *-ти* имеем в следующих ответах на «Анкету»: № 10, 12—14, 16, 19, 31—33, 40, 45 и 47в; те и другие формы (с ***и*** в окончании и без него) отмечены в № 4, 43 и 47д.

Большое распространение в говорах имеют образования той же формы с ласкательно-уменьшительным суффиксом *-ки*, например: *ёстьки* – отмечено в ответах на «Анкету» № 1, 6, 7, 13, 14, 22, 25а, 26, 28б, 29, 30, 38, 43 и 45; *спатьки* (особенно распространено) в № 1, 6, 7, 12—14, 18, 19, 22, 23, 25, 25а, 28а, 29, 30, 31, 34, 38, 39а, 41, 43, 45, 47д, 49 и 50.

Аналогичные примеры отмечены мною в Каспле, Кучине, Рябцове, Янове и др.

В значительном числе «Анкет» отмечены такие глаголы с тематическим гласным *е*, как *кричéть* (в № 1, 2, 6, 11—15, 21, 23, 24, 29, 31, 32, 43 и 50), при более распространенных формах с ***а***; в № 4, 18, 19, 27, 28а, 44, 45, 49 отмечены те и другие формы.

б) Причастия и деепричастия

Из форм причастий в № 280 имеем *да́дены, бра́дены* и *взя́дены: деньги брадены* и *взядены на срок.*

Весьма распространены в источниках формы деепричастий настоящего времени с окончанием на ***-учи*** и ***-ячи***.

В «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Дунаево: *стоичи* (I, 246), *просичи* (там же), с. Шоптово: *ходичи* (I, 667); Духовщинский у., с. Пречистое: *летучи* (IV, 13), *плитучи* (там же), *уплитаючи* (там же), *вышываючи* (там же); Ельнинский у., с. Бердибяки: *жалеючи* (I, 347); с. Боровское: *седючи* (IV, 578); с. Крутиловка: *стоючи* (II, 196); с. Радошково: *литучи* (IV, 14), *плитучи* (там же), *уплитаючи* (там же), *стоючи* (IV, 68), *ходючи* (там же), *сидлаючи* (IV, 351), *заезжаючи* (там же), *стоючи* (там же); Краснинский у., с. Каблуково: *играючи* (IV, 291), *успиваючи* (там же), *умеючи* (IV, 294), *стоючи* (IV, 334, 543), *прискубаючи* (IV, 380), *праклинаючи* (там же), *лазючи* (IV, 543), *проважаючи* (IV, 564); с. Холощево: *идучи* (II, 173), *сидючи* (II, 174), *гледючи* (там же); Поречский у., с. Иньково: *идучи* (IV, 113), *литаючи* (IV, 182), *гуляючи* (там же), *умеючи* (IV, 386); Рославльский у., с. Васьковка: *плачучи* (IV, 362), *играючи* (IV, 363); с. Летошники: *дажидаючи* (IV, 211), *заварачаючи* (там же), *литучи* (IV, 355); Смоленский у., с. Даньково: *ездючи* (II, 65), *сымаючи* (там же), *склыняючи* (там же), *скидаючи* (там же), *гледючи* (II, 74; IV, 121, 527), *идучи* (II, 139; IV, 113), *кашляючи* (IV, 50), *пирхаючи* (там же), *седючи* (IV, 107, 527), *ня чуючи* (IV, 133), *умеючи* (IV, 145), *разумеючи* (там же), *кричучи* (IV, 147), *ищучи* (там же), *святкуючи* (IV, 175), *дажидаючи* (там же), *звеличаючи* (там же), *паздраўляючи* (IV, 176), *садючи* (IV, 202), *думаючи* (IV, 223, 249), *пляшучи* (IV, 501), *ходючи* (IV, 598).

Менее распространены формы на *-а*(*-я*): *стоя* (с. Городок Бельского у., IV, 254; с. Злотово Ельнинского у., I, 236; (с. Проверженка того же уезда, I, 236), *ходя* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 188), *лежа* (с. Проверженка того же уезда, I, 677), *крича* (с. Сухой Починок того же уезда), *разбивая* (с. Иньково Поречского у., IV, 182), *ни хваляся* (с. Летошники Рославльского у., IV,308).

В «Сборнике» В. В. Богданова: *идучи, плетучи* (с. Савино), *сед'уци* (д. Шабулино), *стоjуци, ход'уци* (д. Кукуево).

В рук. мат-лах РГО распространены формы деепричастий настоящего времени на ***-учи***: *делаючи, преючи* (XXXVIII. 14).

Из моих наблюдений отмечу форму причастий *да́д'инъ, бра́д'инъ, wз'а́д'инъ*. Встретились они мне в говоре малограмотной крестьянской молодежи — в разговоре молодухи из с. Кряжева, в разговоре дочери с матерью из с. Пушкина и т. д. Также наблюдались они в говоре 89-летней старухи И. Лебедевой в с. Свистунах: *аддад'ины*.

По моим наблюдениям, из деепричастий настоящего времени большое распространение имеют формы на ***-учи***.

Встретились они мне в селах Борки, Бражино, у крестьянина Выревского сельсовета, у крестьянки из с. Гребневки, в Глистаях, в говоре возчика из с. Данильева, в селах Квасове, Зарубенках, Каспле, Коханах, Мошевой, Платонове, Сычеве, у крестьянки из с. Юшина и в Яковлеве.

В ответах на «Анкету» имеем их (формы на ***-учи***) в № 6, 7, 12—16, 25., 25а, 28а—28в, 29, 31а, 37, 38, 49а, 41, 45, 47в и 47д.

Формы на ***-а*** встречались редко, главным образом в говоре хорошо грамотных людей; встретилась мне и форма *л'ежъ* (с ***е***, а не с ***о***, вместо *лёжа*) в с. Ополье, в говоре дочери В. Ф. Шалыгина Е. В. Шалыгиной.

В деепричастиях прошедшего времени в «Смол. этн. сб.» имеем формы на ***-ўши*** (собственно — ***-ўшы***) и ***-мши*** (***-мшы***), ***-тчи*** и ***-ччи***.

Первые из них немногочисленны и уступают место вторым, причем у непереходных глаголов они нередко теряют *-ся*, например, — Бельский у., с. Шоптово: *убаявши таго* (I, 331), *думаўши* (I, 333); Вяземский у., с. Новоселье: *пирявёмши* (II, 287); Краснинский у., с. Каблуково: *справадёмши* (IV, 347), *памалёмшись* (IV, 563); с. Холощево: *справадёмши* (IV, 353); Поречский у., с. Иньково: *спалюбёмши* (IV, 385), *хадёмши* (IV, 404), *насёмши* (там же); Рославльский у., с. Летошники: *прилажимши* (II, 193), *заламёмши* (IV, 24), *свимши* (там же), *правадёмши* (IV, 59) *срубёмши* (IV, 354); Смоленский у., с. Даньково: *ни паемши* (IV, 41), *сабирамшися* (IV, 177), *сурядёмшися* (там же), *ни жанёмшися* (IV, 194), *усхадёмши* (IV, 223), *служомши* (IV, 224), *пасадёмши* (IV, 595) и *ня видаўши* (IV, 133), *заседлаўши* (IV, 184), *заплакаўши* (там же), *упаўши* (IV, 239), *звинчаўши* (IV, 515), *рассчитаўши* (IV, 518), *узяўши* (IV, 589), *зазваўши* (IV, 595), *приехаўши* (IV, 601), *аблитаўши* (IV, 622).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *палыс'омши*, *захвар'омши* (д. Голенищево) и более многочисленные формы на ***-ўши*** (явление обратное «Смол. этн. сб.»): *павесифши*, *абласкаўши* (д. Симоновка), *вышитчи* (д. Тимошино), *з лазарета вышиччи* (с. Тативо) и т. д.

В № 280 отмечено: *зайшо́тчи*, *зайшбу́шы*; форм же на ***-мши*** не имеется.

В фольклорных записях и в рукописных материалах начала второй половины XIX в. встречаются формы на ***-мши***: *написамши*, *напимшись*, *пришомши* (Обл. сл. 156), *хвалимшись*, *деламши*, *зделамши* (XXXVII. 14), а так же форма *взядчи* (XXXVIII. 14), *ехамши*, *взямши* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45).

В «Бел. пр.» отмечены только формы на ***-ўшы***.

То же дают ответы на «Анкету». Формы на ***-ўшы*** отмечены в № 4, 6—14, 17, 25б, 26—28, 28а, 28б, 30, 31, 31а, 31б, 35, 38, 39, 39а, 44—46, 47б, 47в, 47д, 49 и 50; формы на ***-мшы*** (типа *скъза́мшы*, *сруб'имшы*) имеются в № 16, 19, 20, 23—24, 25а, 28а—28в, 29, 31а, 31б, 34, 40 и 47в. В № 21 отмечено, что формы на ***-ўшы*** (***-вшы***) характеризуют речь бывалых и грамотных людей.

В моих наблюдениях в деепричастиях прошедшего времени отмечены формы на ***-ўшы*** в селах Борки, Варечки, у крестьянина из Вырьевского сельсовета, у крестьянки из с. Гребнёвки, в селах Каспле, Квасове, Караваеве-Подгородном, Кучине, Мошевой, Ополье, Скачкове и Сыр-Липках. В селах же Коханы, Кряжево, Рогнедино, Рябцево и Сычево обычны формы на ***-мшы***. В Каспле, Караваево-Подгородном и Сыр-Липках наблюдались и те и другие формы.

8. НАРЕЧИЯ И СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

В «Смол. этн. сб.», в рукописном «Сборнике» В. В. Богданова, в ответах на «Кр. Ак. пр.», «Ю-вр. пр.» и других источниках встречаются следующие наречия и служебные части речи (орфография источников):

Аб (с. Шоптово Бельского у., IV, 57), *абапал* (с. Плоское Смоленского у., I, 704) или в другом написании *абапыл* (с. Киселевка того же уезда, I, 415), *аблыжно* («Кр. Ак. пр.», с. Герчиково и приход Краснинского у.), *абы* («Ю-вр. пр.» № 18а), *авось* (с. Летошники Рославльского у., IV, 210), *аде* (= где; с. Шоптово Бельского у., I, 671), *ажна* («Смол. губ. вед.», 1864, № 28; Бельский у., с. Скопшино, II, 190; с. Чепищево того же у., I, 660, 318; с. Шаталово того же уезда), или *ажну* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 341, 435, 588; с. Летошники Рославльского у., IV, 308; с. Киселевка Смоленского у., I, 413;

д. Хохловка того же уезда, IV, 607), или *ажнуть* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 254), или *ажны* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 588), *ажо* (с. Плоское Смоленского у., IV, 141), *айно*, *айнож* (с. Летошники Рославльского у.), *а́кала* (= возле; с. Бердибяки Ельнинского у.; см. далее: *окала* и *окыла*), *акроми* (с. Шаталово Смоленского у., IV, 400), *али* (= или; с. Проверженка Ельнинского у., I, 586; с. Свалы Краснинского у., I, 318; в «Сборнике» В. В. Богданова, д. Никулино), *анеж* («Кр. Ак. пр»., д. Алфёрово, Смоленского у.) и другое написание — *анеш* (= неужели; «Ю-вр. пр. № 72), *анявош* (= неужели; там же № 33), *аняж* (*аняж пойду* = так я тебе и пошел; Волково-Егорьевская и Докудовская вол. Ельнинского у.), *апосля* (с. Сибирь Бельского у., II, 248; с. Шоптово того же уезда I, 675) и *апысля* («Ю-вр. пр.» № 35), *аткелеча* (с. Радошково Ельнинского у., IV, 226), *аткелива* («Сборник» В. В. Богданова, д. Красная Долина), *аткель* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV., 256; с. Пречистое того же уезда, I, 311; с. Плоское Смоленского у., IV, 662), *аткудыва* (с. Свалы того же уезда, IV, 2), *аткуль* (с. Дунаево Бельского у., IV, 43; с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 444; с. Холощево того же уезда; с. Даньково Смоленского у., IV, 111; д. Медведовка, того же уезда, IV, 225), *атселя* (с. Каблуково Краснинского у.), *атсюда* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 342), *аттаво* («Сборник» В. В. Богданова, д. Гвоздево), *аттуль* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 343), *аттэда* (= оттуда; «Ю-вр. пр.». № 18а), *аттэль* (с. Пречистое Духовщинского у., I, 318; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 509; с. Проверженка того же уезда., I, 680), *атчаво* (с. Шоптово Бельского у., I, 335; с. Хотьково Сычевского у., IV, 468), *ау* (= еще бы; «Смол. губ. вед», 1864, № 28).

Близка (с. Даньково Смоленского у.; д. Емельяненка Бельского у.), *болий* (с. Шоптово Бельского у., I, 335; с. Медведево Смоленского у., IV, 172; с. Самотеевка того же уезда, IV, 296, 333, с. Хотьково Смоленского у., IV, 412), *болозе* (= благо, хорошо; «Ю-вр. пр». № 50), *быстра* (с. Даньково Смоленского у.), *бытта* (= будто; «Ю-вр. пр.» № 18а).

Вдагонь (с. Плоское Смоленского у., IV, 357), *вдоль* (с. Сухой Починок Ельнинского у.; с. Холощево Краснинского у., II, 2; с. Васьковка Рославльского у., IV, 362; с. Даньково Смоленского у., IV, 34), *вдрух* (с. Бехтево Сычевского у., IV, 503), *ведь* (с. Даньково Смоленского у., IV, 628), *вельма* (д. Слобода того же уезда, IV, 251), *взапор* («Кр. Ак. пр»., с. Герчиково и приход Краснинского у.), *вить* (= ведь; с. Шаталово Смоленского у., IV, 324), *вишше* (= выше; «Ю-вр. пр.» № 18а), *вмистёх* (там же № 18 и 72), *водли* (с. Даньково Смоленского у., I, 658), *вой* (см. *вох*; д. Слобода того же уезда, IV, 658; с. Шаталово того же уезда, II, 19, 26; с. Хотьково Сычевского у., IV, 466), *вокала* (см. *акала*; с. Митюли Рославльского у., I, 177; с. Плоское Смоленского у.; с. Свалы того же уезда, IV, 1), *вонки* (= вон; с. Шоптово Бельского у., I, 712; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 200; 368), *воўси* (с. Шоптово Бельского у., I, 669), *вох* (см. *ох*; с. Шаталово Смоленского у., II, 36), *вочинна* (с. Шоптово Бельского у., I, 357), *вочинь* (там же, I, 351; с. Свалы Краснинского у., IV, 620; с. Скопшино Смоленского у., I, 327; с. Свалы того же уезда, IV, 11; с. Тесово Сычевского у., IV, 441), *всигде* (= везде; «Ю-вр. пр.» № 18а), *вскоч* (= галопом; «Кр. Ак. пр.»; с. Герчиково Краснинского у.), *вуж* (= уж; *вуж и што вы павидали*; д. Слобода Смоленского у., IV, 427; с. Шаталово того же уезда, II, 26), *вун* (= вот; с. Пречистое Духовщинского у., I, 663), *выши* и *выший* (= выше; с. Свалы Смоленского у., IV, 292), *вячор* (= вчера; с. Даньково того же уезда, IV, 146; д. Слобода того же уезда, IV, 674; с. Шаталово того же уезда, II, 26; в «Сборнике» В. В. Богданова, деревни Будино и Сидоры).

Где (с. Каблуково Краснинского у., IV, 305; с. Самохотовка того же уезда, IV, 333; в «Сборнике» В. В. Богданова в Бельском у.).

Давича (с. Бехтево Сычевского у., IV, 503), *дажа* (с. Чепищево Смоленского у., I, 660) и *дайжа* (с. Шоптово Бельского у., I, 675), *далеча* (с. Даньково Смоленского у., IV, 202; с. Самотеевка того же уезда, IV, 290; д. Слобода того же уезда, IV, 428; с. Хохловка того же уезда, IV, 423), *далой* (= прочь; с. Никола Ядреич Духовщинского у., с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 355; с. Холощево Краснинского у., IV, 353; с. Даньково Смоленского у., IV, 528), *дамой* (с. Киселевка Смоленского у., I, 412), *даўжей* (с. Самотеевка Смоленского у., IV, 600), *двору* (= домой; «Кр. Ак. пр.», с. Махроткино и вся волость), *де* (= где; в «Сборнике» В. В. Богданова, д. Савино), *денно и нощно* (с. Шоптово Бельского у., I, 355), *дли* [там же, I, 364; села Злотово и Сухой Починок Ельнинского у., IV, 180; с. Летошники Рославльского у., IV, 122; с. Даньково Смоленского у., IV, 287; с. Самохотовка того же уезда (= возле), IV, 333; с. Хохлово того же уезда, IV, 424; с. Бердибяки Ельнинского у. (= возле), I, 368, 372; с. Боровское того же уезда, IV, 546; с. Даньково Смоленского у. (= возле), IV, 621; с. Плоское того же уезда (= возле), IV, 138; в «Сборнике» В. В. Богданова, д. Пасино], *добре* (= хорошо; с. Шоптово Бельского у., I, 336), *досыть* (= довольно; «Кр. Ак. пр.», Волочковская вол. Дорогобужского у.), *дужа* (= сильно, очень; с. Егорье Дорогобужского у., IV, 60; с. Пречистое Духовщинского у., I, 332; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 342; с. Холощево Краснинского у., с. Даньково Смоленского у., I, 659; д. Медведовка того же уезда, IV, 178; с. Скопшнино того же уезда, I, 327; «Ю-вр. пр.» № 72; «Кр. Ак. пр.». села Краснополье, Драгоево и приход, с. Балтутино).

Ежели (с. Проверженка Ельнинского у., I, 186; с. Чепищево, Смоленского у., I, 663), *емко* («Кр. Ак. пр.,» Тюнинская вол.), *если* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 185; с. Сухой Починок того же уезда, I, 169; с. Свалы Краснинского у., IV, 312).

Жарчей (= жарче; с. Киселевка Смоленского у., I, 430).

Забща (= сообща; «Ю-вр. пр.» № 18а), *завжда* (= всегда; с. Плоское Смоленского у.) и другое написание — *заўжда* (с. Пречистое Духовщинского у., I, 318; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 283; д. Медведовка Смоленского у., I, 115), *заўсигда* (с. Каблуково Краснинского у.; с. Шоптово Бельского у., IV, 403; с. Даньково Смоленского у., IV, 505), *заўтри* (с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 545; в «Сборнике» В. В. Богданова, д. Бейково Бельского у.), *загади* (= заранее; с. Даньково Смоленского у., IV, 244), *замест* (= вместо; с. Шоптово Бельского у.) и *замист* (с. Проверженка Ельнинского у.), также и *замись* (там же, в «Кр. Ак. пр.»), *замес* (с. Балтутино Ельнинского у.), *зачем* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 285; с. Летошники Рославльского у., IV, 312; с. Тесово Сычевского у., IV, 440; в «Сборнике» В. В. Богданова, деревни Борки, Капteловка, Симоновка, Тарасово, с. Тативо) и *зачим* (с. Шоптово Бельского у., I, 334, с. Свалы Краснинского у., IV, 312), *звыш* (с. Шоптово Бельского у., I, 541), *здалеча* (с. Даньково Смоленского у., IV, 528), *з'дес'* («Сборник» В. В. Богданова, с. Тативо) и *здеся* (с. Шоптово Бельского у.; с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 420), *зли* (=возле; с. Летошники Рославльского у., IV, 139, 530), *змальства* (= с малолетства; «Ю-вр. пр.» № 18а), *значала* (с. Шоптово Бельского у., I, 359), *знашно* (= заметно; «Кр. Ак. пр»., с. Герчиково Краснинского у.), *знова* и *знову* (с. Самотеевка Смоленского у., IV, 600).

Иде (= где; с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 284; с. Радошково Ельнинского у., IV, 14; с. Сухой Починок того же уезда, IV,

442; с. Холощево Краснинского у., IV, 534; с. Даньково Смоленского у., IV, 529; д. Медведовка того же уезда, I, 714, с. Самотеевка того же уезда, IV, 485; с. Хотьково Сычевского у., IV, 446; «Кр. Ак. пр.», с. Балтутино Ельнинского у. и Цуриковская вол. Смоленского у.; в «Сборнике» В. В. Богданова, д. Бунаково) и *иҥде* — (д. Шелухино), *ижну* (= так что; «Ю-вр. пр». № 18а), *изгадя* (с. Шоптово Бельского у., I, 331), *издаля* (= издали; «Ю-вр. пр.» № 18а), *изнова* (с. Шоптово Бельского у., I, 670; с. Проверженка Ельнинского у., I, 587), *изнову* (с. Шоптово Бельского у., I, 336), *ипять* (с. Киселевка Смоленского у., I, 414), *ища* (= еще; с. Шоптово Бельского у., I, 355; с. Киселевка Смоленского у., I, 420; д. Слобода того же уезда, IV, 683).

Каб (с. Долгие Нивы Краснинского у., IV, 491; с. Свалы того же уезда, IV, 445), или *каба* (с. Летошники Рославльского у., IV, 274; д. Слобода Смоленского у., IV, 526, 673; с. Шаталово того уезда, IV, 435) или *кабы* (с. Егорье Дорогобужского у., IV, 409; с. Радошково Ельнинского у.; с. Даньково Смоленского у.; д. Медведовка того же уезда, IV, 567; с. Самотеевка того же уезда, IV, 288), *кагда* (с. Боровское Ельнинского у.), или *када* (с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 105; с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 301; с. Даньково Смоленского у., IV, 25; д. Медведовка того же уезда, I, 714; села Самотеевка и Свалы того же уезда, IV, 293; с. Шаталово того же уезда; с. Хотьково Сычевского у.), или другое написание — *кыда* (с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 421; с. Даньково Смоленского у., IV, 23), или *кады* (с. Злотово Ельнинского у., IV, 100; с. Сухой Починок того же уезда, IV, 519), *кае* (=где; «Ю-вр. пр.», № 18а), *как* (с. Шоптово Бельского у., I, 706; с. Радошково Ельнинского у., IV, 528; и рядом тут же *як* — с. Каблуково Краснинского у.; с. Самотеевка Смоленского у., IV, 483; с. Свалы того же уезда, IV, 9, 293; д. Слобода того же уезда, IV, 683; села Хохловка и Шаталово того же уезда, IV, 464; с. Шаталово того же уезда, II, 138, 383, 435; в «Сборнике» В. В. Богданова, деревни Будино и Новоселье), *кала* (=около, возле, над; с. Дунаево Бельского у., II, 244; с. Шоптово того же уезда, I, 352; IV, 414; с. Пречистое Духовщинского у., с. Проверженка Ельнинского у., I, 287; с. Сухой Починок того же уезда, IV, 240; с. Даньково Смоленского у., IV, 19, 109; с. Плоское того же уезда, II, 27; IV, 599; с. Самотеевка того же уезда, IV, 324; в «Сборнике» В. В. Богданова, с. Кубарово Духовщинского у., «Ю-вр. пр.» № 36) или *кылы* (с. Шиловичи Духовщинского у., IV, 428), *кали* (=если, когда; с. Дунаево Бельского у., II, 244; с. Пречистое Духовщинского у., II, 310, 322; с. Радошково Ельнинского у., IV, 102; с. Шаталово Смоленского у., II, 36; «Ю-вр. пр.» № 18а и 36), *канешня* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 473), *крошечку*, *кроху* (=немножко; «Ю-вр. пр.» № 18а), *крух* (=вокруг; с. Холощево Краснинского у., II, 184), *куда* (с. Шоптово Бельского у., I, 349; с. Никола Ядреич Духовщинского у., IV, 107; с. Злотово Ельнинского у.; с. Каблуково Краснинского у., IV, 380; с. Летошники Рославльского у., IV, 553; с. Полуево того же уезда, IV, 557; с. Даньково Смоленского у., IV, 35; с. Киселевка того же уезда, I, 415; д. Слобода того же уезда, IV, 321) или *куды* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Полуево Рославльского у., IV, 557; с. Скопшино Смоленского у., I, 326; с. Плоское того же уезда, д. Слобода того же уезда, IV, 339, 616; с. Хотьково Сычевского у., IV, 455).

Латвей (=легче; с. Самотеевка Смоленского у., IV, 288), *ледва* (с. Шоптово Бельского у., I, 356; с. Проверженка Ельнинского у., I, 656, д. Медведовка Смоленского у., I, 113), *лепший* (с. Свалы Смоленского у., IV, 301), *ле* (=на; с. Никола Ядреич, Пречистое Духовщинского у., IV, 473), *летось* («Кр. Ак. пр.», с. Балтутино Ельнинского у.), *ли* (=возле; с. Шоптово Бельского у., I, 360, 365; с. Бер-

дибяки Ельнинского у., I, 443; с. Проверженка того же уезда, I, 685; с. Долгие Нивы Краснинского у. (=для), IV, 337; с. Свалы того же уезда (=возле), IV, 447; с. Летошники Рославльского у., IV, 273; с. Даньково Смоленского у. (=возле), IV, 103; I, 528; д. Медведовка того же уезда (=для), I, 335; с. Плоское того же уезда (=возле), IV, 644; с. Самотеевка того же уезда (=для), IV, 289; в «Сборнике» В. В. Богданова, д. Климятино, с. Шоптово Бельского у. (=для), I, 336, 350, 673; с. Никола Ядреич Духовщинского у. (=для), II, 335; с. Каблуково Краснинского у., IV, 27, 507; с. Даньково Смоленского у., IV, 56, 247; д. Слобода того же уезда, 338; с. Самотеевка того же уезда (=или), IV, 532; с. Шаталово того же уезда; с. Бехтево Сычевского у.], *либа* (с. Даньково Смоленского у., IV, 23; в «Сборнике» В. В. Богданова, д. Некрасово), *луччи* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Шоптово того же уезда, I, 356, 598; д. Слобода Смоленского у., IV, 320), или *луччий* (с. Шоптово Бельского у., I, 598, 709), или *луччей* (д. Слобода Смоленского у., IV, 252; в «Сборнике» В. В. Богданова, деревни Редькино, Сумароково), *ля* (=возле; с. Шоптово Бельского у.).

Маложей (с. Шоптово Бельского у., II, 228), *межда* (см. *мижда*, *мез*, *миз*; с. Злотово Ельнинского у., IV, 280; с. Буловцы Смоленского у.; с. Шаталово того же уезда, I, 225), или *между* (с. Черепово Рославльского у., IV, 257; с. Буловцы Смоленского у., IV, 39) или *мезу* (д. Слобода того же уезда, IV, 338), *место* (=вместо с. Свалы Смоленского у., IV, 633), *мижда* (с. Шоптово Бельского у., I, 331, 353; с. Романовка Рославльского у., IV, 624; с. Даньково Смоленского у.), *мез* (с. Свалы Смоленского IV, 292), *миз* (=между с. Бердибяки Ельнинского у., I, 339, 552; с. Летошники Рославльского у., II, 193; с. Даньково Смоленского у., IV, 110; д. Неведомка того же уезда, IV, 632; с. Свалы, того же уезда, IV, 2, 3, 292), *млотно* (=жарко; «Кр. Ак. пр.», Цуриковская вол. Смоленского у.), *много* (д. Медведовка Смоленского у.) *можа* (=может быть; с. Пречистое Духовщинского у.) или *моть* (=может; «Ю-вр. пр.» № 18а).

Навзусть (=наизусть; «Ю-вр. пр.» № 52а), *навýлды* (=вроде; «Кр. Ак. пр»., с. Герчиково Краснинского у.), *нагдовись* (=недавно; «Ю-вр. пр.» № 25а), *нагдысь* (=недавно; «Кр. Ак. пр.», с. Герчиково Краснинского у.), *надаби* (с. Холощево Краснинского у.; с. Даньково Смоленского у., II, 131) и в фонетической разновидности — *нáдыби* (с. Новоселье Вяземского у., II, 288), *надысь* (=недавно, на днях; «Ю-вр. пр». № 25а; «Кр. Ак. пр.», д. Тюнино Волочковской вол. Дорогобужского у.), *надовись* (=позавчера; там же, д. Мархоткино Ельнинского у.), *назаýтрива* (с. Егорье Дорогобужского у., II, 210), *намедни* («Кр. Ак. пр.», с. Мархоткино Ельнинского у.), *нонечи* (с. Даньково Смоленского у., IV, 133), *напериди* (=впереди; там же, IV, 114), или *напярёд* (=вперед; там же, IV, 245, 248), *напрати* (там же, IV, 166), или *насупрати* (с. Пречистое Духовщинского у., IV, 368), или *наýпроти* (с. Шоптово Бельского у., I, 365; с. Свалы Смоленского у.), *начуку* (=ввиду; «Ю-вр. пр.» № 25а), *негди* (с. Романовка Рославльского у., IV, 624), *негож* (=неужели; «Кр. Ак. пр.», деревни Пнево, Слобода, Скрышово Духовщинского у.; села Щербино, Мархоткино Ельнинского у.), *не знамо што* (=очень много; «Ю-вр. пр.» № 25а), *нейди* (с. Беликово Бельского у., I, 70; д. Медведовка Смоленского у.), *некали* (=некогда; «Ю-вр. пр.» № 25а), *некуда* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 101; с. Даньково Смоленского у., IV, 137), *некыда* (с. Михайловка Рославльского у., I, 178), *нельзя* (см. *нильга*; с. Шоптово Бельского у., I, 673; с. Даньково Смоленского у., IV, 501), *нехай* (=пусть; «Кр. Ак. пр.», Волосковская вол. Дорогобужского у., деревни Пнево, Слобода, Стариново, Скрышово Духовщинского у.; с. Герчиково Краснинского у.; д. Тюнино Рославльского у.; «Ю-вр. пр.»

№ 25а), *нигде* (с. Васьковка Рославльского у.), *нижий* (=ниже; с. Плоское Смоленского у., IV, 655), *никагда* и *никада* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 389; д. Слобода Смоленского у., I, 326), *николи* (=никогда; с. Шоптово Бельского у., I. 360), *нильга* (=нельзя; д. Медведовка Смоленского у., I, 114), *нынечи* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 682), *ногды* (=как бы, а ну как; «Кр. Ак. пр.», с. Герчиково Краснинского у.) или *нонечи* (с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 361; с. Холощево Краснинского у., IV, 421; с. Хотьково Сычевского у.), *нуняш* (=неужели; «Кр. Ак. пр.», с. Балтутино Ельнинского у.), *нуняш* и *не* (=неужели не; с. Мархоткино того же уезда), *нутетка* (с. Даньково Смоленского у., IV, 137), *нынча* («Сборник» В. В. Богданова, д. Смальники), *няж* (=неужели; с. Пречистое Духовщинского у., I, 319; «Кр. Ак. пр.», деревни Пнево, Слобода Духовщинского у., Цуриковская вол. Смоленского у.).

Огульно[21] (=оптом; «Кр. Ак. пр.», с. Герчиково Краснинского у.), *одли* (=возле; с. Даньково Смоленского у., IV, 521), *окала* (с. Новоселье Вяземского у., II, 288; с. Егорье Дорогобужского у., IV, 336; с. Пречистое Духовщинского у., I, 319) и с передачей неударяемого ***о*** через ***ы***: *окыла* (с. Шоптово Бельского у.; с. Шиловичи Духовщинского у., IV, 428), *откеда* (=откуда; «Ю-вр. пр». № 25а), *откелева* (там же), *откель* (=откуда; там же), *откулича* (там же), *откуль* (там же), *оттыда* (=оттуда; там же), *оттуда* (там же), *отцыда* (там же), *ох* (с. Шаталово Смоленского у., IV, 410), *очень* (с. Даньково Смоленского у., IV, 143; с. Свалы того же уезда, IV, 7), *очинно* (=очень; «Ю-вр. пр.» № 18а).

Падалий (=подальше; с. Новоселье Вяземского у., II, 288; д. Слобода Смоленского у., IV, 503; с. Самотеевка того же уезда, IV, 600), *пакеда* (=покуда; «Ю-вр. пр.» № 18а), *пакель* (с. Даньково Смоленского у.), *панижей* (с. Плоское того же уезда, IV, 562), *патель* (=пакамест; «Ю-вр. пр.» № 18а), *патэм* (см. *патом*, *пóтам* и *потэм*; с. Бердибяки Ельнинского у.), *пачаму* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 310), *пачаста* (=весьма часто; с. Хохловка того же уезда), *перва* (=сперва, сначала; с. Шоптово Бельского у., I, 353; с. Самотеевка Смоленского у., IV, 600), *перша на перша* (с. Боровское того же уезда, II, 196), *перяплохо* (=плохо, очень плохо; «Ю-вр. пр.» № 25а), *перяетак* (=так, перетак; с. Лотошники Рославльского у., (IV, 158), *питомно* (=именно; «Кр. Ак. пр.», с. Стариново), *плашей* (=плоше, хуже; с. Самотеевка Смоленского у., IV, 600), *побач* (=сбоку; с. Свалы того же уезда, IV, 7), *паболий* (д. Слобода Смоленского у., IV, 503), *пабуйнoший* (=покрупнее; «Кр. Ак. пр.», с. Дрогачево Бельского у.), *повадно* (с. Герчиково Краснинского у.), *подли* (=подле, возле; с. Холощево Краснинского у.), *половоший* (=половчее; «Кр. Ак. пр.», с. Дрогачево Бельского у.), *патóм* (с. Шоптово того же уезда, I, 348) и *пóтам* («Кр. Ак. пр.», с. Мамошки), *потоноший* (=потоньше; «Кр. Ак. пр.», с. Дрогачево Бельского у.), *пóтэм*(=потом; с. Беликово того же уезда, I, 69; с. Шоптово того же уезда, I, 334, 356; с. Пречистое Духовщинского у., I, 316; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 172, 509; с. Проверженка того же уезда, I, 655; с. Митюли Рославльского у., I, 187; с. Михайловка того же уезда, I, 177; д. Медведовка Смоленского у., I, 114; с. Свалы того же уезда, IV, 6), *прамез* (=между; с. Даньково Смоленского у., IV, 142) или *прамиж* (там же, 224; с. Шоталово того же уезда) или *прамиз* (с. Алексино того же уезда, IV, 242; села Даньково и Плоское того же уезда, IV, 141), *пратú* (=против; с. Шоптово Бельского у., I, 671), *прежда* (с. Беликово того же уезда, I, 69;

---

[21] Здесь, как и в других местах, сохраняю орфографию источников и в связи с нею расположение слов в алфавитном порядке.

с. Никола Ядреич Духовщинского у., I, 236), *преч* (=кроме; с. Дунаево Бельского у., II, 244), *прий* (=при; «Сборник» В. В. Богданова, деревни Зайчиха, Ковалево, Саново, Симоновка, Тимошино Бельского у.), *прытко* (=шибко, скоро; «Кр. Ак. пр.», д. Иваники Духовщинского у.), пускай (с. Даньково Смоленского у.), *пярёд* (=вперед; с. Каблуково Краснинского у.).

Раньши (с. Шоптово Бельского у., I, 335), *райно* (с. Свалы Смоленского у., IV, 633).

Сдалеча (=издалека; с. Даньково Смоленского у., IV, 41), *сёлето* (=нынешним летом; «Кр. Ак. пр.», с. Каталино Рославльского у.), *сильна* (=сильно, очень; с. Буловцы Смоленского у., IV, 551), *сиряди* (=среди; с. Шаталово того же уезда), *сколька* (с. Киселевка того же уезда, I, 419) и *скольки* («Ю-вр. пр.» № 18а), *скрай* (=с краю; с. Свалы Краснинского у., IV, 302), *скрозь* (с. Радошково Ельнинского у., IV, 341; с. Даньково Смоленского у.), *сначалу* (с. Шоптово Бельского у., I, 356), *сплош* («Ю-вр. пр.» № 18а), *сряди* (с. Свалы Смоленского у., IV, 2; см. выше другое написание — *сиряди*), *старший* (=старше; с. Плоское того же уезда, IV, 562), *стисло* (=экономно; «Кр. Ак. пр.», с. Герчиково Краснинского у.), *суда* (=сюда; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 509; с. Проверженка того же уезда, I, 679; с. Киселевка Смоленского у., I, 412; «Кр. Ак. пр.», с. Костино Бельского у.; «Кр. Ак. пр.», с. Балтутино Ельнинского у.), *супрати* (=против; с. Долгие Нивы Краснинского у., IV, 337; с. Самотеевка Смоленского у., IV, 30), *сюда* (с. Шоптово Бельского у., I, 335; с. Радошково Ельнинского у., II, 207; с. Сухой Починок Ельнинского у., с. Холощево Краснинского у., II, 187, 373; с. Летошники Рославльского у., 151; с. Даньково Смоленского у., IV, 116; с. Самотеевка того же уезда, IV, 288 — ср. выше: *суда*), *сяднича* (=сегодня; «Ю-вр. пр.» № 18а) и *сяння* (Кр. Ак. пр.» с. Жабино), *сяред* (=средь; с. Холощево Краснинского у., IV, 249; с. Самотеевка Смоленского у.).

Тагды (=тогда; «Ю-вр. пр.» № 18а), *тады* (с. Проверженка Ельнинского у., I, 236; с. Черепово Рославльского у., IV, 58; д. Слобода Смоленского у., IV, 686; «Кр. Ак. пр.», с. Жабино), *тажа* (=также; с. Проверженка Ельнинского у., I, 656), *тама* (Бельский у., I, 333; с. Даньково Смоленского у., IV, 46, 127; с. Самотеевка того же уезда, IV, 483), или *там* («Кр. Ак. пр.», села Щербино Ельнинского у., Луги Рославльского у.), или *тамока*, *тамотька* (там же), *тaперитька* (=теперь; «Кр. Ак. пр.», д. Слобода Духовщинского у.), *таперича* (с. Беликово Бельского у., I, 69; «Ю-вр. пр.» № 18а; «Кр. Ак. пр.», д. Иваники Духовщинского у., с. Алфёрово Рославльского у.), или *таперичка* (с. Даньково Смоленского у.), или *таперь* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Пречистое Духовщинского у., I, 310; с. Даньково Смоленского у.), или *тапеpя* (с. Буловцы того же уезда, IV, 639; с. Плоское того же уезда), *тах-та* (=так-то; «Ю-вр. пр.» № 18а), *териз* (=через; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 172), *ти* (=ли, вопросительная частица; с. Самотеевка Смоленского у.; с. Шаталово того же уезда, 327; «Кр. Ак. пр., Городская вол. Бельского у.; с. Дрогачево того же уезда; д. Подмошье Дорогобужского у.; с. Щербино Ельнинского у.; с. Герчиково Краснинского у.; с. Княжое того же уезда; Слободская вол. Поречского у.; с. Каталино Рославльского у.; «Ю-вр. пр.», № 33 и 36), *типерь-та* («Сборник» В. В. Богданова, д. Сёлы) и другое написание (см. *терез* — *тириз*; (с. Шоптово Бельского у., I, 712; с. Даньково Смоленского у., II, 172; IV, 29, 143; с. Плоское того же уезда, IV, 224, 358; с. Свалы того же уезда, IV, 9; д. Слобода того же уезда), *толька* (с. Шоптово Бельского у.; с. Никола Ядреич Духовщинского у.; с. Крутиловка Ельнинского у.; с. Радошково того же уезда, II, 207, 631; с. Каблуково Краснин-

ского у.; с. Долгие Нивы того же уезда, с. Холощево того же уезда, IV, 385; с. Романовка Рославльского у.; с. Даньково Смоленского у., IV, 634; с. Киселевка того же уезда, IV, 416; с. Хохлово того же уезда, IV, 424) и другое написание — *тольки* (с. Беликово Бельского у., I, 70; с. Шоптово того же уезда, I, 356; с. Шаталово Смоленского у., II, 171; с. Хотьково Сычевского у., IV, 465; «Ю-вр. пр.» № 18а), *толички* (уменьшительное от *столько*; «Ю-вр. пр.» № 18а), *троху* (= мало; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 341, 343; с. Проверженка того же уезда, I, 656; «Кр. Ак. пр.», с. Щербино Ельнинского у., Слободская вол. Поречского у.), *трошачку* (с. Холощево Краснинского у., IV, 420; «Ю-вр. пр.» — *трошечку* — № 18а), *трошку* (с. Пречистое Духовщинского у., I, 317), *трощщику* (= немножко; «Ю-вр. пр.» № 18а), *туда* (с. Шоптово Бельского у., I, 670; с. Пречистое Духовщинского у., IV, 345; с. Радошково Ельнинского у., II, 207; с. Каблуково Краснинского у., IV, 532; с. Холощево того же уезда, с. Летошники Рославльского у., IV, 553; с. Михайловка того же уезда, IV, 178; с. Даньково Смоленского у., IV, 116; с. Самотеевка того же уезда, IV, 288) или *туды* (с. Летошники Рославльского у.; с. Даньково Смоленского у., IV, 247; с. Киселевка того же уезда, I, 415; «Кр. Ак. пр.», с. Щербино Ельнинского у.), *тут* («Сборник» В. В. Богданова, д. Саново), или *тута* (= тут; с. Егорье Дорогобужского у., IV, 60; с. Киселевка того же уезда, I, 411; с. Самохотовка того же уезда, IV, 333, 684), *туточки* (= здесь; «Кр. Ак. пр.», с. Щербино), *тутта-во* (= тут вот, «Ю-вр. пр.» № 18а), *тяперь* (с. Шоптово Бельского у., I, 679; с. Плоское Смоленского у., IV, 360) или — *тяперя* (с. Шиловичи Духовщинского у., IV, 394; с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 301).

Удагонь (с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 355; села Сухой Починок и Холощево того же уезда), *удлинки* (= вдлинну; с. Самотеевка Смоленского у.), *удостали* (= вдоволь; с. Даньково Смоленского у.), *удруг* («Сборник» В. В. Богданова, д. Саново), *ужу* (= ужо с. Шоптово, Бельского у., I, 709; с. Никола Ядреич Духовщинского у., I, 236; с. Пречистое того же уезда, с. Бердибяки Ельнинского у., I, 347; с. Проверженка того же уезда; с. Каблуково Краснинского у., с. Даньково Смоленского у., IV, 583), *украдмя* (= украдкой, тайком; с. Боровское Ельнинского у., II, 196), *укрух* (= вокруг, см. *крух*; с. Холощево Краснинского у., II, 184); *уместих* (= вместе; с. Шоптово Бельского у., I, 665) или *уместях* (с. Бехтево Смоленского у.), *унагдась* (= недавно; «Ю-вр. пр.» № 18а), *уначи* (= ночью; с. Даньково Смоленского у.), *усётки* (= все-таки; с. Бердибяки Ельнинского у.), *усигда* (= всегда; с. Шоптово Бельского у.), *усюдух* (= всюду; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 509), *утаймя* (= тайком; с. Боровское Ельнинского у., II, 196), *учóра* (= вчера; «Кр. Ак. пр.», с. Мамошки), или *учорась* (= вчера; «Кр. Ак. пр.», Волочковская вол. Дорогобужского у.), *уширки* (= в ширину; с. Самотеевка Смоленского у., IV, 532), *удоль* (= вдоль; с. Даньково того же уезда, IV, 39), *урозь* (= врозь; с. Холощево Краснинского у.), *уюж* (= уже; с. Плоское Смоленского у., IV, 649).

Хай («Ю-вр. пр.» № 18а), *хать* (= хоть; с. Дунаево Бельского у., IV, 173; с. Холощево Краснинского у., IV, 405) и *хатя* (см. *хуч*; с. Пречистое Духовщинского у., I, 314), *хужай* (= хуже; с. Шоптово Бельского у., I, 358; с. Плоское Смоленского у., IV, 655; с. Шаталово того же уезда) и *хужи* («Сборник» В. В. Богданова, д. Сумароково), *хуть* (= хоть, см. *хать*; с. Пречистое Духовщинского у., IV, 314), *хуч* (с. Шаталово Смоленского у.), или *хуш* (с. Бердибяки Ельнинского у., I, 548).

Цыц («Кр. Ак. пр.», с. Алфёрово Рославльского у.).

Через (с. Даньково Смоленского у., IV, 35) или *чиряз* (см. *териз*; с. Плоское того же уезда, IV, 357), *чичас* (=сейчас; «Кр. Ак. пр.», с. Тюнино Рославльского у., «Ю-вр. пр.» № 18а и 36), *щи* (= еще; там же, № 18а), *ширий*, *шири* (с. Свалы Смоленского у.).

Щас (= сейчас; там же).

Як (= как; с. Шоптово Бельского у., I, 334, 336; с. Егорье Дорогобужского у., IV, 330; с. Бердибяки Ельнинского у., I, 492; с. Боровское того же уезда, II, 73; с. Злотово того же уезда, I, 361; с. Проверженка того же уезда, I, 389, 587; II, 69, IV, 453; с. Радошково того же уезда, IV, 352, 528; с. Сухой Починок того же уезда, IV, 24; с. Каблуково Краснинского у., IV, 159, 265, 306; с. Холощево того же уезда, д. Слобода Смоленского у., IV, 322; с. Самотеевка того же уезда, IV, 60, 234; с. Шаталово того же уезда, «Кр. Ак. пр.», с. Балтутино Ельнинского у., с. Каталино Рославльского у.), *як-небудь* (= как-нибудь; с. Проверженка Ельнинского у.), *яще* (= еще; с. Самотеевка Смоленского у., IV, 600).

В рук. мат-лах Академии наук СССР, РГО и фольклорных записях начала второй половины XIX в. имеем следующий материал:

Наречия: *яще*, *як* (Обл. сл. 160, XXXVIII. 5), *нияк* (Обл. сл. 160), *туточки* (XXXVIII. 14), *тамочки* (там же), *чуточки* (XXXVIII. 5), *снова* (там же), *давольна*, *свадно* (= хорошо), *знамо* (= явно, важно), *кольки*, *нискольки*, *никалива*, *сусим*, *однажды*, *коли* (= когда), *тады*, *перша* (= сперва), *учора*, *завтри*, *у вичару*, *усигда*, *дамоў* и *двору* (= домой), *вочинна*, *повна*, *троху*, *ипять* (= опять), *вяльми* (XXXVIII. 14), *таперика*, *посля*, *троху*, *прежа*, *аняж*, *анягож*, *нельга* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45).

Сравнительная степень наречий: *кряпотчи*, *лувотчи* (= лучше), *грамчей* (= громче), *довжей* (= длиннее), *дужей*, *могутней* (= сильнее; Обл. сл. 160), *легоше*, *тонше* (= легче, тоньше; «Смол. губ. вед.», 1853, № 50).

В дополнение к приведенным выше примерам помещаю материал из других источников: частицы, предлоги, союзы и междометия.

Частицы: а) *ти* или *ци* в значении русской *ли*: *ти есть*, *ти нет* (XXXVIII. 4), *ци то липовацки*, *ци то асиновацки* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45); б) *ужу* или в сокращении *жу* (= же), *ж*: *я й ужу ня хоцу*, или *я й жу ня хоцу*, *як жу вырвался* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 50). Автор приводимой статьи, П. Д. Шестаков, подчеркивает распространенность этой частицы — такое же частое употребление ее, как и частицы *же*, *ж* (там же, № 45).

Предлоги: *сквозь*, *ик* (= к; XXXVIII .14), *дле*, *зле*, *дли* (= возле; К. Ш. «Смол. губ. вед.», 1854, № 2). С таким же значением приводится в XXXVIII. 14 *дли*, *ли*, *кала*, *подли*.

Союзы: *затым*, *бо* (= ибо), *если* (= если), *дык* (= так), *стала што* (= значит), *стала* (= итак; XXXVIII. 14), *аж* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45).

Междометия: *а*, *ага*, *э*.

Мои наблюдения дают следующее: *аттул'* (Зарубенки), *аткул'а* (Свистуны, 89-летняя старуха), *з'л'и* (= возле; *з'л'и м'ин'е*, с. Потапово) и *л'и* (*бл'иска л'и канц'ер'ал'ии ж'ив'ет'*, с. Б. Возьмище); весьма распространено также и *ка́лъ*, *кълá* (= около), *ԝонк'и* (= наружу, на дворе; крестьянка из с. Сафонова), *ԝóцък* (= вот как; возчик из с. Лучёсы), *ԝс'ýду* (крестьянин из с. Суйтова), *иԝс'ýдъх* (3-й собеседник), *ч'éр'ас'* (Рогнедино) и *уч'арáс'* (женщина из с. Зарубенок), *уч'арá* (там же), *дԝóру* (села Лучёсы, Потапово), *дóсыт'* (села Зарубенки, Ополье; мать В. Ф. Шалыгина), *дýжа* (Сычево, Филиппово), *как* (Ворошилово, в говоре крестьян из Вырьевского сельсовета, в Зарубенках, Кряжеве; в последнем случае во фразе: *как н'икак*,

ушаћъ нýжнъ; в с. Надве; по замечанию, имеющемуся в рук. матлах ЗОАБ, лет 50 назад вместо *как* говорили *як*); *как-н'ибýт'* (Кряжево), *как же* (Кучино, в говоре возчика из с. Лучёсы, в с. Ополье — в говоре дочери В. Ф. Шалыгина, в Рогнедине, Сафронове), *кагдá* (во временном и условном значении — Арефино, в говоре возчика из с. Лучёсы), *кал'и* (в том же значении; Рябцово, Рогнедино, в говоре старухи, матери заведующего школой т. Фотиева), *кал'ӣ -н'ибýт'* (в Свистунах в говоре И. Лебедевой), *куды́* (Долгомостье), *л'éтас'* (Филиппово, 2-й возчик), *мнóhъ* (Березово, в говоре крестьянки из с. Гребневки; в Зверовичах; в говоре крестьян из с. Суйтова), *мал'éн'къ* (с. Суйтово), *надыс'* и равнозначное ему *кагдá-та* (Филиппово) *н'éкъл'и* и *н'екъдъ* (Зарубенки), *н'емн'óгъ* (почти повсеместно), *н'икýды* (Кряжево, Свистуны, Ямская Слобода), *нóн'ч'и* (Свистуны, в говоре И. Лебедевой), *нóч'чи* (Борки), *óч'ън'* (Бол. Добрая, Кучино: *óч'ън' харóшыцъ лóшъд'*, Филиппово) и *wóч'ен'* (Ополье, в говоре матери В. Ф. Шалыгина), *пъкаштó* (Зверовичи, Кряжево, Зарубенки, Филиппово), *с'ич'áс* (Зарубенки), *скóл'къ* (Зверовичи), *стóл'къ* (там же), *судá* (Филиппово), и *с'удá* (Борки, Кряжево), *с'уды́* (там же), *с'ашóд'н'и* (в говоре крестьянки из Сафонова), *с'áн'н'и* и *с'áн'н'ь* (Зарубенки), *нон'ич'и* (Филиппово; ср. *нон'ишн'иц* в разговоре возчика из Ямской Слободы), *ны́н'ч'ь* (Бражино, Каленово, Ополье — в говоре дочери В. Ф. Шалыгина), *ны́н'ич'и* (Подмошье), *тагды́* и *тады́* (Свистуны, в говоре старухи И. Лебедевой), *там* (Каленово: *аднó гумнó там*), *тáмыт'к'и* (Кучино), *тап'éр'* (Павлиново) и *т'ап'éр'* (Ополье), *т'ап'ер'ъ* (возчик из Лучёсы), *тóл'къ* (Мошевая, Свистуны) и *тóл'к'и* (Каленово, Рогнедино, в говоре старухи Фотиевой и в говоре И. Лебедевой), *трóх'и* (Рогнедино, в говоре старухи, матери заведующего школой т. Фотиева), *трóху* (в говоре возчика из с. Лучёсы, в говоре 3-го собеседника из с. Суйтова), *тýтыт'ка* (в говоре парня из Павлинова), *jак* (Белоручье, в говоре крестьянских детей; Бол. Добрая, Платоново: *а jак jéтъ jа пыпáлас'*? Пушкино: *jак стáлъ ач'ýн'ивът'*).

Приблизительно то же представляют и ответы на «Анкету». Здесь отмечено следующее:

Вóзле[22] — в № 7, 8, 17, 22, 24, 27, 28, 33—35, 39, 40, 43—45, 47б, 47г и 50, а также равнозначащие ему *зли* в № 8, 34, 38 и *ли* в № 8, 13, 14, 16, 26, 31, 31а, 34 и 47б. Как видим, в № 8 и 34 отмечено употребление *вóзле*, *зли* и *ли*, причем здесь же имеются указания, что последние два наречия характерны для говора старых и неграмотных людей.

Как отмечено в № 1, 2, 10, 12, 14, 17—24, 28, 30, 31а, 31б, 33, 35, 38, 39, 43, 44, 47, 49 и 50; равнозначащее ему *як* имеется в № 4, 6, 9, 13, 25, 25а, 27, 27а, 28а, 41, 45, 46, 47в, 47д и 48; употребление *как* отмечено в ответах, как характерное для говора молодежи и бывалых людей.

Когдá имеется в № 7, 8, 16—20, 23, 27а, 28, 30, 31б, 33, 35, 39, 40, 43, 44, 47г и 49, а *если* — в № 10, 12, 18—20, 27, 30, 38—40, 43, 44, 47 и 49. Гораздо большее употребление имеет наречие *колӣ* с тем же значением. Отмечено оно в № 1, 4, 6, 7, 9—16, 18, 21—25б, 26, 27, 27а, 28а, 28б, 29, 31, 31а, 32, 37, 38, 40, 43, 45, 47б, 47в, 47д и 48—50.

Красúво отмечено в № 7, 21 и 35, а равнозначащее ему *пригóжа* в № 23 и 41; в № 13 отмечено употребление обоих наречий; в остальных ответах вопрос оставлен без ответа; *крéпко* в значении ʻсúльноʼ отмечено лишь в № 18.

---

[22] Орфография «Анкет»; как и везде, сохраняю орфографию источников.

9. ОТРИЦАНИЯ

Из отрицаний, соответствующих слову литературного языка *нет* (в значении 'не имеется'), в печатных источниках встречаются следующие.

Нема (= нет; «Кр. Ак. пр.», с. Княжое Краснинского у.; с. Сукромля Рославльского у.; «Ю-вр. пр.» № 18а), *нет* (с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 420; с. Слобода того же уезда, IV, 322; с. Самотеевка того же уезда, IV, 390; с. Шаталово того же уезда, I, 225; «Сборник» В. В. Богданова, д. Горки Бельского у.), *нету* (с. Киселевка Смоленского у., I, 417; д. Медведовка того же уезда, I, 715; с. Плоское того же уезда, IV, 105; с. Самотеевка того же уезда, IV, 155; 486; д. Хохловка того же уезда, IV, 140; с. Шаталово того же уезда, IV, 369, 372; с. Хотьково Сычевского у., IV, 456; «Сборник» В. В. Богданова, деревни Бельского у.: Малые Семики, Новая Деревня, с. Тативо), *нетути* (с. Летошники Рославльского у., II, 191; с. Даньково Смоленского у., IV, 215; с. Тёсово Сычевского у., IV, 463; «Кр. Ак. пр.», с. Сукромля Рославльского у.; «Ю-вр. пр.» № 18а; «Сборник» В. В. Богданова, с. Наумово Бельского у.).

В моих наблюдениях отмечено отрицание *н'етут'и* и ряд других (в том же значении 'не имеется').

Н'етут'и записано мною в Авдотьине, Бол. Возмище, Борках, Варечках, Долгомостье, Зверовичах, Каленове, Караваеве-Подгородном, в говоре возчика из с. Лучёсы; в селах Никитье, Ополье (в последнем и *н'етут'*, в говоре матери В. Ф. Шалыгина), Платонове, Филиппове и в говоре 2-го возчика из с. Филиппова, малограмотного крестьянина [ср. его произношение: *картóх'ъ* (= картофель), *р'éл'цы* (= рельсы)].

Н'ет и *н'ету* встречались: первое — в Авдотьине, в говоре крестьян из сел Бол. Добрая, Каленово, Кучино, в говоре возчика из с. Лучёсы, в Мошевой, Никитье, Ополье (у Е. Ф. Шалыгиной, дочери В. Ф. Шалыгина), в говоре крестьян из с. Суйтова, а второе — в Белоручье, Варечках, Подмошье, Рогнедине и Свистунах.

В немногих случаях в таком же значении употребляется и *н'е*; отмечено оно в Авдотьине, Зверовичах (старик Ф. С. Воробьев) и в говоре крестьянок из с. Кряжева.

Еще меньшее распространение имеет равнозначащее им отрицание *н'има*. Отмечено оно мною в говоре крестьянки из с. Бол. Добрая, в Борках, в говоре крестьянок из сел Гребневки, Зверовичей, Кряжева, Никитья, Платонова и Филиппова.

10. ЗАМЕТКИ ПО СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

Источники не представляют надежных материалов для суждения о словообразовании в говорах: в ответах на «Краткую Академическую программу» и «Южновеликорусскую программу» их вовсе нет; названные же выше «Сборники» содержат преимущественно записи песен, по которым не всегда можно судить о словообразовании в живых говорах. Но тем не менее здесь (в «Смол. этн. сб.») отмечены некоторые обычные в говоре словообразования, как *викавуха* (= старая дева; с. Шоптово Бельского у., I, 711), *дильба* (там же, I, 712), *бранка* (= брань, ругань; там же), *месячик* (там же), *ветьтика* (*ветьтийка* = веточки; с. Радошково Ельнинского у., II, 207; с. Иньково Поречского у., II, 187), *мядяны* (= медный; с. Сухой Починок Ельнинского у., IV, 179) и т. д.

Не ставя своей задачей дать исчерпывающий материал по словообразованию, остановлюсь лишь на некоторых суффиксах и пристав-

ках, используя здесь как свои личные наблюдения, так и рук. мат-лы ЗОАБ (статья А. Ф. Палашенкова «Детская ругань», «Материалы», собранные им в с. Надве б. Катынской вол. Смоленского у., а также и другие источники).

В области суффиксального словообразования отмечу следующее:
-а (после мягкой согласной): *паня* (=барыня; орфография источника);
-ак: *в'ид'мák*, *бъс'áк*, *пр'имáк* (=зять, принятый в дом тестя; с. Каспля), *сыпляк* (рук. мат-лы ЗОАБ; здесь и дальше орфография источника);
-алах: *б'едылáхъ* (от возчика из с. Лучёсы);
-ан: *пузáн* (=пузатый человек):
-аный (после мягких согласных): *м'ед'áный* (довольно редко, чаще— *м'éдный*, Зверовичи);
-астый, **-астный**: *задирáстый*, *заикáстный* (рук. мат-лы ЗОАБ), *бильмáстый* (орфография источника, см. выше), *грибáстый*, *вылуплястный* (там же), *кудлáстный* (в говоре крестьянок из с. Кряжева);
-атый: *бильмáтый* (рук. мат-лы ЗОАБ), *грибáтый*, *кудлáтый* (то же, что «космáтый») и т. д.;
-ачь: *шширбáч'*, *бр'ухáч'*, *пузáч'*, *кудлáч'*, *избáч'* и т. д.;
-еничку: *пымал'éн'ич'ку* (отмечено повсеместно);
-енка: *гбр'енка* (с. Алферово);
-енок: (в названиях сыновей по отцу — *Петрёнок*, *Иванёнок*; «Смол. губ. вед.», 1854, № 2);
-ень: *горбатéнь* (рук. мат-лы ЗОАБ), *щарбатéнь* (там же), *с'л'ап'éн'* (там же);
-енька: *т'áт'ьн'къ*, *мáм'ьн'къ* (с. Каленово) и т. д.;
-еньск: *Смолен'ск* (РГО, XXXVIII. 14);
-енята: *мед'w'ен'áтъ*, *ужен'áтъ* и *ужл'ьн'áтъ*;
-еть: *хвар'éт'* (Платоново, Коханы);
-ивец и **-ъвец**: *л'ен'ив'ьц*, *паршыв'ьц*, *крывап'ив'ец* (почти повсеместно);
-ивить: *пас'т'иw'ит'* (=пасти; от крестьянок из с. Пушкина);
-ивка: *шалудивка* (рук. мат-лы ЗОАБ), *паршывка* (там же), *пляснивка* (там же), *пляшивка* (там же) и т. д.;
-ивый: *шалудивый* (там же), *паршивый* (там же);
-ик: *брýс'ик* (в речи крестьянина из Бол. Возмища), *дýб'ик* (с. Лелеквино), *долговязик* (рук. мат-лы ЗОАБ), *виснувáтик* (=в веснушках; там же);
-ики: *гóс'т'ик'и* (от крестьянки из с. Сафонова);
-ило: *мард'ѝлъ* (от крестьян из с. Суйтова), *цад'ѝлъ* (с. Ополье);
-ина: *гълас'ѝнъ*, *салóм'инъ*, *мард'ѝнъ* (села Долгомостье, Каленово);
-истый: *рум'ан'ѝстый* (Глистаи), *каст'ѝстый* (Борки), *б'адр'ѝстый* (Квасово);
-иха: (в названиях женщин по имени мужей): *Бар'ѝс'ихъ* (в разговоре крестьянок из с. Кряжева), *П'атр'ѝхъ* (в с. Филиппове), *Иваниха* («Смол. губ. вед.,» 1854, № 2);
-ишына: *гр'еч'ѝшына* (в говоре возчика из с. Лучёсы);
-ичко: *л'éт'ичкъ* (в с. Потапове от крестьянки А. А. Гороженковой);
-ка: *брáнкъ* (=брань; с. Скачково);
-ки: *спáтк'и* (с. Сычево, из разговора матери с ребенком), *éстк'и* (там же);
-кий: *ат'éцк'иц* (с. Варечки), *куп'ецк'иц* вместо «купеческий» (там же);
-ку: *пāт'éцку* (*по отецку* — по отечески; от пожилого крестьянина в с. Варечках);
-неў: *з'áт'н'еў* (=принадлежащий зятю; с. Коханы; в говоре крестьянки из с. Бол. Добрая), *брáтнеў* (в говоре А. М. Журавлевой);
-нейка: *свáхн'ьцкъ* (Ополье, в говоре матери В. Ф. Шалыгина), *брáхн'ьцкъ*;

-ничек: *б'ир'óз'н'ич'ък* (с. Квасово), *ас'úн'н'ич'ък* (у возчика из с. Данильева);
-нула: *пыл'итнýлъ* (= улетала; в говоре крестьянок из с. Кряжева);
-оватый: *б'елмавáтыц* (рук. мат-лы ЗОАБ), *в'еснувáтыц* (там же), *пр'идуркъвáтыц* (с. Бражино);
-овый: *т'с'т'óвыц* (от *тесть*; с. Каспля, в говоре крестьянки Мариенковой), *целóвыц* и т. д.;
-онички: *пыт'ихóн'ич'ку* (с. Подмошье, из разговора матери с ребенком);
-онка (после мягких согласных): *шуб'óнкъ*, *изб'óнкъ* (Кряжево) и т. д.;
-онька: *мáмонька* (*А мамоньки* — П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45);
-онок: *пал'ачонък* (*поляки* — название переселенцев из БССР, отсюда и производное — *полячёнок*), *латышóнок* (= сын латыша; рук. мат-лы ЗОАБ) и т. д.;
-оцкий: *д'яшóцк'иц* (во многих говорах);
-очек: *сынóч'ък*, *дубóч'ък* и т. д. (повсеместно распространенное образование);
-очка: *тáтъч'къ*, *мáмъч'къ* и т. д.;
-ошенька: *пазн'óшън'къ* (с. Ополье);
-ошка: *пл'ит'óшкъ* (так назвали в с. Потапове мою плетеную сумку), *п'исар'óшкъ* (=писарь; в рассказе крестьян из с. Суйтова о волостных писарях, с оттенком глубокого презрения);
-ський: *маскóус'к'иц*, *смал'éн'с'к'иц*, *д'ир'ашéн'с'к'иц* (повсеместно распространенные образования);
-уга (после мягких и твердых согласных): *пјан'ýгъ* (с. Яблонь), *аристантюга* (рук. мат-лы ЗОАБ), *валацýгъ*;
-уйка: *буржýйка* (рук. мат-лы ЗОАБ и повсеместно);
-ук: *д'ит'ýк* (в значении 'парень'; с. Зверовичи, от 90-летнего крестьянина Воробьева);
-уличка: *матýл'ич'ка*, *татýл'ич'ка*;
-ун: *бр'ехýн* (от учеников Мощанской школы) и *лгýн* (от них же);
-усенька: *бабýс'ън'къ*, *ид'и г бабýс'ън'к'и* (с. Подмошье, из разговора матери с ребенком);
-уха: *ш'екашýхъ* (= старая дева; *в'éч'нацъ д'éшъ* — со слов крестьян из с. Суйтова);
-ухна: *дóчухнъ*, *дзявýхна* («Смол. губ. вед.», 1853, № 50), *т'éс'т'ухнъ*, *з'ат'ýхнъ* и т. д. (во многих говорах);
-ушка: *дач'ýшкъ* (во многих говорах);
-ушычка: *дачýшычкъ* (*мыца ты дачýшычкъ, пыт'арп'ú мал'éнкъ* — из разговора крестьянки из с. Кряжева с дочерью, вышедшей недавно замуж и жаловавшейся на свою тяжелую жизнь в семье мужа) и т. д.)
-чик: *дýбч'ик* (в говоре И. Лебедевой в Свистунах);
-чиха: *Старч'úха* (рук. мат-лы ЗОАБ), *купч'úха* (повсеместно);
-чуга: *пјанч'ýга* (рук. мат-лы ЗОАБ) и т. д.;
-ывать: *в'úдыват'* (*ја цаhó в'úдывъл* — со слов возчика из Ямской Слободы), *хáжывал* (там же);
-ыньки: *γлáзын'к'и* (Белоручье), *кóсын'ка* (из разговора матери с малолетней дочкой);
-ьба (-'ба): *д'ел'бá* (с. Михайловское), *ган'бá*, *барън'бá*, *с'ешбá* и т. д. (в ряде говоров).

Отмечу некоторые особенности в области приставочного словообразования.

1) Образование при помощи добавления второй приставки ***по-***: *пъзъзышáл'и* (*γас'т'éц ýжé пъзъзышáл'и* — с. Ополье), *папр'истъшáл'и* (*ч'аγó ан'ú ка мн'е пъпр'истъшáл'и* — с. Каспля) и т. д.

2) При помощи приставки ***раз- (рас-)***, имеющей в данных образованиях усилительное значение, т. е. усиливающей качество в предмете: *рызн'ишч'а́снъць* (*што ja за рызн'ишч'а́снъць тыкаць?* — с. Яковлево, в жалобах крестьянки на пьяницу-мужа), *разб'асо́ш'исныц* (с. Березово), *раскына́л'ицъ*, *разб'е́ст'ицъ* (там же), *раскръса́ш'ицъ* (*ой, раскръса́ш'ицъ была́*), *разрум'а́нацъ*, *разл'уб'е́зныц* (*разл'уб'е́зныц ч'илаш'е́к*, *абхад'и́т'ел'ныц* — со слов возчика из с. Данильева) и т. д.

11. ЗАМЕЧАНИЯ ОБ УДАРЕНИИ

Источники указывают на преобладание в говорах русского ударения над белорусским, причем нередко в одних и тех же словах встречается и то и другое ударение[23]. Например, в «Смол. этн. сб.» имеем — Бельский у., с. Беликово: *за́ўримя* (I, 71); с. Дунаево: *за́ ста* (IV, 64), *в сте́ну* (IV, 468); с. Шоптово: *по́ уху* (I, 331), *к и́збы* (I, 360), *за́ дисеть* (I, 541), *по́ палю* (IV, 254); Дорогобужский у., с. Егорье: *по́ пылю* (IV, 64), *по́ лесу* (IV, 614); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *бо́рыду* (IV, 491); с. Пречистое: *за́ гарыт* (I, 315), *по́ суху* (I, 318); Ельнинский у., с. Бердибяки: *за́гывыр* (I, 181), *на́ лышади* (I, 436), *по́ свиту* (I, 502), *по́ дви* (I, 553), *по́ гараду* (I, 607), *за́ гырыд* (I, 608), *по́ пылю* (IV, 576); с. Лукино: *на́ мыри* (I, 188); с. Проверженка: *на́ мыри* (I, 186), *на́ ныч* (I, 678), *на́ бириг* (I, 684); с. Сухой Починок: *на́ мыри* (I, 191); Краснинский у., с. Долгие Нивы: *на́ лыби* (= на лбу; IV, 491), *на́ бык* (= на бок; там же); с. Каблуково: *по́ пылю* (IV, 348, 446), *по́ лесу* (IV, 446); Рославльский у.: *по́ ваду* (IV, 121); с. Михайловка: *на́ мыри* (I, 177), *на́ памыч* (I, 189); с. Полуево: *сто́рану* (IV, 557); Смоленский у., с. Даньково: *за́ вылысы* (IV, 21), *по́ мырю* (IV, 107), *до́чку* (IV, 116), *по́ ваду* (IV, 120, 154), *до́ веку* (IV, 123), *до́ гаду* (там же), *на́ гору* (IV, 130), *по́д зарю* (там же), *за́ сыль* (IV, 179), *по́ пылю* (IV, 238, 247), *по́ ста* (IV, 621); д. Медведовка: *до́ веку* (IV, 122), *до́ году* (там же).

То же и в «Сборнике» В. В. Богданова: *во́лки* (деревни Емельяненка, Редькино Бельского у.), *у во́ду* (д. Погорельцы того же уезда).

Формы среднего рода прошедшего времени вспомогательного глагола *быть* также встречаются с русским ударением. Бельский у., с. Шоптово: *бы́ла* (*што у них бы́ла* — I, 332); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *бы́ла адияла* (IV, 522); с. Шиловичи: *на што бы́ла брать* (IV, 403); Ельнинский у., с. Бердибяки: *бы́ла время дарагая* и т. д.

С ударением, свойственным русским говорам, встречаются и другие глаголы. Бельский у., с. Шоптово: *гавари́ть* (I, 333, 361, 705), *по́мир* (I, 354), *вазьме́ш* (I, 670); Ельнинский у., с. Проверженка: *во́тдал* (I, 685); с. Сухой Починок: *говоря́ть* (IV, 280, 401), *пойдём* (IV, 401); Краснинский у., с. Каблуково: *пойдём* (IV, 266), *по́мир* (IV, 537); Поречский у., с. Иньково: *пайдём* (II, 187; IV, 553), *радила́* (IV, 270), *говори́ш* (IV, 312), *покра́йла* (IV, 433); Рославльский у., с. Черепово: *гаваря́ть* (IV, 293); Смоленский у., с. Буловцы: *пайдём* (IV, 630); с. Даньково: *ни хачу́* (I, 659), *пайдём* (IV, 35, 186, 482); *хачу́* (IV, 142), *наймём* (IV, 501), *говоря́ть* (IV, 631).

То же представляют имена прилагательные и наречия: в ряде случаев здесь также русское ударение. Бельский у., с. Беликово: *далеко́* (I, 69); Ельнинский у., с. Бердибяки: *ко́ли* (IV, 567); Краснинский у., с. Каблуково: *наперёд* (IV, 565); Рославльский у., с. Черепово:

---

[23] Термины «белорусское ударение» и «русское ударение» в значительной мере условны, так как существуют еще различия в ударении, восходящие — одни к южновеликорусским, а другие к северновеликорусским говорам. Такие различия на данной территории тоже могут иметь место.

высоко́ (IV, 257), *далеко́* (там же); Смоленский у., с. Алексенки, *даляко́* (IV, 242); с. Даньково: *глубоко́* (IV, 29, 507), *высако́* (там же): *даляко́* (IV, 196), *радно́га* (IV, 307), *радну́ю.*

Однако ряд тех же самых слов или аналогичных образований встречается и с белорусским ударением. Бельский у., с. Шоптово: *прати́* (= против; I, 332), *дачки́* (I, 359); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *было́ ў́згало́ўя* (IV, 552); с. Пречистое: *прати́ начи* (I, 311), *была́ служэния* (I, 323) и тут же — *бы́ла служения, по́йдеть* (I, 368), *по́йдуть* (там же); Ельнинский у., с. Бердибяки: *гаво́рить* (I, 471); с. Проверженка: *гаво́рить* (I, 655), *по́йдиш* (I, 686); с. Сухой Починок: *хало́стый* (IV, 442); Смоленский у., с. Даньково: *дале́ка* (IV, 124, 538), *высо́ка* (там же), *хо́чу* (IV, 142), *па сто́* (IV 621).

Примечание. В единичных случаях встречаются ударения, напоминающие по месту положения в слове польское ударение, например: *яго́дку* (с. Рудня Ельнинского у., IV, 134), *яго́дка* (там же), но отмечено оно в песенной записи и может быть вызвано рифмой.

В привлеченных материалах из «Сборника» В. В. Богданова также имеем в ряде случаев белорусское ударение: *за руку́* (с. Кубарево Духовщинского у.), *касу́* (там же), *за р'аку́* (д. Бартенево) и т. д.

Таким образом источники указывают на смешанный характер ударения в говорах.

Фольклорные и диалектологические материалы представляют следующие особенности в ударении: *на студле́, снова́, было́, у́же* (XXXVIII. 5); *голову́, руку́, ногу́, угбл, вувка́* (= волка), *было́, стуло́в, глазо́в, имя́, сердцы́* (= сердца́), *сярдцо́в, сярдцо́м* (XXXVIII. 14); *руку́, голову́, соху́, дугу́, было́, ли́са, бы́ки, бы́ку, стула́, стулы́, стула́ми, стула́х* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45).

Собранные мною материалы представляют ту же пестроту в ударении. В современных живых говорах сплошь и рядом находим постановку русского и белорусского ударений часто в одном и том же слове. Перевес, однако, в огромном большинстве случаев имеет русское ударение. Например:

1) Явный перевес имеют случаи переноса ударения на предлог, предшествующий слову: *за́ стъ рубл'е́ц* (Белоручье), *за́ д'ъс'ът' кап'е́цьк* (там же), *за́ въ́лсы* (Кучино), *за́ гъръ́т* (Потапово), *за́ мър'ем т'илу́шкъ палу́шкъ, да руп' п'ир'иво́зу* (Каспля), *кък шда́р'иў цаһо́ по́ уху, тък он и по́мир* (со слов возчика из с. Лучёсы), *пр'и́н'аў к с'ибе́* (Квасово), *по́ пъл'у* (Глистаи), *по́ л'есу* (из разговора крестьянки из с. Кряжева), *по́ с'ш'ъту* (со слов возчика из Ямской Слободы), *по́ д'ш'е* (Ополье), *пышла по́ воду* (Замошье), *на́ мыр'и быва́л* (со слов возчика из с. Данильева), *гла́зы на́ лъп л'е́зут'* (с. Яковлево), *пълажы́ на́ бък* (Скачково, из разговора при лечении коровы), *на́ б'ир'их* (Гусино), но и *за сто́* (в том же с. Белоручье), *на руку́* (Потапово, старуха А. А. Гороженкова; с. Алферово), *на с'м'е́рт'* (Платоново), *па с'ш'е́ту* (Долгомостье), *па д'ш'е́* (Кучино, Ополье, в речи ученика Мощинской школы из с. Засигово), *па по́л'у* (с. Катково), *да ш'е́ку* (там же) и т. д.

2) В ряде падежных форм в говоре одного и того же лица ударение может быть и на основе, и на окончании: *на стърану́* (в речи возчика из с. Филиппова) и *на́ стыръну* (в речи 2-го возчика из с. Филиппово), *гълаву́* и *го́лъву* (с. Варечки), *упал у́ шаду́* (с. Сычево) и *пылажы у́ во́ду* (там же), *во́бруч' ло́пнуў* (Коханы) и *дай абру́ч'* (там же, от того же лица), *ш ст'е́ну* (Мошевая) и *ап ст'ану́ гылаво́ц* (там же), *вашо́ў в избу́* (из рассказа крестьянки из с. Лелеквина) и *шн'ес'л'и у́ и́збу* (от нее же) и т. д.

3) В формах прилагательных имеем: *радно́үъ сына* и *ро́днъүъ бат'ку* (Алфёрово), *радну́цу* (Сычево, Кряжево, Сердечкино) и *ро́днуцу* (Гребнёво, Скачково) и т. д.

4) В глагольных формах мною отмечена следующая двойственность в ударении: *үашо́р'иш, үашо́р'ит'* (Зверовичи, Бол. Добрая) и *һъшар'и́ш, һашар'и́т'* (там же), *д'е́ржыш* и *д'аржы́ш* (возчик из с. Лучёсы), *по́йд'ът'ь* и *пайд'о́т'ь* (2-й и 3-й собеседники из с. Суйтова), *хачу́* и *н'а хо́чу* (Алфёрово, Лелеквино, Потапово), *была́, было́* и *бы́лъ* (наблюдалось почти повсюду), *нъч'ъла́* и *на́ч'ълъ* (Зарубенки, Бол. Добрая, Кряжево, Пушкино), *рыдила́* и *ради́ла* (Гребнёво) и т. д.

5) В наречиях *далеко, высоко, глубоко, широко* — ударение на последнем слоге (*дал'еко́, высако́, һлубако́, шырако́*) или на предыдущем (*дал'о́къ, высо́къ, һлубо́къ, шыро́къ*).

6) То же в наречии *ко́ли* и *кали́* (последнее реже встречалось).

7) В союзе *пото́м*: *по́тъм* и *пато́м* (последнее чаще встречалось).

III. ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ГОВОРОВ

Словарный состав исследуемых говоров, подобно рассмотренным фактам фонетики и морфологии, также не однороден и представляет собою еще большее смешение явлений русского и белорусского языков, чем это отмечено в фонетике и морфологии. Факты русского и белорусского языков бытуют параллельно друг с другом или же вторые вытесняются первыми.

Не ставя своей задачей дать словарь Смоленщины (он уже дан В. Н. Добровольским[24] и Н. А. Янчуком[25]; кроме того, работы по собиранию словарного материала по определенным программам ведутся краеведами[26]), приведу здесь широко распространенные слова, тесно связанные с бытом, основываясь на своих личных наблюдениях.

I. Из названий жилища и его частей:

1. *Дом, изба́, избу́шка* и крайне редко, главным образом в говоре хорошо грамотной молодежи, *хи́жина* (отмечено в Белоручье, Скачкове, Мошевой и др.), с другой стороны — *ха́та, ха́тка, хатёнка* и крайне редко, по-видимому, в индивидуальном произношении, *хиба́рка*.

2. *Крыльцо́, крыле́чко* и не так часто — *всхо́дцы*, а с другой стороны — *га́нки* (с *г* взрывным).

3. *Зава́лина* и *загва́лина*.

4. *Го́рница* (чистая, парадная комната, однако неповсеместно).

5. *Святой угол* и *кут*.

6. *Пол* и *мост*.

7. *Шесто́к* и *загнёт*.

8. *При́толки* и *лу́тки* (у двери и окон).

9. *Наве́с* и *пове́ть*.

10. *Засо́в* (у ворот) и *за́валка*, которой «закладывают» ворота, — толстый выстроганный брус по длине ворот.

11. *Закрыть ворота* (или дверь) и *заку́тать*.

---

[24] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

[25] Н. А. Янчук. Словарь. В кн.: В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. IV. М., 1903, стр. 693—716. Словарь составлен по материалам IV части «Сборника» В. Н. Добровольского.

[26] См. В. М. Архангельский. Из материалов летней экспедиции 1927 г. по Дорогобужскому уезду, ч. II. Смоленск, 1930.

12. *Открыть ворота* (или дверь) и *откýтать* или *откутáть* и редко *отчинúть*.

13. *Заперéть дверь, сундук* и проч. и *замкнýть* (сравнительно редко) и т. д.

II. Из названий домашней утвари, посуды и проч.:

1. *Чáшка* (глиняная) для еды и (реже) *черепóк*.
2. *Разливательная лóжка* и *палóник*.
3. *Нóчвы* и *ночёвки*.
4. *Сковорóдник* и *чепéльник, чепелá*.
5. *Ухвáт, рогáч* и — сравнительно не часто — *вúлошник, вúлки*.
6. *Пóлка* для посуды и (в некоторых избах) *полúца*.
7. *Рýчка* (верёвочная, из верёвки) у ведра и *почёпка* (в 90-х годах XIX в.).
8. *Полотéнце, утирáльник* и *рушнúк*.
9 *Постúлка* и *половúк*.
10. *Кипятóк* и *вар*.
11. *Кýбел* (кадка с ушками и крышкой для хранения сала в 90-х годах XIX в.).
12. *Качáлки* (рубель и скалка) для катания выстиранного белья.
13. *Валёк* и *прáник* (а также — *пральник*).
14. *Штопка* — жестяная кружка для воды.

III. Из названий одежды и ее частей:

1. *Сарафáн, сарафанóк*.
2. *Сая́н*.
3. *Андарáк*.
4. *Панёва* (почти вышедшее из употребления).
5. *Чéхлик* (верхняя часть женской рубахи до пояса, вышитая на рукавах).
6. *Сукмáнка* (сарафан из домотканного сукна).
7. *Безрукáвка* и реже *корсéт* (парадный костюм, бархатный, черного или темно-синего цвета, в талию).
8. *Пóставка* (нижняя часть женской рубахи из грубого холста или полотна от пояса).
9. *Стан* (женская рубашка из материала одного сорта — без чехлика и поставки).
10. *Смерётная рубáха, платье* (одежда, в которую одевают покойника).
11. *Армя́к, зипýн, жупáн, шýба, пинжáк, жилéт, рубáха, штанú, порткú, испóдники, лáпти, сапогú, чеботú* и *чёботы* (редко), *рáчки, ходакú, чýни, котú*.
12. *Дерю́га* (одеяло из грубого сукна домашнего производства).
13. *Воротнúк* и *ковнéр*.
14. *Колóша* (штанúна).
15. *Огýзье* (задняя отвислая часть штанов, обусловленная особым покроем их).
16. *Подоплёка* (подкладка в верхней части мужской рубахи).
17. *Лáстовицы* и *лáски* (вставки под мышками в рубахе).
18. *Поликú* (узоры, нашитые на плечах рубахи).
19. *Лáпик, лáтка* (заплата), *лапить* (ставить заплаты) и т. д.

IV. Из названий, кушаний, напитков и овощей:

1. *Хлеб* и *пáпка* (последнее только в разговоре с детьми).
2. *Коврúга*, реже *буxáнка*.

3. *Кава́лак* (кусок).
4. *Карава́й* (свадебный хлеб, украшенный разными фигурами).
5. *Сашни́* (хлебные лепешки с примесью картофеля).
6. *Сги́бни* (лепешки из более жидкого теста, обыкновенно с начинкой).
7. *Кула́га* (жидкое кушанье, вроде похлёбки, из ржаной муки и солода).
8. *Крупе́ня* (каша).
9. *Холоде́ц* (студень).
10. *Суп*, *похлёбка* (преимущественно из картофеля).
11. *Расчи́на* (закваска для теста вместо дрожжей).
12. *Вино́*, *во́дка*, *самого́нка*, редко — *сиву́ха* и *горе́лка*.
13. *Свёкла* и *бураки́*, *мо́рква* (морковь), *карто́шка* и *карто́ха* (картофель), *хря́пка* (кочерыжка).
14. Время приёма пищи: *за́втрак* и *сне́даньне* (последнее сравнительно редко), *обе́д*, *по́лдник* и *полу́днавик*, *у́жин* и *вече́ря*.

V. Из названий родства и членов семьи:

1. *Оте́ц* (редко), *ба́тя*, *ба́тюшка*, *тя́тя*, *тя́тька* и *ба́тька*.
2. *Ма́ть*, *ма́мка*, *ма́тушка* и *ма́тка* (весьма распространенное).
3. *Дед*, *де́душка*, *де́дька*.
4. *Ба́бушка*, *бабу́сенька*, *ба́бка* и *ба́ба*.
5. *Дочь*, *до́черь*, *до́ч'ка* и *дач'ка́* (*дыч'ка́*).
6. *Брат* и редко *бра́хнейка*.
7. *Пляме́нник* и *пляме́нница* (*племянник* и *племянница* — в говорах грамотных и бывалых людей).
8. *Большу́ха* (старшая невестка, жена старшего сына).
9. *Жена́*, *хозя́йка* (последнее в обращении мужа к жене), *жо́нка* (обычно в разговоре о жене) и т. д.

VI. Из названий для характеристики человека и его качеств:

1. *Аха́ха* (верзила, здоровый, рослый человек, «косая сажень в плечах»).
2. *Рахма́ный* (смирный, скромный человек).
3. *Хара́ктерный* и *характе́рный* (упрямый, своенравный человек).
4. *Векаву́ха* (старая дева).

VII. Из названий частей тела, болезней и проч.:

1. *Заты́лок* и *поты́лица* (последнее чаще).
2. *Глазы́* (*глаза́* — в говоре грамотной молодежи и бывалых людей).
3. *Гу́бы* и *грибы́* (последнее довольно часто).
4. *Лицо́*, *обли́чье*.
5. *Гру́ди* (грудь — у мужчины и женщины).
6. *Поясни́ца* и *сере́дина*.
7. *Печёнки* (лёгкие и вообще внутренности: *п'ач'о́нк'и адб'и́ў*).
8. *Нутро́* (внутренности: *нутро́ бал'и́т'*).
9. *Жилы* (артерии и вены).
10. *Скула́* (нарыв).
11. *Ску́лья* (чирей; *скул'л'ъ*).
12. *Грыс* (грыжа).
13. *Дурна́я боле́знь*, *пага́ная болезнь* (венерические болезни); *пранцы* — сифилис.

14. *Во́гник* (сыпь на губах и лице).
15. *Сна́добье* (лекарства) и т. д.

VIII. Из названий, относящихся к упряжи, дорогам и проч:

1. *Узда́* и *абро́тье*, *абро́тка* (*аброта́ть* — надеть абротье).
2. *Занузда́ть* и *замузда́ть*.
3. *Кнут* и *пу́га* и т. д.
4. *Доро́га*, *больша́к*, *сте́жка*, *шлях*.

IX. Из названий земельных участков:

1. *Ла́пик* (небольшой участок земли).
2. *Шмат* (с тем же значением, что и *лапик*, см. стр. 149).

Мне не встретились следующие слова, преимущественно польского происхождения, отмеченные далеко не единично в «Смол. этн. сб.» Б. Н. Добровольского как в записях песен, так и в рассказах: *витать* — приветствовать (II, 181; IV, 100), *гомын* — разговор (IV, 222), *забизувать* — забить (I, 709), *злото* — золото (II, 174), *зыск*, *зыски* — прибыль (I, 706), *крыж* — крест (IV, 179), *латвей* — легче (IV, 180), *маёнтык* — имение, имущество (IV, 220), *Михалка* — уменьшит. от *Михал* (= Михаил; IV, 126), *моспане* — милостивый государь (I, 703), *моспаня* (женский род; там же), *пан* — барин (IV, 166). Это же относится и к следующим трем словам: *паненка* — барышня (II, 218), *паненочка* — уменьшит. к *паненка* (IV, 116), *паненочку* (IV, 523), *паня* — барыня (*у пани* — IV, 206), *перша* — сперва (IV, 489), *перший* — первый (IV, 559), *першая* (II, 176; IV, 272, 356), *птах* — птичка (IV, 166), *родина* — семья (IV, 173), *стайня* — стойло (IV, 3, 30), *стаинька* — уменьшит. от предыдущего слова (IV, 307) и т. д. Сюда же относятся и образования, свойственные польскому языку: *по-русску* (IV, 579).

Приведенных примеров, полагаю, достаточно для характеристики пестроты словарного состава говоров.

IV. СИНТАКСИС

Из синтаксических оборотов, встречающихся в печатных источниках, в «Смол. этн. сб.» В. Н. Добровольского, в «Сборнике» В. В. Богданова и других материалах, отмечу следующие:

1. Предложение с двумя подлежащими, причем второе подлежащее выражено местоимением 3-го лица. Ельнинский у., с. Злотово: *По новым синям да Василичка ён похаживаить* (II, 121); *сястрица брату ина речи говорить* (IV, 199); Смоленский у., с. Буловцы: *адин салдат ён ни плачить* (IV, 551); с. Даньково: *вси быяри яны пьють и ядуть* (II, 71); *адин голаб ён ни пьеть и ни есть* (там же); *адин Ваничка ён ни пьеть и ни есть* (II, 72); *Татянушка душа ина рубашечку дала* (IV, 15); *казачинька прасиўся ён на ныч* (IV, 530); д. Медведовка: *штобы мати за сына ина замуж ишла* (IV, 228); с. Плоское: *лижаў жа там Лазарь ён без памити* (IV, 647); *выходит богатый он за сваe вароты* (IV, 649); *как паехаў млад Федор Терин ён на воинства* (IV, 662).

В «Сборнике» В. В. Богданова: *ни ў саду, саду чар'омушинка ина посажена* (с. Волыново Бельского у.).

Мною наблюдалось это явление в говорах пожилых людей, главным образом женщин, например в рассказе 95-летней старухи Горо-

женковой в с. Потапове: *ид'ёт' с'истра́ ина́ ў двор*; *н'ас'ёт' П'ил'ип он ваду́*; в с. Каспле, в говоре 80-летней старухи Ф. А. Мариенковой: *б'аг'и́т' кот јон у ха́ту*; *е́хаў Ива́н јон за па́нам* и т. д. Подобные обороты речи отмечены в говоре старухи из с. Бол. Добрая, на ст. Гусино; в разговоре на ст. Дорогобуж пожилой крестьянки из с. Кряжева с замужней дочерью; в разговоре двух крестьянок на той же станции из с. Пушкина; в говоре матери В. Ф. Шалыгина, 70-летней старухи, в с. Ополье; у 72-летней матери заведующего школой в с. Рогнедине И. К. Фотиева и т. д. Реже наблюдалось это явление в говоре неграмотных крестьянок средних лет, например в говоре крестьянок из сел Брылева, Лелеквина, в с. Подмошье и в говоре неграмотной крестьянки А. Муравьевой из с. Юшина. Отмечено оно кое-где и в говоре мужчин, например в говоре крестьянина из с. Нестеры: *пајехъл'и каўхозн'ик'и ины на бъзар*; в говоре крестьянина из с. Суйтова: *ед'ит' машына ина быстра* — разговор в вагоне четырех крестьян; в с. Зверовичах, в рассказе 90-летнего старика Ф. С. Воробьева: *пр'ислаў брат мн'е јон грошы* и т. д.

Говорам же молодого поколения, грамотным, а тем более бывалым людям эта особенность, по-видимому, менее свойственна.

2. Употребление в роли сказуемого формы инфинитива на месте формы изъявительного наклонения. Бельский у., с. Шоптово: *ен лижать день, лижать и другой* (I, 354).

3. Употребление формы: А — прошедшего времени на месте инфинитива; Б — деепричастия прошедшего времени на месте инфинитива; В — употребление деепричастия на ***-вшы, -тчи (-ччи)*** на месте форм глагола прошедшего времени.

А. Краснинский у., с. Холощево: *Рада б я витала* (II, 181); Рославльский у., с. Летошники: *Я б и рада пригалубила* (II, 191); Смоленский у., с. Хохловка: *Я рада с табою, мой друг, гаварила* (IV, 424); Сычевский у., с. Хотьково: *Я бы рада открыла* (IV, 459).

Примечание. В современной живой речи такие обороты мне не встречались.

Б. Рославльский у., с. Романовка: *Как жа мне ни плакуши?*, (IV, 179). Рассматриваемые обороты с деепричастием на месте инфинитива (*Как же мн'е н'е даўшы, как же мн'е н'еплакаўшы* и т. д.) отмечены мною в Борках, Варечках, Зверовичах, Каспле, Ополье, Рогнедине, Скачкове и Сыр-Липках, а также в говоре крестьян из сел Возмища, Суйтова и крестьянки из с. Бол. Добрая.

В. Формы деепричастий на ***-вшы*** (*он уехавшы*) на месте форм прошедшего времени (дееприч.-сказуемое) наблюдаются в говоре преимущественно пожилых людей и то часто в чередовании с формой прошедшего времени. Такое чередование встречалось, например, в говоре Ф. А. Мариенковой в с. Каспле и в говоре двух старух в с. Рогнедине. Формы деепричастий в этой роли наблюдались мною в разговоре с крестьянином из с. Суйтова.

Рук. мат-лы РГО также представляют формы деепричастий в роли сказуемого: *Он ушедши* (вместо *он ушел*), *был ушедши* (XXXVIII. 14), *он был пришедши*, *он был вставши* (XXXVIII. 5), *был пришотчи* (XXXVIII. 23).

В «Анкетах» формы деепричастий (на ***-вшы***) имеем в № 4, 6, 8, 16, 24, 25, 26, 27а, 29, 34, 40, 41, 43, 48 и 49, причем в № 6, 8, 24, 34 и 49 они чередуются с формами прошедшего времени.

В живых говорах обороты с деепричастием на ***-тчи (-ччи)*** — *уе́хатч'и*, *пашо́тч'и* (*пашо́ч'ч'и*), *пр'ишо́тч'и* (*пр'ишо́ч'ч'и*) и т. д. — встречаются не часто. Отмечены они в говоре крестьянки из с. Афонина и в селах

Бражине, Волочке, Еловке и Подмошье, причем почти везде в чередовании с формой прошедшего времени.

В «Анкетах» имеем их в № 6, 7, 11, 16, 23, 28а, 29, 31, 41, 46 и 48, причем в № 7, 11, 21, 23 и 48 они чередуются с формами прошедшего времени. Огромное большинство «Анкет», однако, имеет: *он пришел*. Последний оборот в № 21 отмечен как характерный для говора бывалых, грамотных людей и молодежи.

Обороты исключительно с формой прошедшего времени отмечены и в «Анкетах» № 18, 28в, 47б и 50.

4. Употребление в роли сказуемого возвратных глаголов вместо невозвратных. Бельский у., с. Шоптово: *Мужик за ета трожжи набиўся пана* (I, 704); Ельнинский у., с. Боровское: *Сестра брата вином угащалася* (IV, 582); Смоленский у., с. Буловцы: *Аб темный ночки клапачуся* (IV, 391) и т. д.

5. Употребление формы единственного числа повелительного наклонения вместо формы множественного числа. Ельнинский у., с. Радошково: *Вы, частые звезды, присвячай моих дятей* (IV, 229); *Вы, крутые биряжки, калыши маих дятей* (там же); Смоленский у., с. Киселевка: *Пагади, рибяты* (I, 427); Сычевский у., с. Тасово: *Вы, царевы, пакажи жениха* (IV, 67); *Вы, бояры, пакажи жениха* (там же).

Аналогичные примеры встречаются в № 17 и 27а «Анкет». В современных говорах мне они не встретились.

6. Особое согласование определения с определяемым: а) — в роде и б) — в падеже.

а). Бельский у., с. Шоптово: *Ана чалавек ни глупая* (II, 236); Смоленский у., с. Шаталово: *Ня здесь-ли мыя Марьичка, душа-ль мой* (II, 16).

б). Бельский у., с. Дунаево: *Атгадаиш маих три загадки* (I, 331); Краснинский у., с. Каблуково: *Пирякоти у мяне дитя малыга* (II, 3).

Отмечены и такие случаи, как: *Пра Митрий Степанывича* (Ельнинский у., с. Сухой Починок, IV, 180), *звали деўки нялюб-гостя к сябе* (Смоленский у., с. Даньково, IV, 280), с *мать-прячистый* (там же).

7. Числительные *два*, *три* и *четыре* в большинстве случаев сочетаются с формами именительного падежа множественного числа мужского и среднего рода. Сочетание же с формами родительного падежа единственного числа, совпавшего с формами двойственного числа или вытеснившего их там, где они отличались от формы родительного падежа единственного числа, встречаются реже. Например:

Бельский у., с. Беликово: *два вазы* (I, 70), *три вазы* (I, 71), *два стаканы* (там же); с. Дунаево: *три закрамы* (IV, 467); с. Шоптово: *три зяти* (I, 360), *два мечи* (I, 545) и *два рубля* (с. Беликово, I, 71), *три года* (с. Шоптово, I, 540); Вяземский у., с. Новоселье: *два листика* (II, 284), *два яблачка* (II, 288); Дорогобужский у., с. Егорье: *три рубля* (IV, 214), *три кыня* (там же); Духовщинский у., с. Берестнево: *цатыри вакошки* (IV, 125); с. Никола Ядреич: *три пруточки* (IV, 143); с. Пречистое: *три пруты* (IV, 13), *три падарки* (IV, 463) и *три гудочка* (с. Никола Ядреич, IV, 143), *три сада* (IV, 256), Ельнинский у., с. Бердибяки: *три сыны* (I, 547), *три двары* (там же); с. Крутиловка: *три разы* (II, 195); с. Злотово: *три коники* (IV, 300); с. Проверженка: *три гады* (I, 237); с. Радошково: *три пуды* (II, 209); с. Рудня: *два караблички* (IV, 230); с. Сухой Починок: *три галубочки* (IV, 374) и *три дянёчка* (с. Злотово, IV, 296), *три рубля* (там же, IV, 300), *три кыня* (там же), *два гроба* (с. Крутиловка, IV, 419), *два дружка* (там же), *три пуда* (с. Радошково, II, 209), *три*

листа (с. Сухой Починок, I, 171), *два яичка* (IV, 520); Краснинский у., с. Каблуково: *три поли* (IV, 346), *три мори* (там же), *три лясы* (там же); с. Свалы: *три дни* (IV, 303), *два столики* (IV, 540) и *три дня* (с. Каблуково, IV, 563); Поречский у., с. Иньково: *три ряды* (IV, 53, 444), *три молыйцы* (IV, 108), *чатыри вакошки* (IV, 125), *три дни* (IV, 137) и *два кучира* (IV, 450); Рославльский у., с. Васьковка: *три брахненьки* (IV, 362); с. Летошники: *три палки* (IV, 151), *два лежни* (IV, 378); с. Полуево: *три салдаты* (IV, 557); с. Романовка: *три престолы* (IV, 179) и *три древа* (с. Васьковка, IV, 362), *в два пера* (с. Клечетово, IV, 210), *два вала* (там же, IV, 268), *три дуба* (там же, IV, 354); Смоленский у., с. Даньково: *три селязни* (IV, 107); с. Киселевка: *три пуды* (I, 424); д. Медведовка: *два рубли* (I, 714), *два гады* (там же); д. Слобода: *три дни* (I, 326, 327), *три часы* (I, 327); с. Плоское: *два браты* (IV, 357, 358); с. Свалы: *два рябры* (IV, 63); с. Самохотовка: *три дворянины* (IV, 155); с. Хотьковка: *три садики* (IV, 43); с. Чепищево: *три дни* (I, 660), *три кули* (там же); с. Шаталово: *два гроши* (IV, 400) и *три ряда* (с. Даньково, IV, 196), *два пуда* (с. Киселевка, I, 423), *три рыбалова* (д. Медведовка, IV, 181), *три года* (с. Плоское, IV, 654; с. Свалы, IV, 3; с. Хохловка, IV, 424), *три каня* (с. Самохотовка, IV, 486), *три седла* (там же), *три жгута* (с. Свалы, IV, 3), *три чилавека* (с. Слобода, I, 326), *два ката* (с. Чепищево, I, 659); Сычевский у., с. Тесово: *три вутра* (IV, 14).

В «Сборнике» В. В. Богданова также имеем: *два в'аночки* (д. Тилибукино Бельского у.), но *три садочка* (д. Волково того же уезда), *три брата* (д. Климятино), *три д'ан'очка* (Новая Деревня).

Формы именительного падежа множественного числа существительных в сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре* отмечаются и в рук. мат-лах РГО: *два столы*, *три часы*, *четыре платки* (XXXVIII. 14).

То же представляют и памятники XV в.: *три браты* («Летописный сб.», 42б) и т. д.

В «Анкетах» имеется то же самое. Формы с именительным падежом множественного числа — в № 4, 6, 7, 9, 10, 12—16, 18, 19, 24, 25, 25а, 25б, 27, 27а, 28а, 28б, 29, 31а, 33, 34, 40, 41, 44, 47в, 47д и 48.

В № 1, 8, 11, 17, 20—23, 26, 28в, 30, 31, 32, 35, 37, 38, 39а, 43, 47а, 47б, 47г и 49 имеем обороты с формой родительного падежа единственного числа; в № 7, 16, 18, 19, 25, 27, 28а, 31а, 31б, 34, 47в и 47д чередуются и те и другие формы.

По моим наблюдениям, явление это распространено повсеместно и характеризует говоры лиц, не связанных с отходом на производство, и говоры главным образом женщин. В говорах бывалых людей, а также грамотной молодежи в этих случаях имеем сочетание с формами родительного падежа единственного числа, совпавшими с формами двойственного числа или вытеснившими их там, где они отличались от форм родительного падежа единственного числа. Последние обороты, пожалуй, являются более распространенными.

8. Глаголы *говорить*, *сказать*, *отказать*, *отвечать*, *бранить* в ряде случаев управляют винительным падежом с предлогом *на*. Например — Бельский у., с. Шоптово: *хазяин гаварить на яго* (= говорит ему; I, 331); *хазяйка на хазяина ипять говорить* (I, 333); *хазяйка на хазяина атвичала* (там же); *он на отца атказал* (I, 348); *на упраўляющава говорить* (I, 352); *сказаў на жонку* (I, 355); *гаворить купец на сапожника* (I, 361); *гаворить на етыва купца* (I, 362); *купец гаворить на прикащика* (там же); *гаворить на хазяйку, на сваю жану* (I, 665); *гаворить на лавошника* (I, 670); *барин атвичаить на кучира* (I, 704);

гаварить на них (II, 232); *гаворить на жениховыга отца* (II, 235); Ельнинский у., с. Бердибяки: *гаворить на купечискыва сына* (I, 339); *гаворить на яе* (I, 370); с. Проверженка: *воўк на сабаку гаворить* (I, 655); *бранилась ты на мяне* (I, 694); Смоленский у., с. Киселевка: *жирябеньк на кабылу гаворить* (I, 410); д. Медведовка; *гаворить на стараго* (I, 715); *гаворить на маладого хазяина* (там же).

Реже имеют такое управление глаголы *вздумать, позабыть, забыть*. Духовщинский у., с. Пречистое: *уздумають на бога* (I, 319), *яны и на бога позабудуть* (там же); Поречский у., с. Инькoво: *забыў на мяне* (IV, 428).

По моим наблюдениям, глагол *говорить* управляет винительным падежом с предлогом **на**: *гъварйть на јагб* вместо *јамý*.

Мною отмечено это явление в селах Борки, Варечки, Зверовичи, Мошевая, Платоново и в разговоре крестьян из сел Катково, Нейково, Нетяжи, Скачково, Синяки и в говоре крестьянки из с. Бол. Добрая, причем обороты эти чередуются с управлением глагола *говорить* дательным падежом.

То же дают и «Анкеты». Обороты *говорить на яго, говорить на старого* (вместо *говорить ему, старому*) имеем в № 1, 4, 6—12, 16, 18, 19, 25, 25а, 25б, 26, 29, 31а, 33—35, 37, 40, 46, 47б, 47в, 48 и 49, причем в № 6, 7, 8, 10, 12, 18, 19, 25, 25б, 26, 33—35, 40, 47б и 49 они чередуются с оборотами *говорить ему* (глагол *говорить* + дательный падеж).

9. Глаголы приветствия в ряде случаев сочетаются с дательным падежом лица, к которому обращено приветствие. Например — Ельнинский у., с. Бердибяки: *здраствуйтя вам добрым люддём*, *честным* (I, 213), *здароў вам* (I, 346—347); Смоленский у., с. Самохотовка: *здрастуй табе*, *деўка* (IV, 234).

10. При глаголе *смеяться* объект, на который направлено действие, ставится или в творительном падеже с предлогом *над*, или в родительном с предлогом *кала* (=около). Примеры — Бельский у., с. Шоптово: *смяетца над им* (I, 362); Поречский у., с. Инькoво: *друх смяетца нада мной* (IV, 433); Смоленский у., с. Свалы: *кала яво смяютца* (IV, 11).

В фольклорных записях первой половины XIX в. при глаголе *смеяться* объект ставится в родительном падеже с предлогом *около*, *з (с)*: *около вас смяются* (П. Д. Ш. «Смол. губ. вед.», 1853, № 45); *з меня смяются*, *з нас смяются* (там же, № 50).

В моих наблюдениях при глаголе *смеяться* объект ставится в творительном падеже с предлогом *над* или в родительном с предлогом *с* или *кала* (около).

Явление это наблюдалось мною почти повсеместно в обследованных местах, причем обороты творительного падежа с предлогом *над* характеризуют говоры преимущественно грамотной молодежи. Менее часты из указанных оборотов сочетания родительного падежа с предлогом *с*.

То же представляют и «Анкеты». Оборот творительного падежа с предлогом *над* имеем в № 6, 7, 8, 10, 12, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 25а, 28—28б, 31—31б, 34, 39, 39а, 40, 41, 45, 47—47б, 47д и 49; родительный с предлогом *с* — в № 4, 11, 33, 34, 39а, 44, 47б—47г, причем в № 44 и 37 отмечено употребление и форм творительного падежа с предлогом *над*; родительный падеж с предлогом *кала* (около) отмечен в № 1, 7, 9, 14, 16—18, 21, 22, 24, 25а, 26, 27, 28а—28в, 29, 31а, 32, 34, 38, 40, 41, 43, 46, 47б, 47в, 47д, 48 и 49, причем в № 7, 9, 14, 17, 18, 21, 22, 24, 25а, 26, 27, 28а, 28в, 31, 31а, 34, 40, 41, 47б, 47д и 49 отмечены и обороты творительного падежа с *над*; в № 47д — оборот родительного с предлогом *с*, а в № 34

и 47б имеем все три оборота. В № 21 — указание, что обороты с *над* характеризуют речь бывалых, хорошо грамотных людей и молодежи; в № 30 отмечено, что обороты с *коло* характеризуют главным образом речь неграмотных людей.

11. а) Особенность в управлении представляют и глаголы *поблагодарить, благодарить и молить*.

Глагол *поблагодарить* управляет дательным падежом вместо винительного: *поблагодари хозяину* (Смоленский у., с. Свалы, IV, 9), *публагодари всем хозяинам* (там же, IV, 10). Дательным падежом управляет и глагол *молить*; см. ниже главу «Говоры дворовых, входивших в состав помещичьей администрации», стр. 177.

Случаи управления глаголов *благодарить* и *поблагодарить* дательным падежом вместо винительного представляют следующие номера «Анкет»: 4, 6, 15, 28а, 40, 47 и 47а, причем в № 40 и те и другие обороты.

б) Управление глаголов *изругать*, *изменить*, *подарить*, *нуждаться*, *обучаться*, *набить*, *глянуть*, *дарить* видно из следующих примеров «Смол. этн. сб.»: *тада ей изругаю* (с. Шоптово Бельского у., I, 348); *изменила сестриц-падруг* (с. Новоселье Вяземского у., II, 280); *ты яво подарил* (= ему подарил; с. Пречистое Духовщинского у., I, 324); *ни нуждаюсь я, деўка, табой* (с. Крутиловка Ельнинского у., IV, 421); *гляну я па деўках* (Смоленский у., IV, 39); *держалась шинкарушка малайцу за плячо* (там же, IV, 509); *дарю тябе бальшим жалванним* (с. Киселевка Смоленского у., I, 419); *абучатца ўсяких разных языкаў* (с. Плоское Смоленского у., IV, 652).

12. В ряде примеров переходные глаголы сочетаются с родительным падежом. Например — Бельский у., с. Дунаево: *пайдем з нами начи каратать, грязи таптать* (IV, 174); Ельнинский у., с. Бердибяки: *захатеў узнать бабских увертык* (I, 340), *аставиў маладого сината* (I, 368); Рославльский у., с. Летошники: *идем к табе вянкоў вить* (IV, 193); с. Радошково: *хто ня йдеть вянкоў завивать* (IV, 186), *вялю носика урезать* (IV, 38); Смоленский у., с. Даньково: *вянкоў завивать* (IV, 191), *вянков павиваем* (IV, 194); с. Плоское: *винка вить пасабили* (II, 27); с. Самохотовка: *нам с табой зазнобушки задають* (IV, 290); с. Слобода: *раю пресветлага увидаеть* (IV, 676); Сычевский у., с. Бехтево: *двара сматреть, ската, живатины* (II, 258), но также и *дабро наживать* (Смоленский у., с. Виселевка, I, 416) и т. д.

13. При отрицании *не* встречаются следующие сочетания: Бельский у., с. Шоптово: *нам ни нада бурлацкая, хахлацкая* (II, 238); Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *ня видна с-падсвету заря* (IV, 257); Краснинский у., с. Каблуково: *А мне, молайцу, Сибирь ни минути* (IV, 350).

Наряду с этим имеем и родительный падеж: *бабы-лагушки из печи ни выгынять* (Духовщинский у., с. Пречистое, I, 311); *не люби красный деўки* (Смоленский у., с. Самохотовка, IV, 198).

14. При глаголах движения для обозначения места, куда направлено движение, от слова *двор* употребляется беспредложная форма *двору*. Например — Бельский у., с. Шоптово: *время двору атпустить* (IV, 411); Дорогобужский у., с. Егорье: *Мне младой двору хочитца* (IV, 162); Ельнинский у., с. Бердибяки: *вёрнимся двору* (I, 339), *приходить двору* (I, 342), *ишоў двору* (I, 548); с. Крутиловка: *подь, пади, голубушка, двору* (IV, 297), *приди двору* (IV, 298); с. Злотово: *двору едить* (IV, 284); с. Проверженка: *пувязем мы деда двору* (I, 236), *приезжаить Тарас двору* (I, 694); с. Радошково: *варатися двору* (IV, 100), *варачуся двору* (там же), *ни вярнуся двору* (там же), *как дворычку молыйцу прибыть* (IV, 525); Краснинский у., с. Каблуково: *двору не вернуся* (IV, 100), *двору едить* (IV, 310); с. Свалы: *пришоў двору*

(IV, 317); Рославльский у., с. Летошники: *двору подымалася* (IV, 59), *а я двору сабралась* (IV, 265), *у палноч двору приходить* (IV, 309); Смоленский у., с. Даньково: *пришла двору* (IV, 18), *двору идуть* (IV, 119), *приду двору* (IV, 141), *а ти тут их ести, ти дворушку нести* (IV, 241), *двору идить* (IV, 242), *пайдем двору* (IV, 482), *придеть двору* (IV, 501); с. Плоское: *иди-ка, сястрица, двору* (IV, 357), *двору пришоў* (IV, 317), *пришоў двору* (там же), *пайдём двору* (IV, 482), *прийду двору* (IV, 486); с. Слобода: *двору давязу* (IV, 340).

Есть также случаи употребления этой формы и с предлогом *у (в)*: *сам у дворушку идеть* с. Злотово Ельнинского у., IV, 281); *приду в двору* (с. Иньково Поречского у.).

Рук. мат-лы РГО также имеют: *поехав двору, давай тягу двору, зараз двору, панясли двору* (XXXVIII. 14).

15. При сравнительной степени ставится предлог *за* с родительным падежом. Например — Бельский у., с. Беликово: *чилавека бойся болий за таво зверя* (I, 70); Смоленский у., с. Даньково: *красней за того* (IV, 115); с. Плоское: *повыше за меня* (IV, 357), *луччий за мяне* (там же); с. Хохловка: *побыгаче за мяне* (IV, 231), *пакрасивей за тябе* (там же).

Имеются также и примеры родительного падежа при сравнительной степени и без предлога *за*: *умней яво* (с. Чепищево Смоленского у., I, 659) и др. Имеем их также и в «Сборнике» В. В. Богданова: *млачий мин'е, старший мин'е* (д. Красная Долина).

В «Анкетах» оборот с *за* отмечен в следующих номерах: 1, 4, 6, 7, 11—14, 16, 24, 25а, 25б, 26, 27, 27а, 28, 28а, 28в, 29, 32, 37, 38, 43—46, 47б, 47д и 49; в № 7, 27а, 28, 28а, 28в, 38, 44 и 49 отмечены оба оборота — родительный падеж с предлогом *за* и без него, причем в № 44 имеется указание, что обороты без предлога характерны для говора более культурной, грамотной части населения.

То же дают и мои наблюдения: сравнительная степень в живых говорах выражается родительным падежом с предлогом *за* и без него: — *крас'ив'е͡ѝ за т'аб'е́* и *крас'ив'е͡ѝ т'аб'е́*. Более употребителен второй оборот.

Отмечен он мною почти во всех селах, говор которых был объектом моих наблюдений, в речи лиц пожилых и среднего возраста, главным образом женщин; в говоре же лиц бывалых он встречается реже или совсем не встречается (возчик из Ямской Слободы, П. П. Сычев, В. Ф. Шалыгин, П. Ф. Колбасов, И. И. Прозвицкий и др.). Отсутствием оборота с предлогом *за* характеризует и речь хорошо грамотной молодежи, но в говоре учеников из Мощинской школы родительный падеж с предлогом *за* для выражения сравнительной степени — не редкость.

16. Своеобразная конструкция, вызванная смешением как предлогов, так и глаголов сходного значения, отмечается в следующих примерах: Бельский у., с. Шоптово: *паеду, малыдец, па темные ночки* (IV, 414), *спрашиваить в агародниках* (I, 666); Поречский у., с. Иньково: *на каню садитца* (IV, 27); Смоленский у., с. Шаталово: *ни лижала б я белыю грудью на вакно* (IV, 435).

В «Анкетах» имеются подобные формы в следующих номерах: 1, 4, 6, 9, 13, 16—21, 24, 25а, 26а, 27, 28а—28в, 31а, 31б, 33, 34, 38, 39а, 40, 41, 43, 44, 47в, 47д и 49, причем в № 4, 17, 18, 20, 21, 25а, 27, 28а, 31а, 31б, 34, 39а, 43, 47в, 47д и 49 отмечены и те и другие формы. «Анкеты» № 17 и 21 указывают, что речь без смешения этих форм характерна для хорошо грамотных людей, главным образом для грамотной молодежи.

17. Смешение дательного и местного падежей: *па щирых барочках* (с. Самохотовка Смоленского у., IV, 234).

То же в памятниках XVIII в.: *по домах дворянских* («Мемориал», л. 15 об.).

Имеем это явление и в рук. мат-лах Российской Академии наук: *он яго бацнул по грибах*, т. е. ударил его по губам (Обл. сл. 160).

По моим наблюдениям, почти повсеместно распространены такие обороты, как *по полях*, *по лесах*. Наблюдались они мною в говоре пожилых людей, преимущественно женщин. В говорах же молодого поколения, бывалых и грамотных людей они весьма часто встречаются в чередовании с формами *по полям*, *под дворам*. Отмечены они, например, в говоре возчика из Ямской Слободы П. П. Сычева, в говоре В. Ф. Шалыгина, но уже с указанным выше чередованием, а также в говоре 18-летнего парня из с. Березовка (встреча на ст. Павлиново), в разговоре в вагоне железной дороги с 19-летним парнем из с. Яцкова и в говоре крестьянских мальчиков из Мощинской школы. В говоре же пожилых людей, преимущественно женщин, они встречаются без чередования с формами дательного падежа множественного числа, например в говоре Ф. А. Мариенковой, старухи Шалыгиной, А. Д. Лазаревой и других они слышатся по преимуществу: *пъ кры́шъх ла́з'ит'*, *пъ н'ит̄'их пашла́*, и т. д. То же отмечено мною и в говоре сестер Жигулевых в с. Платонове и 90-летнего старика Ф. С. Воробьева (с. Зверовичи), хотя у последнего нередки случаи и отсутствия дательного падежа в форме местного.

Формы местного падежа множественного числа вместо форм дательного отмечены в «Анкетах» № 4, 7, 8, 10, 11, 18—23, 26, 28, 28а, 28в, 31б, 34, 38, 39, 39а, 44, 47—47б, 47г, 47д и 49, причем в № 4, 7, 28а, 28в, 34, 44 и 49 отмечаются и те и другие формы.

18. Смешение творительного и местного падежей: *на святымъ съборѣ* («Летописный сб.», 26), *на чужим конѣ* (там же, 406 об.).

Аналогичные формы отмечены мною, правда в единичных случаях, в говоре пожилых неграмотных людей: Ф. А. Мариенковой, старухи Шалыгиной, 90-летнего старика Ф. С. Воробьева и некоторых других.

19. Предлог *ми́жда*, *мижа* (между, меж) управляет дательным падежом: *стали мижда сибе гаварить* (с. Шоптово Бельского у., I, 331), *мижа себе зассорились* (там же, I, 351).

20. Особенности в употреблении следующих предлогов:

а) Распространение употребления предлога *аб* (об) из положения его перед начальным гласным слова и на те случаи, когда за ним следует слово, начинающееся с согласного звука: *об вирябью*, *об двору*, *об тябе* (XXXVIII. 14).

б) Предлог *аба* (обо) вместо *до*. Например — Вяземский у., с. Новоселье: *какое вам дело аба мне* (II, 281).

в) Особое употребление предлога *до* (после глаголов движения = предлогам *к*, *в*). Например, Духовщинский у., с. Никола Ядреич: *да дому* (IV, 37); Ельнинский у., с. Боровское: *паедим са мной да горенки навэй* (IV, 574); с. Проверженка: *да дому* (I, 589); с. Радошково: *хади да дому* (IV, 352); Поречский у., с. Иньково: *ня ходиш да мине* (IV, 429); Рославльский у., с. Летошники: *да тябе* (IV, 79), *да домику* (IV, 553), *да дому* (там же); Смоленский у., с. Даньково: *пайдем да шинкарки* (IV, 232), *да хаты* (IV, 583), *вярнись да дому* (II, 76), *пусти, паня, ты мяне да дому* (IV, 47); с. Самохотовка: *да дому сваиго* (IV, 601); д. Слобода: *иди да дому* (IV, 586); Сычевский у., с. Тёсово: *жалабна тваё серца, серца да мине* (IV, 439); с. Хотьково: *да Палагеиныва терима* (IV, 459).

В «Сборнике» В. В. Богданова: *да дому, ћос'ти, да дому* (с. Кубарово Духовщинского у.).

Однако предлог *да* (до) не употребляется как единственный — наряду с ним имеют употребление и предлоги *к* и *в*. Например — Смоленский у., с. Самохотовка: *ка мне у двор* (IV, 289), *ка мне у горенку ня йдешь* (IV, 390), *пришоў, душинька, праститца к тябе* (IV, 431), *ка свайму двару* (IV, 601); Сычевский у., с. Хотьково: *у двор* (IV, 469).

Аналогичные обороты отмечены мною в с. Рогнедине и в говоре 18-летнего парня, возчика из с. Яблони И. Г. Степанкова.

В «Анкетах» имеем их в № 4, 8, 28, 29, 34 и 47, причем во всех номерах рядом с ним имеем и обороты с предлогом *в*: *иду в школу*.

г) Предлог *за* вместо *с*. Например — Смоленский у., с. Буловцы: *брали пленных за сабой* (IV, 636).

д) Предлог *на* вместо *в*. Например — Рославльский у., с. Летошники: *сустреўся мядьведь на лесу* (IV, 276); Смоленский у., с. Даньково: *стану на притвори* (IV, 114), *стал на притвори* (IV, 177); д. Слобода: *была у батюшки адна доч на раду* (IV, 339); с. Шаталово: *на тярём пошла* (II, 26).

е) Предлог *на* вместо *к*. Например — Смоленский у., с. Даньково: *привеў я гастей на тябе* (IV, 278).

ж) Предлог *на* вместо *по*. Примеры из «Смол. этн. сб.»: Бельский у., с. Шоптово: *на губах тякло* (I, 358); Краснинский у., с. Каблуково: *ни хади, жана, ты на вулицы* (IV, 56).

з) Предлог *па* (по) вместо *в* и *на*. Примеры — Ельнинский у., с. Злотово: *па канец стыла стаить* (IV, 299); с. Радошково: *ни сядеў бы ен па канец стала* (IV, 287); Смоленский у., с. Даньково: *сядить па канец стала* (II, 21); *некыму стати па конец стала* (II, 48); с. Шаталово: *сядить па канец стала* (II, 20).

и) Предлоги *па* (по) и *у* вместо *за*. Например — Бельский у., с. Шоптово: *пашов у грибы* (I, 595); Смоленский у., с. Данько́во: *паеду па батюшку* (IV, 307), *паеду па матушку* (там же), *пашла наша Марьяна ина ў мел, па муку пашла* (IV, 512).

То же дают и рук. мат-лы РГО: *па дрова* (XXXVIII. 23).

Употребление предлога *па* (по) вместо *за* (*па ягоды* вместо *за ягодами*) весьма распространено в говорах. Примеры типа *па ягоды, па грибы* наблюдались мною почти повсеместно.

Это явление отмечено и в «Анкетах» № 1, 7, 19—21, 23, 25а, 36 и 38; в № 4, 6, 11, 17, 18, 28в, 31б, 34, 39а и 44 оборот с предлогом *по* чередуется с оборотом с предлогом *за*.

Оборот с предлогом *у* отмечен в «Анкетах» № 1, 4, 6, 7, 9, 12, 15, 16, 18, 22—25, 25б, 27, 27а, 28а—28в, 29, 30, 31, 31а, 34, 37, 38, 40, 41, 43—46, 47б, 47г, 47д и 49, причем в № 4, 6, 7, 15, 18, 22, 24, 25, 27, 28а—28в, 29, 30, 31а, 34, 41, 43, 44, 47г, 47д и 49 он чередуется с оборотами с предлогом *за*, а в № 1, 4, 6, 7, 18, 28в, 34 и 44 отмечены все три оборота.

й) Предлог *пад* (под) вместо *в* и *на*. Например — Ельнинский у., с. Радошково: *ни сядел бы я пад канец стала* (IV, 287); Смоленский у., с. Даньково: *пад разбой пашли* (IV, 691).

к) Предлог *па-за* вместо *за*. Например — Поречский у., с. Иньково: *па-за кустику* (II, 187); Смоленский у., с. Шаталово: *па-за лесику ходить* (IV, 315).

л) Предлог *при* вместо *в* или *с*. Например — Смоленский у., с. Буловцы: *звисяли-ка мине при гори, при бальшей печали* (IV, 550); Сычевский у., с. Тесово: *при пальте буду ходить* (IV, 460), *при часах буду любить* (там же).

м) Предлог *пра* (про) вместо *о*: *про брата забыв* (вместо *о брате забыл*; XXXVIII. 14).

н) Предлог *пративу* (против) управляет дательным падежом, а не родительным: *противу ветру* («Житие Авраамия», л. 16), *противу трудом* («Служба Авраамию», л. 8).

21. Предлог *у* вместо *подле*, *возле*: *у лавки* (вместо *возле лавки*, *подле лавки*; XXXVIII. 23).

22. Опущение предлогов перед управляемыми словами. Явление это отмечается и в прозаических записях. Примеры — Бельский у., с. Шоптово: *устает часа за три свету* (I, 332), *за час свету* (I, 332), *пайзжай-ка ты свайму приятилю* (I, 348), *пупраси-ка памещика плуга* (I, 352); Краснинский у., с. Каблуково: *ти ёсть тябе батюшка* (IV, 380); с. Холощево: *тую пару́-времичка мяне мати радила* (II, 176); Рославльский у., с. Летошники: *идеть батьки ў гости* (IV, 275); Смоленский у., с. Даньково: *балить майго милага галава* (IV, 63); *балять майго милыга груди* (там же), *сваталися Катиньку* (IV, 505); Сычевский у., с. Тесово: *мине золыта прапала* (IV, 14).

Подобного рода явления не представляют исключительного употребления — наряду с ними в тех же записях встречаются и обороты с предлогами: *он паехал к приятилю* (с. Шоптово Бельского у., I, 348); *есть у мяне батюшка* (с. Каблуково Краснинского у., IV, 380) и т. д.

Мне это явление (отсутствие предлогов перед управляемыми словами) встречалось не часто. Отмечено оно мною в говоре крестьянок, матери и дочери, из с. Кряжева, в говоре Ф. А. Мариенковой, возчика из с. Лучёсы М. К. Степанченкова и на колхозном собрании в с. Михайловском.

В «Анкетах» оно отмечено в № 4, 6, 7, 14, 27а, 28, 28а, 28в, 29а, 32—34, 38, 41, 44, 47в, 47г и 48, причем в № 4, 14, 28, 28а—28в, 29, 31а, 32, 34, 38, 41, 44, 47в, 47г и 48 имеются и формы с предлогами в чередовании с беспредложными.

23. Обратное явление — плеонастическое употребление предлогов *при* и *ў*. Например — Бельский у., с. Дунаево: *при ў широкай далини* (IV, 535); с. Шоптово: *ляжить при ў дарози* (I, 356); Дорогобужский у., с. Егорье: *ни тстаўтя мине при ў горе* (II, 211); Ельнинский у., с. Радошково: *при ў дароги* (IV, 609); Смоленский у., с. Буловцы: *при ў дароги* (IV, 391); с. Самохотовка: *при ў дарози* (IV, 155); *при ў далини* (IV, 431); Сычевский у., с. Хохловка: *при ў далини* (IV, 424).

Подобного рода явления отмечаются не только в песнях: среди приведенных есть примеры и из прозаических записей.

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *при ў-ф саду* (с. Симоновка) и *при пути*, *при дарошки* (с. Тативо).

В моих наблюдениях это явление не встретилось. Отмечается оно в «Анкетах». Правда, и здесь оно не имеет широкого распространения, отмечено в № 4, 6, 24, 31 и 34, причем в № 34 чередуются обороты *пр'и ў даро́г'ъ* и *пр'и даро́г'ъ*.

24. Еще более заслуживает быть отмеченным употребление предлогов *ува* (*ў*) и *при* рядом с *ў* (*у*) и *в*: *пади ты ў свой град ува ў Римский* (с. Плоское Смоленского у., IV, 654); *при ў Риму* (там же, 658); *в при кампании* (с. Бехтево Сычевского у., IV, 504).

Правда, приведенные примеры встречаются в песнях, но сопоставление их с предыдущими примерами (п. 20) дает основание привести их здесь.

25. Отмечены следующие своеобразные конструкции: Ельнинский у., с. Радошково: *кы ўсяму палку́ атец* (IV, 569); Смоленский у., с. Слобода: *нарикаю тибе, матушка, на сына* (IV, 674); с. Шаталово: *я ат тибе создан* (I, 225); Сычевский у., с. Тёсово: *на етым вянце я обвинчаюся* (IV, 70), *на етым кальце я обручаюся* (там же).

26. Для выражения вопроса о причине действия рядом с *почему* и *отчего* употребляются *чаго, чим, чаму, аб чом, пачом, зачим, што, чом-чаму, аб чим.* Например — Бельский у., с. Шоптово: *аб чом ты к нам ездиш*? (II, 232); Духовщинский; у., с. Пречистое: *па чом так нетути*? (I, 314), *па чом мине люди знають*? (IV, 368); Ельнинский у., с. Бердибяки: *аб чом требуитя*? (I, 434, 502); с. Злотово: *чаму ў садик не летаеш*? (IV, 365); Краснинский у., с. Каблуково: *што у поли не была*? (IV, 252), *чаго ты, бяреза, вяла стала*? (IV, 295), *чяму сядиш, мае дитятко*? (IV, 346); с. Холощево: *чом-чаму, камора, да ня метина*? (II, 177), *чом-чаму, Иванька, ни вясел сядить*? (там же); Поречьский у., с. Иньково: *аб чим табе Иваничка спадабал*? (II, 188), *па чом тябе спуминать*? (IV, 57), *чим, чаму да ни вырасла*? (IV, 160); Смоленский у., с. Даньково: *чом, чом, Масейка, скушен, ни вясёл*? (IV, 108), *чом, чом, силязень, скушан, ни вясел*? (там же), *чаму ни пахниш*? (IV, 157), *чом-чаму, братиц, ка мне ў госьти ни биваиш*? (IV, 233); д. Слобода: *зачим жа яму, братцы, стыдна*? (IV, 617).

В современных живых говорах преимущественное употребление имеют *почему* и *отчего.*

В «Анкетах» отмечено *чему* в № 4, 6. 9, 13, 27а, 28б, 28в, 29, 33, 40, 21 и 47, причем в № 6, 9, 27а, 28б, 28в и 47 имеются и случаи употребления в вопросе *отчего*, а в № 28в и 47 отмечено и *почему*; *чаго* имеется в № 16; *што* (*што к нам н'а хбд'иш*) отмечено в № 37.

27. Обороты с вопросительной частицей *ти* (ли). Например — Бельский у., с. Беликово: *ти многа асталась*? (I, 71); с. Дунаево: *да ти ты дала*? (IV, 173); с. Шоптово: *ти примитя вы мине*? (I, 334); Ельнинский у., с. Злотово: *ти мякка*? (IV, 281), *ти крута*? (там же), *ти тепла*? (там же); Поречский у., с. Иньково: *ти ведать матушка твая*? (IV, 53); Рославльский у., с. Клечетово: *ти мил табе батюшка*? (IV, 210); с. Летошники: *ти тонить клиновая ветка*? (IV, 271).

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *ти ў хот, ти ў пахот, ти ў дарожин'ку* (д. Будино); *ти даўно живеш* (с. Волыново); *ти н'а полна Хаўрон' ни куралесит' нада мноц*? (д. Кудрищиха); *ти ја тиб'е бал'н'ошин'ка ударил*? (д. Кукуево); *да ти ўс'о у тибе суччийки*? *да ти цела макушичка*? (д. Наумово); *да ти л'убиш ты мине*? (д. Редькино); *ти камочик* (д. Сумароково); *ти јаму дарошку пир'абех*? (с. Кубарово).

В ответах на «Анкету» имеем оборот с частицей *ти* в следующих номерах: 1, 2, 6, 8—16, 19, 22, 24, 25, 25а, 25б, 26, 28, 28а, 28б, 30, 31—31б, 34, 35, 37, 40, 43—46 и 47д, причем в № 8, 24, 25, 28, 28а, 35 и 41 он чередуется с оборотом с частицей *ли.* В № 2, 29 и 47в отмечено *чи.*

Судя по моим наблюдениям, явление это характерно для речи не только пожилых малограмотных крестьян, но нередко встречается и в говоре молодежи. Лишь у лиц хорошо грамотных оно уступает место оборотам с частицей *ли.*

28. Употребление двух равнозначащих разделительно-вопросительных частиц *ти* и *ли* (последняя с вопросительным значением русская частица). Примеры — Ельнинский у., с. Радошково: *да вы паслуйайтя, ти спить ли хазяин*? (IV, 611).

Наряду с этим есть и примеры только с *ли*: Смоленский у., с. Самохотовка: *ли каня тябе жалка, ли сбруи залатой*? *ли 'тца тябе жалка, ли матушки радной*? (IV, 532) — та же конструкция, что и с частицей *ти.*

В «Сборнике» В. В. Богданова имеем: *ти н'а своц сын Ван'уша*? (с. Кашилово); *ти ўсо ў доми л' мамин'ка тваја*? (д. Климятино);

ти ’днаво мине дружка ˈл’убит’? ти н’а полна, зладей, гул’ат’?

То же употребление частиц *ти* и *ли* дают и «Анкеты». Отмечено оно в № 27а, 28б, 28в, 31, 31б, 34, 35, 43, 44, 47, 47а, 47г, 48 и 49.

29. Подчинение относительных предложений посредством союзного слова *что*. Например — Бельский у., с. Шоптово: *дай нам тую тарелку, што золата щитать* (II, 237); Ельнинский у., с. Бердибяки: *ён выхватиў шаблю, што ударить яе по гылыве* (I,367); Рославльский у., с. Полуево: *аднаго ня вижу барóвыга василёчка, што дявочки сырвали* (IV, 238), *я ўси цвяты вижу, што хорыша расцвитаютца* (там же); Смоленский у., с. Даньково: *да чия ж ета пашаничинька, што доўгия гони?* (II, 21), *чия ж ета дяўчонычка, што чорныя брови?* (там же), *Иванива дяўчоначка, што черныя брови* (там же), *пей, мати, тую воду, што я нанасила* (II, 172), *ох, и што ж то за пташка, што по возиру плыветь?* (IV, 342); д. Медведовка: *а йде ж тая Татяна, што у кастёли венчана?* (IV, 225), *ти ни жаль тябе деўчёнки, што парни любють?* (там же).

Наряду с этим имеются и примеры подчинения подобных предложений при посредстве местоимения *который*: *як пайду я на ту башню, катора выше ўсех* (с. Даньково Смоленского у., IV, 627); *пашли яны по дарожиньки, которая ў сат* (с. Самохотовка того же уезда, IV, 288) и т. д.

В «Анкетах» обороты со *што* имеем в № 1, 4, 6, 9, 11—25, 25а, 25б, 26, 27, 27а, 28, 28а—28в, 29—31б, 33—35, 37, 38, 39а, 40, 43, 44—47, 47а—47в, 47д и 49.

В № 7, 8, 10, 17, 24, 25а, 28, 28а, 31б, 32, 35, 39, 44, 47, 47а, 47г, 48, 49 встречаются обороты с *который*, причем в № 7, 8, 17, 24, 25а, 28, 28а, 31б, 34, 35, 44, 47 и 47а они чередуются с оборотами со *што*.

В № 7 и 28 отмечено, что обороты с *который* — черта, характерная для говора наиболее грамотной части населения.

По моим наблюдениям, обороты со *што* весьма распространены в говорах. Отмечены они мною и в речи Ф. Г. Шалыгина, и у возчика из Ямской Слободы П. П. Сычева. Лишь в говоре бывалых людей и грамотной молодежи *што* уступает местоимению *который*.

30. Следующие обороты отмечены не только в песнях, но и в прозаической речи. Бельский у., с. Шаталово: *Када я сам сабою увидаю жану сваю* (I, 348), *приўзашоў усих судоў* (I, 544), *цану делать аб калодью* (I, 705), *ну яе дуить* (I, 712), *я сам сабою, быўши взрослый, хачу распаряжатца* (II, 226), *у ком я кахалася, таму ни дасталыся* (IV, 397). Духовщинский у., с. Пречистое: *начаў палкую дуить* (I, 324); Ельнинский у., с. Бердибяки: *можа усну парядышныга и крепким сном* (I, 506); с. Проверженка: *збили яго на горькая яблыка* (I, 590); Поречский у., с. Иньково: *мяне ж ты, мальчишичку, к любви производиш* (IV, 182), *вароный конь из нох упал* (IV, 356); Смоленский у., с. Даньково: *тижалей мой нялюбый на руце* (IV, 112), *слава богу паслаўшаго* (IV, 176); с. Киселевка: *я на эта ни вубражаў, што вы на белым свети находитися* (I, 421); с. Медведовка: *слава богу на вышняга* (IV, 178); с. Свалы: *упала лошадь яво са ўсих читырех нох* (IV, 1), *с каких паместиў вы находитесь сами?* (там же); Сычевский у., с. Хотьково: *падам весть на тилиграму* (IV, 458).

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ГОВОРЫ В ИХ РАССЛОЕНИИ

I. ГОВОРЫ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ БССР

Необходимо еще остановиться на одной группе территориальных диалектов, соседство с которыми оставило свои следы в говорах Смоленщины. Это говоры переселенцев из БССР.

Ответы на «Анкету» отмечают значительный процент переселенцев-белорусов. Имеем их, например, в д. Ново-Ханине (№ 4) 12%, в д. Щербине (№ 16) 67% и т. д. В моих наблюдениях мне также приходилось отмечать наличие белорусских переселенцев в ряде деревень. Например, в с. Михайловском Дорогобужского р-на их имеется около 14%. Но если в некоторых деревнях, как например в д. Щербине, процент этих переселенцев довольно велик, то в общей массе переселенцы-белорусы составляют незначительное меньшинство населения Смоленщины. Переселение идет главным образом из соседней Могилевщины. Время переселений — 10-е—начало 20-х годов XX в. У местного населения переселенцы-белорусы известны под именем «поляков».

Ассимилируясь с местным населением, усваивая его говор, переселенцы-белорусы всё же на известной стадии изменения своего говора сохраняют некоторые его черты, являющиеся наиболее устойчивыми. Таковы, например, твердое ***р*** на месте мягкого, твердое ***ч*** и др. Ряд же языковых белорусских черт или в одинаковой степени свойствен и основе говоров Смоленщины — например, сочетания известного происхождения ***-ры-, -лы-*** при русских ***-ро-, -ло-,*** долгий согласный звук на месте русского сочетания «мягкий согласный $+j$ (и)» и т. д., — или легко устраняется из говора, например, начальный придыхательный звук (***h***) в формах местоимений *гэты, гэта* и т. д. Быстрее нивелируется словарный состав.

В числе бытовых факторов, заметно влияющих на изменение речи белорусских переселенцев, следует указать на их браки с местными жителями: они дают поколение, усваивающее в раннем детстве произношение матери и ее словарь. Таким образом мать переселенка-белоруска, вышедшая замуж за уроженца Смоленщины, передает свое произношение детям (понятно, что их произношение в дальнейшем может изменяться), а переселенец-белорус, женившийся на местной уроженке, имеет детей с произношением, свойственным Смоленщине. Таковы выводы из наблюдений.

Наряду с этим огромное влияние на говор переселенцев оказывало изменение условий их быта — длительный отход на производство в крупные культурные центры, продолжительная жизнь в Москве,

Ленинграде, Донбассе и проч. В пореволюционную эпоху возникли условия для наибольшего влияния литературного языка на диалекты. Все это изменяет местную речь, прививая ей новые, неизвестные дотоле черты и своеобразно изменяя старые.

Остановлюсь для примера на говорах переселенцев-белорусов в с. Михайловском.

Рассмотрение говоров переселенцев-белорусов важно не только для полноты картины языковой жизни Смоленщины, но имеет и другое значение: оно дает объяснение таким своеобразным чертам говоров Смоленщины, как отмечаемые в некоторых говорах рядом с мягким полутвердые **р(р·)** и **ч(ч·)**.

Помимо наблюдений над речью переселенцев-белорусов на общем колхозном собрании (колхоз «Вперед», объединяющий следующие селения Крутовского сельсовета: с. Михайловское, д. Егорьево, хутор Михайловский и часть д. Филино), объектом моих наблюдений были: 1) говор семьи председателя колхоза т. Мельникова, 2) говор кладовщика колхоза т. Батютова и 3) говор члена колхоза т. Тимошенко.

Тов. Мельников, 32-х лет, председатель колхоза «Вперед», проведший значительную часть своей жизни вне дома, работал в шахтах на Донбассе, в Ростове-на-Дону, Сталинграде, Камышине, Астрахани, Петровске, Дербенте, Москве и других городах; служил в Красной Армии.

Для с. Михайловского он является пришлым человеком — родина его Могилевщина, б. Старобыховский у. Проработав несколько лет в разных местах, он переселился в с. Михайловское и живет здесь с женой, малолетними детьми и двумя падчерицами — 18 и 20 лет.

Говор его характеризуется русской лексикой и смешанным (русским и белорусским) ударением: *Кл'ив'ьрá, картóф'ьл'ъ, гр'еч'úх'и, йач'м'éн'а, н'é былъ зáц̯мъ* и т. д. но *в случáц̯ь, за рукý, на пóл'ь, из л'éсу* и т. д. Такие слова, как *р'егул'áрнъц̯ къмпáн'иц̯ъ* (посевная), *къл'л'икт'úшныц̯, мам'éнт, р'иал'изъшáл'и, ступ'éн' раз'ш'úт'иц̯ъ, пъд'н'áт' нъ бóл'ьц̯ь, шысóкуц̯у ступ'éн' раз'ш'úт'иц̯ъ* и т. д. свободно употребляются им, но наряду с ними встречаются у него и такие словообразования, как *пр'извад'úт'ъл'* (производитель), *кънстънт'úруц̯у* (констатирую) и др.

Сравнительно правильны у него синтаксические обороты. Такие обороты, как *он бац̯úццъ а том*, у него не часты.

В области морфологии и фонетики его говор характеризуют: 1) формы 3-го лица единственного и множественного числа на ***т*** твердое: *н'ес'óт, пáшут* и т. д.; 2) именительный падеж единственного числа имен сложного склонения мужского рода под ударением на ***-ой*** и с редуцированным гласным без ударения на месте ***о***: *пыц̯ашóц̯ къп'итáл, н'ид'ил'úмъц̯, на бласнóц̯ с'јест* и т. д.; 3) колебание в формах родительного падежа единственного числа имен прилагательных и местоимений мужского и среднего рода между окончаниями ***-ого*** и ***-ово*** с преобладанием последнего: *шс'ишó, атташó, на с'ишод'н'ашн'иц̯ д'ен', н'ьбъγáтьγъ, шс'аγó* и т. д.; 4) форма винительного падежа единственного числа женского рода тех же имен с редукцией ***у*** в окончании ***-ую***: *къл'л'ькт'иýнъц̯у óбшичац̯у убóрку;* 5) исключительно задненебный фрикативный звук (γ): *пр'едлъγáц̯ьт, т'áγъшъц̯ъ сúлъ, γарóх* и т. п.; 6) переход в известных условиях звонких согласных в глухие и глухих в звонкие; 7) твердость губных в конце слога: *с'ем, вос'им* и т. д.; 8) мягкое ***ч*** чередуется с полутвердым (***ч·***): *ч'тúр'ь*, но *нъм'ич·áц̯етс'ъ, н'иат'м'éч·ьнъ* и т. д.; 9) различие мягкого и твердого ***р*** во всяком положении, причем мягкое ***р*** у него слышится даже на конце такого слова как *т'ьпéр'*; наряду с этим, на месте старого мягкого ***р*** у него слышится полу-

твердое (***р·***); 10) звук, обозначаемый на письме буквой ***щ***, произносится только как сочетание ***шч***: *плышчъд'á* и т. д. 11) перед ***е (э)*** в словах *этот*, *эта* слышится ***j***: *ат jéтъшъ к jéтъму*, но имеет место и произношение без ***j*** в тех же словах; 12) билабиальное ***в (w)*** в начале слова перед согласным звуком: *wр'éм'ь, wс'ех;* в конце слога имеет место чередование ***w*** и ***ў***: *хл'éбаў*, *пас'éйаў*, но *галów*, *быкów* и т. д.; в единичном случае после гласного перед следующим глухим согласным — звук ***ф*** на месте ожидаемого ***ў*** или ***w***: *н'и пъфтър'úлъс'*; 13) смешение предлога ***у*** и ***в***: *у кал'úчъств'и у нáшъм*, но *стаúт w д'w'éр'и;* 14) изредка, и то в глагольных только образованиях, встречается ***ў*** на месте ***л***: *удáўс'ь, зд'éлаў;* 15) наряду с обычным для т. Мельникова диссимилятивным аканьем и яканьем у него имеют место и такие случаи, как *ж'ир'иб'úл'ис'*, *разр'ишы́т'ь*, *т'ил'óнък* и т. д.; 16) редуцированный звук на месте заударного ***ы***: *н'éбълъ*, *пр'ишлóс' бъ сы́скъшът'* и т. д. ; 17) звук ***о*** на месте ***е*** в тех же условиях, что и в русском языке, т. е. под ударением перед следующим твердым согласным, в том числе и перед согласными, отвердевшими позднее, и на конце слов: *н'е наúм'óш*, *н'и даjóш* и т. д.

По словам т. Мельникова, он очень много работал над своим произношением, следил и сейчас следит за своей речью.

Действительно, в домашней обстановке его речь несколько отличается от его же речи на общем колхозном собрании, председателем которого он был. Дома, в обыденной жизни, у него чаще слышатся те черты, которые на общем собрании отмечены, как единичные. И под конец собрания, когда т. Мельников, очевидно, устал и перестал следить за своей речью, он допустил случаи твердого ***р*** на месте старого мягкого (*п'úсар*, *н'ипърáдък* и др.) и несколько случаев ***ў*** на месте ***л*** в глагольных формах при полном отсутствии его в начале выступления. В домашней обстановке у него проскальзывают белорусизмы и в словаре.

Что же касается остальных членов семьи т. Мельникова, то речь их — типичная белорусская. Такова она и у его падчериц — Ольги — 20 и Марии — 18 лет, уроженок Могилевщины. Несмотря на то, что их отчим активный член колхоза, они мало интересуются общественной жизнью, и это сказывается на их языке, хотя они и слышат дома речь отчима. Для речи их характерны следующие особенности: 1) исключительно диссимилятивное аканье и яканье; 2) ударяемое ***о*** на месте ***е*** в условиях, свойственных белорусскому языку, — отсутствие его пред гласными, отвердевшими позднее; 3) твердое ***р*** во всяком положении; 4) твердость губных в конце слога; 5) твердое ***ч***; 6) произношение; *мы́цу*, *кры́цу*, *пъдыцт'ú*, *памы́ци*, *ны́цу*, а также *крыш́и*, *крышы́т'; но п'éц* (от *пить*), *н'а б'éц*; 7) ***ў*** на месте ***л*** главным образом в глагольных формах прошедшего времени; 8) задненебное фрикативное ***г*** (γ); 9) дзеканье и цеканье, правда, проведенное непоследовательно; 10) ***w*** перед гласными в начале слова; 11) звук ***и*** перед известными группами согласных в начале слова: *иржы́*, *ил'нý*; 12) долгие согласные на месте сочетания мягкого согласного с *j*: *жыт'т'ó*, *калóд'д'ъ* и т. д., причем губные и ***р*** не удлиняются; группы «губной + ***j***» и «***р*** + ***j***» сохраняются; 13) произношение ***щ*** и ***шч***; 14) произношение местоимений *этот*, *эта* с приставочным гортанным ***г*** и без него; 15) ***з*** вместо ***с*** в предлогах и приставках (то же отмечено мною и у их матери, уроженки Могилевщины); 16) такие формы, как *нъ нажы́*, *нъ з'амл'ú; балóты*, *с'óлы*, *γлáзы*, *гыpaды́; п'исарóў; рукáмы; таб'é*, *тáцъ*, *тóць; к'им*, *чым*, *wс'им*, *тым; чыцé; маúго*, *тwацýб;* формы родительного падежа единственного числа местоименного и сложного склонения мужского и среднего рода на ***-ого***; местный падеж единственного числа тех же имен мужского

и среднего рода на **-ым**; 17) формы 3-го лица единственного числа настоящего времени глаголов на ***т'*** и без него (*ид'ет', л'уб'ъ, гавбр'ъ* и т. д,); 18) такие формы нетематических глаголов, как *дас'й, џас'й;* 19) неопределенная форма глагола на ***-ти*** и на ***-т'***: *с'е́с'т'и, џе́с'т'и, кла́с'т'и* и *сказа́т', дары́т'* и т. д. 20) формы деепричастия на **-чы**: *л'е́жучы, с'е́д'учы, ɣашбручы* и т. д.; 21) частица ***ти*** в соответствии русской вопросительно-разделительной частице ***ли***; 22) слово *соба́ка* мужского рода, слово *гус'* — женского; 23) именительный падеж множественного числа существительных при сочетании их с числительными *два, две, три, четыре*; 24) такие обороты, как *кълá м'ин'é с'м'аџу́цца* и *з(с) м'ян'é с'м'аџу́цъ* и т. д.; 25) типичное белорусское ударение почти без изменений; 26) словарный же состав, наоборот, представляет значительный шаг вперед по пути ассимиляции говоров русским языком.

Говор жены т. Мельникова характеризуется почти такими же чертами, как и говор ее дочерей Ольги и Марии.

Перехожу к характеристике говора других объектов моего наблюдения — кладовщика колхоза т. Батютова Н. Ф., 39 лет, и члена колхоза т. Тимошенко, 35 лет. Оба они уроженцы Могилевщины; последний, по словам михайловцев, много «шатался» — был в Англии, Америке, работал в Москве и проч.; имеет явные белорусизмы или следы их. Для речи т. Тимошенко характерно: 1) аканье и яканье в большей степени диссимилятивное, чем у т. Мельникова — замены редуцированного звука перед следующим ударяемым ***а*** гласным полного образования у него почти не наблюдалось; 2) полутвердое и твердое ***р*** на месте старого мягкого: *чаты́р˙ы, ўр˙е́м'ъ, чътыр˙бх, с'ъкр˙ътар˙бм, џанвар˙á, пыр˙адк'ъ* и т. д.; 3) твердое ***ч*** в чередовании с полутвердым; 4) частые случаи лабиализации безударного гласного в положении около губных: *пу п'а́т' д'н'е́џ, зач˙ем лума́т'?* и т. д.; 5) преобладание ***ў*** над ***w*** перед согласными и на конце слова; 6) ***ў*** на месте ***л*** в окончании глагольных форм: *засы́пъў, хад'иў*, но рядом с ним и *дыша́л, д'иша́лс'ъ* и т. д.; 7) формы 3-го лица единственного числа настоящего времени глаголов всегда на *-т'*: *гъwар'и́т', хбд'ит'* и т. д.; 8) такие формы, как *ɣла́зы, w канцы́* и т. д.; 9) частое употребление формы именительного падежа единственного числа мужского рода местоименного склонения на *-ой*: *такби, н'икакби, бал'шби* и т. д.; 10) форма родительного падежа единственного числа местоимения 3-го лица женского рода *ее́*; 11) чередование русского литературного ударения с белорусским, например: *н'е́ былъ, жы́л'и*, но *на нбги, из л'е́су* и т. д.; 12) словарь его несравненно беднее, чем словарь т. Мельникова, причем он допускает искажения в произношении и употреблении мало знакомых ему слов, например: *сп'е́съ* (вместо *специа* — специалиста), *кънтръта́цицъ* (вместо *контрактация*), *пра́кт'икъ* в значении 'причина' и т. д.

Приблизительно так же характеризуется и словарный состав т. Батютова. Его говору свойственно также дзеканье и цеканье: *адз'и́н, пъдхбдз'иц'*, ***р*** полутвердое (***р˙***) в чередовании иногда с твердым на месте мягкого; твердое ***ч*** (*н'ичбгъ*), диссимилятивное аканье и яканье, ***ў*** на месте ***л*** в глагольных образованиях: *паw'е́с'иў блбмбу* (пломбу), *уз'а́ў* и ряд других.

Таковы особенности говоров переселенцев-белорусов. Они не отличаются устойчивостью, а идут по пути слияния с говорами Смоленщины. Разница только в темпах: у одних переселенцев это слияние идет быстрее (т. Мельников), у других несколько медленнее (тт. Тимошенко, Батютов), а у третьих только намечается (падчерицы т. Мельникова). Общественно-политическая жизнь, активное участие в ней играют здесь огромную роль, ликвидируя в конечном итоге про-

тиворечия между говорами города и деревни. Ср., например, говор падчериц т. Мельникова, не принимающих участия в общественной жизни, и говор хотя бы т. Батютова и т. Тимошенко.

Рассмотрение говора переселенцев из БССР приводит к выводу, что полутвердые ***р*** и ***ч***, так называемое слабое дзеканье (произношение мягких ***д*** и ***т*** со слабой палатализованной фрикацией $д^з$ и $т^с$), произношение ***щ*** как ***шч*** и некоторые другие черты говоров белорусских переселенцев находятся в стадии ассимиляции их с соответствующими чертами говоров Смоленщины.

II. ГОВОРЫ ПЕРЕДОВЫХ ЛЮДЕЙ

Из говоров крестьянских масс следует выделить говоры передовых людей, стоящих в центре общественной и политической жизни деревни, в культурном отношении идущих впереди крестьянской массы, людей, в большинстве случаев бывалых, работавших на предприятиях в городах. Разумеется, не все они входят в правление колхоза или сельсовета — ср., например, тт. Колбасова, Прозвицкого, Шалыгина и др., о говорах которых была уже речь, а с другой стороны, весьма часто в правлениях колхозов и в сельсоветах работают и лица, не имевшие отношения к культурным центрам, но по характеру своей работы вращавшиеся в более культурной среде, что не может не влиять на их говор. В ряде сел и деревень у таких лиц приходилось наблюдать значительные сдвиги в сторону русского литературного языка — утрату ряда черт, свойственных говорам Смоленщины.

В качестве конкретных примеров приведу здесь особенности говора членов правления, отмеченные мною на общем собрании колхоза (сельскохозяйственной артели) «Вперед» Дорогобужского р-на 26. VI 1931 г. (были использованы также некоторые документы колхоза).

В состав колхоза «Вперед» входили: с. Михайловское, д. Егорьево, хутор Михайловский и часть д. Филино. Наблюдения велись над речью следующих лиц:

1) Председателя колхоза «Вперед» К. П. Мельникова (о нем см. выше).

2) Председателя сельсовета с. Михайловского т. Болозева.

3) Председателя ревизионной комиссии колхоза Н. И Калеченкова.

4) Счетовода Н. А. Зюзина.

5) Членов правления колхоза: С. А. Силаенкова, колхозного бригадира, и Д. Д. Антощенка.

6) Колхозных бригадиров Дорофея Чащина и его сына И. Д. Чащина.

7) Казначея и члена правления колхоза Е. А. Волосковой (местной школьной учительницы).

Из письменных источников были использованы «Протоколы заседания правления и общих собраний членов Егорьевской с/х артели «Вперед»» (начато 1. I 1931 г.), а также некоторые акты и заявления, написанные членами правления.

Перехожу к характеристике языка членов правления.

Тов. Мельников, как мы уже видели, — переселенец из БССР, и его языку дана характеристика в предыдущем отделе.

Тов. Болозев, председатель сельсовета, работал в шахтах; речь его характеризуется: 1) чередованием форм 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени с ***т*** твердым и мягким, но с преобладанием последнего; 2) таким же чередованием форм прошедшего времени глаголов на ***ў*** и на ***л*** с преобладанием последних: *пъуъшър'и́ў*, но *укра́л*, *шз'ал ло́шыт'* и т. д.; 3) употреблением форм

родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода местоименного и сложного склонения только на *-ого* и *-его* (с соответствующим изменением неударяемых *о* и *е*): *ка́ждыγъ рабо́чъγъ* и т. д.; 4) наличием *о* и *ы* на месте древнего редуцированного напряженного *ы* под ударением перед *j*(*и̯*): *ро́и̯ут з'е́мл'у*, но *умы́и̯у и̯аγо*; 5) сохранением старого мягкого *р*; 6) мягким *ч*; 7) выдержанным диссимилятивным аканьем и яканьем; 8) произношением *щ* как долгого мягкого *ш*: *иму́ш'ш'ьствъ*, *jа́ш'ш'икъ* и т. д.; 9) наличием таких словосочетаний, как *w изб'ира́т'ъл'ных права́х он н'ел'ишо́н; п'ър'ии̯д'а́ на сто́ръну сац̯ыл'ист'и́ч'ьск'их р'е́л'цъў, мы дължны́ пр'ин'а́т' м'е́ры, што́бы н'е зъкула́ч'ишал'ис' калхо́зы* и т. д.

Председатель ревизионной комиссии Н. И. Калеченков до революции работал в Москве. В речи его встречаются такие недочеты, как: *хаас'ти́ч'ьскъц̯ь* (вместо *хаотическое*), *ф'иγул'и́руц̯ьт* (вместо *фигурирует*), *булб*, *и́хн'иц̯ь*, *ан'и́ б'ижа́т'* и т. д.; или употребление слова *сочувственно* в значении 'искренно': *он сач'у́стшен̆ъ раскрыша́и̯ьт сшац̯у ж'изн'* и т. д., чего не замечалось например, в говоре т. Мельникова. Наряду с русским литературным ударением, например, в словах: *н'е́ был*, *на́ д'ъс'ьт'*, *ч'илаше́к*, *пр'ид'о́ццъ*, имеем — *γашо́р'ит'*, *γашо́р'ит'ь*, *кр'е́д'ит*, *ск'идаи̯о́м* и т. д. Встречаются у него и формы глагола 3-го лица единственного и множественного числа на *т* мягкое: *γашо́р'ит'*, *пр'идаи̯о́т'*, *γашо́р'ут'*, и т. д., но главным образом тогда, когда т. Калеченков менее следит за своей речью, в противном же случае у него *т* твердое: *хшат'ит ли*, *даи̯о́т* и т. д. В тех же условиях употребляются им и глагольные формы на *ў* вместо *л*: *аб'ижа́ўс'ъ*, *шыступа́ў* и т. д., хотя в начале заседания он произносил в этих случаях *л*: *сказа́л*, *упусти́л* и т. д. Чаще он употребляет формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода местоименного и сложного склонения на *-ого*, чем на *-ово*. ***Щ*** произносится, как долгое мягкое *ш*: *иш'ш'о́*, *кладаўш'ш'и́к*, *тъша́р'иш'ш'и* и т. д. Встречаются у него и такие фонетические явления, как *аржы́* (*пут аржы́*). Нередко у него весьма обычная в говорах Смоленщины лабиализация в известных условиях звука на месте безударного *о*: *запустува́л*, *публъгъдар'и́м* и т. д.; обычно у него также *ў* на месте *w*: *гыладо́ўкъ*, *каро́ўку* и т. д.

Счетовод т. Зюзин, местный уроженец (с. Михайловское), 45 лет; работал на производстве на Урале; за участие в революции 1905 г. сидел в тюрьме. Говор у него приблизительно такой же, как и у т. Калеченкова, отличается лишь тем, что у него *т* в 3-м лице единственного и множественного числа настоящего времени глагола почти исключительно твердое: *пр'ишл'о́т*, *шаз'м'о́т*, *зъш'иду́т* и т. д., в единичных случаях встречались у него такие примеры, как *търгуша́ццъ*; у него отмечено употребление и таких слов и словосочетаний, как *сдельщина*, *поддекречивать*, *еще плюс к этому*, *проработать вопрос*, *выявить рабочий актив* и т. д.

Член правления колхоза С. А. Силаенков из соседнего с. Егорьева, 26 лет, служил в Красной Армии. Речь его характеризуется современным словарным составом, которым он, судя по его выступлению, вполне овладел: им, например, были употреблены следующие слова и словосочетания: *реконструкция сельского хозяйства*, *перевыполнение плана*, *недовыполнение*, *контрактация*, *прополочная работа*, *индивидуальный*, *обобществленный скот*, *разбиться по звеньям* и т. д. (передаю их орфографически). В структуре словосочетаний у него вообще не замечено аномалий, кроме случаев, подобных следующему: *γд'е вы в'ида́л'и бр'иγад'иръ γул'а́ўшы* (т. е. гуляющего бригадира), но в морфологии и фонетике у него имеются архаические диалектные черты. Таковы прежде всего: 1) исключительно мягкое *т* (*т'*) в окончаниях

3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени глаголов: *паи̯д'о́т', здаи̯о́т', рабо́тъи̯ит', бjо́т', ду́мъи̯ит', палуч'а́и̯ьт', н'а бу́дут'* и т. д. 2) формы глагольных образований (прошедшее время) на **ў** вместо **л**: *хад'и́ў, праи̯шо́ў* и т. д.; 3) формы местоимений женского и среднего рода: *та́и̯ь, то́и̯ь* (*та́и̯ь карбо́ш, то́и̯ь с'анцо́*); 4) **ў** на месте **w**: *ў́с'аγо́*; 5) формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода на **-ого** и **-его** (с соответствующим изменением неударяемых **о** и **е**): *трудашо́γъ, ус'аγо́* и т. д., но в именительном падеже единственного числа мужского рода тех же имен у него обычно **-ой**: *ъбласно́и̯ с'л'от; н'икако́и̯* и т. д.; 6) **г** — заднебный фрикативный звук; 7) выдержанное диссимилятивное аканье и яканье и т. д.

Отмечая эти черты в говоре т. Силаенкова, необходимо сказать, что звуковой состав его речи отличается бо́льшей устойчивостью, чем в говоре предыдущих лиц.

Близким к говору С. А. Силаенкова является и говор члена правления Д. Д. Антощенко. До революции он работал в Москве, был в империалистическую войну в плену в Австрии. Характерны для его речи такие примеры: *испужа́ўс'ь, н'и маγо́м* и т. д.

Колхозный бригадир Дорофей Чащин, 53 г., из с. Филина. Восемь лет работал в Москве; сын его Игнат, колхозный бригадир, также работал в Москве, служил в Советской Армии.

Первый из них, несмотря на продолжительное пребывание в Москве, говорит далеко не по-московски: у него исключительно **т** мягкое в формах 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени глаголов: *н'и с'w'ез'е́т', н'ь ка́пышаи̯ьт'* (не окапывает), *wспа́шет'* и т. д.; **ў** в формах прошедшего времени, лишь в редких случаях чередующееся с **л**: *сыглас'и́ўсъ, праи̯шо́ў*, но *н'ь п'иса́л* и т. д. Другие черты у него обычные для говора Смоленщины. Встречается у него такое произношение, как *тап'е́р', абъш'ш'ас'w'ит'* (обобществить), *нъ наγу́* и т. д.

Запись речи его сына, Игната Чащина, также представляет много диалектного материала. Особенности его говора ярко вырисовываются из следующих слов и словосочетаний: *б'еч'* (бежать), *пъдышл'и́, пръда́с'* (с утратой конечного мягкого **т**), *каро́ўу* (с **ў** между двумя гласными), *ъи̯ан'и̯т', п'ир'аw'о́мшы, н'и за м'ин'е́, скъръба́т'ит' w'ес' устаў арт'ел'и, wобш'ш'ъм и и̯'е́лъм н'и ръка́м'инду́иьи̯ь пр'и γатоwых бързна́х зъкры́шат' кал'ект'и́wным трудом, л'ицаwои̯ и̯'ш'от* и т. д.

Казначей колхоза, член правления, она же заведующая местной школой, Е. А. Волоскова на собрании выступала мало, и о богатстве или бедности ее словаря говорить не приходится, но со стороны фонетики, морфологии и синтаксиса речь ее близка к русской литературной. Отмечены мною у нее следующие отступления: винительный падеж единственного числа женского рода сложного склонения при безударности окончания имеет **-ъи̯у (-аю)**, т. е. с редукцией звука **у**: *пр'ихо́днъи̯у кн'и́гу, ка́съwъи̯у* (кассовую), *расхо́днъи̯у* и т. д.; долгий мягкий согласный звук на месте сочетания мягкого согласного звука с **j**(**и̯**): *стат'т'у́, на пр'ибр'ит'е́н'н'ь* и т. д., билабиальное **в** и некоторые другие.

Говор кладовщика Н. Ф. Батютова из хутора Михайловского рассмотрен выше.

Протоколы заседания правления и общих собраний членов Егорьевской с.-х. артели «Вперед» за период с 1. I 1931 г. по конец июня того же года велись в колхозе «Вперед», как показывает ознакомление с ними, вполне грамотным человеком. Язык протоколов не имеет и тех местных особенностей, которые, как мы видим, характеризуют устную речь. В них встретилось лишь единичное написание, пред-

ставляющее отступление от грамматических норм: *о разбивки* (с *и* на конце вместо *е*). Вместе с тем протоколы дают возможность судить о словарном составе наиболее активной части населения деревни, перестраивавшейся в то время на социалистический лад (1931 г.). В них находим много слов (главным образом в словосочетаниях), не известных дотоле деревне, например: *информация, пропорционно, зерноочистительный пункт, сортировка семян, треер, организовались подводы для перевозки удобрения, самообразование, кандидат на курсы, по отчетной перевыборной кампании, от общественных организаций, ячейка осоавиахима, организационная работа, промтовары, бюрократическое отношение, ревкомиссия, невыявленные вопросы, рабочий производственный план, запросить справку о социальном положении, политически не опасен, твердого задания не получал и социально не опасен, были личные счеты, бригадир по кормодобыванию, выбраковать, бригада по сортировке семян, календарное расписание, о санитарном минимуме, об учете труда в колхозах, соревнование вести как колхозам, так и среди колхозников, развернуть соцсоревнование внутри колхоза, для большей продуктивности, об организации опорного поста газеты «Коллективный путь», избрать опорный пост из следующих лиц* и т. д. и т. д.[1]

Другой характер носит язык документов, вышедших из среды крестьянских масс и адресованных в правление колхоза, каковы названные выше: «Оценочные акты имущества членов Егорьевской с.-х. артели (колхоза) „Вперед“» и „Заявления о вступлении в колхоз“. Язык „Заявлений о вступлении в колхоз“ в фонетике и морфологии представляет черты местных говоров, в синтаксисе много случаев нарушения правильного словосочетания, а в словаре — ряд искажений в словах, входящих во всеобщее употребление в жизни колхозной деревни. Настоящая глава не рассматривает подобных документов. В ее задачу входит характеристика лишь тех письменных документов, которые возникли в среде деревенского (колхозного) актива. Таково, например, «Дело № 1 с оценочными актами имущества членов Егорьевской с.-х. артели „Вперед“». Оно представляет интересную передачу на письме в акте, писанном председателем ревизионной комиссии Н. Калеченковым, редуцированного звука в первом предударном слоге перед ударяемым *а* через *ы*: *сырай*. Такую же передачу редуцированного звука имеем и во втором предударном слоге: *на лышади* (Ф. Зюзин — член правления колхоза), *тыпаров* (П. И. Кургузов — полевод).

Таковы особенности речи передовых людей деревни. В сравнении с традиционным местным говором эта речь представляет значительный сдвиг в сторону русского литературного языка, утратив в разной степени у отдельных лиц ряд типичных для Смоленщины явлений в области фонетики, морфологии, синтаксиса и словаря.

III. ГОВОРЫ НА ТЕКСТИЛЬНОЙ ФАБРИКЕ В г. ЯРЦЕВЕ

В особую группу выделяю говоры на текстильной фабрике в г. Ярцеве. Фабрика коренным образом изменяет условия быта и обстановку пришедших из деревни на работу крестьян, а вместе с этим происходит изменение и их языка, т. е. деревенских говоров, по пути изжития тех черт, которые отличают его от говора города. Сама жизнь, работа на фабрике, общение с людьми из других районов, с людьми, в говоре которых нет черт говора Смоленщины, — все это

[1] Все эти слова и словосочетания выписаны мной из протоколов. Передаю их орфографически, согласно написанию в протоколах.

уже само по себе ведет к изменению говора. Помимо этого у огромного большинства пришедших из деревни, особенно у молодежи, есть стремление изменить свой говор, говорить «по-московски» (черта, характерная для смолян, как мы видели выше). Когда я разговаривал с фабричными рабочими, они мне сказали, что на фабрике «почти все, по крайней мере — многие» (внесена была поправка «по крайней мере — многие», когда я усомнился относительно «всех») говорят «правильно», как «настоящие москвичи». Заявление слишком смелое и весьма далекое от действительности.

Мои наблюдения над говорами фабричных рабочих на текстильной фабрике в г. Ярцеве, произведенные летом 1930 г., показали, что хотя изменение говоров и идет по пути последовательного перехода в городской говор, но в них еще имеется ряд не изжитых черт местного говора. В говоре разных лиц количество их неодинаково.

Какими же чертами характеризуется этот говор? Черты говора выявлены мною из наблюдений над речью выступавших рабочих на заседании «Бюро красных уголков» при фабрике 11. VII 1930 г. под председательством т. Соколова.

Председатель собрания т. Соколов, молодой парень лет 25-ти, старался говорить, тщательно избегая особенностей деревенских говоров Смоленщины, но все же его речь не свободна от них. В ней мы имеем: 1) достаточно выдержанное диссимилятивное аканье и яканье; такое произношение, как *н'и ч'иhо́, ат н'ишо́, н'иско́л'къ, н'и бу́д'им* и т. д., у него чрезвычайно редко; нарушений типа диссимилятивного аканья после твердых согласных не отмечено; 2) после шипящих в предударном слоге перед ударяемым *а* обычно слышится ***а***: *жала́ц̯у, жала́н'иц̯ь, шасна́ццат'* и т. д. и реже *жыла́ц̯у*; 3) редукция звука ***ы*** с возникновением на его месте редуцированного ***а***: *но́вах л'уде́ц̯, пъсала́т' на пъб'ьгу́шкъх, о́пат удајо́ццъ, срава́ц̯иццъ уч'о́бъ* и т. д. наряду с более многочисленными случаями отсутствия ее; 4) лабиализация гласного на месте безударного ***о***, правда довольно редко: *пумаhи́, пубръса́л'и*; 5) твердость губных в таких положениях, как *сем, пјут'* и т. д.; 6) билабиальное ***в*** (***w***): *wо́с'ем, wо́с'имд'ъс'ат, hаwо́рит'*; 7) гортанный придыхательный звук: *hаwо́р'ит', пумаhл'и́, маhу́, шасна́ццътъhъ, хул'иhа́нъ пъц̯ма́л'и*; в сочетании ***зг*** сохраняется задненебный взрывной звук: *дрязги*; 8) чередование полутвердого и мягкого ***ч***: *с'ич·а́с, ч·асо́ў* и *нач'ина́ц̯у, нач'н'о́м* и т. д.; 9) произношение ***щ*** как ***шч***: *ишчо́* (с ***ч*** твердым) и как ***шч'*** — *wо́бшч'ъм, сл'е́дуц̯ушч'иц̯ь шапро́сы, о́бшч'ьц̯ь събра́н'иц̯ь* и т. д.

Примечание. Такие типично белорусские черты, как твердое ***р***, дзеканье и цеканье, в говоре т. Соколова не наблюдались.

10) Переход в известных условиях ***w*** в ***ў***: *пашл'и ў лаўку, д'еw'ано́сть ўтаро́ц̯ каза́рмы*; но тут же у него и твердое ***ф*** на месте ***в***: *стано́ф фа́бр'ику, устано́фку, угалко́ф*; 11) звук ***о*** на месте ударяемого ***е*** перед согласными, отвердевшими позднее, например: *праӥд'о́ш*; 12) ***хв*** на месте ***ф***: *хва́ктъў*; тут же, и при том гораздо чаще, слышится у него ***ф***: *фа́бр'ику, на фо́н'ь*; 13) наряду с этим у т. Соколова наблюдались и случаи искусственного книжного произношения: *кан'е́ч'нъ, что* и т. д., 14) родительный падеж единственного числа женского рода в форме дательного: *на фо́н'ь э́тъц̯ мра́ч'нъц̯ карт'и́н'ъ*; 15) формы родительного падежа множественного числа среднего рода от слова *дело* на ***-оў***: *д'ало́ў* (*н'ет д'ало́ў*); 16) в форме именительного падежа множественного числа имен существительных среднего рода чередуются окончания ***-ы*** и ***-а***: *с'т'о́клы*, но *о́кнъ*; 17) формы именительного падежа ед. числа имен мужского рода местоименного и сложного склонения на ***-ый***: *здаро́выц̯, мълады́ц̯*, но тут же и *мъла-*

дбй па́р'ин', другбй д'ен' и т. д.; 18) формы родительного падежа единственного числа тех же имен на ***-ого*** и ***-его***: *у пътк'иднбhъ* (игра в карты), *майhб, нич'еhб н'и дайу́т,* но также и *с'ишбдн'ъ, от н'ишб, кашб, н'икашб н'е былъ* и т. д.; 19) от местоимений *мой, твой* формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода — *майhб, тwайhб*; 20) родительный падеж единственного числа местоимения 2-го лица — *у т'иб'е́*; 21) дательный падеж единственного числа от того же местоимения — *т'еб'а́* (дал *т'еб'а́*); 22) формы 3-го лица единственного и множественного числа на ***т'*** и ***т***: *ид'от', хбд'ит', бу́д'ит', н'есу́т', с'ид'а́т', иhра́йут'* и *прид'бт, ътв'еч'а́йьт, б'езд'ействуйут* и т. д.; 23) в глаголах прошедшего времени только ***л***: *шз'ал, н'и д'е́лал* и т. д.; 24) для т. Соколова характерно употребление таких слов, как *п'ер'и́ът, мам'е́нт, инд'ишиду́ал'нъ* и т. д.; 25) в ударении имеем: *бы́лъ* и *былб, бы́л'и* и *был'и́, дал'бкъ* и *дал'икб* и т. д.

Приблизительно то же представляет речь и других ярцевских рабочих, насколько она выявилась на собрании. Отступления от говора председателя собрания незначительны. Они сводятся к следующему: 1) яканье не представляет выдержанной системы — отмечено большое число отступлений от диссимилятивного принципа: *л'ижы́т', распр'ид'ил'бн, ч'иты́р'и, пан'ису́, н'ибу́дут', н'имнбжыч'къ, д'иру́йцъ, н'и бу́ду* и т. д., но также и *р'аше́н'ийь, д'ару́йцъ* и т. д. 2) после шипящих преимущественно ***а***: *жалайит'ь, жала́йуш'ш'ийь, шасна́нцът'* и т. д.; 3) многочисленны случаи редукции звука ***ы***: *баша́йьт, пата́у́с'ъ, шапалн'а́йуцъ, дл'а шбпата над йе́тъй къза́рмъй. на бпат'е, пата́йуцъ* и т. д.; 4) то же касается и лабиализации гласного на месте безударного ***о***: *пугул'а́л'и, пупрас'и́, пулума́л'и* и т. д.; 5) спорадические случаи употребления взрывного ***г*** (в речи содокладчика): *друг, о дру́г'ъ* при более частых в той же речи случаях с ***h*** и обычных у других выступавших ***h*** или *γ*: *hаз'е́т* и *γаз'е́ты, съпауи́, хул'иуа́ны* и *hарбт* и т. д.; 6) единичные случаи (у отдельных лиц) полутвердого ***ч*** (***ч·***): *дwа ч·аса́, уз'а́л'и м'ач·, врач·, ч·а́сть* и т. д. при подавляющем числе случаев с мягким ***ч*** (***ч'***); 7) реже наблюдалось полутвердое ***р*** (***р·***): *пр·ын'ьс'и, абр·е́ш*; 8) произношение ***щ***, как долгого мягкого или твердого ***ш***: *же́нш'ш'ины, к тъша́р'ишшу, тъша́р'ишшы, шбвш'ш'ьм, ишшб, т'екст'и́л'ш'ш'ик'и* и т. д.; в единичных случаях, в речи отдельных лиц, имеем и ***шч'***: *тъша́р·ишч'и, пым'ашч·е́н'ийь, н'и пушч'у́*; 9) переход ***в*** (***w***) в ***ў***: *зайа́ўку, пъдгатбўкъ, с шы́шыўкъй, дл'а ўс'е́х кружкбў, за ўс'у́, уч'а́скъў* (участков), *скънда́лъў, б'езыўс'а́к'их апрбсъў, а́ктъў, анб ўш'а́зънъ, н'и ў тбм пра́ўдъ* и т. д. 10) весьма распространены случаи ***хв*** и ***х*** на месте ***ф***: *пр'имайут' на хва́бр'ику, хвабр'и́шныйь, штрыхаша́л'и* (штрафовали), но *у фонт* (в фонд); 11) произношение у отдельных лиц мягкого ***с*** как звука, акустически близкого к ***ш'***: *с'[ш']м'е́нъ, ўс'[ш']е́* и т. д.; 12) отпадение конечного ***т*** в сочетании ***с'т'***: *згр'е́с', пр'ин'е́с'*; 13) звук ***j*** перед ***е*** (***э***) в начале слова *этот*: *над jе́тъй къза́рмъй*; 14) такое произношение, как *аткрбй, закрбйу* и т. д.; 15) явления прогрессивной ассимиляции в таких случаях, как *музыка́нты, с мужука́м'и*; 16) формы именительного падежа единственного числа мужского рода местоимений и прилагательных на ***-ой***: *люббй, такбй пр'им'ер, от такбй* и т. д.; 17) формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода тех же имен на ***-ого*** и ***-ово***: *съмаhб, друhбhъ* и *ъднашб* (в речи того же лица), *дъ ташб, тыкашбwъ, атч'ишб* и т. д.; 18) такие формы, как *над адн'е́м, на адн'е́м* (*на адн'е́м тыша́р'ишӣ дъкат'и́лс'ъ дъ ташб*); 19) формы 3-го лица единственного и множественного числа на ***т'***: *нап'и́шьт', бу́д'ит', палбжыт', пр'итпълъуайут'* и т. д.; ***т*** твердое в чередовании иногда с ***т*** мягким

отмечено лишь в речи отдельных лиц: *н'и пр'иш'ед'óт, н'и к ч'емý, башáц̯ьт, л'ижы́т на кóц̯к'и, н'и дац̯ут*; 20) в единичных случаях (у одного из говоривших) наблюдалась и форма 3-го лица ед. числа без ***т*** с соответствующим изменением предшествующего ему гласного: *рабóты н'а бýд'ъ*; 21) в глагольных образованиях прошедшего времени — исключительно формы на ***ў*** (на месте ***л***): *патáўс'ъ, ъстъна-ш'ӣў, уз'áў* и т. д.; 22) такие образования от глагола *хотеть* и от глаголов с основой на задненебные звуки, как *хат'ӣм, хат'ӣш, н'и хат'ӣццъ* (*а ес'л'ӣ им н'и хат'ӣццъ?*), *б'игáт'* (3-е л. ед. ч.), *магýт'* и т. д.; 23) двойное подлежащее при одном сказуемом: *б'уро дъс'т'и-жéн'иц̯ ано н'и ў тóм зъкл'уч'áц̯иццъ*; 24) смешение в некоторых случаях грамматического рода имен существительных: *тыкáц̯ь б'ъзъбрáзнъц̯ь ц̯аўл'éниц̯ь*; 25) форма превосходной степени с окончанием причастия настоящего времени действительного залога: *из бл'и-жац̯уш'ш'их къзáрм*; 26) такие лексические особенности, как *п'ир'и-с'п'икт'ӣшы* (перспективы), *да с'éх пор, шмат т'итрáдък*; *какиц̯ь пýнты вы́стъўл'ъны? п'ер'ӣут* (*п'ер'ӣут ъстанóўк'и хвабр'ик'и*), *гу-л'ат'* (в значении 'играть', 'игрáться'; *у ч'икáнку гул'ат'*), *д'ебурáшыт'* (дебошúрить) и т. д.; 27) кое-что в области ударения: *ш́бинствуц̯уш'ш'иц̯ь б'езбож'н'ик'и, 42 прóц'ентъ*, но тут же и *прац'éнт*; *атн'éсъны, н'и-нужнá, пó стъ, пó дшару* и т. д.

Гораздо больше подобных черт отмечено мною вне собрания, во время моего разговора с рабочими. К сказанному здесь добавлю:

1) Случаи регрессивной ассимиляции: *лáнна*; 2) употребление частицы ***т'и***: *т'и пац̯д'óм у бáн'у, т'и н'е?* 3) более многочисленные случаи совпадения ударения с белорусским; 4) формы нетематических глаголов: *къгдá мн'е аддас'ӣ?* и т. д.

Таковы особенности речи рабочих Ярцевской текстильной фабрики. Ряд черт деревенских говоров, как мы видели, еще был не изжит ими в 1931 г., но говор все же уже вступил на путь утраты черт, несвойственных городским говорам.

IV. ГОВОРЫ ДВОРОВЫХ КРЕСТЬЯН В КОНЦЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

1. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОВОРОВ ДВОРОВЫХ КРЕСТЬЯН

Есть возможность сказать несколько слов о говоре дворовых крестьян в конце феодально-крепостнической эпохи. Эту возможность представляют следующие источники.

а) Печатные источники: Фольклорные материалы, собранные В. А. Неверовичем в статье «О праздниках, поверьях и обычаях у крестьян белорусского племени, населяющих Смоленскую губернию». «Памятная книжка Смоленской губ. на 1859 г.», стр. 123—203.

б) Рукописные источники: Архив Алексинской, Дорогобужского уезда, вотчины Барышниковых конца XV и начала второй половины XIX в.[2]

1) Счета Ив. Ив. Барышникову 1. X 1796, 1. X 1806, 1807, 19. II 1807, 4. VI 1807, 31. III 1808, 15. V 1808, 4. IX 1808, 9. X 1808, 7. V 1809, 9. X 1808, 1818, 1819, 27. II 1819, 10. V 1821, 1822, 16. I 1822, 21. I 1822, 23. I 1822, 1833 г.[3]

---

[2] Эти материалы хранились в 1931 г. в дорогобужском «Музее усадебного быта» и были мною использованы.

[3] Оставляю в стороне счет 19. V 1808 г. о починке «четвероместной» кареты и опись, что «надобно делать с „четвероместной каретой"»: под ними имеется немецкая подпись одного почерка со счетом. Автором их, во всяком случае, был не смолянин.

2) Расписки в получении денег 19. V 1806, 19. V 1808, 2. II 1819, 6. IV 1819, 24. V 1833, 16. X 1833 г.

3) Реестр дворовым людям, находившимся в Московском доме, 7. I 1809 г.

4) Опись имущества в вотчинах Ив. Ив. Барышникова (Дорогобужский у.), захваченного крестьянами во время нашествия французов в 1812 г. (писан, по-видимому, бурмистром Алексинского правления).

5) Списки оштрафованных крестьян, участников захвата помещичьего имущества, с указанием степени виновности каждого из них. (Судя по языку, писаны тем же лицом, что и «Опись имущества»).

6) Такая же записка о крестьянах с. Чахлова. Из приходо-расходных книг Алексинского дома 1813 г.

7) Письмо управляющего из с. Чахлова Ельнинского у.

8) «Тетрать на запису в Алексинском правлении ежедневной погоды, учиненная 1821 г., с апреля месяца».

9) Книга входящих и исходящих бумаг Алексинской конторы 1821 и 1822 гг.; только входящие: 1827, 1830, 1846, 1856 гг.; только исходящие 1821 г.

10) Ведомости Алексинской бумажной фабрики о приходе и расходе за сентябрь 1823 г.

11) «Книга Алексинской вотчинной конторы о приходе и расходе денежной господской суммы» 1823, 1825, 1828, 1838 и 1846 гг.

12) Донесение «всенижайшего» раба Алексея Сныткина о порубке леса 12. II 1825 г.

13) Записи произведенных мастерами работ в Алексинской вотчине 1830 г.

14) Подряд на работы в Алексинской вотчине 1830 г.

15) Выпись на содержание фабричным мастерам на бумажной Алексинской фабрике 1832 г.

16) Объявления о покраже 24. V 1833, 16. X 1833 г.

17) Опись Алексинской бумажной фабрике и фабричным мастеровым людям, ноябрь 1833 г.

18) Письма к Ив. Ив. Барышникову: а) «вернейшего», «всенижайшего» раба Алексея Степанова 29. III 1833 г. и б) нижайшего раба и слуги Андрея Белкина 12. XII 1832 г.[4]

Из названных материалов для характеристики говора дворовых статья Неверовича не дает описания говора, а содержит главным образом песни, и факты говора приходится извлекать из них, учитывая все отрицательные стороны песенного материала. Кроме того, в записях В. А. Неверовича сильна орфографическая традиция: она преобладает над фонетической передачей слов. Нельзя также не учитывать в этом источнике и того обстоятельства, что его автор, касаясь народных обычаев и поверий белорусского племени, населяющего б. уезды Дорогобужский, Духовщинский, Ельнинский, Краснинский, Рославльский и Смоленский (уезды названы у В. А. Неверовича), не преследует лингвистических целей, и из записей его можно извлечь только случайно попавшие в них черты говоров. В записях нет также указаний, где, когда и с чьей речи они произведены: автор приводит песни, сопровождающие обычаи и обряды. В песнях имеются факты русского влияния на язык — их здесь значительное количество, но над ними преобладают черты местных говоров (о чем ниже). Сопоставление этих черт с чертами других говоров Смолен-

---

[4] № 4, 5 и 6 изданы Н. И. Савиным в книге «Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского уезда Смоленской губ.». Дорогобуж. 1926. Остальные номера представляют рукописные материалы.

щины приводит к выводу, что говор в записях В. А. Неверовича тождествен говорам других источников рассматриваемой эпохи, но содержит в более значительном количестве факты русского литературного языка. Он характеризует группу населения, жившую в особых экономических и социальных условиях и находившуюся под известным воздействием русского литературного языка. Какая это социальная группа? Принимая во внимание, что мы имеем здесь дело с крестьянскими говорами той эпохи, когда крестьянские массы в огромном большинстве неразрывно были связаны с землей в условиях крепостного существования — при отсутствии прежде всего школ, связи с городом, его культурными силами и прочими факторами влияния на говоры, мы должны, правда предположительно, прийти к выводу, что в таких условиях влияние на крестьянские говоры могло идти в основном только со стороны помещичьего двора и что, следовательно, записи В. А. Неверовича сделаны со слов дворовых и в них мы имеем дело с говорами дворовых крестьян конца эпохи крепостничества.

Жизнь дворовых крестьян протекала в иных условиях, чем жизнь прочих крестьян. Условия жизни в особых экономических условиях изменяли их язык и привели его в состояние, отличающее его от языка прочих крепостных крестьянских масс. Особенно далеко зашли изменения языка у «верхушки» дворовых — у помещичьей администрации. Постоянное общение с помещиком, заранее обдуманный разговор с ним, осторожность в выражениях, стремление подражать в говоре помещику и т. д. — все это факты, воздействовавшие на говор дворовых крестьян и приведшие его к изменению. Отдельные представители дворни были грамотными — вели конторские приходо-расходные и другие книги, переписку с вотчинами и проч. Книга и образцы разного рода переписки особенно сильно воздействовали на их говор. Такой язык представляют названные выше документы «Алексинского архива». Лингвистическая ценность этих документов для характеристики местных говоров невелика.

Язык их в значительной степени искусственный, ему не чужды и старые, вышедшие из употребления формы речи. Например, в списке оштрафованных крестьян имеем старые формы винительного падежа множественного числа имен женского рода: *пчелы ломал* (22)[5], *пчелы портил* (22), *выламывал пчелы* (23), *пчелы попортил* (23), *пчелы не ломал* (23) и т. д., но также и *пчел не ломал* (23), *пчел выломал* (22); в «Подряде на работы» 2.VI 1830 г. встречаем старую, вышедшую из живого употребления форму творительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода: *Мне Данилову с товарищи*, или в «Описи Алексинской бумажной фабрики» 1833 г.: *Мужска и женска пола душ*, или такие формы, как *вѣтр* («Тетрать на запису... погоды»), *до половины дни* (там же) и т. д.

Вместе со старыми формами и выражениями в документах наблюдается стремление их авторов писать как можно грамотнее, а это приводит к тому, что в документы, писанные ими, не попадает огромное большинство черт, характерных для говоров той среды, из которой вышли авторы документов. Это же стремление писать как можно грамотнее при недостаточности знакомства с русской орфографией приводит авторов документов как раз в противоположную сторону: в документах имеем такие написания, как *щѣт* (счёт) при *счет*, *щот*, *щёт* в других документах; или: *у нѣго* («Книга Алексинской вотчинной конторы о приходе и расходе денежной господской суммы» 1825 г.) при *нету* и т. д. Наряду с этим встречается и такое орфографически

---

5 Цифры здесь указывают страницы названной выше работы Н. И. Савина.

правильное, но несогласованное с живым произношением написание, как *шел* («Тетрать на запису... погоды») и т. д.

Содержание большинства документов довольно однообразно — это или счета, или однотипные расписки, хотя и разного содержания (конторские книги), или донесения и письма приниженных рабов, «возымевших смелость и дерзновение» пасть к «дражайшим стопам» своего «господина».

Не удивительно поэтому, что для характеристики языка этой группы населения перечисленные документы дают не много.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ ДВОРОВЫХ КРЕСТЬЯН

Названные источники для характеристики говоров дворовых крестьян содержат, как уже сказано, а) записи песен и б) деловые бумаги помещичьей деревни, писанные верхушкой дворовых — бурмистрами, управляющими и проч. Бурмистры, управляющие и т. п., с одной стороны, и прочие дворовые, с другой, — две социально-неоднородные группы, живущие в неодинаковых условиях, и язык их в силу этого не мог быть одинаковым: одни из них были грамотные, вели приходо-расходные книги и прочие хозяйственные записи помещичьей вотчины, а другие могли быть неграмотными. Сообразно с этим в говоре дворовых будем различать две группы говоров: а) говоры дворовых, не имевших отношения к помещичьей администрации и б) говоры дворовых, входивших в состав помещичьей администрации.

а) Говоры дворовых, не имевших отношения к помещичьей администрации

В говорах этой группы имеются факты русского влияния, например: 1)**-ро-** в слове *покроюць* (В. Н. 150)[6] при *крыю, крышить* в других рассмотренных выше источниках (XXXVIII. 14, XXXVIII. 4); *моють* при *мыю* в других источниках (XXXVIII. 14), а также *не бей* (В. Н. 167), *побей* (там же); 2) сохранение старой мягкости звука ***л*** перед следующим твердым слогом: *сильная* (В. Н. 185), при твердости его в таких же условиях в других источниках (XXXVIII. 14); 3) отсутствие весьма распространенного в других источниках (XXXVIII. 12, XXXVIII. 14 «Смол. губ. вед.», 1853, № 45 и 50, 1854, № 2) чоканья, а также встречающегося в них (XXXVIII. 14) произношения ***с*** с усиленным шипящим элементом; 4) отсутствие известных другим источникам (XXXVIII. 14, «Смол. губ. вед.», 1853, № 45) форм сложного склонения на **-эй-** при ударении на окончании: *другий* (В. Н. 173), *святый* (там же), *дорогой* (В. Н. 184); 5) родительный падеж единственного числа при числительных *два*, *три*, *четыре*: *2 шелига* (В. Н. 159), *2 двора* (В. Н. 170, 172), *3 бора* (В. Н. 183), *через 3 леса* (В. Н. 158), но *на 3 рубли* (В. Н. 189), а также *2 дворы* (для рифмы с *дары*; В. Н. 172) при исключительном господстве форм именительного падежа множественного числа в других источниках (XXXVIII. 14); 6) такие русизмы, как *нету* (В. Н. 159), *завсегда* (В. Н. 156), *долговешную* (В. Н. 173), *неразлушную* (там же), *этой* (В. Н. 184), *вечор* (В. Н. 182), *девушки* (там же), *тот* (В. Н. 139) и т. д., не известные в других источниках.

---

[6] Здесь и в дальнейшем фамилия автора В. Неверовича передается его инициалами: В. Н.; цифры, стоящие в скобках, — страницы указанной выше его статьи.

Таковы главнейшие русизмы в говоре. Наряду с ними из песен, собранных В. А. Неверовичем, извлекается и ряд явлений, свойственных и другим говорам Смоленщины: 1) ***о*** на месте ударяемого ***а***: *розум* (В. Н. 160; см. о нем выше); 2) ***р*** в соответствии со старым этимологическим твердым и мягким ***р***; 3) твердое ***ч***: *учора* (В. Н. 166, 197), *вечор* (В. Н. 174); 4) смешение ***в*** с ***у***: *удова* (В. Н. 139), *у городзе* (В. Н. 140); *у вашем дому* (В. Н. 172), *узела* (В. Н. 179), *у печь* (В. Н. 185); Переход в известных условиях ***ў*** в ***л*** (передается в источнике через ***в)*** и наличие случаев без такого перехода: *ишов* (В. Н. 160), *шев* (В. Н. 172), *ехав* (В. Н. 183), *вышев* (В. Н. 190), *выехав* (там же), но также *лецел* (В. Н. 182), *дал* (В. Н. 170), *вылецел* (В. Н. 190), *шелку* (В. Н. 189), *шелковую* (В. Н. 190); 6) дзеканье и цеканье: *породзила* (В. Н. 132), *у городзе* (В. Н. 140), *дзержиць* (В. Н. 177), *понимаец* (В. Н. 135), *подарице* (там же), *полоценичком* (там же), *цеща* (155), *цябе* (там же), *зяця* (там же), *знаець* (В. Н. 176), *дзержиць* (В. Н. 177), *не снимуць* (В. Н. 180), *поюць* (В. Н. 183); 7) долгий согласный на месте старого сочетания «мягкий согласный + j»: *Васильля* (В. Н. 135), *застольля* (В. Н. 188); 8) регрессивная ассимиляция — ***н*** на месте ***дн***: *сяння* (= сегодня; В. Н. 166, 170); 9) ***в*** в начале слова перед гласным: *вокало* (В. Н. 172), *воблоки* (В. Н. 180), *вобе* (= обе; В. Н. 185), *вумны* (В. Н. 189); 10) такой оборот, как: *позно вечера* (вместо *поздно вечером*; В. Н. 159); 11) родительный падеж мужского рода единственного числа сложного склонения на ***-аго***: *добраго* (194; конечное ***о***, разумеется, орфографическое); 12) от местоимения *тот* им. п. мн. ч. *тые* (В. Н. 160), род. п. мн. ч. *тых* (В. Н. 198); 13) деепричастие настоящего времени на ***-чи***: *играючи* (В. Н. 160), *распеваючи* (там же), *минуючи* (В. Н. 170), *целючи* (В. Н. 178); 14) формы отдельных глаголов: *бегиць* (В. Н. 191), *ишов* (В. Н. 160) и без начального ***и***: *шов* (В. Н. 172), *не дасьце* (= не дадите; В. Н. 149); 15) наречия: *як* (В. Н. 172), *куды* (В. Н. 177); *учара* (В. Н. 166), *тутыка* (В. Н. 175); 16) предлог *кола*: *коло клеци* (В. Н. 198); 17) союз *ажну*: *ажну вылетел* (В. Н. 190).

б) Говоры дворовых, входивших в состав помещичьей администрации

Говоры этой группы крестьян характеризуют следующие явления: 1) На месте неударяемых ***о*** и ***а*** в предударных и поударных слогах во всех документах, за единичными исключениями, имеем ***а***: *за Тимафея* (I, 1.X 1796), *для канюшки* (I, 9.X 1808)[7], *кашéль* (там же), *занава* (I, 15.V 1808), *новая дерива* (там же), *каторые* (13) и *которые* (там же), *Фралов* (15), *абразов* (17) и *образов* (там же), *канторскую* (18), *Афанасьева* (22) и через ***о***: *Афонасьева* (14), *Афонасьев* (16) и *выкапано* (23), *в кантору* (23), *связак* (24), *в Чамаве* (24), *в кантору* (IX, 1821; X), *Барису* (XI, 1823), *окало* (XII), *карниз* (X, IV) и *корниз* (там же), *конторы* (XIV), *Дарофеева* (XVII), *салдатка* (там же), *Азара* (XVI, 24.V 1833), *каторое* (XVIII, 29.III 1833) и т. д. рядом с орфографическим написанием, например: *состояло* (VIII), или с ***о*** на месте этимологического ***а***: *повору* (XI, 1846), *порусины* (там же) и т. д.

Неударяемое ***е*** в большинстве случаев передается в документах через ***и***.

---

[7] Римские цифры, стоящие после примеров (в скобках), соответствуют арабским цифрам перечня документов в этом отделе и указывают на источник, названный под арабской цифрой. Если в перечне названо несколько документов под одной цифрой, то здесь после римской цифры ставится дата документа.

Арабская цифра после примеров из документов, изданных Н. И. Савиным, означает страницу издания. Примеры из них приводятся по этому изданию.

Старое *ѣ*, совпавшее с *е*, разделяет его судьбу. Примеры: *при уборки* (XII), *по чистки* (III), *при фабрики* (X), *в такси* (там же), *в рощи* (XII), *старости* и *старосте* (IX, 1822) *при отделки* (XI, 1846), *Крестиньи Герасимовны* (IX, 1846); 2) твердость губных в конце слога: *внов* (I, 10.V 1821), *сем сот* (IX, 1846), *не оставтѣ* (орфография источника, XII), но *сафьян* (X); 3) ***р*** в соответствии со старым этимологическим твердым и мягким ***р***; лишь в единичных случаях колебание в употреблении твердого и мягкого ***р***: *Баришникову* (I, 31.III 1808; 7.V 1809), но в ряде других случаев — *Барышникову*; *Егорь* и *Егор* (III), *в брычке* (XIII); 4) из анализа примеров на употребление мягкого и твердого ***ч*** следует, что в говоре господствует мягкое ***ч***, хотя есть и случаи твердого ***ч***; говор развивался на базе смоленских говоров, знавших вначале только твердое ***ч***; последнее могло не исчезнуть окончательно из языка этой части населения. На такое произношение, может быть, указывает и написание: *щот* (I, 1.X 1796; 1.X 1806) при *щет* (I, 1807), *счет* (I, 31.III 1808) и т. д. Примеры: *свечь* (I, 1807; IX, 1856), *тысячь* (I, 9.X 1808), *почьтовой* (I, 1819) и *почтовой* (I, 1818 — одним и тем же почерком), *наличьник* (XIV), *прочьно* (там же) и *непрочно* (там же); 5) твердый звук ***л*** на месте этимологического мягкого: *мелница* (XIII); 6) написание *яшчик* (I, 4.IV 1807), а также *счет* (I, 31.III 1808) и другие при обычных написаниях их через ***щ*** (*щет*, *щот*) дают основание полагать, что звук, передаваемый в письме буквой ***щ***, не есть долгое мягкое или твердое ***ш***, а сочетание ***ш*** и ***ч***; 7) переход в известных условиях: а) звонких в глухие и б) обратно — глухих в звонкие. Примеры: а) *атъвотки новые* (II, 19.V 1808), *ресцов* (17), *пригонных изоп* (18), *скотных изоп* (18) и *изоб* (18), *тетрать* (VIII), *подрятчику* (XI, 1838), *подрятчик* (там же), *во время воски* (XII), *подношка* (XIII), *блис* (XIV), *ниские* (XV), *впреть* (XVIII, 29.III 1833) и наряду с этим орфографические написания: *вновь* (II), *мороз* (VIII), *дождь* (там же) *столяров* (XV) и т. д.; б) *з девкою* (IX, 1822), *зделано* (XIII), *изделано* (там же), *прозбу* (XVIII, 29.III 1833), *зделать* (там же); 8) развитие звука ***в*** перед начальными ***о*** и ***у*** и перед ***а*** из ***о***: *вохры* (I, 19.II 1807); 9) переход группы ***чн*** в ***шн***: *одиношная борона* (I, 19.II 1807); 10) утрата лабиализации неударяемым звуком ***у*** в сочетании ***-уи̯у*** и ***и̯уи̯у*** (***-ую*** и ***-юю***) в формах винительного падежа единственного числа женского рода имен сложного склонения и переход его в редуцированные звуки, передаваемые на письме через *а*, *и*, *е* (*-аю*, *-ию*, *-ею*), отсюда совпадение форм винительного падежа единственного числа этих имен с творительным: *стрелу новаю* [II, 19.V 1808), *заднею ось* (там же) и т. д. и *на будущию неделю* (XVIII, 29.III 1833), *на следующию неделю* (там же) и т. д.; 11) родительный падеж собственных имен мужского рода, оканчивающихся в именительном падеже на гласный звук, как *Данила*, *Гаврила*, имеет флексию ***-е***: *для Александре Ивановича* (I, 19.II 1807), *от Даниле Никитина* (18), *от Михаиле Михайлова* (19), *от Гавриле Яковлева* (там же), *из двора Гавриле Афанасьева* (22), *у Михаиле Михайлова был пасынок* (23), *Илье Дмитриева* (там же); 12) в творительном падеже единственного числа имена женского рода с основой на ***-а*** имеют окончание ***-ою,-ею,*** (орфографическое написание): *Ефросинею Ларионовою* (IX, 1821); 13) такие формы именительного падежа множественного числа имен мужского рода, как *крестьяня* (II, 16.X 1833) и *крестьяна* (27) рядом с *крестьяне* (12); 14) формы именительно-винительного падежа множественного числа имен существительных среднего рода на ***-ы***: *крыльцы* (11), *стеклы* (11), *вороты* (12, 18); 15) такие же формы от слов мужского рода: *в домы свои* (13); 16) формы родительного падежа множественного числа на ***-ов*** (орфографическое написание) от имен

существительных среднего рода: *из господских стадов* (12, 14, 16); такая же форма от имен женского рода на **-а**: *армиев* (22); такая же форма от слова *стул* мужского рода: *стулов* (18); 17) имена существительные среднего рода на **-мя** образуют формы косвенных падежей без суффикса **-ен**: *дается неделя время* (XV); 18) именительный падеж единственного числа мужского рода сложного склонения имеет в окончании после твердых согласных **-ый**: *старый скотный двор* (XIV; 12), *выстроенный* (XIV) и после мягких — **-ий**: *истекающий* (I, 27.II 1819), *наступающий* (там же), *находящийся* (там же) и т. д. при более многочисленных случаях на **-ой** и **-ей**: *за каждой* (I, 9.X 1808), *скотной двор* (XIV; 14), *хлебной сарай* (12), *рубанок столярной* (17), *кузнечной мех* (17), *кузнечной молот* (18), *малой* (VIII), *порядочной* (там же), *сильной* (там же), *салат белой, качанной, зеленой* (IX, 1827), *немецкой* (там же), *черной* (IX, 1830), *глянцевой* (там же), *псовой двор* (там же), *нижней* (м. р.; 12), *последней* (м. р.; 13) и т. д.; 19) формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода тех же имен имеют в окончании **-аго** и **-ого** (орфографическое написание) после твердых согласных и **-его** после мягких, с одной стороны, и в тех же условиях — **-ова** и **-ева**, с другой: *железа листоваго* (I, 19.II 1807), *от пожарнаго случая* (12), *несчастного* (12), *липавого* (12), *мелкаго лесу* (12), *господскаго* (17), *разграбленнаго* (17), *скотнаго* (18), *огороднаго* (18), *выломаннаго* (18), *сукна цветнаго* (IX, 1830), *ореховаго* (там же), *маковаго* (там же), *прованскаго* (там же), *сала свинаго* (там же), *масла поснаго* (там же), *хлебнаго* (XI, 1846), *виновнаго* (XII) и т. д., но *железа шиннова* (I, 19.II 1807), *обручнова* (там же), *скотнова* (19), *перцу* зернистова (IX, 1830), *с верхнева* (18), *нижнева* (19) и т. д. и *нижнега двора* (там же), *говяжьега* (19), *здешнега* (IX, 1821) и т. д.; 20) те же формы единственного числа местоименного склонения: *моего* (XV; 12), *с кого* (23), *жена его* (XVII), но *дети ево* (XVII), *ево* (22); 21) винительный падеж единственного числа женского рода сложного склонения в силу указанного выше совпадает с формой творительного: *четвероместною карету* (II, 19.V 1806), *заднею ось* (там же), *стрелу новою* (там же), *в бумажною фабрику* (IX, 1822), *в онаю фабрику* (IX, 1821) и *на оную воду* (I, 4.VI 1807), *в Погореловскую контору*, но *в Марходцкою контору* (IX, 1822); 22) творительный падеж в форме местного: *между облачном и переменном сиянии* (VIII), *управляющем наказаны* (XII), *вашем отеческом* (там же); 23) винительный падеж множественного числа тех же имен имеет в окончании **-ыи** и **-ии**: *на разныи* (XI, 1828), *в нежегородскии вотчины* (там же), *которыи* (XII) и т. д.; 24) винительный падеж множественного числа местоименного склонения от слова *свой — свое*: *в своѐ часы* (XV); 25) 3-е лицо в формах настоящего времени глаголов имеет в окончании мягкое **т** рядом с орфографическим написанием их через **т** твердое: *перевеиваюгь* (XV; 17) и т. д.; 26) такая форма страдательного причастия, как *угнато*: *неприятелем угнато* (XV; 16); 27) исчезновение звука **и** в предлоге **из** и смешение его с предлогом **с**: *с скотных дворов* (18), *с скотных изоб* (18), *с скотнова двора* (18) и *из скотных изоб* (18), *с кухни* (18), *с с. Подопхаев* (14), *с Бakaнова* (там же), *с Заборья* (14), *с с. Маркова* (там же) и *из поля* (XVII) и т. д.; 28) предлог **к** с приставочным звуком **и** (**ик**): *ик одной* (XIII); 29) из форм словообразования встречаются глаголы, осложненные приставкой **по-**: *повынуты* (11, 12), *поразломаны* (11), *повырублены* (там же), *поразорены* (там же), *позасохли* (там же), *повынуто* (12), *повыломали* (13), *пораскололи* (13) и т. д.; 30) сочетание числительных *два*, *три* и *четыре* с именительным падежом множественного числа: *4 рубли* (I, 1833), *4 дни* (IX, 1846), *по 4 рубли* (XV), *по 3 рубли* (XVI, 16.X 1833), *по 2 рубли* (XVI, 24.V 1833), *3 человеки* (XVIII, 12.XII 1832) и т. п., но *за 4 года*

(I, 1.X, 1796); 31) при подлежащем, выраженном именем числительным количественным с родительным падежом существительного, сказуемое, выраженное страдательным причастием, стоит во множественном числе: *убиты 6 скотин* (13); 32) глагол *молить* с дательным падежом, вместо винительного: *молить богу* (XVIII, 29.III 1833); 33) отсутствие согласования рядом со случаями наличия его: *з девкою Фекле Пестровой* (I, 1822), *с девкою Стефаниде Кузьминой* (там же, 16.I 1822) и *з девкою Стефанидою* (там же, 21.I 1822), *с девицею Федосьею Селиверстовою* (там же, 23.I 1822) и т. д.; 34) невозвратная форма глагола вместо возвратной: *за находившего у него на хлебах* (XI, 1825); 35) такие сочетания, как *состояло тихо* (о погоде; VIII), *тихой жаркой происходил день* (там же), *происходил дождь* (там же) и т. д., обусловленные неумением писца справиться с малоупотребляемыми им словами, которые он захотел применить при описании погоды; такого же рода и другие особенности в согласовании и управлении слов или употреблении их, например в заглавии «*Тетрать на запису... погоды*» (см. выше), или *за покупную у него девку с малолетним ея сыном* (XI, 1825) и т. д.; 36) своеобразное употребление предлога **при**: *наказали при моей бытности* (XII); 37) извращение фонетической структуры иностранных слов как результат неверного слухового восприятия их или как следствие диссимиляции: *принтус* (= плинтус; XIII), *лесора* (= рессора; там же), *воды зельческой* (= воды зельтерской; 4.VI 1807), *фалетору* (= форейтору; I, 1819) и т. д.

Такими чертами характеризуется говор рассматриваемой группы населения.

V. ХОД ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ИЗМЕНЕНИЯ ГОВОРОВ

Современное состояние фонетики, морфологии и синтаксиса говоров Смоленщины есть результат тех изменений, какие происходили в говорах на протяжении их многовековой истории. Вызваны они а) внутренними законами развития языка[8], определившими их специфику и структуру, и б) причинами внешнего характера — воздействием на них факторов исторического, культурного, социально-экономического характера. В эпоху капитализма большое значение для изменения местных говоров приобрел уход части населения на заработки (отхожие промыслы). Коренным образом изменился внешний и внутренний облик деревни в пореволюционную эпоху, когда подверглись резкому изменению и говоры изучаемой части Смоленщины, белорусские по своей основе.

Из говоров Смоленщины в эпоху Смоленского княжества выделялся говор города Смоленска, крупного культурного, торгового и политического центра, принимавший характер литературного языка Смоленщины — к нему тяготели другие говоры княжества. Имея черты, общие с другими белорусскими говорами, он характеризовался рядом своеобразных черт. Главнейшие из них: 1) произношение звука, обозначаемого в русском языке буквой *щ*, как долгое твердое (или мягкое) *ш* вместо белорусского *шч*; 2) отсутствие придыхательного *г* у местоимений *э́тот*, *э́та*, *э́то* (*гэты*, *гэта*, *гэто* и т. д.), в говорах Смоленщины здесь только ***j***: *ȷе́ты*, *ȷе́таца*, *ȷе́таце*; 3) характерной диалектной чертой является отсутствие в некоторых формах конечного неударяе-

[8] См. В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания. «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 3—34.

мого гласного, отмечаемое в «Житии Авраамия» XVII в., в фольклорных записях XIX в. («Смол. этн. сб.») и в говорах XX в. (в работах В. М. Архангельского, Н. П. Гринковой и др.).

Исторические события 1514 г. (присоединение Смоленска к Московскому государству) и 1654 г. (завоевание Смоленска Московским государством после захвата его Польшей в 1611 г.) дали другое направление говорам Смоленщины. Смоленск теперь (с 1514 г.) утрачивает значение центрального города Смоленщины. Политическим, культурным и торговым центром тогдашней Руси становится Москва. Отсюда влияние ее на все стороны быта Смоленщины и в частности на ее говоры. О русском влиянии на говоры Смоленщины красноречиво говорит сопоставление примеров из ранних памятников письменности с более поздними — с источниками начала второй половины XIX в. В то время как в ранних памятниках письменности мы почти не имеем значительных следов русского влияния на говоры, в источниках XIX и XX в. и в материалах непосредственных наблюдений современных говоров они весьма многочисленны и сказываются в наличии в говорах Смоленщины их основных (белорусских) черт рядом с русскими чертами; см., например, выше разделы о звуке ***л***, о звуке ***о*** на месте ***е***, о гласных ***ы***, ***и*** и ***о***, ***е*** на месте древнерусских редуцированных в известном положении и ряд других.

Состояние этих черт в говорах Смоленщины таково, что можно говорить о развитии говоров по пути утраты их исконных белорусских черт и замене их русскими.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГРАНИЦЫ ГОВОРОВ

Рассмотрение говоров со стороны их фонетики, морфологии, синтаксиса и отчасти словаря дает возможность наметить их границы в отношении к другим соседним с ними говорам в их современном состоянии.

Восточную границу рассматриваемых говоров мы определим согласно с составителями «Карты русского языка в Европе» (см. выше, «Диалектные границы говоров, относимых в XIX—XX вв. к белорусским, и отношение их к границам по данным археологии»). Здесь рассматриваемые говоры Смоленщины граничат с говорами переходными от белорусских к южновеликорусским. Помимо черт, характерных для них[1], переходные говоры отличаются устойчивостью в фактах языка, чего нельзя сказать о говорах изучаемой части Смоленщины. В говорах Смоленщины мы имеем немало русизмов, но они неустойчивы здесь и чередуются с белорусскими чертами. Например, здесь мы имеем переход звука *л* в *ў* и тут же рядом с ним отсутствие его; или сочетание «мягкий согласный +*j* (или *и̯*)» и тут же на месте его долгий мягкий согласный; или сочетания известного происхождения ***ры, лы, ри, ли*** между согласными и тут же ***ро, ло, ре, ле*** (и их современные фонетические замены при отсутствии ударения); или ***ы*** и ***и*** перед ***и̯*** и тут же в тех же условиях ***о*** и ***е***. Словом, неустойчивость одних диалектных черт при живучести некоторых других — отличительный признак рассматриваемых говоров Смоленщины. Современная восточная граница этих говоров, в наибольшей степени сохраняющих свою прежнюю специфику, как уже сказано выше, далеко отодвинута на запад сравнительно с археологической границей кривичских поселений.

На севере принимается граница, проводимая составителями карты русского языка (о чем см. выше)[2] и отделяющая белорусские говоры от среднерусских с белорусским наслоением. Черты, общие всем среднерусским говорам, являются критерием при разграничении здесь говоров Смоленщины и сходных с ними.

На западе граница говоров Смоленщины, как показывают источники, далеко переходит за археологическую границу смоленских кривичских поселений. Приблизительно она идет по территории б. уездов Могилевщины: Мстиславского, Горецкого, Оршанского и через б. уезды

---

[1] См.: «Труды МДК», вып. 5. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915, стр. 57—58.

[2] См. там же, стр. 11 и 47.

Витебщины: Велижский, Витебский, Городокский и Невельский.

Одним из признаков, отличающих говоры на территории Смоленщины от говоров на территории полоцких кривичей и радимичей, является произношение звука *р*: в Смоленщине этимологически правильно различаются твердое и мягкое *р*, в частях же Полоччины, Могилевщины и Витебщины, лежащих к западу от этой границы, оно твердое.

Это различие надо признать старым в том отношении, что мягкоэрые говоры Смоленщины не являются результатом исчезновения твердого *р* и изменения его в мягкое. Говорить об утрате твердого *р* на территории Смоленщины не приходится: ни один из названных здесь памятников и данные диалектологии не дают бесспорных примеров на твердое *р*; скорее всего, твердое *р* в памятниках — или результат польского влияния («Акты Смоленского воеводства»), или оно отражает язык людей, пришлых из Белоруссии, говор которых характеризуется твердым *р* («Летописный сб.», «Радз. сп. летописи»).

Характерно при этом то, что в источниках первой половины XIX в., где отмечено дзеканье, цеканье, цоканье и чоканье, долгое твердое *ш* на месте русского орфографического *щ* и т. д., вовсе не встречается твердого *р* на месте мягкого; лишь в единичных случаях имеем мягкое *р* на месте твердого или единичные колебания между твердым и мягким *р*. Не имеется также случаев твердого *р* на месте мягкого и в говорах позднейшего времени, за исключением, как мы видели, говоров переселенцев из БССР. К говорам переселенцев, по-видимому, должны быть отнесены и немногочисленные случаи твердого *р* на месте мягкого и обратно в говорах во второй половине XIX в. Если такие явления, как дзеканье, цеканье, цоканье и чоканье, имели место в живых говорах Смоленщины во второй половине XIX в., а кое-где их можно встретить и в XX в. и они нашли свое отражение в записях фольклорных материалов, а твердое *р* (за исключением единичных случаев наличия его в говоре переселенцев из БССР) не имело своего отражения в них, то его, надо признать, и не было в говорах.

Все это вместе взятое приводит к выводу, что говоры на территории смоленских кривичей мягкоэрые.

Однако ни твердое, ни мягкое *р* сами по себе не могут еще служить критерием при отграничении говоров Смоленщины в их современном состоянии от других говоров.

Смешанный характер говоров Смоленщины — смешение, и притом неустойчивое смешение, русских и белорусских черт в фонетике, морфологии, синтаксисе и словарном составе — составляет одну из главнейших и характернейших черт современных говоров Смоленщины.

На юге говоры Смоленщины граничат с современными говорами на территории летописных северян и вятичей. Различием между говорами Смоленщины и прилегающими с юга говорами прежней северской территории являются черты, характерные для этих последних: сильное аканье, твердое *р* перед гласными переднего ряда, отсутствие перехода звонких согласных в глухие в абсолютном конце слова и перед глухими и проч.[3]

Граница говоров здесь проходит несколько севернее с. Молодькова и идет в восточном направлении до пересечения ее с восточной границей исследуемых говоров.

---

[3] См.: П. А. Расторгуев. Северо-белорусский говор. Исследование в области истории и диалектологии белорусских говоров. Л., 1927, стр. 19—23, 39—48.

ИССЛЕДУЕМЫЕ ГОВОРЫ СРЕДИ ДРУГИХ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ

Куда, к какой восточнославянской группе должны быть отнесены рассмотренные говоры? Основа говоров белорусская, но говоры нельзя в настоящее время назвать белорусскими: начиная с XVI в. их основа испытала и теперь испытывает сильное влияние русских говоров, причем русские и белорусские черты, как мы видели, встречаются рядом в одном и том же говоре и даже в говоре одного и того же лица. Говоры нельзя назвать и переходными — в них нет той стабильности фактов, какая характеризует переходные говоры. Нельзя также определять их и как русские, заключающие в себе некоторые черты белорусских говоров — черты белорусских и русских говоров встречаются в них в беспорядочном смешении. Это смешение вызывалось не фонетическими или морфологическими причинами, а социально-экономическими условиями — переселениями в прежнее время из русских областей, тяжелыми социально-экономическими условиями жизни деревни после крестьянской реформы 1861 г., приведшими деревенский пролетариат к отходу на заработки в крупные промышленные города. В наше время значительное развитие смоленских говоров в сторону сближения их с общерусским национальным языком вызвано всеми теми факторами эпохи социализма, которые привели деревню к изживанию противоположности между нею и городом,

Исходя из этого, рассматриваемые говоры следует назвать смешанными, причем в этом смешении русские черты преобладают над белорусскими: говоры явно тяготеют к русскому литературному языку и находятся накануне утраты целого ряда специфических черт.

Прежнее именование этих говоров «белорусские» должно быть оставлено. Оно не соответствует современному действительному состоянию говоров. Не соответствовало оно и в то время, когда создавались труды по диалектологии А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, А. А. Шахматова, Московской диалектологической комиссией и др.: говоры определялись здесь на основании наличия у них только архаических черт, а черты, вызванные влиянием русских говоров, не принимались во внимание.

Такой прием наблюдения говоров давал материал для определения основы говоров, а отнюдь не процесса изменения говоров, бывших когда-то в прошлом белорусскими.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ФАКТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ГОВОРЫ

Определение говоров на указанной территории как смешанных, с преобладанием русских черт, еще не решает вопроса о том, какие говоры — белорусские или русские — лежат в основе их. Здесь может быть два предположения: это — или 1) говоры в основе белорусские, воспринявшие русские черты, или 2) говоры в основе русские, а белорусские черты в них — результат переселения в Смоленщину белорусов, которое частично имело место в истории края (ср. сказанное выше о белорусских переселенцах). Мысль о русской основе населения Смоленщины настойчиво проводилась П. В. Голубовским в его исследовании «История Смоленской земли до начала XV века»[1]. Правда, П. В. Голубовский не приводит лингвистических фактов, которые прочно обосновали бы его положения. Он довольствуется указанием лишь на оживленные торговые сношения в крае и на войны, приведшие, по его мнению, в конечном итоге к исчезновению кривичей.

Здесь мнению П. В. Голубовского можно противопоставить повсеместное наличие в крестьянских говорах Смоленщины белорусизмов, которые немыслимы были бы при частичных лишь переселениях в Смоленщину из Белоруссии. О массовом же переселении белорусов, которые колонизовали бы Смоленщину при наличии там основного русского населения, говорить не приходится — нет никаких данных, которые говорили бы о таком переселении, и, следовательно, основу современных говоров Смоленщины надо признать белорусской.

Далее, об этой основе говоров, вопреки предположениям П. В. Голубовского о «великорусской» основе их, свидетельствуют и факты материальной культуры крестьянского населения Смоленщины.

Материальная культура и факты языка неразрывно связаны между собой. Эта связь в полном объеме должна существовать всюду, где те или другие явления не уступили места воздействию других культур. В Смоленщине это воздействие велико, тем не менее оно, как увидим далее, не поглощает целиком явлений, исконных для ее населения. К сожалению, мы не располагаем подробными описаниями материального быта Смоленщины. Использую здесь следующие источники: 1) Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки[2], в частях, касающихся Смоленщины, и 2) свои личные наблюдения, собранные мною непосредственно и на основании состав-

[1] См.: П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1895.

[2] См.: Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Часть первая. Народный костюм, прядение и ткачество. М., 1927, стр. 52.

ленной и разосланной мной «Анкеты по собиранию фактов материальной культуры в Смоленщине — жилища и одежда», и др.

Судя по имеющимся у меня материалам, жилища в Смоленщине, в тех местах, откуда имеются сведения, не представляют единого плана. Здесь имеется план жилища белорусский, среднерусский и южнорусский. В некоторых же районах Смоленщины (по рекам Жарне и Десне, к западу от нее) есть несколько слоев в типе жилища: старый белорусский тип; очень часто его покрывает второй, южнорусский слой, а затем третий — мещанский (городского типа дом).

Среднерусский план жилища встречается в б. Сычевском у., проходит по р. Вазузе, через Вяземский и Дорогобужский уезды до р. Угры. К югу от Угры идет южнорусский план через села Веселуху, Гнездилово, Павлиново и Добрицу на р. Присмару, далее по рекам Присмаре и Десне на деревни Снопоть, Рогнедино и далее к разъезду Сеща на железной дороге Полоцк—Смоленск—Мариуполь. На западе от р. Десны южнорусский план жилища перекрещивается с белорусским; белорусский тип отмечается в с. Жарном, на р. Жарне, в 27 км. от Ельни, но только в старых избах, тогда как в новых — план южнорусский; в д. Щипань покрывающий слой — общий с белорусским; в селах Трояновой Слободе и Рогнедине также белорусский план; в с. Волково-Егорье б. Ельнинского у., на границе с б. Смоленским у., в более новых избах имеются черты, общие с южнорусским планом жилища, но в старых избах план белорусский; в д. Ханино встречается план избы с южнорусскими чертами, но устойчиво проходит белорусский план. Также в б. Вяземском у. встречается белорусский план; белорусский план отмечен в б. Краснинском (села Бережня, Михейково) и Духовщинском уездах, в б. Бельском у. перекрещиваются белорусский и среднерусский планы жилища.

Отдельные элементы жилища являются или менее надежными, или вовсе не дают возможности провести разграничения. Например, двускатная крыша на крюках с бревенчатым фронтоном в старых формах, характерная для северновеликорусской деревни и большей части белорусской, встречается и в южновеликорусских областях; восточная ее граница — р. Болва. Следовательно, по признакам крыши нет возможности провести границу между русскими и белорусскими постройками. В частности, в б. Смоленском у., вокруг Ельни и в районе Павлинова широко распространены новые крыши — четырехскатные на стропилах, или в том же б. Смоленском и особенно в Сычевском, Вяземском и Дорогобужском уездах — двускатные крыши на стропилах с шелевкой на фронтоне.

То же надо сказать и о плане двора: по признакам постройки двора нельзя произвести разграничения.

Кое-что дает терминология красного угла. В Смоленщине вплоть до последнего времени бытовали названия «покут», «кут», «кутный угол», «передний угол», «красный угол» и «святой угол». «Кут» знали и белорусы, равно как и «покут»; юго-западная группа южнорусских говоров знала «кутный угол», тогда как в северной было употребительно «передний угол»; в некоторых местах южнорусские говоры знали и «кут», среднерусским говорам было известно «передний угол» и «красный угол»; «красный угол» знали также и среднерусские говоры рядом с названием «святой угол». На территории Смоленщины «кут» отмечено в б. Смоленском у., в западной части б. Ельнинского у. (с. Жарное) и в б. Рославльском у. (с. Рогнедино). В б. Ельнинском у. был известен также и «передний угол» (с. Волково-Егорье); то же и в Сычевском у. В деревнях Снопоть и Егорье — «святой угол».

Не является Смоленщина однородной и в отношении типа постройки бань.

Для нее характерно то, что план бань в ней общий с белорусской избой, что указывает на белорусскую основу населения — план бань вообще отличается наибольшей архаичностью, хотя в ряде местностей он перекрещивается с севернорусским планом. Так, на севере Смоленщины, в б. Сычевском у., план бань общий с белорусской избой, но есть здесь и среднерусский план; в Ельнинском у. (в д. Ханино и с. Волково-Егорье) план бань также белорусский; к западу от р. Присмари, в Ельнинском у. план бань белорусский.

Более характерной после жилища является терминология для построек, связанных с культурой зерновых хлебов.

В Смоленщине известны следующие названия: «ёвня», «гумно» и «овин». Первое употребительно в б. уездах. Сычевском, Ельнинском (например, с. Жарное) и Рославльском (например, Троянова Слобода, Рогнедино и др.). Название это известно только белорусам — ни севернорусское, ни южнорусское население не знает его. Последние два термина — «гумно» и «овин» характерны для южно- и севернорусского говоров и лишь частично для белорусов — отмечается оно в том же Ельнинском у. (например, в с. Ведерниках).

Подводя итоги сказанному здесь о жилище и других постройках, приходим к выводу, что наличие белорусского плана в старых постройках, сохранение его в таких сооружениях, как бани, более устойчивых по своим формам и менее подвергающихся, по сравнению с избой, влиянию новых форм, распространение названия «ёвня» для построек, связанных с культурой зерновых хлебов, — все это говорит за то, что основным населением данной территории следует признать племя, потомки которого входят в состав белорусской народности.

Перейдем к рассмотрению старинной одежды крестьянского населения Смоленщины, в настоящее время уже почти вышедшей из употребления.

На территории Смоленщины, например в Ельнинском у., широко была распространена женская одежда, очень близкая к сарафану, состоящая из юбки и лифа, известная под названием «саян».

Как полагают этнографы[3], саян произошел из «андарака» и «шнуровки»; последние же, т. е. андарак и шнуровка, представляют костюм, свойственный белорусам в более раннее время. Весьма характерно, что в Демидовском р-не лиф, пришитый к юбке, носит название «шнуровка», хотя и застегивается на пуговицы. Замена андарака и шнуровки саяном, по наблюдению Н. И. Лебедевой[4] произошло на памяти живущего поколения (в селах Ханине, Березове и др.) — лет 50 назад.

Наряду с андараком, в Смоленщине имелась также и панёва. Граница между андараком и панёвой проводится[5] по Угре. За Угрой (например, б. Мрахоткинская и Пригородная волости Ельнинского у.) носили андараки, на верховьях Угры (села Уварово, Бабичи, Лапники, Котово б. Ельнинского у.) основным платьем являлась панёва, а андараки носили женщины, взятые замуж из-за Угры. Далее граница идет по р. Соложе (причем в селах, расположенных по ней, носили андараки), переходит на р. Присмару (в селах, расположенных на ней, и по р. Десне носили панёвы). После впадения Присмары в Десну панёва переходит на правый берег последней. Весь край за Угрой местное население называет «Полятчиной» и «Польщиной» — политической границей между Московским государством и Литвой с 1408 по 1503 г. была р. Угра, и в памяти народной свыше 400 лет

[3] См.: Н. И. Лебедева. Указ. соч., стр. 52.
[4] См. там же.
[5] См. там же.

хранится название, несмотря на то, что в настоящее время нет конкретных данных для него.

Границу костюма с чертами, общими для всего южнорусского населения (рубаха с косыми поликами, панёва из трех полотнищ на «гашнике», туникообразный передник «запон», стеганая холщевая кичка с бисерным подзатыльником, бисерные шейные украшения, пушки́ для ушей, мужские пояса с бисерными привесками, рубаха косоворотка [6] и проч.), составляют: верховье Угры, р. Присмара, деревни Дубровка и Грабовка и б. Жирятинская вол.[7] К западу от этой границы находится костюм с чертами, общими современным белорусам: саян, белые зипуны, белые валяные шапки, лубяные девичьи головные уборы, лубки и сетки женских головных уборов, хотя они не представлены исключительно.

Наряду с белорусскими чертами в костюме, как и в жилище, встречаются и элементы южно-, северно- и среднерусские. Например, нагрудник разных типов встречается в Сычевском, Бельском, Духовщинском и Ельнинском уездах[8]. И те и другие костюмы, белорусские и южновеликорусские, издавна уступили место влияниям, идущим из города.

Рассмотренные здесь факты материальной культуры представляют наличие белорусских элементов часто рядом с северно-, средне- и южновеликорусскими в одной и той же местности. Такое же пестрое сочетание белорусских и русских черт, как мы видели, имеют и рассмотренные говоры Смоленщины, т. е. распространение фактов материальной культуры подтверждает здесь вышеизложенные лингвистические выводы о происхождении местных говоров.

Подтверждение лингвистических выводов фактами материальной культуры решает вопрос об основе рассматриваемых говоров. Эти факты решают его в пользу белорусских говоров, позднее, в силу указанных выше причин, развившихся в смешанные говоры, представляющие смешение белорусских и русских черт с явным преобладанием последних. Огромная роль, начиная с XVI в., принадлежит здесь переселениям в Смоленщину из русских областей. Без этих переселений немыслимы были в свое время на территории Смоленщины постройки южно-, средне- и северновеликорусского типа при старом белорусском слое.

---

[6] См. Н. И. Лебедева. Указ. соч., стр. 134.
[7] См. там же, стр. 135.
[8] См. там же, стр. 53—59.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

ПРИЧИНЫ СМЕШАННОГО ХАРАКТЕРА ГОВОРОВ СМОЛЕНЩИНЫ

1. ГЛАВНЕЙШИЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ СМОЛЕНЩИНЫ В ИХ ВЛИЯНИИ НА СМЕШАННЫЙ ХАРАКТЕР ГОВОРОВ

«...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[1].

Если в эпоху феодализма, до возвышения Москвы, говоры Смоленского княжества в своих изменениях тяготели к говору г. Смоленска, язык которого был литературным языком Смоленского княжества, то с образованием крупного феодального государства с центром в Москве они должны были тяготеть к нему, к этому новому центру, идти по пути изжития черт, чуждых московскому говору.

Но в истории Смоленщины были целые эпохи, когда Смоленская земля на протяжении свыше полутораста лет (1395—1514 и 1611—1654 гг.), с перерывом почти в сто лет (1514—1611), находилась под властью сначала Литовского, а затем Литовско-Польского государства с его стремлением полонизовать Смоленский край.

Располагаем данными по этому вопросу от XVII в., относящимися главным образом к Смоленску и тесно связанным с ним селам.

Едва овладев Смоленском, Сигизмунд III в 1611 г. дает городу Смоленску Магдебургское право.

Одним из условий проведения в жизнь этого права было требование, чтобы все дела в продолжение 10 лет велись на польском языке, после же 10 лет — на латинском, а не на другом языке[2]. Это требование наносило серьезный удар местному литературному языку, устраняя его из делопроизводства и заменяя его чуждым языком. Неизвестно, как распространился в силу королевской грамоты латинский язык, но польский вошел в делопроизводство.

В сохранившихся от XVII в. судебных актах г. Смоленска[3] находим в языке смолян значительное количество полонизмов, напри-

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1953, стр. 22

[2] См.: «Историко-статистическое описание Смоленщины». СПб, 1864, стр. 29.

[3] См.: «Собрание государственных и частных актов, касающихся Литвы и соединенных с ней владений от 1387 г. по 1710 г.» Изд. Виленской археол. комиссии, 1858.

мер: *обецуючысе* (ср. obiecać, obiecywać), *зезнавам* (ср. zeznawać), *квитом* (ср. kwit,-u), *згодне* (ср. zgodnie), *иж* (ср. iż), *доброволъне* (ср. dobrowolnie), *слышеня* (ср. słyszenie,-nia) л. 47; *трунком* (ср. trunek,-nku), *але* (ср. ale), *бавечьсе* (ср. bawić się), *выслуханю* (ср. wysłuchanie,-nia), *набоженство* (ср. nabożeństwo,-a), *попсовали* (ср. popsować), *протестацию* (ср. protestacja,-ji) л. 46; *сукня* (ср. suknia,-ni) л. 41; *перъшой* (ср. pierwszy), *мши* (ср. msza,-y), *опилым* (ср. opiły), *кгды* (ср. gdy), *вшетечными* (wszeteczny), *лжыл* (ср. lżyć), *обелькгу* (ср. obelga,-i), *зневагу* (ср. zniewaga,-i), *шарпал* (ср. szarpać), л. 71; *корупцие* (ср. korupcja-ji), *чинш* (ср. czynz,-u) л. 141 и т. д. и т. д.

Смешение русского языка с польским представляет и дошедшая до нас в рукописи XVII в. написанная, по-видимому, в Смоленске «Песня о взятии Смоленска»[4].

Богатый материал для суждения о польско-смоленских отношениях в первую половину XVII в. дают погодные записи смоленских иезуитов 1611—1652 гг. «Residentiae Smolenscensis Iesu in provintia Lithuaniae ab anno Domini, quo coepit historica descriptio 1610»[5]. Здесь, например, под 1619—1621 гг. читаем: «Прочая знать, как, например, Московиты или схизматики русские (ибо среди них живем), столь искренно к нам расположены, что даже не отказываются отдавать в наши школы своих сыновей, и некоторые из них стали католиками, не без воли своих родителей»[6]; или: «Даже сами Московитяне (как, например, один из знатнейших это сделал) вовсе не боятся посылать к нам в науку своих детей. Для побуждения этих и привлечения других в этом году были даны частные и публичные драматические представления»[7] и т. д.

В этом же документе находим указания и на тесную связь ряда селений с г. Смоленском. Так, около 1621 г, на содержание бедных студентов, так называемых бурсаков (учеников иезуитского коллегиума), королем было назначено 60 деревень; еще раньше, в 1619 г., король при посредстве смоленского воеводы А. Корвин-Гонсевского подарил коллегиуму вотчины и фундуши[8]; в 1630 г. тот же воевода присоединил к «жалованным» королем землям свое с. Пнево с приписанными к нему 70 дворами и сделал некоторые другие пожертвования[9]; в 1639 г. для окончательной отделки коллегиума король Владислав IV «пожаловал» несколько земельных владений в Смоленском и Дорогобужском уездах[10]; в 1652 г. д. Шитово, в 20 милях от Смоленска, был вырыт садок для рыбы, откуда рыба доставлялась в коллегиум по реке[11], и т. д.

Жители этих селений могли непосредственно попадать в сферу польского влияния, и в говоре их возможны были полонизмы, прежде всего лексического характера (грамматический строй был более устойчивым), вроде тех, какие встречаются в деловом языке Смоленска этой эпохи. В народных песнях из Смоленщины, записанных В. Н. Добровольским в 90-х годах XIX столетия, встречаем такие полонизмы, как: *злото*, *маёнтык*, *костёл*, *мосьпане* и ряд других (см. выше, «Замечания о словарном составе говоров»).

---

[4] См.: «Собрание рукописей СПб Публичной библиотеки». Сб. Погодина № 1593, л. 46.

[5] Во время занятий в 1931 г. в рукописных хранилищах Смоленска мне, к сожалению, не удалось использовать подлинник — его не было на месте и разыскать его не удалось; пользуюсь здесь русским переводом («Смоленская старина», вып. III, ч. II, 1916).

[6] «Смоленская старина», вып. III, ч. II, 1916, стр. 30.

[7] См. там же.

[8] См. там же, стр. 28—29.

[9] См. там же, стр. 29.

[10] См. там же, стр. 36.

[11] См. там же, стр. 38.

Полонизации Смоленского края могла способствовать и польская шляхта, поселившаяся в нем в эпоху польского владычества. См. «Список панов — обывателей воеводства Смоленского, находящихся в осаде в Смоленске от царя Алексея Михайловича и войск его..., составленный... в 1654 г., месяца июня 9 дня».[12] Еще в 1751 г., когда прошло почти 100 лет, как край отошел к Москве, смоленская шляхта составляла из своей среды шляхетский полк, руководимый особым уставом.

Из распоряжений русского правительства после присоединения Смоленщины видно, что оно вело борьбу с остатками польского влияния. Имею здесь в виду указ русского правительства конца XVII в., дающий огромные преимущества вдовам смоленских шляхтичей, убитых в сражении, если они выйдут вторым браком за русских служилых людей; или указ в начале XVIII в., запрещавший употребление слова *маетность* для обозначения земель, «пожалованных» смоленской шляхте польскими королями, и заменявший его во всех бумагах и актах русским словом *вотчина*; или, например, обширный указ 1728 г. смоленскому губернатору и епископу — указ, имевший в виду планомерную борьбу с различными сторонами польского культурного влияния.

Эти мероприятия русского правительства имели успех. С уничтожением в 1756 г. Смоленского шляхетского полка и с переводом богатых шляхтичей в смоленское дворянство, а обедневших вместе с рейтерами, пушкарями и прочими служилыми людьми в состав смоленских однодворцев, исчезло и последнее напоминание о временах польского владычества. О переводе обедневшей шляхты в однодворцы говорит ряд документов на однодворческие земли, причем в числе однодворческих фамилий встречаются такие литовско-польские фамилии, как Лисовские, Смультовские, Прозвицкие, Зарембы, Сапеги и т. д.. В среде потомков богатых и бедных польских шляхтичей в настоящее время не сохранилось никаких следов их польского происхождения, кроме их литовско-польских фамилий. В связи с этим исчезли и те полонизмы, которые были в языке Смоленского воеводства начала второй половины XVIII в. Словом, польское влияние на язык Смоленщины поддерживалось в эпоху польского владычества главным образом административными мерами и при устранении этих последних оно бесследно исчезло.

Незначительно было влияние на говоры Смоленщины и языков тех стран, с которыми Смоленск, в силу своего географического положения на великом водном пути «из Варяг в Греки», вел обширную торговлю. Ряд договоров, заключенных смоленскими князьями с Ригой и Готским берегом, начиная с Договора 1229 г., говорит об экономических связях Смоленска с соседями. Кроме того, через Смоленск проходил торговый путь из Прибалтики, Польши и Приднепровья; через него же проходило и самое короткое сообщение с Западной Европой[13]. Но как бы то ни было, число заимствований, надо думать, было невелико, ограничивалось словарным составом и не могло оказать влияния на грамматический строй смоленских говоров. Просуществовав известный период времени, эти заимствования вместе с изменением социально-экономических условий жизни вышли из живого употребления.

Более обширный источник влияния на язык представляли торговые связи Смоленска с русскими областями по рекам с севером, югом и

---

[12] См: «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», изд. при Упр. Виленского уч. окр., т. XIV. Вильна, 1904.

[13] См.: «История СССР», т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, члена-корр. АН СССР С. В. Бахрушина. М., 1939, стр. 336.

юго-востоком, открывавшие широкие возможности для влияния на социально-экономическую сторону жизни Смоленщины, а следовательно, и на ее язык. Оживленную торговлю в XV в. вел Смоленск с Москвой[14]. Источники XVI в. говорят об особой группе в Московском государстве крупных купцов-смолян. Кто бы ни были эти смоляне — жители Смоленска или московские торговые люди, называемые «смолянами» вследствие их постоянных торговых связей со Смоленском, — все равно это говорит о значительных размерах связей между Москвой и Смоленском[15]. На то же указывает и размер пошлин, которые платили смоляне, и тот факт, что в XVI в., при царе Федоре, Смоленск занимал четвертое место в Московском государстве по количеству получаемых пошлин и второе место после Москвы[16].

О торговле Смоленска с внутренними областями Руси говорит еще летопись под 1216 г.[17]

Все это создавало условия, благоприятные для влияний на говоры, идущих из культурных центров тех областей, с которыми Смоленск находился в торговых связях.

Несомненное влияние на язык имели и переселения в Смоленщину московских людей. Еще в 1514 г. московский князь Василий III, овладев Смоленском, для большей безопасности переселил в замосковные города смолян, «подверженных сомнению», а на их место перевел москвичей[18]. Были ли в это время другие какие-либо переселения из Москвы и как они были велики, мы не располагаем данными. Более обширные сведения о переселении из Московского государства в Смоленщину относятся к XVII в., когда Смоленск вторично был присоединен к Москве. В Смоленске, например у Авраамиева монастыря, по обе стороны Зеленого ручья образовались стрелецкие слободы, где было поселено 1000 стрельцов[19]; также в 1667 г. были переведены в Смоленск стрельцы Сухаревского полка и полка Кирилы Полуектовича Нарышкина. Смоленск переполнился стрельцами так, что возникли новые стрелецкие слободы — солдатская и офицерская.

Ко второй половине XVII в. (1659 г.) относится и указ московского правительства, предписывавший разместить в Смоленске и других завоеванных у Польши городах способных к службе детей боярских из замосковных городов. Вследствие этого указа было переселено в Смоленск 350 детей боярских, которым велено быть в рейтарах «на вечном жительстве». Для постройки их домов были отведены в городе пустопорожние места, а для дальнейшего обеспечения их было пожаловано им в Смоленском у. по 10 крестьянских и бобыльских дворов и назначено жалованье по 10 рублей в год тем из них, за которыми, кроме этих, других поместий не было. Были, возможно, и другие аналогичные случаи — пустопорожних мест в Смоленщине в XVII в. было достаточно.

Указания на них дают рукописи писцовых книг. б. Смоленской губ. Так, например, из рукописи «Переписная книга Смоленского уезда казацким и пушкарским землям» второй половины XVII в.[20] видно,

---

[14] См. «История СССР», т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, члена-корр. АН СССР С. В. Бахрушина М., 1939, стр. 267.

[15] См. там же, стр. 384.

[16] См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн., 2, т. 7. М., 1876, стр. 634.

[17] См.: Там же т. 3, стр. 713.

[18] См.: Н. А. Мурзакевич. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804. Смоленск, 1804, стр. 180.

[19] См.: И. И. Орловский. Смоленская стена 1602—1902 г. «Памятная книжка Смоленской губ. за 1903 г.»

[20] Хранилось в 1929 г. в Москве. в «Древнехранилище» (б. Архив министерства юстиции).

что значительная часть казацких и пушкарских земель лежала «в пусте». Почти на каждом листе этой рукописи находим указания вроде следующих: «Пустош Запашная на Суходоле, а на ней пред сего жил казак Миколайко Шатров, а ныне лежит в пусте» (л. 19 об.); «пустош Медведники на Суходоле... а ныне лежит в пусте» (л. 19 об.); «пустош Шевелево, а на ней пред сего жил козак[21] Афонька Шевелев, а ныне лежит в пусте» (л. 20.); «пустош Драгозина, а на ней пред сего жил козак Рагоза, а ныне лежит в пусте» (л. 20); «пустош Ляповичева на той же речке Трестянке... а ныне лежит в пусте» (л. 20); «пустош Залеская на Суходоле... а ныне лежит в пусте» (л. 20); «пустош Сиваева на той же речке Трестянке... лежит в пусте» (л. 20); «пустош Бордовская на той же речке, а на ней пред сего жил казак Гаврилка, а ныне лежит в пусте» (л. 19 об.); «пустош Шестакова на той же речке Трестянке... лежит в пусте» (л. 21); «пустош Масалова на той же речке Трястянке... лежит в пусте» (л. 21) и т. д.

Реже встречаются такие записи, как: «деревня Голенищево на той же речке Трестянке, а на ней пред сего жили казаки Алешка да Агафонька Голенищи, а ныне живет грунтовой казак Савка Родтовский» (л. 21); «пустош Букарево, а на ней пред сего жили козаки Ермошка, да Кандрашка, да Ондрюшка бокари... а ныне теми пустошами владеет Смоленский шляхтичь Иван Бойнецкой» (л. 21) и т. д.

Большинство казаков, и в частности шляхтичей, владеют землей без документов на право пользования ею, о чем говорят следующие записи: «Деревня Лихачево на р. Мошне, живет грунтовой казак Пашка Алейка, а пред сего жил казак Самошка Лихачев..., а почему он той деревнею владеет, того не ведомо, потому что сказких крепостей не подал» (л. 25 об.); или: «В той же деревне Старой Горке живет грунтовой козак Ермолка Енкеев, а почему он в той деревне живет и волоками владеет сказки крепостей не подал» (л. 31 об. — 32) и т. д.

Только сравнительно редко встречаются указания на то, что той или другой пустошью, деревней или починком владеет то или другое лицо на основании документальных данных, например: «Починок, что была пустош Ракова Спижарная на той же речке Мошне... пред сего жил казак Жданов, и ныне починком владеет Смоленский подъячий Федор Злобин и построил на нем двор свой, а в нем живут деловые его люди Богдашко Бондырь...» (л. 32), причем приводятся основания владения его этой пустошью: «приговор окольничьего и воеводы князя Петра Алексеевича Долгорукова с товарищи» (л. 32 об.); или тут же читаем, что «пустоши Липки и Кобызеево тот же подъячей купил у живших до него казаков». То же находим и на л. 30, 30 об., 31 и т. д. Встречаются иногда указания и на то, что пустошь или деревня дана шляхтичем или его вдовой в приданое за дочерью (например, л. 28 и др.) или — что то или другое лицо владеет пустошью на правах наследства, например: «Пустош Вербицково на реке Мошне, пред сего жил казак Вербитцкой, а ныне селищем владеет сын ево» (л. 28 об.) и т. д.

Но если писцовые книги говорят о пустопорожних землях и в 1659 г. переселившимся в Смоленск детям боярским давалось по 10 крестьянских и бобыльских дворов, то уже в 1667 г., как узнаем з дел Смоленского приказа, издается указ, предписывающий переисать все пожалованные смоленским рейтарам дачи, и если у кого кажется более пяти дворов, то излишек взять у них и отдать еспоместным рейтарам. Таким образом из пожалованных в 1659 г. дворов за владельцами осталось по 5.

[21] Орфография источника.

Чем были вызваны эти мероприятия? Надо обратить внимание на то обстоятельство, что русские служилые люди в XVII в. легко приобретали себе земли в Смоленском крае и московское правительство весьма щедро раздавало их [22]. В поместья раздавались прежде всего земли шляхты, оставшейся верной королю; кроме того, челобитчик обыкновенно сам приискивал себе чье-нибудь свободное имение, которое за ним и утверждалось. С другой стороны, за шляхтой, перешедшей к Москве, сохранились все ее земельные владения. В результате всего этого уже к 70-м годам XVII в. Смоленский край густо был населен русскими переселенцами [23] и чувствовался недостаток свободных земель для дальнейшего «испомещения недорослей». По крайней мере, уже в 1675 г. московское правительство предписывало «испомещать» в Смоленщине детей только тех шляхтичей, которые сидели в Смоленске во время осады и по сдаче его не отъезжали в Литовскую сторону, а детям тех, которые туда отъехали и выехали уже по сдаче Смоленска, объявить, что в Смоленском у. их испомещать «не из чего», а предложить им, если они пожелают иметь поместья, получить их в Казани (в Казанской обл.).

Часть смоленской шляхты вскоре после завоевания Смоленска была переселена московским правительством в Казанскую область и таким образом оказалась в XVIII в. в Уфимском у. б. Оренбургской губ.[24] Регулируя смоленское землевладение, московское правительство идет дальше. Через семь лет после этого указа, т. е. в 1682 г., издан был закон, предоставляющий право на получение поместий в Смоленском, Дорогобужском, Бельском и Рославльском уездах только лицам, принадлежащим к составу смоленского шляхетства и рейтарам Смоленского рейтарского полка; «московских же чинов людям» воспрещалось как обращаться с челобитьями о пожаловании им поместий или вотчин, так и самим приобретать там владения [25].

В «Делах сената» середины XVIII в. находим указание, что спустя 66 лет, т. е. в 1748 г., сенат распорядился исключить из смоленского дворянства тех «из великороссийского народа», которые «о бытии в том шляхетстве никаких грамот и привилегий не имеют» [26].

Недостаток свободных земель в Смоленском крае ощущается остро уже в конце XVIII в. В 1785 г. в силу этого недостатка было признано правительством необходимым переселить из Смоленской губ. на Кавказ до 2507 душ крестьян [27]. Постановление это, однако, не было осуществлено до 1803 г.: взамен переселения на Кавказ думали найти этим переселенцам свободные земли где-нибудь в той же Смоленской губ., но так как таких земель там не оказалось, то в 1805 г. уже 3002 души казенных крестьян получили разрешение переселиться главным образом в Новороссийский край [28]. Переселение туда же имело место и в последующие годы: в 1808 г. было переселено 92 души удельных крестьян [29]; в 1810 г. — 106 семейств (532 мужчин и 277 женщин экономических крестьян, всего 602 чел.) и т. д. Продолжались эти переселения и значительно позднее — в конце XIX и начале XX в.: за 15 лет, с 1896 по 1910 г., из Смоленской губ. было переселено свыше 10 000 чел.

---

[22] М. М. Богословский. Смоленское шляхетство в XVIII веке. — ЖМНП, 1899.

[23] См. там же, стр. 41.

[24] См. там же, стр. 36.

[25] См. там же.

[26] См. там же, стр. 41.

[27] См.: В. А. Бочкарев. Материалы для истории Смоленского края за первую половину XIX в. «Смоленская старина», вып. 3, часть II. Смоленск, 1916, стр. 96.

[28] См. там же.

[29] См. там же, стр. 105.

В 40-х годах XIX в. были переселены из Смоленской губ. на казенные земли и беднейшие дворянские семьи: в 1844 г. было переселено 109 таких семейств в Тобольскую губ.[30]

Таким образом безземелье в Смоленщине — черта, характерная для края. Оно, как мы видели, отмечается уже вскоре после присоединения Смоленска к Москве и особенно болезненно чувствуется к концу XVIII и началу XIX в.: обширные пустоши были заселены к концу 70-х годов XVII в., о чем, как мы видели, говорит правительственный указ 1675 г.

Наряду с правительственным заселением пустошей, имели место и переселения, производимые частными лицами. Многие из помещиков этой части Смоленщины были и владельцами имений в тогдашней Великороссии, и переброска крепостных и дворовых «людей» была самым обычным явлением в то время.

Так, по сообщению 87-летнего крестьянина из с. Надвы Ф. Н. Палашенкова, бывшего крепостного помещика Вонлярлярского, у помещика где-то в «Расеи» (где — рассказчик не помнит) было большое имение Рязаново, и оттуда много народу переходило в с. «Малярово», т. е. Вонлярово, имение помещика Вонлярлярского, в 26—27 км от Смоленска по Витебскому шоссе. Отец его, Н. Ф. Палашенков, когда ему было 16 лет, был переселен помещиком из Вяземского у. в с. Надву Катынской вол. б. Смоленского у. Здесь в начале 40-х годов XIX в. он «пристаў у примни» во двор Якова Палашенкова, женившись на его дочери Ганне. «Примень» принял и фамилию своей жены «Палашенка», от имени «Палаха» — Палаша.

Семья Палашенкова, переселенная в Смоленский у., далеко не единичное явление. Тем же Ф. Н. Палашенковым дан ряд сведений и о других переселенцах в Смоленщину. Такими переселенцами были: 1) содержатель в годы пред крестьянской реформой 1861 г. помещичьего трактира на Витебском шоссе Левон Симонович. Прежде он был крепостным какого-то князя, затем откупился, стал вольным и жил в Надве; 2) проживавший возле д. Пупово (около 2 км от с. Надвы) некто «Бобыль». Раньше «Бобыль» был крепостным какого-то князя «у Расеи», потом откупился и, купив землю у мелкопоместного «пана» Сенявского, стал вольным хлеборобом. Два сына его занимались извозом; 3) между деревнями Андроново и Среднее (в 5 км от Надвы) также проживал «вольный из Расеи» (фамилия забыта рассказчиком); 4) в д. Филиппова Слобода Катынской вол. б. Смоленского у. (возле ст. Лелеквинской Орловско-Витебской ж. д., в 5 км от Надвы) в крепостное время было переброшено из б. Тверской губ. две крестьянских семьи. Из этих семей взяты в замужество девушки в деревни Заталки (около 6 км от с. Надвы), Четовку (около 6 км. от с. Надвы), Польщево (около 2 км. от с. Надвы). Теперь это уже старухи лет по 70-ти, но, по словам рассказчика Ф. Н. Палашенкова, разговор их «саўсем другей, чимся наш»; 5) в том же с. Надве в течение десятков лет проживал в одном доме (у Павла Мерзлякова) в качестве работника «утикач», т. е. беспаспортный беглец, из «Расеи».

Аналогичные рассказы приходилось слышать и от ряда других лиц.

Каково влияние этих переселенцев на говор Смоленщины? Несомненно большое. Наблюдения над говорами Смоленщины показывают, что у местного населения имеется сильная тяга к московскому говору. Стремление подражать говору Москвы можно было наблюдать почти всюду. По словам заведующей школой в с. Берёзове, близ ст. Павлиново, еще в дореволюционное время местными крестьянами предъяв-

---

[30] См. там же, стр. 158.

лялось к учителю требование, чтобы он следил за речью учеников и прививал бы им московское произношение.

При положительном отношении местного населения к московскому произношению русских переселенцев, говор последних, без сомнения, влиял на местные говоры. Сопоставление отдельных говоров Смоленщины показывает, что это влияние распространялось прежде всего на места непосредственного жительства переселенцев. Например, в б. Смоленском у., где особенно значительны были русские поселения, почти нет белорусизмов, тогда как в соседнем Краснинском у., где землевладельцами были преимущественно потомки прежних шляхтичей, получивших поместья от польских королей в эпоху подчинения Смоленщины Польше, белорусизмы встречаются в значительном количестве. В большинстве своем эти помещики не имели земельных владений в Московском государстве, а поэтому здесь не было таких переселений из русских губерний, как это имело место в б. Смоленском у.

Наконец отмечу еще одно обстоятельство. В селах и деревнях при больших дорогах («большак», «шлях») по которым в старое время тянулись обозы из центра, говор ближе к русскому, чем говор деревень, удаленных от «большаков» и шоссе. Прокладка шоссейных дорог, происходившая правда, в более позднее время — во второй половине XIX в., производилась главным образом калужанами, и это также не проходило бесследно для местного говора.

Наблюдения над говорами, сопоставление диалектных записей 40—50-х годов XIX в. с записями начала 30-годов XX в. показывает, что изменения в говорах совершаются и в настоящее время, независимо от того, что больше мы не имеем ни массовых переселений сюда, ни массовых отходов на заработки.

Экономическое состояние смоленской деревни в предреволюционную эпоху, с одной стороны, и новые условия жизни деревни после Великой Октябрьской социалистической революции, с другой, являются причинами, обусловившими дальнейшее изменение говоров в указанном направлении — они создали благоприятные условия для усиления русского влияния на говоры.

II. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СМОЛЕНСКОЙ ДЕРЕВНИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ИЗМЕНЕНИЯ ГОВОРОВ В СМОЛЕНЩИНЕ

Русская деревня в экономическом отношении уже давно не представляла чего-то целого, однородного. Еще во второй половине XIX в. А. И. Васильчиков отметил образование в России «сельского пролетариата» и «распадение крестьянского сословия»[31]. Отмечалось это явление также и другими экономистами, но трактовалось оно в большинстве случаев как простое возникновение имущественных неравенств, как простая дифференциация[32]. Лишь в самом конце XIX в. (1899 г.) выходит капитальный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», в котором дается новое понимание этого вопроса, основанное на глубоком и всестороннем анализе фактов. В. И. Ленин утверждает, что «одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вы-

---

[31] А. И. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и в других Европейских государствах, т. I, гл. IX. СПб., 1876.

[32] См.: В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. III, изд. 4, 1951, стр. 142.

тесняемое совершенно новыми типами сельского населения... Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат...»[33].

Сельская буржуазия и пролетариат — две противоположные по своим экономическим интересам группы. «Промежуточным звеном... является *среднее крестьянство*... оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы, и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата», и «лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях» земледельческий труд «покрывает содержание такого крестьянства».[34]

Так определяется в труде В. И. Ленина экономическое положение деревни к началу XX в.

Разложению крестьянства способствует и увеличение в пореформенную эпоху числа фабрик[35]. Фабрики существовали и в эпоху крепостного права с применением в них крепостного труда[36], но в эпоху капитализма рост их быстро увеличивается.

Сообразно с этим число фабрично-заводских рабочих во всей Европейской России с 1865 по 1890 г. увеличилось на 65%[37]. Одновременно с этим прокладываются тысячеверстные магистрали железнодорожных путей. Они облегчают передвижение рабочей силы и приближают деревню к городу — факт, не остающийся без влияния на судьбу говоров.

Как приходилось наблюдать, по замечанию самих крестьян из Смоленщины — из с. Петрополья, близ ст. Стодолище, из хутора Никольского и др., побывавшие на «заработках» в других губерниях или в больших городах стараются говорить «чище», «натаскивают», как они говорят, свой язык или «наворачивают» на «правильный» разговор. При непосредственном знакомстве с говорами на местах почти в любой деревне, особенно у молодежи, приходилось отмечать различия в говоре, обусловленные этими причинами, т. е. желанием говорить «чище».

Отход крестьян, преимущественно сельского пролетариата, на «заработки» начался в Смоленщине давно — еще при крепостном праве. В упомянутых выше материалах для истории Смоленского края за первую половину XIX в. В. А. Бочкарева находим, что в 1833 г. был плохой урожай в Смоленской губ., и «разного звания люди удалились на заработки»[38]. То же имело место и в 1846 г.[39].

Однако такие неурожаи, как в 1833 и 1846 гг., приводившие население к отходу на заработки, не могли обусловить постоянный отход пролетариата. Здесь были и другие причины. Техника земледелия в крае в первой половине XIX в. была крайне низкой — бороньба, например, производилась большей частью легкими деревянными боронами, сделанными самими крестьянами. Действие этих борон, удобное для самых легких почв, неблагоприятно отражалось на урожайности в Смоленщине: высокий урожай давал всего сам-четыре, спускаясь до сам-три. Это средние числа, но часто они спускались еще ниже. (См. книгу «Почвы Смоленской губ.»). Если к этому

[33] Там же, стр. 142.
[34] Там же, стр. 148.
[35] См. там же, стр. 423.
[36] См. там же, стр. 411.
[37] См. там же, стр. 434.
[38] Там же, стр. 140.
[39] См. там же, стр. 162.

присоединить еще недостаточность наделов, то неурожайность в Смоленщине — обычное явление, заставлявшее крестьянина (главным образом сельский пролетариат и отчасти середняка) искать выхода из положения в отходе на заработки.

Наряду с этим надо отметить что причитавшиеся на долю сельского пролетариата платежи и повинности ложились на него тяжелым бременем. Добыть сумму, необходимую для уплаты всех повинностей, работая только на земле, т. е. занимаясь только земледелием, сельский пролетариат не мог — он вынужден был продавать свою рабочую силу — обращаться к заработкам на стороне. Словом, жизнь со всеми ее сложными процессами создавала для трудового крестьянства Смоленщины условия, выход из которых был только в отхожих промыслах.

Как же распределялся отход по отдельным уездам рассматриваемой части Смоленщины? На какие объекты производства и куда он направлялся, какова связь между отхожим промыслом и отмеченным изменением говоров?

Указание на отхожие промыслы в б. Смоленской губ. можно встретить почти в любом географическом описании губернии. Имеются они, например, во многотомном издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (под ред. В. П. Семенова. СПб., 1905).

«В Смоленской губернии, — читаем здесь, — отхожими промыслами занимается значительная часть населения. В этом отношении Смоленская губ. значительно превосходит Витебскую, Минскую и Могилевскую» (т. IX, стр. 308). Но эти сведения об отхожих промыслах здесь слишком общи, и их трудно поставить в связь с теми изменениями в говорах, какие характеризуют их. Неизмеримо больше дает специальная работа Д. Н. Жбанкова, посвященная этому вопросу[40]. Работа весьма обстоятельная. Касается она не только числа лиц, уходивших на заработки, но и продолжительности их отхода, места, куда направляются в отход, их занятия там и проч. Источник работы Д. Н. Жбанкова — паспортные книги, которые велись в волостных управлениях. В эти книги записывались поименно все, уходившие на сторону. Далее, здесь даются указания, что уходят на сторону не только мужчины, но и женщины, причем мужской отход значительно (раз в пять) преобладает над женским, но женский отход продолжительнее мужского.

Сравнение отхода за ряд лет, начиная с 1875 г., приводит Д. Н. Жбанкова к выводу, что «отход в Смоленской губ. постепенно и значительно возрастает»[41], но распространен он по всей интересующей нас части Смоленщины далеко не равномерно. На первом месте по отходу мужского населения стоял б. Ельнинский у. — 22%, а на последнем б. Поречский у. (позднее Демидовский) — 2,9%. Остальные уезды Смоленщины шли в следующем порядке после Ельнинского у.: Дорогобужский —13,9%, Бельский — 10,9%, Рославльский — 10,8%, Смоленский — 6,6%, Краснинский — 6,6%, Духовщинский — 6,2%.

Картина женского отхода сходна с мужским в том отношении, что наиболее низкий процент дает также б. Поречский у., а остальные

Примечание. Уезды Вяземский и Сычевский только в западных своих частях представляют для нас интерес, но отделить процент уходивших на заработки из этих частей не представляется возможным. Процент отхода в этих уездах, а также и в прочих уездах б. Смоленской губ. выражается в следующих цифрах: Гжатский у. — 43,9, Юхновский — 37,6, Сычевский — 23 и Вяземский — 19,2%.

[40] См.: Д. Н. Жбанков. Отхожие промыслы в Смоленской губ. в 1892—1895 гг. Смоленск, 1896.

[41] Там же, стр. 13.

уезды идут несколько в ином порядке: б. Дорогобужский у. — 2,5%, Ельнинский — 2%, Смоленский — 2%, Бельский — 1,93%, Духовщинский — 1,4%, Краснинский — 1,26% и Рославльский — 0,59%.

Процент уходивших на заработки во всех этих случаях взят средний для каждого уезда. В действительности же в отдельных волостях как женский, так и мужской отход несравненно выше среднего. Именно, в Бельском у. из 32 волостей в 15 мужской отход выше среднего — максимальный отход 29,3, а минимальный 1,5%[42], в Дорогобужском у. из 15 волостей в пяти отход выше среднего — максимальный отход 24,4, а минимальный 5,5%; в Духовщинском у. из 14 волостей в шести отход выше среднего — максимальный 15,1, а минимальный 1,5%; в Ельнинском у. из 17 волостей в восьми отход выше среднего — максимальный 54,6%, т. е. более половины населения, а минимальный 7,6%; в Краснинском у. из 14 волостей в трех отход выше среднего — максимальный 19,4, а минимальный 1,3%; в Поречском у. из 14 волостей в четырех отход выше среднего — максимальный 5, а минимальный 0,54%; в Рославльском у. из 27 волостей в 11 отход выше среднего — максимальный 21,6, а минимальный 2,7%; в Смоленском у. из 11 волостей в шести отход выше среднего — максимальный 14,7, а минимальный 2,2%; в Сычевском у. из 24 волостей в 13 отход выше среднего — максимальный 42,6%, т. е. более $^2/_5$ всего мужского населения, а минимальный 7,1%. Женский отход в отдельных волостях также значительно превышал средний отход, достигая местами 14,1%

Куда направлялись смоляне в отход и каковы их занятия? Пользуясь данными паспортных книжек, Д. Н. Жбанков дает подробное указание мест, куда двигалось население б. Смоленской губ. на заработки, и указывает их занятия.

Из б. Бельского у. отход направлялся в Ригу, Москву, Петербург и внутрь б. Смоленской губ., главным образом на сплав леса; из б. Дорогобужского у. — в Калугу, Москву, Петербург и внутрь губернии, главный отход был на плотницкие работы и сплав леса; из Духовщинского у. — главным образом в Ригу, Москву, Петербург, Ярцевскую фабрику, внутрь б. Смоленской губ. и отчасти в южные губернии; главный отход на сплав леса, работы на фабриках, плотницкие работы, работа в услужении (в «прислугах»); из б. Ельнинского у. — на брянские заводы в Орловской губ., Юзовский завод, каменноугольные копи б. Екатеринославской губ., в Калужскую губ. и отчасти в Москву и Петербург; из б. Краснинского у. большинство шло на сахарные заводы б. Киевской и Подольской губерний, а также на Юзовский завод б. Екатеринославской губ., в Москву и Петербург, и в ближайшие соседние губернии; из б. Поречского (Демидовского) у. — в Ригу, Москву, Петербург, внутрь Смоленской губ. и в ближайшие города и отчасти на Кубань; главный отход был на сплав леса, балок, плотов, а также на работы, при которых требуется только физическая сила и никакого учения или навыков («черный отход»), и на занятия торговлей и рыболовством на Кубани; из Рославльского у. — главным образом на юг — в б. Екатеринославскую, Киевскую и Подольскую губернии, на брянские заводы, в Москву и Петербург; главный отход направлялся на металлургические заводы, каменноугольные копи и на сахарные, железо- и рельсо-прокатные заводы; из б. Смоленского у. — преимущественно внутрь губернии и лишь меньшая часть уходила в Москву и Петербург, на южные заводы и в западные города, а также в б. Екатеринославскую и Киевскую губернии; преобладает здесь «черный отход».

---

[42] См.: Д. Н. Жбанков. Указ. соч., стр. 45—46.

Примечание. Частично к изучаемой территории Смоленщины принадлежат б. Вяземский и Сычевский уезды. Из Вяземского у. отход направлялся в Москву, Петербург и фабричные места б. Московской и Владимирской губерний, а также в уездные города и уезды б. Смоленской губ.; из Сычевского у. — главным образом в места, имеющие фабрики и заводы, в столицы, большинство в Москву, Петербург и в подмосковные фабричные местности: Богородск, Подольск, Орехово-Зуево, Покров, затем в Тулу, Кронштадт, Тверь — на плотницкие, малярные, полотерные, штукатурные и другие работы и в извоз.

Такова картина отходов за период с 1892 по 1895 г. По-видимому, до самой революции 1917 г. направление отхода и главные объекты работы оставались без значительных изменений: в 900-х годах, с 1900 до 1910 г. включительно, первое место по отходу принадлежит также б. Ельнинскому у., а последнее Демидовскому (б. Поречскому)[43].

Изменяется отход лишь количественно. Высказанная по этому поводу Д. Н. Жбанковым мысль о постепенном значительном увеличении отхода[44] находит подтверждение и в других статистических материалах.

Сравнивая материалы, относящиеся к более раннему и более позднему времени, с материалами Д. Н. Жбанкова, например с 1861 г. по 1910 г. включительно, приходится повторить то же самое, что говорит автор об увеличении отходов. Отход за все это время по всей губернии возрос с 587 000 до 1 981 000 чел., причем он увеличивается постепенно. Если цифру 587 000 принять за 100%, то возрастание отхода по десятилетиям выразится в следующих процентах: с 1861 по 1871 гг. —100%, с 1871 по 1881 гг. — 110%, с 1891 по 1900 гг. — 173%, с 1900 по 1910 гг. — 237%. Особенно велик отход за последнее десятилетие — с 1900 по 1910 гг. По отдельным, однако, годам не всегда можно отметить рост отхода: имеются случаи, когда статистика отмечает иной год снижение отхода в некоторых уездах. Во всех уездах Смоленщины отмечается снижение отхода в 1905 г. — году первой революции.

Примечание. Сравнительно с приведенными, совершенно иные сведения об отходе представляет «Общий обзор 1900 года в хозяйственно-податном отношении по Смоленской губ.» В б. Ельнинском у. отход показан в 13 000, тогда как за тот же 1900 г. в «Кратких хозяйственно-статистических сведениях по Смоленской губ.» мы имеем 17 274 чел.; в Рославльском у. — 9 500, а в предыдущем источнике — 11 947 чел.; в Краснинском у. — 7049, а в предыдущем источнике —6883 чел.; в Духовщинском у. — 5000, а в предыдущем источнике 6526 чел.; в Дорогобужском у. — 4242, а в предыдущем источнике 10 079 чел.; в Бельском у. — 2841, а в предыдущем источнике — 10 106 чел.; в Поречском у. 500, а в предыдущем источнике — 3739 чел.

Вне всякого сомнения, сведения, даваемые «Общим обзором 1900 года», не точны: в основе их лежат не те данные, что в «Кратких хозяйственно-статистических сведениях». Ср. ряд статистических курьезов, приводимых В. И. Лениным в его труде «Развитие капитализма в России» на стр. 401—402 и др.

III. ФАКТОРЫ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ, ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА, В ИХ ВЛИЯНИИ НА ГОВОРЫ

Эпоха социализма открывает новые страницы в жизни нашей социалистической Родины, а следовательно, и в жизни говоров ее населения. Колхозный строй, массовое распространение грамотности, школы, газеты, радио, избы-читальни, клубы, общение с городом

[43] См.: «Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губ.» Изд. Смоленской губ. земской управы. Смоленск, 1912.

[44] См.: Д. Н. Жбанков. Указ. соч., стр. 13.

и его культурными силами, участие в колхозном строительстве, в общественной и политической жизни страны и прочие стороны жизни в эпоху социализма оказывают огромное влияние на судьбу рассматриваемых говоров — на утрачивание ими местных диалектных черт и замену их чертами русской литературной речи.

Новые условия, в частности колхозный строй, устраняют из жизни деревни массовые отходы на заработки, сыгравшие в эпоху капитализма огромную роль в изменении говоров, и сами оказывают неизмеримо большее влияние на говоры, чем отхожие промыслы. До перехода деревни к колхозному строю отхожие промыслы имели еще большое значение, но в «Справочнике по отходу сельского населения на заработки», изд. Народного Комиссариата Труда СССР, 1928/1929. имеем цифровые данные, говорящие о снижении отхода. Справочник составлен согласно новому административному делению СССР, и в частности Смоленщины, по округам (в 1931 г.) и районам. Новое деление не совпадает с прежним делением на уезды, а отсюда часто трудно и почти невозможно сравнить отход в 1928, 1929 гг. с отходом в предыдущие годы. Например, Рославльский округ заключает в себе не только территорию прежнего (Рославльского) уезда, но и значительную часть б. Ельнинского у. (Починковский р-н, восточные части Екимовского и Рогнединского р-на, лежащие к востоку от Десны), часть б. Жиздринского у. Калужского губ. (Мокровский р-н), часть Брянского у. Орловской губ. (например, Клетнянский р-н), часть Климовичского у. Могилевской губ. (например, западная часть Ершицкого р-на) и т. д.

Цифровые данные всего отхода по Смоленскому округу за 1928/1929 г. выражаются в 21 670, тогда как в 1910 г. [45] равнялись 42786 чел., т. е. отход уменьшился почти вдвое. Однако, принимая во внимание несовпадение старых и новых административных границ, следует в некоторых случаях уменьшить цифру отхода. Так, в Рославльском округе мы находим некоторое повышение отхода: в 1928/1929 г. он равен 22 720, а в 1910 г. — 18 155 чел., но здесь надо иметь в виду значительное территориальное увеличение Рославльского округа сравнительно с б. Рославльским у., и если исключить это увеличение (особенное значение имеет б. Калужская губ. с ее сильно развитым отходом), то и здесь придется признать уменьшение отхода в пореволюционную эпоху. Также Краснинский р-н, территориально уменьшенный почти вдвое сравнительно с Краснинским у., представлял в 1928/1929 г. отход почти в 10 раз меньший, чем в 1910 г.: в 1928/1929 г. он составлял 989, а в 1910 г. — 9183 чел.

Но каковы бы ни были в силу этих условий неточности в отдельных случаях в статистических сведениях, статистика пореволюционной эпохи говорит об уменьшении отхода сравнительно с данными прошлых лет.

Изменяется также и направление отхода: основное его направление в 1928/1929 г. — свой округ и Западная область. Лишь изредка встречаем указание на Московскую область.

Как свидетельствует Д. Н. Жбанков, «отхожие заработки, или промыслы, имеют очень важное значение для всей жизни нашего крестьянства и иногда до такой степени изменяют ее, что отхожие деревни резко отличаются от оседлых: жилища, одежда, все привычки, увеселения скорей напоминают мещанскую, чем крестьянскую жизнь» [46].

---

[45] См.: «Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губ.».
[46] Д. Н. Жбанков. Указ. соч., стр. 3.

При резком изменении всей жизни сельского пролетариата и среднего крестьянства, уходившего на заработки, при приближении ее к жизни города, говор деревни, естественно, не оставался без изменения. Как мы видели, он теряет некоторые местные черты и принимает ряд черт русского литературного языка. Наоборот, в местах со слабым отходом или с отходом внутрь Смоленщины говоры не характеризовались этими изменениями.

Уменьшение отхода в связи с развитием колхозной жизни (речь идет о 1931 г.) не привело, однако, к ослаблению изменений в говорах по пути изжития ими местных черт. Наоборот, здесь видим как раз обратное — быструю утрату диалектных особенностей речи. Появилась, следовательно, новая сила, которая повлекла за собой местные говоры по пути широкого влияния на них русского литературного языка. Великая Октябрьская социалистическая революция принесла с собой новые факторы влияния на говоры. К таким факторам прежде всего относится школа.

До второй половины XIX в. влияние школы почти не затрагивало крестьянства. В учреждениях в 1788 г. «Малых народных училищах» обучались главным образом дети купцов и мещан; дети же крестьян, в том числе и дворовых, составляли незначительный процент[47] из огромной массы тогдашнего крестьянства, и грамотность почти не коснулась его. Одноклассные же и двухклассные сельские училища, а также начальные школы появляются лишь во второй половине XIX в. По данным статистики, в 1881 г. одноклассных сельских училищ в б. Смоленской губ. было 25, двухклассных — 21 и начальных школ — 240[48]. Всего училось в одноклассных школах 1195 чел. (1070 мальчиков и 125 девочек), в двухклассных — 1382 (1290 мальчиков и 92 девочки) и в начальных народных школах 9 865 (8 303 мальчика и 1 562 девочки). К сожалению, в этих сведениях нет указаний на отношение числа учащихся в училищах и школах ко всему крестьянскому населению. Без этих данных труднее судить о влиянии школы, т. е. грамотности, на местные говоры. Удовлетворительные сведения дают статистические данные на 1 января 1911 г.[49] Здесь имеются сведения, показывающие в процентах отношение общего числа учащихся в начальных школах в уезде ко всему населению отдельных уездов. На первом месте стоит Дорогобужский у. — 6,8%, на втором Краснинский — 6,1%; далее идут уезды: Смоленский — 6%, Бельский — 5%, Духовщинский — 4,9%, и Поречский (Демидовский) — 3,7% и т. д.

Этот процент грамотных невелик, и едва ли школы в дореволюционную эпоху существенно могли влиять на местные говоры. Главным фактором влияния на говоры в дореволюционное время оставался отход. Лишь после революции он уступил свое место школе и другим факторам, порожденным революцией: всеобщей грамотности, книге, журналу, газете, радио, театральной постановке, лекциям специалистов по разным вопросам и т. п. Эти факторы захватывали уже не отдельных лиц, а крестьянские массы, преимущественно деревенскую молодежь и лиц среднего возраста. Уже в 1930 г. во время диалектологических поездок по Смоленщине приходилось наблюдать резкую разницу в говорах грамотной и неграмотной части населения.

Грамотность поднимает спрос на книгу и газету. Удовлетворение этого спроса благодаря библиотекам, избам-читальням оказывает

---

[47] См. М. В. Аксенов. Очерки из истории народного просвещения в Смоленском крае. Смоленск, 1909.

[48] См. Ф. Ф. Шперк. Очерк народного образования в Смоленской губ. «Памятная книжка Смоленской губ. на 1899».

[49] «Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губ.».

гораздо большее влияние на язык, чем отход в дореволюционное время.

Наконец, участие деревни в общественной жизни, постоянная связь ее с городом, общение с его культурными силами, быстро развивающаяся колхозная жизнь (речь идет о 1931 г.) с вовлечением в нее широких масс крестьянства, радио, газета, связь с крупными культурными центрами и ряд других явлений революционной эпохи окончательно приближают деревню к городу, способствуют уничтожению противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

В результате всего вышеизложенного говоры изучаемой территории Смоленщины, восприняв ряд черт от русских говоров, взамен своих местных черт, подчас белорусского происхождения, стали смешанными и идут по пути слияния с русским национальным языком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путь, пройденный говорами Смоленщины, сопоставление ранних их записей с позднейшими, утрата ряда белорусизмов или колебание между ними и русизмами с явной склонностью в сторону последних и наконец указанные выше условия жизни в эпоху социализма со всеми воздействующими на говоры факторами — все это дает основание полагать, что в дальнейшем наблюдателям говоров Смоленщины придется уже отмечать как окончательную стабилизацию русских явлений в области звуков, форм, синтаксиса и словарного состава там, где во время собирания мною диалектологических материалов (1929—1931 гг.) они представляли еще колебания, так и исчезновение из говора тех местных черт, которые еще держались в это время в говорах.

Дата окончания моего исследования — 28/VII 1944 г. Некоторые изменения и дополнения были внесены в него в связи с дискуссией по вопросам языкознания (1950 г.).

Все прочие работы по говорам Смоленщины, вышедшие после 1943 г., как-то: статья В. И. Борковского о грамоте 1229 г., работа С. М. Успенского о языке смоленских грамот XII—XIV вв., материалы А. М. Кустаревой к изучению говоров Смоленщины, рецензия Р. И. Аванесова на смоленский «Филологический сборник» 1950 г. и др. — мною не использованы.

Заканчивая свой труд, потребовавший большой напряженной работы в течение ряда лет, скажу, что я был бы весьма счастлив, если бы он был использован и в практических целях — если бы отмеченные в нем диалектизмы были учтены местными учителями в борьбе за чистоту и правильность нашего великого русского языка на Смоленщине.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предмет и задачи исследования 3

Введение

Территория Смоленщины по данным археологии 5

Диалектные границы говоров, относимых в XIX—XX вв. к белорусским, и отношение их к границам, по данным археологии 9

Отдел первый

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОВОРОВ 11

I. Памятники письменности XIII—XVIII вв. 11

II. Материалы для характеристики современных говоров (XIX—XX вв.) . 12

а) Печатные источники 12

Статьи по фольклору и этнографии, содержащие материалы для характеристики говоров 12

Статьи, характеризующие отдельные говоры, и ответы на диалектологические программы 13

б) Рукописные источники 14

Рукописные материалы Российской Академии наук 14

Рукописные материалы Академии наук БССР 14

Рукописные материалы Западного областного архивного бюро . . 14

Рукописные материалы Ученого архива Русского географического общества 14

Рукописные материалы частных лиц 15

Рукописные ответы на полную программу Российской Академии наук 15

Рукописные ответы на программу Академии наук БССР . . . 15

Рукописные ответы на «Анкету по говорам Смоленщины» . . . 15

Личные наблюдения автора 15

III. Критика источников как лингвистических материалов 15

Отдел второй

ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ 30

I. Фонетика 30

Гласные звуки 30

Гласные ***о*** и ***е*** на месте ***а*** под ударением 30

Гласный ***о*** на месте ***е*** под ударением 31

Гласные неверхнего подъема в безударных слогах: 33

а) Первый предударный слог 33

б) Второй и прочие предударные слоги 45

в) Заударные слоги 47

Гласные верхнего подъема в безударных слогах 50

Редукция звука ***у*** 50

Редукция звука ***ы*** 51

Редукция звука ***и*** 51

Лабиализация неударяемого *о* 52
Переход *у* и *и* в редуцированные и неслоговые звуки 54
Судьба этимологического *ѣ* 54
Гласные *ы, и* и *о, е* на месте древнерусских напряженных редуцированных перед *ц* (*j*) 55
Гласные *ы, и* и *о, е* на месте древнерусских редуцированных в сочетаниях плавного с редуцированным между согласными 60
Согласные 60
Звонкие и глухие согласные 60
Сонорные согласные 61
Звук *р* 61
Звук *л* 63
Смешение твердого и мягкого *л* 67
Губные 68
Звуки *б, п, в, м* 68
Замены звука *в* 69
Замены звука *ф* 72
Зубные 74
Мягкие *д* и *т* 74
Мягкие и твердые *з* и *с* 75
Звуки *ж* и *ш* 76
Задненебные 77
Старые чередования задненебных со свистящими и шипящими в некоторых морфологических категориях 79
Качество аффрикат *ч* и *ц* 81
Смешение *ч* и *ц* 84
Аффриката *дж* 86
Звук, обозначаемый буквой *щ* 87
Явления ассимиляции 88
Удвоение согласных 93
Спорадически твердые и мягкие согласные 94
Развитие звука *w* перед начальными *о* и *у* и перед *а*, восходящим к *о*, а также внутри слова между гласными 94
Исчезновение звуков 96
II. Морфология 98
1. Именное склонение 98
а) Склонение имен мужского рода, восходящих к старым основам на *ŏ, jŏ, ŭ, ĭ* и *а* 98
Об особенностях в склонении некоторых слов и о собирательных формах 103
б) Склонение имен женского рода 104
Основы на *а* 104
Основы на *ĭ* 106
Основы на *r* и *ū* 106
Переход слов из одной основы в другую и из одного рода в другой 107
в) Склонение имен среднего рода 107
Основы на *о* 107
Основы на *s* 109
Основы на *n* 109
Основы на *t* 109
Слова, имеющие только формы множественного числа . . . 109
2. Местоименное склонение 110
а) Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение 110
б) Диалектные соответствия местоимениям с основой на твердые согласные 111

в) Местоимения с основой на мягкие согласные и местоимение *что* . 117
3. Сложное склонение 118
4. Сравнительная степень 123
5. Замечания о некоторых формах количественных числительных . . . 123
6. Спряжение 123
Тематические глаголы 123
Настоящее время 123
Замечания о некоторых формах глагола 127
Прошедшее время 128
Формы давнопрошедшего времени 128
Будущее время 128
Повелительное наклонение 128
Условное наклонение 129
Глаголы с основой на задненебные, губные и зубные согласные . 129
Нетематические глаголы 129
7. Неспрягаемые глагольные формы 130
а) Неопределенная форма глагола 130
б) Причастия и деепричастия 132
8. Наречия и служебные части речи 133
9. Отрицания 143
10. Заметки по словообразованию 143
11. Замечания об ударении 146
III. Замечания о словарном составе говоров 148
IV. Синтаксис 151

Отдел третий

ГОВОРЫ В ИХ РАССЛОЕНИИ 163
I. Говоры переселенцев из БССР 163
II. Говоры передовых людей 167
III. Говоры на текстильной фабрике в г. Ярцеве 170
IV. Говоры дворовых крестьян в конце феодально-крепостнической эпохи . 173
1. Материалы для характеристики говоров дворовых крестьян 173
2. Характеристика говоров дворовых крестьян 176
а) Говоры дворовых, не имевших отношения к помещичьей администрации 176
б) Говоры дворовых, входивших в состав помещичьей администрации 177
V. Ход исторического процесса изменения говоров 180

Отдел четвертый

ГРАНИЦЫ ГОВОРОВ 182
Исследуемые говоры среди других русских и белорусских говоров 184

Отдел пятый

ФАКТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ГОВОРЫ 185

Отдел шестой

ПРИЧИНЫ СМЕШАННОГО ХАРАКТЕРА ГОВОРОВ СМОЛЕНЩИНЫ 189
I. Главнейшие факты из истории Смоленщины в их влиянии на смешанный характер говоров 189
II. Экономическое состояние смоленской деревни в эпоху капитализма как одна из причин изменения говоров в Смоленщине 196
III. Факторы пореволюционной эпохи, эпохи социализма, в их влиянии на говоры 200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 204

П. А. Расторгуев

Говоры

на территории Смоленщины

*

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Д. Э. Розенталь*
Технический редактор *Е. В. Макуни*

*

РИСО АН СССР № 32-111В. Сдано в набор 24/XII 1959 г.
Подписано к печати 17/VIII 1960 г.
Формат $70 \times 108^1/_{16}$. Печ. л. 13=17,81 усл. печ. л. Уч.-издат. л. 17,75.
Тираж 1300 экз. Т-10545. Изд. № 2892. Тип. зак. № 536

Цена 12 руб., с 1/I 1961 г. — 1 р. 20 к.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
42	23 сн.	(Но *тра́вы*)	(Но *травы́*)
70	7 св.	*дсўкў*	*деўку*
87	30 св.	*пращч'алис'*	*прашч'алис'*
87	1 сн.	*яшши́к*	*я́шшик*
125	2 сн.	*жыи'от'*	*жыw'от'*
130	29 св.	*ц̯ас'тó*	*ц̯ас'т'ó*
142	12 св.	*н'емн'óгъ*	*н'емнóгъ*
164	32 св.	*нъ бóл'ьц̭ь,*	*нъ бóл'ьц̯ъ*
164	11 сн.	*н'ьбъγáтьγъ*	*н'ьбъγáтъγъ*
164	4 сн.	*ч'ты́р'ъ*	*ч'ьты́р'ъ*
165	19 сн.	гласными	согласными
169	20 сн.	*зъкры́wат'*	*зъкрыwáт',*
171	15 сн.	*д'еw'анóсть*	*д'еw'анóстъ*

П. А. Расторгуев